КЭТРИН М.

ВАЛЕНТЕ

СИЯНИЕ

ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА В КАТЕГОРИИ «НФ И ФЭНТЕЗИ»
ПО ВЕРСИИ BUZZFEED, IO9, KIRKUS REVIEWS И RT BOOK REVIEWS

КЭТРИН М. ВАЛЕНТЕ СИЯНИЕ

Сияние

Кэтрин Морган Валенте

Аннотация
Кэтрин Валенте. Сияние
ХРОНОЛОГИЯ
МЕСТА ДЕЙСТВИЯ
ЯВИТЕСЬ!
ОХ УЖ ЭТИ СКАНДАЛЬНЫЕ ЗВЁЗДЫ!
Часть первая:. БЕЛЫЕ СТРАНИЦЫ
СИЯЮЩАЯ КОЛЕСНИЦА, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ ВЛЕКОМАЯ
ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА
ПРЕДПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО «ТЁМНО-СИНЕМУ ДЬЯВОЛУ»
«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»:. ПРИДИ И НАЙДИ МЕНЯ
КИНОХРОНИКА
ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА
«АВТОПОРТРЕТ С САТУРНОМ»
ОХ УЖ ЭТИ СКАНДАЛЬНЫЕ ЗВЁЗДЫ!
ПОСМОТРИТЕ ВНИЗ
РУКОВОДСТВО ИНЖЕНЮ

СУДОВОЙ МАНИФЕСТ МАЛОГО ТОРГОВОГО СУДНА «МОЛЛЮСК»
МИЛУЮ Я БРОСИЛ ПОД ДОЖДЁМ
«СКОЛЬКО МИЛЬ ДО ВАВИЛОНА?»:. Эпизод 764
ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА
«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»:. ДАМА, О КОТОРОЙ ИДЁТ РЕЧЬ
ОТБОЙ
Часть вторая:. СИНИЕ СТРАНИЦЫ
«СИЯЮЩАЯ КОЛЕСНИЦА, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ ВЛЕКОМАЯ»
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ,. «ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»
«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»:. МОЙ ГРЕХ
«ВАШ ДРУГ ПЛУТОН!»
«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»:. TOTENTANZ
ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА
«И МОРЕ В ТОТ ЖЕ МИГ ПРИПОМНИЛО...»
ВЗГЛЯНИТЕ НА ЕЁ ЛИЦО
«ПРОИСШЕСТВИЕ НА МИРАНДЕ»
РУКОВОДСТВО ИНЖЕНЮ

«СКОЛЬКО МИЛЬ ДО ВАВИЛОНА?»:. ЭПИЗОД 1
ГОЛОС ЕГО ХОЗЯИНА
ОХ УЖ ЭТИ СКАНДАЛЬНЫЕ ЗВЁЗДЫ!
«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»:. УБИЙСТВО ГОНЗАГО
«КАЛЛИОПА — БЕЗЗАБОТНЫЙ КИТ»
Часть третья:. ЗЕЛЁНЫЕ СТРАНИЦЫ
«СИЯЮЩАЯ КОЛЕСНИЦА, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ ВЛЕКОМАЯ»
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ,. «ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ». «СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»
«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ». «СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»:. КРАЙ МОЛОКА И ЖАЖДЫ
«КОРОЛЕВА ГОЛОДА С ФОБОСА»
ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА
РУКОВОДСТВО ИНЖЕНЮ
КАНЗАС
ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА
«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ». «СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»:. ДОМ, ГЛАЗ И КИТ
ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ

АЛЬФРЕДА АНКА
«ТЁМНО-СИНИЙ
ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ».
«СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»:. ЧАЕПИТИЕ С
МИСТЕРОМ БЕРГАМОТОМ
Часть четвёртая:. ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ
«СИЯЮЩАЯ КОЛЕСНИЦА, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ
ВЛЕКОМАЯ»
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ. «ТЁМНО-
СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ
МАСКЕ». «СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА». «И КОЛЬ
ОНА НЕ УМЕРЛА, КАК ПРЕЖДЕ ТАМ ЖИВЁТ»
«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В
МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ». «СОН МАЛЬЦОВОГО
ДОКТОРА». «И КОЛЬ ОНА НЕ УМЕРЛА, КАК
ПРЕЖДЕ ТАМ ЖИВЁТ»:. ДЕЛО О ПРОПАВШЕЙ
ДОКУМЕНТАЛИСТКЕ
ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ
АЛЬФРЕДА
ГРАЙИ
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ОТКРЫТКА, ОТПРАВЛЕННАЯ
Ц. БРАСС, ДЛЯ ВРУЧЕНИЯ ЧЕРЕЗ «ОКСБЛАД
ФИЛМЗ», ЙЕМАЙЯ, ДЕКАБРЬ 1952 Г.
РУКОВОДСТВО ИНЖЕНЮ
«СКОЛЬКО МИЛЬ ДО ВАВИЛОНА?»:. ЭПИЗОД 974
«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ». «ЧЕЛОВЕК В

МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ». «СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА». «И КОЛЬ ОНА НЕ УМЕРЛА, КАК ПРЕЖДЕ ТАМ ЖИВЁТ»:. ДЕЛО О РАССКАЗЧИЦЕ, КОТОРАЯ ОПЯТЬ ВЕРНУЛАСЬ
Часть пятая:. КРАСНЫЕ СТРАНИЦЫ
ГЕРОЙ ДНЯ
ПРОЩАЙТЕ
«ВОЮЩИЙ» И «ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРА»
БЛАГОДАРНОСТИ

Аннотация

Северин Анк — дочь знаменитого режиссера готических драм в альтернативном прошлом, где эра звуковых фильмов так и не наступила. Северин не по нраву фильмы отца, полные страстей, интриг и призраков, поэтому она решает сделать карьеру документалиста и отправляется в путешествие по Солнечной системе, изучая культы левитаторов на Нептуне или нелегальные салуны на Марсе. Ведь это не наш мир и не наша Вселенная, а воплощенная утопия, где каждая планета обитаема, космос полон приключений, а люди путешествуют в изящных комфортабельных ракетах. Вот только даже в этом прекрасном мире существуют опасности, и последний фильм Северин приводит ее к загадке исчезнувшей подводной колонии на Венере, населенной огромными созданиями, размером с целые острова. И эта загадка окажется гораздо страшнее и мрачнее, чем думала как сама Северин, так и земляне вообще, и есть большая вероятность того, что с этих съемок далеко не все вернутся живыми.

КЭТРИН М.

ВАЛЕНТЕ

СИЯНИЕ

Издательство АСТ
Москва

Кэтрин Валенте
Сияние

Хиту, который поведал мне о свете, и моему отцу, который научил меня правилам съёмки

ХРОНОЛОГИЯ

(Некоторые даты указаны приблизительно, ввиду известных проблем с согласованием стандартного и транзитного субсветового календарей)

1858: Конрад Верныгора и Карлотта Ксантея запускают «Древо познания» с Гавайских островов (Земля)

1872: В Марракеше (Земля) на свет появляется Вайолет Эль-Хашем

1876: Основана корпорация «Мальцовое молоко Хатор»

1883: Родился Персиваль Анк

1891: Родилась Мэри Пеллам

1902: Прозерпина, американская колония на Плутоне, уничтожена. Причины неизвестны

Август 1908: Первая значимая роль Мэри Пеллам («Встретимся на Ганимеде», реж. Эстер Хименес-Штерн)

24 марта 1914: Первый эпизод «Сколько миль до Вавилона?» транслируют по всей внутренней Солнечной системе

19 октября 1914: В Титоне (Луна) появилась на

свет Северин

6 января 1915: Премьера «Красного зверя Сатурна» (реж. Персиваль Анк)

15 января 1916: В местечке Гуань-Юй (Марс) родился Эразмо Сент-Джон

1917: Энио, русский шахтёрский посёлок на Марсе, уничтожен. Причина неизвестна

3 июля 1919: Премьера «Нет владыки над надеждой» (реж. Персиваль Анк)

1921: Северин впервые видит Мэри Пеллам в «Соблазнении мадам Мортимер» (реж. Таддеус Иригарей)

1922: Персиваль Анк и Мэри Пеллам женятся

1924: Выходит «Похищение Прозерпины» (реж. Персиваль Анк)

3 июля 1924: В Адонисе (Венера) появляется на свет Анхис Сент-Джон

14 января 1930: Из гавани Титона вылетает яхта «Ахелоида», на борту которой устраивают вечеринку в честь завершения съёмок «Происшествия на Миранде» (реж. Таддеус Пригарей)

1936: Выходит «Автопортрет с Сатурном» (реж. Северин Анк)

Рождество 1937: Между Эразмо и Северин возникает романтическая связь

1938: Выходит «Королева голода с Фобоса» (реж.

Северин Анк)

1939: «Камень в свивальнике» отправляется во Внешнюю систему

1940: Построен «Моллюск»

1940: Пятая венерианская перепись населения, последнее документальное свидетельство о деревне Адонис

1941: Выходит «И море в тот же миг припомнило…» (реж. Северин Анк)

1943: Выходит «Спящий павлин» (реж. Северин Анк)

Июнь 1944: Московская всемирная выставка / «Моллюск» отбывает на съёмки «Сияющей колесницы, воробьями твоими влекомой» (реж. Северин Анк)

16 ноября 1944: «Моллюск» приземляется на станции Белый Пион, для проведения главных съёмок «Сияющей колесницы»

21 ноября 1944: Съёмочная группа «Сияющей колесницы» отбывает со станции Белый Пион

1 декабря 1944: Съёмочная группа прибывает в Адонис (Венера), происходит первый контакт

2 декабря 1944: Начинаются слуховые феномены

3 декабря 1944: Северин исчезает

1946: Эразмо Сент-Джона допрашивают на сту-

дии «Оксблад»

10 октября 1947: Похороны Северин in absentia[1]

1951: Похороны Северин

1959: Начинается производство «Тёмно-синего дьявола» (реж. Персиваль Анк)

Весна 1959: Посмертная публикация книги Эразмо Сент-Джона «Голос, которого нет»

1960: Существенная переработка «Тёмно-синего дьявола», смена названия на «Человек в малахитовой маске» (реж. Персиваль Анк)

Зима 1961: Существенная переработка «Человека в малахитовой маске», смена названия на «Сон Мальцового Доктора» (реж. Персиваль Анк)

Лето 1961: Существенная переработка «Сна Мальцового Доктора», смена названия на «И коль она не умерла, как прежде там живёт» (реж. Персиваль Анк)

Декабрь 1961 — октябрь 1962: Съёмки ~~«Тёмно-синего дьявола»~~ ~~«Человека в малахитовой маске»~~ ~~«Сон Мальцового Доктора»~~ «И коль она не умерла, как прежде там живёт»

---

[1] Примечания: 1

В отсутствии (*лат.*) — *здесь и далее примеч. пер.*

МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

Луна —
Меркурий —
Венера —
Земля —
Марс —
Юпитер —
Сатурн —
Уран —
Нептун —
Плутон —

Будучи не в силах вернуться по своим следам во Времени, мы приняли решение двигаться вперёд в Пространстве. Неужто никогда мы не сумеем скользнуть *вверх* по течению реки Времени и взглянуть на дом, где прежде жили, и людей, которых знали? Возможно, когда фонограф и кинезиграф усовершенствуют и какой-нибудь трудяга грядущего решит проблему цветной фотографии, наши потомки сумеют обмануть самих себя чем-то очень похожим, но им достанется всего лишь пустая скорлупка — бездушный фантом, и ничего кроме. «Но как тяжко о мертвой руке тосковать, слышать голос, которого нет!»[2]

Вордсворт Дониспорп, изобретатель кинезиграфа

[2] Примечания: 2

Как и название упомянутой раньше книги Эразмо Сент-Джона, это цитата из стихотворения Альфреда Теннисона «Break, break, break» («У моря», пер. С. Маршака).

Свет создаёт фотографию. Примите свет. Восхититесь светом. Полюбите свет. Но прежде всего — познайте свет. Познайте его всеми фибрами души, и вы получите ключ к фотографии.

***Джордж Истмен*[3]**

Говорящие картинки — это всё равно что помада на губах Венеры Милосской.

Мэри Пикфорд

[3] Примечания: 3

Джордж Истмен (1854–1932) — американский предприниматель и изобретатель, основатель компании «Eastman Kodak».

ЯВИТЕСЬ!

Явитесь. Явитесь из летней жары и роя мошкары. Явитесь из той атаки на все чувства, подвергающей усиленному обстрелу палочки и колбочки, барабанные перепонка и волосковые клетки. Явитесь из лучей великого солнечного прожектора, который скользит по белым пескам, превращая каждого — и, следовательно, никого — в звезду.

Ступите внутрь и повстречайтесь с Прологом.

Там, где вы оказались, темно. Вокруг царят доброжелательные тьма и прохлада. Что бы ни случилось, Пролог приветствует вас радушно, принимает безоговорочно, ведёт себя любезно, предоставляя всё необходимое для того, чтобы вы сумели справиться с тем, что будет дальше. Пролог терпелив. Ему частенько говорили, что в нём нет совершенно никакой необходимости, он всего лишь нарост на истории, который мудрый

доктор должен срезать. Время от времени Прологу случалось обнаружить, что двери в более фешенебельные заведения для него закрыты — те заведения, где горят свечи и блистает хрусталь на устланных белым столах, подготовленных для элегантно одетых In medias res[4] *— совершённого в полночь изысканного убийства или справного музыкального номера. Пролог не переживает из-за этого. Он был в моде, когда пьесы ещё начинались с жертвоприношений; если застать его в нетрезвом виде, Пролог расскажет, что любое представление, в котором действие возникает спонтанно, без пары тёлок, горящих посреди авансцены, по-прежнему кажется ему весьма безвкусной затеей. Пролог — прародитель историй и владыка публики. Он знает, что зрителей надо вовлекать в происходящее неторопливо, обучая их тому, как себя вести. Требуется всего лишь немного музыки; спокойная игра световых пятен; проблеск обнажённой кожи; хороший, крепкий монолог, чтобы ввести всех в курс событий, а иначе известие о том, кто станет королём Шотландии, будет им так же нужно,*

---

[4] Примечания: 4

«В середине дела» (*лат.*) — термин традиционной поэтики, обозначающий начало действия или повествования с центрального эпизода фабулы, без экспозиции, предыстории и пр.

как ведьме третья титька.

В прологе вы снимаете пальто. Расслабляетесь. Оставляете туфли у порога. Призываете музу, раскладываете флеш-рояль богов, коих хотите привлечь к делу. О муза, о богиня. Пой, говори, плачь. Излей на меня песнь гневную. Сдай мне оружие и беглеца. Схвати горн и изобрази мне голос многомудрого путешественника, который не смог вернуться домой. Прибереги кресло в первом ряду для демиурга в маске, тёплое местечко для неугомонного старого Мира-в-Пустоте, или пеняй на себя.

Итак, входите. Пусть глаза ваши привыкнут. Нам ваши глаза понадобятся. Пусть зеленовато-жёлтый кругляш солнечного послеобраза растворится в черноте, которую мы заботливо обеспечили. Половицы скрипят под ногами: гладкие, пружинистые доски, зелёные, как оливка в мартини, только что из лесов Ганимеда. Под жёлтой политурой можно учуять их запах. Пепел и медь. Пусть тьма дочиста выскоблит ваши уши, выскребет из них пузырящуюся шампанскую какофонию мира, который вы только что оставили позади. Пам нужны ваши уши. И ещё нам нужны ваши руки. Мы ведь все приматы, в конце концов. Мы любим прикасаться; мы

любим ощупывать предметы. Ничто не реально, пока ты не можешь до него дотронуться. Со временем зрение обретёт чёткость; тени рассеются и разделятся как занавески. Ваши беспокойные пальцы обнаружат страницы, фотографии, большие и малые предметы — большей частью малые, — расположенные на подставках из уранского солевого камня, высеченных в виде вздыбившихся, увенчанных пеной волн, которые как будто вручают вам на хранение останки некоего кораблекрушения.

Идите, идите же сюда, здесь столько ещё можно увидеть.

Но не садитесь, нет. Нам надо, чтобы вы стояли. Тут у нас проектор, прямо тут — осторожнее, сэр, — справа от вас. И ещё один — берегите юбки, мадам, — слева. Но экрана вы не увидите. Вы и есть экран. Если вы соберётесь все вместе… да, именно так, встаньте рядком, как славные маргаритки. Высокие позади, низенькие в первом ряду. Итак, если вам удобно, мы можем начинать.

Это история о том, как видеть. Это история о том, как быть увиденным. Всё прочее — лишь средство. Уши помогают; руки утешают. Значение имеют только глаголы, связанные со зрением: гляди, смотри, узри, заметь. Вглядись.

Созерцай. Засвидетельствуй. Глаз — наш владыка, и глаз поклоняется свету. То, что творит свет, суть благо; то, что его отнимает, суть страх. Мы забрали у вас свет, но вернём. Судите об этом так, как сочтёте нужным.

Господь — уж простите за столь громкое заявление в самом начале нашего знакомства — это глаз.

Было бы гораздо лучше, если бы вы согласились разоблачиться. Кожа — самый сокровенный и безупречный из экранов. Но поскольку вы явились из такого множества портов и сторон света, мы не ждём, что ваши табу по части приличий безупречно совпадут с нашими… О, спасибо, мисс, вы очень любезны. И вы, сэр, мы у вас в большом долгу. У почтенной дамы сложности с костюмом; вы не могли бы ей помочь, юная леди? Спасибо. Вы проявили чудесное великодушие и отсутствие предрассудков. Вы зрители, каких мы не заслуживаем. Возможно, вы почувствовали облегчение, сбросив шелка и кожу после такой жары? Как бы там ни было, мы потрясены. Мы попытаемся в той же степени обнажиться, в той же степени оголиться, сделаться в той же степени уязвимыми для радужки и зрачка, чьи укусы всегда намного яростней зубов.

Шум и стрёкот проекторов похожи на шум ветра, что внезапно поднялся *посреди широкой пустыни. Посмотрите вниз. Вы видите, как женщина с тёмными волосами и грустными глазами молча движется по вашим животам, вашим грудям, вашим бёдрам, вашим лодыжкам. Перевёрнутая, обесцвеченная, мерцающая. Изогнутая и рассечённая изгибами ваших тел и возрастом плёнки. Вы её видите такой же, какой видите всех в этом мире: искажённой, перекошенной, перевёрнутой, преломлённой, искривлённой, изувеченной временем.*

Возможно, вы узнаёте сцену. В конце концов, когда-то это был известный фильм. Когда-то она была знаменитой. Я слышу, как вы называете её по имени, сэр, — но это наше представление, так что умоляем позволить нам раскрыть всё в нужный момент.

Заметьте: в кино на вашей груди — день. Съёмочная группа готовится к утренним съёмкам. Ведущий оператор, массивный широкоплечий малый с элегантными усами, бреется перед зеркалом, прибитым к дереву какао. Зеркало висит под ухарским углом, наполовину воткнутое в бархатистую чёрную кору. По этому дереву вы понимаете, что растёт оно на поверхности Ве-

неры, недалеко от моря. Позднее лето. На линзе объектива поблескивают капельки дождя.

Да, мой дорогой друг, вы и его тоже знаете по имени. Вы чертовски умны.

Ведущий оператор использует опасную бритву с инкрустацией в виде резной пластинки из окаменелых водорослей. Вы её найдёте у восточной стены. Не бойтесь; острой она не была со времён своей развратной молодости. Лезвие принадлежало его дедушке, матросу с торгового корабля, который играл на фаготе — чрезвычайно непрактичный инструмент для моряка, но как же старик любил свою дудку![5] Резьба на рукояти изображает морского змея, и каждая его чешуйка, круглая как ноготок, вырезана с любовью. Ведущий оператор обнажён по пояс, и кожа его тёмная, как неотснятая киноплёнка, лицо угловатое и широкое. В зеркале он замечает женщину и резко поворачивается, чтобы подхватить её на руки. Он её целует — звучно, но вы не слышите, — и пачкает её лицо кремом для бритья. Она бесшумно смеётся и бьёт его кулаком по руке; он отстраняется, изображая мучительную боль. Милая сцена. Некая призрачная досада загорается

---

[5] Примечания: 5

Отсылка к произведению С. Т. Кольриджа «Поэма о Старом Моряке» («Сказание о Старом Мореходе»).

и гаснет в глазах женщины, точно фотовспышка, и самоуничтожается, превращаясь в любовь.

Заметьте: в кино на ваших ногах — вечер. Маленький мальчик в комбинезоне мальцового ныряльщика опустив голову бродит по кругу там, где раньше располагался центр посёлка под названием Адонис. Дома и постройки выглядят так, словно их исполосовали огромными рогами: разодранные, вскрытые. Руины покрывают длинные, неряшливые полосы чего-то, похожего на белую краску. Но это не краска. Адонис, потерянный город, уничтоженный, стёртый с лица земли без причины, без предупреждения. Загадка, которая заставила женщину пересечь космос и приземлиться посреди алых морей Венеры. Мальчик не поднимает головы, пока камера за ним наблюдает. Он не понимает, что его видит съёмочная группа, грядущая публика, мы. Он не видит собственного эха; он не слышит собственной проекции. Он просто кружит, кружит, кружит, снова и снова. Испорченная плёнка пропускает кадры и дёргается; мальчик как будто движется по кругу рывками, то появляясь, то исчезая из поля зрения. Облака медленно опускаются длинными, расплывчатыми спиралями. Целлулоид превращает безжалостное апельси-

новое солнце Венеры в ослепительно-белую новую звезду. За мальчиком и руинами из пенного моря под названием Кадеш выглядывают перламутровые острова: мальцовые киты — целая стая, молчаливая, недвижная и бледная.

Итак. Вглядитесь, узрите, свидетельствуйте: третий проектор включается, дрожа, он видит, но остаётся невидимым, спрятанным за занавесом. Он направляет луч света на смеющуюся пару, крем для бритья, бритву, что когда-то принадлежала дедушке, любившему играть на фаготе. Изображение поверх изображения поверх плоти. Кажется, что женщина покидает объятия возлюбленного и вступает в бальный зал, внезапно превратившись в девочку с надутыми губами и кислым выражением лица, почти утопающую в жёстком кружеве и кринолине — наряде в духе одного из тех старых готических фильмов, которые мы так любим; может, вы его назовёте, сэр? Вы так много знаете; я ни на миг не поверю, что вы не вспомнили о «Призраках Моря Облаков», чудесном и омерзительном шедевре, благодаря которому режиссёр, Персиваль Анк, получил первую награду Академии. На вашей прекрасной груди разворачивается классическая сцена в бальном зале, где злодейку в окровав-

ленной одежде настигает давно заслуженная кара. Маленькую девочку мы видим присевшей на корточки с несчастным видом возле фонтана с рисовым вином, где она грызёт ногти и плюётся отгрызенными кусочками в кружащихся танцоров. Великолепные платья вальсирующих призраков скользят мимо её лица, точно вуали.

Прошу вас, леди и джентльмены! Ваши протесты разрушают таинственную тишину нашей маленькой вселенной. Я вижу, вы буквально из кожи вон лезете. Вы должны быть готовы к этим перерывам, переменам, пересечениям. Они необходимы. Они — выдохи мертвецов. Люди не движутся упорядоченным образом от одной сцены к другой. Случайность подмяла под себя память; надежда и ужас раскинулись сверху. Наши дни и ночи — их бесконечные оргии.

Итак, слушайте: наш фонограф, потрескивая, издаёт голоса мужчины и маленькой девочки, той самой девочки, которая в этот миг мелькает серебром и чернотой на ваших бедрах, прижимает к лицу сжатые кулачки под пиршественным столом кровожадной Кларены Ширм.

— Сколько начал может быть у истории, папа?

Мужчина посмеивается. Смешок у него милый,

табачно-бархатистый, и этот смешок говорит: «О, какие вопросы задаёт моё дитя!»

— Столько, сколько влезет, ягнёночек. Но только одна концовка. Или, может быть, всё наоборот: одно начало, но целая пасхальная корзина концовок.

— Папа, не говори глупости, — выговаривает ему девочка тоном, который свидетельствует о привычке добиваться своего. — История должна где-то начинаться. И потом она должна где-то закончиться. В этом весь смысл. Так всё устроено в реальной жизни.

Мужчина снова смеётся. Вам нравится его смех. Мне нравится его смех. Мы не можем ничего с собой поделать, нас охватывает благорасположенность к человеку, который так смеётся, хотя на самом деле смех ему не принадлежит — он выучил этот смех в университете, прилежно скопировал у любимого профессора по сценарному мастерству, как вы или я могли бы скопировать то, что сосед написал на экзамене.

— Но в реальной жизни всё происходит совсем не так, Ринни. Реальная жизнь состоит из начал. Дни, недели, дети, путешествия, свадьбы, изобретения. Даже убийство представляет собой начало убийцы. Возможно, серийного убийцы.

Всё есть пролог. Каждая история по сути своей заика. Она всё начинается и начинается, пока ты не выключишь камеру. В половине случаев ты даже не понимаешь, что выбор блюд к завтраку представляет собой начало истории, которая не сложится, пока тебе не исполнится шестьдесят и ты не уставишься на пирожное, сделавшее тебя вдовцом. Нет, любовь моя, в реальной жизни можно прожить весь отпущенный тебе срок, не закончив ни одной истории. А иной раз даже не начав как следует.

— Папа, ты заговариваешься. Ада говорит, ты должен прекратить так делать. Она говорит, ты как шар, заполненный горячим воздухом.

— Уверен, я много чем заполнен. Ну ладно, раз уж ты так любишь правила! Я прямо сейчас придумаю для тебя несколько, чтобы моя малютка не бродила по миру, похожему на суп из историй, приготовленный без рецепта. У рассказа может быть в точности три начала: одно для публики, одно — для творца, и одно — для бедного засранца, которому придётся всё пережить.

Сквозь треск фонографа льётся смех, словно мелодичный водопад. Девочка понижает голос до шёпота:

— Я люблю, когда ты говоришь нехорошие

слова.

И в этот миг ребёнок выпрыгивает из фантасмагорической массы танцующих привидений, из кадра, из «Призраков Моря Облаков», и сливается, мерцая, с фигурой венерианского мальчика, чьё серьёзное лицо так похоже на её собственное, и он продолжает нарезать бесконечные круги на серой лужайке.

Зовут её Северин Анк. Ей десять лет. Она разговаривает со своим отцом, Перси.

Она мертва. Почти наверняка мертва. Практически окончательно мертва. На телефонные звонки, по крайней мере, точно не отвечает.

Добро пожаловать. Это начало — ваше начало. Мы его приберегли специально для вас. Приступим?

ОХ УЖ ЭТИ СКАНДАЛЬНЫЕ ЗВЁЗДЫ!

***«Все по местам!»*, 3 июля 1919 г.**

Колонка редактора

Мои дорогие, если бы я только мог взять вас всех с собой! Просто взять на ручки, забрав из ваших гостиных и кухонь прямо в передниках и пальто, да и перенести на блистающую премьеру последней захватывающей картины Персиваля Анка «Нет владыки над надеждой»! С каким удовольствием я сыграл бы роль Деда Мороза и появился на кобальтовой ковровой дорожке с полным мешком моих читателей — нет-нет, моих друзей! — чтобы вы смогли увидеть собственными глазами, как они, сверкающие и прекрасные, выходят из длинных кремовых лимузинов и автомобилей, чистых, великолепных и сверкающих, словно только что прошли сквозь бурю из бриллиантов, а не из банальных капель лунного дождя.

Ну так вот, если уж я не Дед Мороз, то кто же? Собирайтесь вокруг! Борода весьма реальна, я вас уверяю. Вот по апельсинчику каждой девочке и по сливе каждому мальчонке! Поглядите, как я буду развешивать для вас звёзды, словно огни на ёлке, и каждая будет симпатичнее предыдущей.

***«Прожектор»,* 12 октября 1947 г.**

Мои голодные до сплетен гончие, сегодня не будет у нас радостных игр с криками «апорт!». Я пришла к вам со шляпой в руках, чтобы сообщить о главном событии дня, но не испытываю от этого никакого удовольствия. Шляпа моя черна, и я знаю, что ваши тоже.

Я лично посетила странные похороны Северин Ламартен Анк, рождённой в 1914 году и покинувшей наш нелёгкий, но яркий мир слишком рано — всего-то тридцати одного года от роду (если округлить время субсветовых перелётов, как полагается, когда речь идёт о леди). Какова бы ни была истина, на её могильной плите навсегда останется цифра тридцать один, и она, судя по всему, навеки останется тридцатиоднолетней. Её филь-

мография трагическим образом застыла на цифре пять: «Автопортрет с Сатурном», «Королева голода с Фобоса», «И море в тот же миг припомнило…», «Спящий павлин» и последняя работа, вызывающая сильную печаль, — «Сияющая колесница, воробьями твоими влекомая».

Море черноты всколыхнулось перед вашей скромной собирательницей шёпотов, когда пустой гроб внесли в мраморный зал новейшего строения на кладбище Цукиёми, поспешно возведённого семейного мавзолея Анков. Бедняга Перси наверняка думал, что у него в запасе еще много времени на строительство, которое, быть может, дочь завершит сама, когда он упокоится вечным сном.

Мы собрались, как будто на съёмки… и, в каком-то смысле, так оно и было. Статисты, трагические лица, отборные профессиональные плакальщики, доводящие сцену с большой массовкой до совершенства. Чернота, чернота повсюду. Мы не понимали, плакать нам или нет — какие у нас реплики, каков сценарий? В какой киношке Анков мы снимаемся — в

стиле отца или в стиле дочери?

Теперь поглядите-ка туда, деточки, — Мод Локсли и её удалой спутник, Водсворт Шевченко, только что со съёмочной площадки его «безусловно захватывающего» эпика «Каменный крест». Мод как всегда восхитительна в облегающем наряде без бретелек, который мелодично шелестит в череде вспышек. Когда она поворачивается, из-под подола выглядывают, трепеща, бледно-розовые перья. Гладкий треугольник из крашеной крокодильей кожи взмывает к дерзкой розетке из аметиста и дьявольских крокодильих зубов, что красуется в нижней точке глубокого выреза на спине платья. Как она ухмыляется, бросая взгляд через округлое плечо! Эта ухмылка стоит тысячи контрактов, если вы понимаете, на что я намекаю, а я думаю, что понимаете. Угольная ручища Водсворта не покидает её талию, его аккуратный и строгий костюм от Айхендорфа демонстрирует собственный сюрприз, когда пара позирует фотографам: хвосты смокинга переходят в переплетение вороньих перьев, жёстких и блестящих, направленных к земле. Образ нашего ведущего киногероя с угольной шевелюрой довершает ониксовый значок на лацкане — лунный пион.

Уверен, мы все позавидуем Мод Локсли, когда она отправится домой… только вот маленькая птичка напела вашему покорному Дедушке Морозу, что пылающий взгляд господина Шевченко то и дело перебегает с очаровательной дамы на его не менее очаровательного партнёра по фильму, Данте де Вере. Но делать нам больше нечего, кроме как прислушиваться ко всяким птичкам, не так ли?

Мы предполагаем, что она мертва, хотя никто из нас не может быть в этом уверен. Её нет ни здесь, ни там, насколько можно судить. Что же приключилось той жуткой осенью на далёких венерианских берегах? Что с нею произошло? Неужели она разделила ужасную судьбу жителей разрушенного посёлка, того самого, чью тайну намеревалась раскрыть и объяснить? Нам не дано узнать. Мы знаем лишь то, что больше её не увидим, и это, мои верные читатели, способно разбить любое сердце пополам.

Мы все собрались в прошлую субботу, притворяясь, будто знаем, что произошло, и будто испытываем уверенность в том, что можем её похоронить. Семь

бывших жён Анка и прежних мачех юной Северин стояли рядом с ним, и их красивые лица отражали утончённую разновидность скорби, которую способны породить лишь те, кто с рождения тренировался жить на экране, отражая для нас наши собственные чувства в виде лунных эмоций, более мягких и убедительных, более холодных и деликатных.

И шокирую ли я кого-нибудь, если поведаю, что кивнула восьмой застывшей фигуре, которая стояла в значительном отдалении, и чёрная вуаль скрывала её лицо от любого взгляда вроде моего, способного высмотреть некое родственное сходство с пропавшей документальщицей в линии носа или копне волос? С той самой режиссёршей, чей гроб из сказки, пустой и хрустальный, с бархатной красной подушечкой (ничья голова не лежала на бархате, ничьи ноги не виднелись под саваном), украшенный воробьиными крыльями из слоновой кости и миртовыми ветвями из оникса, стоял пред нами, и над ним молились все блистательные люди, которых Северин когда-то любила.

Не сомневаюсь, она бы возненавидела этот гроб.

Но оторвите глаза от кометы Локсли — Шевченко и взгляните на истинных звёзд вечера! Персиваль Анк и его умопомрачительно милая дочь неполных пяти лет, Северин. Вот она бежит по дорожке, смеётся, и чёрные кудри пляшут, а миниатюрный турнюр красного бархатного платья от Барбо расшит осколками гранатов, которые на её детской талии не столько блестят, сколько полыхают. Однажды она станет красавицей, если отец об этом позаботится. Она оглядывается и подзывает его. Он, как всегда, застенчивый и не от мира сего, одет в безусловно восхитительный красный костюм, в тон наряду дочери. Обратите внимание на цветок венерианского мирта в оправе из слоновой кости на его лацкане — возможно, это намёк на то, где будет происходить действие следующего шедевра! Анк поправляет очки с алыми стёклами и следует за дочерью, длинные хвосты его смокинга от Айхендорфа по последней моде обшиты трепещущими воробьиными перьями, выкрашенными в эффектный оранжевый цвет. (Лично я абсолютно очарован новым птичьим направлением в мужской моде этого

сезона. Намереваюсь вскорости заказать для себя двубортный попугайский костюм!) Малышка Северин, танцуя вдоль прохода, достаёт из шёлковой сумочки настоящие лепестки венерианского тамаринда и разбрасывает впереди — маленькая богиня, умело руководящая поклонением самой себе. Её звонкий смех и улыбка привлекают с десяток микрофонов и камер, и над ними безусловно будут корпеть ваш покорный слуга, а также соперники вашего покорного слуги, пытаясь разузнать, кто же загадочная мать этого ребёнка — какая старлетка, какая жена директора студии, какая светская львица, неподобающим образом поведшая себя однажды в воскресную ночь, подарили нам обескураживающего бесёнка, сопровождающего лучшего из режиссёров Города Мишуры[6]?

> Присутствовал и был замечен тот, с кем у Северин случился длительный роман — кинематографист Эразмо Сент-Джон, шокирующе похудевший в сравнении с былой комплекцией профессионального боксёра. Его увядшая рука сжимала

---

[6] Примечания: 6

Город Мишуры (Tinseltown) — неформальное название Голливуда.

пальцы того мальчика, об интервью с которым мы все умоляли, будь оно длиной в минуту или две — того мальчика, которого привезли из Адониса вместо Северин, то существо, которое мы здесь, в Городе Мишуры, должны лицезреть взамен нашей старой подруги. На момент написания этой колонки ребёнок никаким образом не продемонстрировал способность говорить. Какое разочарование для нашего маленького сообщества, для которого разговоры — жизненная необходимость. Мы скорее перестанем дышать, чем перестанем рассказывать истории о наших жизнях — и всё же он ничего не говорит, и Сент-Джон его не принуждает.

Давным-давно я делала репортаж с премьеры «Красного зверя Сатурна», где старина Перси впервые появился с маленьким свёртком, укутанным в шёлк графитового цвета, в свивальнике от Фосколо, и странным образом вышло так, что мне удалось задокументировать большую часть жизни знаменитой документальщицы. Но, боюсь, ваша покорная

слуга должна подвести преждевременный итог жизнеописания несчастной души, ибо вся эта история — слишком тяжкий груз. Ах, если бы всё случилось как-то иначе и не закончилось в дождливую субботу, в пустом стеклянном гробу…

Довольно. Хоть обычай мой таков, что в финале я всех вас приглашаю разделить со мною театральную ложу, сегодня пустующее место отведено мёртвым. Взгляните на неутомимый маленький прожектор в вечернем небе: Венера, единственная, кто знает секреты, которые мы, бедные болтливые обезьянки, так жаждем раскрыть.

Хальфрида Х.,
главный редактор

У меня имеются собственные мысли по поводу происхождения Северин Анк, дорогие мои, но я никому не расскажу. Любой Дед Мороз, который не зря таковым зовётся, приберегает кое-какие подарочки на следующий год.

Пять минут до занавеса, огни уже угасают, и я должен разыскать своё кресло. Остаюсь вашим

покорным слугой,
Элджернон Б.,
главный редактор

Часть первая:
БЕЛЫЕ СТРАНИЦЫ

Ныне хочу рассказать про тела,
превращенные в формы
Новые. Боги, — ведь вы превра-
щения эти вершили, —
Дайте ж замыслу ход и мою от
начала вселенной
До наступивших времен непре-
рывную песнь доведите[7].

Овидий, «Метаморфозы»

---

[7] Примечания: 7
Пер. С. В. Шервинского.

Чтобы актриса смогла добиться успеха, она должна обладать лицом Венеры, мозгами Минервы, грацией Терпсихоры, памятью Маколея[8], фигурой Юноны и шкурой носорога.

Этель Бэрримор[9]

---

[8] Примечания: 8

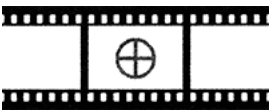
Подразумевается Томас Бабингтон Маколей, британский государственный деятель XIX века, обладавший поразительной эйдейтической памятью.

[9] Примечания: 9

Этель Бэрримор — американская актриса (1879–1959).

СИЯЮЩАЯ КОЛЕСНИЦА, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ ВЛЕКОМАЯ[10]

(«Оксблад Филмз», реж. Северин Анк, 1946 г.)



С1 НАТ. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, МОСКВА — ДЕНЬ 1, БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ [12 ИЮЛЯ 1944]

[На просторных чистых улицах солнечной Москвы тут и там виднеются тележки мороженщиков, фокусники и ослеплённые блеском туристы. Уличные фонари украшены гирляндами из цветков липы, подсолнечника, гвоздик. Собирается весёлая, нетерпеливая и плотная толпа; камера следит за тем, как она врывается на Красную площадь. Великолепные башни Кремля, похожие на мороженое, щедро отражают солнечные лучи. Престарелый ЦАРЬ НИКОЛАЙ II, его всё

---

[10] Примечания: 10

Название киноленты отсылает к «Гимну Афродите» Сапфо и упомянутой в нём колеснице, запряжённой воробьями, на которой путешествует богиня.

ещё красивая супруга и пятеро их статных детей в блестящих кушаках машут артиллеристам, которые стоят по стойке смирно на пусковой площадке Всемирной выставки 1944 года. Площадка изукрашена гофрированными лентами и подвесными летними фонарями, обрамлена знамёнами, на которых написаны пожелания удачи и счастливого пути на английском, русском, китайском, немецком, испанском и арабском языках.]

СЕВЕРИН АНН и её СЪЁМОЧНАЯ ГРУППА отрывисто машут руками, к их гладким шлемам и блестящим дыхательным аппаратам липнет конфетти. Улыбка СЕВЕРИН безупречная, отработанная — улыбка честной молодой женщины, которой светит будущее, полное надежд. У её ног блестит шлем с медными плавниками. Заметно, что в женской одежде СЕВЕРИН неловко, и она надела её только ради того, чтобы снять эту сцену, которой намеревается во время окончательного монтажа придать ироничный и насмешливый характер: она играет роль самой себя, которая не играет роли, чтобы рассказать некую совершенно иную историю. Изгиб губ выдаёт любому, кто её знает, безграничное пренебрежение к причудливому костюму с развевающейся юбочкой — гибриду плавательного комбинезона и

трико воздушной гимнастки, который так приятно возбуждает толпу. Ветер колышет чёрный шёлк вокруг её бёдер. Она изящно прижимает одной рукой к боку футляр из красного дерева, в котором, несомненно, находится Джордж — её любимая камера. Члены съёмочной группы, затянув ремни на контейнерах с киноплёнкой, кофрах с едой, кислородными баллонами и прочей некрупной кладью, взваливают их на свои широкие спины. Основной багаж экспедиции — инвентарь и припасы, педантично спланированные, купленные, внесённые в реестр и упакованные, — был помещён в грузовые отсеки минувшей ночью. То, что СЕВЕРИН и её подручные несут с собой, они несут ради камеры, ради фильма, который снимается о том фильме, который они снимают.

Пушка почти что вибрирует от пульсирующего света: последняя из разработок Верныгоры, изукрашенная филигранным орнаментом с лесными мотивами, который вьётся и тянется, как трещины на льду по весне. Блистающий, массивный нос венерианской ракеты под названием «Моллюск» удобно сидит в серебристой пасти пушки. Металлическое чудовище вздымается выше собора Василия Блаженного, отбрасывая

монструозную тень. Большую его часть занимает силовая установка. Жилые пространства на удивление малы. Этот выгравированный серебряный лес будет сброшен на полпути к Венере, и судьба его — дрейфовать в одиночестве в бесконечной черноте. Но пока что «Моллюск» посрамляет любой земной дворец, выстроенный во славу человека или какого-нибудь бога.

Они, точно маленький цирк: силачи, клоуны, укротитель львов, маг и воздушная гимнастка, в изящной позе застывшая на платформе — изогнутая рука напоминает полумесяц, пальцы ног устремлены в пустоту.

СМЕНА КАДРА: ИНТ. Столовая «Моллюска», НОЧЬ 21:00 ЭРАЗМО СЕНТ-ДЖОН и МАКСИМО ВАРЕЛА разливают водку СЪЁМОЧНОЙ ГРУППЕ и хохочут::: **ПЛЁНКА ПОВРЕЖДЕНА, ОТСНЯТЫЙ МАТЕРИАЛ НЕДОСТУПЕН ПРОПУСТИТЬ ПОВРЕЖДЁННЫЙ УЧАСТОК ПРОПУСК ПРОПУСК ОШИБКА ОБРАТИТЕСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ К АРХИВИСТУ]**

ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА

[Камера включена. Экран чёрный, поскольку она повёрнута к стене в попытке скрыть от маленькой девочки, что идёт запись. Время от времени черноту нарушают серебристые вспышки — отблески картинки на экране, расположенном где-то позади устройства и демонстрирующем некую более оживлённую деятельность. Звучит тихий разговор.]

ПЕРСИВАЛЬ АНК

Итак, в каждом фильме важно знать, кто рассказывает историю и кому её рассказывают. Даже если на экране об этом не говорится, режиссёр обязан знать, и автор сценария — тоже. Ну, кто рассказывает эту историю?

СЕВЕРИН АНК

Эту историю рассказывает папочка!

ПЕРСИВАЛЬ

[смеётся] Видишь ли, папочка снял кино, но папочка не рассказывает историю. Взгляни на персонажей и то, как они общаются друг с другом. Взгляни, как начинается фильм, как самые первые сцены придают форму всему остальному. Итак, кто же рассказывает историю?

[Наступает долгое молчание.]

СЕВЕРИН

Историю рассказывает камера. Она следит за всем, и ей нельзя солгать, потому что она сразу поймёт.

ПЕРСИВАЛЬ

Моя девочка такая умница! Нет, камера — свидетельница истории, она её записывает, но находится за её пределами. Словно очень маленький бог с одним большим тёмным глазом. Малышка моя, взгляни на влюблённых, на зло-

дея, на слабоумного отца, на солдат и призраков. Кто из них главный? Кто управляет тем, как рассказывается эта история? А кто — публика, для которой предназначены все эти чудесные вещи?

[Снова наступает долгое молчание. Что-то шуршит, как будто маленькая девочка теребит кружевную юбку, пытаясь придумать ответ.]

СЕВЕРИН

Они все рассказывают историю мне.

ПРЕДПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО «ТЁМНО-СИНЕМУ ДЬЯВОЛУ»

Рабочее название

(Студия «Транкилити», 1959, реж. Персиваль Анк)

Аудиозапись сделана для сведения Винченцей Мако, сценаристкой

ПЕРСИВАЛЬ АНК: Если хочешь узнать, с чего всё началось, придётся поговорить с мертвецами.

Я знаю, как это звучит. Мертвецы должны ведать концовками. Они ведь там и живут. В том пространстве, что располагается после истории, они короли и королевы — дирижируют своими костлявыми руками, руководят эпилогами, последними актами, кульминациями, выпрядают из затухающего действия *окончательность*, точ-

но старые девы с их чёрными прялками.

Мне ли не знать. Я всегда был настоящим мастером концовок. Когда приближается кадр со словом «Fin», я, словно бейсболист, на полусогнутых размахиваю битой, нацеленный на дальнюю часть поля — куда целился с того момента, как сказал первое слово, отснял первый кадр, — на откровение, которое всё это время надеялся испытать. Прислушайся к последней сцене; ты услышишь свист и треск моего удара. Пожалуй, я всегда слишком уж нетерпеливо стремился к концовке. Я слишком быстро вышвыривал затравленную пацанку с безумным взором из её башни и приканчивал разглагольствующую свиту, в которую лишь пять минут назад вступили велосипедисты и медведи. Концовки роскошны и распутны, Винче, они взывают ко мне. Распростёрлись на атласной неизбежности, ждут, манят, обещают невероятно, непристойно элегантные решения — ты только будь хорошим мальчиком и правильно рассади клиентов в зале, а потом доставь им удовольствие, возбуди их! Вся прочая чушь, которую требует история, — это просто долгое соблазнение концовки. Ты раскидываешься убийствами и перевёртышами, героями, детективами и шпионами, жонглируешь лю-

бовными интригами, чудесными спасениями и перестрелками один на один из фантастических пистолетов, похищениями, колдовством и комическими контрастами, гробокопателями, принцессами и драконами-альбиносами, и это всё лишь ради того, чтобы заманить концовку в свою постель. Правильная концовка не может устоять перед таким раскладом. Она приближается украдкой, а потом делает вид, что всегда тут жила — глазки сонные, волосы взлохмачены, — просит антигероя принести кофе, и давай по-быстрому, а? Ну какая милочка.

Но в том, что касается начал, я бездарь. Только послушай, какой бардак. Метафоры мои обтрепались, как штанины старых брюк. И потому я говорю с мертвецами. Только они знают историю целиком. У них и нет ничего, кроме истории. «Послушай, — говорят призраки, — она была обречена с самого начала. Ты смотрел, как она умирает. Она начала исчезать сразу же после рождения. Лишь ради того, чтобы уйти от тебя. Никто бы не выбрался из такой передряги живым. Как выбираться, когда на тебя взвалили акты с первого по пятый? Если уж у Гамлета не вышло, разве могла она на что-то надеяться?»

Так или иначе, никого больше не заботят

подлинные начала. Мы давным-давно прекратили сочинять истории о сотворении мира. Но мертвейшие из мёртвых — древние мертвецы, носители тог, сношавшиеся с овцами, пожиравшие оливки и украшавшие себя лавровыми венцами — они-то лишь об этом и тарахтят. Сады и глина, и Небо, для храбрости заглотив пару туманностей, прилизывает волосы, чтобы как следует заняться Землёй. Древние всё правильно понимали. Полным безобразием было бы начать с чего-то другого, нежели Сотворение Известной Вселенной, а история, которая заканчивается раньше уничтожения всего и всех, — ложь, достойная порицания. Огнём? Ну, это слишком очевидно. А в потопах всегда ощущается нечто любительское. Может, Вселенная просто исчезнет. Стоп. Снято.

Дело в том, что головы у греков работали как положено: если уж собираешься беспокоиться из-за начала, то надо соорудить достоверную теорию происхождения всего, или у истории не будет якоря. Не будет корней! С чего вдруг времён года — четыре? И зачем вообще они нужны? Почему луна всего одна? Почему деревья зелёные, а розы красные, но не наоборот? Зачем нужны смерть и время и есть ли такая вещь, как судьба,

и какова — в процентном соотношении — эффективность человеческого жертвоприношения? Надо ответить на все вопросы до того, как кто-то поднимется на сцену, знаешь ли. Даже в самой коротенькой истории про… ну, допустим, про домохозяйку в ситцевом платье цвета морской волны и переднике в тон, которая делает жаркое, только вот она планирует позже убить себя, ясное дело, или своего мужа — иначе с чего вдруг мы должны хоть на йоту заинтересоваться тем, какие превращения происходят с говядиной при высокой температуре? В любом случае, кто-то должен умереть. Потому она и надела это платье. Синий неизменно означает смерть. Даже в кухне бедной заблудшей Милисент — да, Винче, её определённо зовут Милисент, будь добра, не отставай! Не успеет она надрезать мясо, чтобы воткнуть внутрь чеснок, как всё будет с нею решено. Вершит ли смерть своё дело в этой Вселенной? Да. А что там со временем в Мире Милисент? Оно движется, секунда за секундой, и двадцать четыре, и семь, и триста с чем-то там. Времена года: четыре. Луна: в целости и сохранности, на орбите, в соответствии с фазой. Вяз зелёный, пион красный. Коэффициент успешности жертвоприношений — семнадцать

процентов в идеальных условиях, результаты экспертной оценке не подвергались. И, разумеется, в историях всегда присутствует судьба. Она там обретается под видом предзнаменований и властвует всеми. Учитывая эти данные, муж Милисент, Хампфри, должен быть мёртв к десерту. Понимаешь? Ответы на вопросы в большинстве историй кажутся скучными потому, что их нам предоставляет реальный мир, а не… ну, какой-нибудь лучший, чем он. Более воодушевляющий. Стоит потолковать с греками и римлянами, как скучные ответы становятся более интересными. Времена года — потому что девушка и крокус. Смерть — потому что девушка и яблоко. Луна — потому что девушка всё время направляет свою дурацкую колесницу в море.

Так или иначе, всё происходит из-за девушек, [неразборчиво]

Ладно, ладно, я тебе наскучил. Я бормочу всякую ерунду. Я с этой историей ещё ничего не решил. Я даже не знаю, что именно надо решать. Я бы предпочёл, чтобы смерти в ней не было. Да, мне бы это очень понравилось. Время, кстати говоря, ужасно безвкусная штука. И давай-ка поразмыслим, что нам делать с этим коэффициентом эффективности.

Давай начнём как положено. Вот что я думаю: она пришла из ниоткуда. Она пришла из моря. Она пришла из тьмы. Земля поимела Небеса, и было у них сто детей — или, может, всего девять. Меркурий, Венера, Марс, вся эта разношёрстная семейка. А у девяти были собственные дети: Фобос, Тритон, Ио, Харон и прочие шалопаи. Может быть, мы всё сделаем как когда-то, давным-давно. Ты знаешь, я так и не расстался с водевилем. Нарядить бы главных героев планетами и лунами: Сатурн с кольцами на голове; Венера в одеянии, с которого стекает вода; Марс в ковбойском наряде; Нептун… я не знаю — парящий над сценой, как левитатор? И все такие поглупевшие от эф-юна[11], с героиновыми глазами и потёкшим макияжем. Пусть изобразят живописную сцену на фоне занавеса, усеянного крупными блёстками. Потом пусть начинают друг друга убивать. Пусть всё идёт как у Шекспира. Сумасшедшие здоровенные ножи. Вёдра крови. Крови и мальцового молока.

И вот маленькие негодяи закалывают Небо насмерть и бросают блёстки в море, и они превращаются в надпись на экране, и оттуда появляется она. Из слов и из воды. Она может всплыть на

[11] Примечания: 11
Арабское название опиума.

двустворчатой раковине моллюска, покрытая кровью и молоком. В конце концов, так и выглядит рождение. Пусть она будет обнажённая, с миртовой ветвью в одной руке и камерой — в другой.

Понятия не имею, кого брать на эту роль. Кого-то нового. Я не хочу кого-то, чьё лицо уже принадлежало кому-то другому. Придётся позвонить Ричарду. Он найдёт какую-нибудь девушку только что с ракеты, похожую на неё. Он всегда знает, что мне нужно. И вот, кем бы она ни была, она посмотрит сквозь камеру в своей руке на камеру в моей руке. Волны ударятся о неё и обмоют дочиста. Почти дочиста. На лице останется отметина. Как будто рана. Вуаля: Венера родилась.

[неразборчиво]

Да. И Северин тоже. Никакой разницы.

Но это последний раз, когда мы используем её имя, Винче. Каково наше правило? Нельзя давать имя субъекту. Нельзя произносить слово «смерть» в детективной истории после того, как обнаружено тело; и нельзя произносить слово «любовь» в романтической мелодраме до самого конца, пока она не выстрелит как пуля, та самая пуля, которая лежала на столе с того момента, как в первом дубле первой сцены хлопушка чмокну-

ла губами. Нужно кружить! Нужно выслеживать! Но не называть вслух.

МАКО: Но все поймут, о ком речь. В чём смысл притворства?

АНК: Притворство — суть искусства, дорогая. Иначе… иначе это всего лишь похороны.

[долгая пауза] Мы дадим ей другое имя. Чёрт побери, я назвал её один раз, могу назвать снова. Что-то напыщенное, что-то мифическое, что-то венерианское. Все имена в конечном итоге должны восходить к Венере. Помню, что ты сказала, когда мы сочиняли сценарий «Баньши с космического корабля» — мы отправились в ту хижину в Море Изобилия и завели старую песенку, писали киношки вместо того, чтобы трахаться. Две комнаты, две печатные машинки, лес из синих кассий и лунные маргаритки у дверей. Мы купались голыми в горьком серебристом море, и ты плыла на спине, озарённая светом Земли, вода стекала с твоих грудей цвета коллоидного серебра, и вот ты сказала: «Имена — не одиночки, они соединены, даже в реальной жизни. Ты называешь своих детей в честь усопших или в честь того, кем, как ты надеешься, они станут, или в честь того, кем ты когда-то надеялся стать сам, и родители твои поступили так же с тобой, и эта

большая, сверкающая сеть имён рассказывает историю целого мира. Имена — опоры, которые держат на себе груз. Имена — это судьба». Ты не позволяла мне просто взять и назвать нашего героя Джоном, а его демоническую невесту — Молли.

МАКО: Это другое дело.

АНК: Назовём её Аресом. Я уже дал ей мужское имя в первый раз, так почему бы и сейчас не поступить так же[12]? Оно безупречно. Арес пошёл и трахнул Венеру, когда должен был заниматься тем, что у него получалось лучше всего — то есть драться с любым, кто только покажет кулак. Здорово, правда? Ну да. Ну да.

МАКО: Пусть она сохранит своё имя, Перси. Пусть все сохранят свои имена. Она бы возненавидела тебя, узнав о таких изменениях. Ты и сам знаешь.

АНК: [Несколько раз прочищает горло. Его голос дрожит.] Я не хочу. Я не хочу писать его в верхней части каждой страницы. Я не хочу быть вынужденным произносить его. Каждый день. Целый день. Я не хочу звать какую-нибудь начинающую актриску именем моей дочери.

---

[12] Примечания: 12

Северин от severus — строгий, суровый (лат.).

МАКО: Очень плохо. Это и мой сценарий тоже. Я тебе не секретарша. Её зовут Северин. Не выйдет у тебя превратить её в одну из наших демонических невест.

[Слышны звуки печатной машинки. Кто-то тушит сигареты, потом зажигает новые, выдыхает дым.]

АНК: Ладно. Ладно. Ты победила. Северин чёрт её побери Анк отныне и во веки веков, аминь.

Вернёмся к делу. Как только мы создадим мир — Небо, Землю, раковину моллюска[13],— перейдём к более важным вопросам. Текущий сценарий. Все сцены полностью изменим. Я хочу сделать настоящий нуар: пускай испорченные неоновые вывески отражаются на дождливых улицах Луны. Хотя вообще-то не обязательно, чтобы это была Луна. Есть места и поинтереснее. На Уране случаются ужасные бури. Прям самый натуральный гнев Господень. Мы что-то однажды снимали в Те-Деуме, верно? Что именно? «Вора света»? «Убийцу Оберона»? Иисусе, совсем забыл. Мы с тобой сделали слишком много кинолент. Или слишком мало. Их вечно не хватает. Слишком много, чтобы иметь какой-то смысл,

[13] Примечания: 13

Подразумевается раковина, на которой стоит богиня на известной картине Боттичелли «Рождение Венеры».

слишком мало, чтобы сказать то, что мы хотели сказать. Но Тэ-Дэ — в самом деле потрясающий город. Все эти светящиеся башни — биолюминесцентные, чтоб ты знала, — розовые, пурпурные и ярко-зелёные, утыкаются в звёздное небо, точно пальцы жирдяя. А ещё там всё адски дешёвое. Пабы повсюду, точно грибы поутру. Гравитация хорошая, по крайней мере, зимой.

МАКО: Если ты настаиваешь на натурных съёмках, понадобятся как минимум разрешения для Нептуна, Сатурна и Юпитера. Главные съёмки будут на Луне, ясное дело. А что с Венерой?

АНК: Ох, Винче, я не знаю. Не знаю, смогу ли я. Нет ли на Луне такого места, которое можно выдать за Венеру? Морей у нас достаточно. Я из шланга залью половину Луны, если это позволит мне не лететь на Венеру. Или можем попробовать Землю. Угрюмую старушку Землю. Может, Москву. Или Чикаго. Пригодилась бы Австралия, но канцелярщина будет чудовищная. Возможно, Мельбурн. Сидней я не выношу. Мы чуть не сняли там «Нет владыки над надеждой», помнишь? Вид весьма смахивает на старые части Марса. Но потом на Марсе нам предложили лучшие условия, и ты высчитала для нас налоговые льготы. Гуань-Юй — изумительный город. С любого балкона

видно гору Олимп.

МАКО: Но в конечном итоге, нам нужен город. Самое сердце города. Нуару обязательно нужен город. И детектив. Полагаю, мы говорим про Анхиса.

АНК: Знаю, знаю. Кто же ещё это мог быть? Если мы не представим его достаточно быстро, все просто будут ждать, пока он появится. Мы рассказываем историю, которую все уже знают. Нам надо обогнать их воспоминания.

МАКО: Кажется, он сейчас опять живёт на Венере. Будет нетрудно его найти, если он нам нужен собственной персоной.

АНК: Господи Иисусе, нет, он не будет играть самого себя! Я не мазохист. Пусть гниёт в тех вонючих болотах. Я сделаю его лучше, чем он когда-нибудь был. Наш великий детектив… с амнезией. Он ищет свою память. Собирает свою жизнь по частям — и не может этого сделать, не найдя Её! История пишет сама себя. Он охотится за историей, и он сам — история. Достань ему тренчкот и шляпу с такими острыми полями, чтобы рассекали ночь. Револьвер в кобуре на бедре, что-то большое и грозное с виду. Грёбаный дождь всё льёт и льёт ему на голову. Если я увижу хоть одно сухое пятнышко на этом лице со впалыми

щеками, ей-богу… Мы можем даже позволить себе озвучку, если захотим.

[неразборчиво]

АНК: Знаешь, а мне, в сущности, наплевать, Винче. Куда подевалась твоя одержимость достоверностью? Северин делала звуковые ленты. Наш фильм, по большому счёту, обязан быть звуковым.

МАКО: [тяжёлый вздох] Я поговорю с Фредди. Итак… нашему герою нужен любовный интерес. Кто-то более загадочный, чем он сам. Длинные ноги, длинные волосы, длинные ресницы. Если ты не поместишь на экран кого-то, кто его любит, публика не поймёт, что сама должна его полюбить.

АНК: Да что ты мне рассказываешь. Истинная леди, в чулках и платье, которое льнёт к ней, словно камера при съёмке крупным планом. Дымчатые, сломленные глаза. Но она не из невинных девушек. Она роковая. Как будто я знаю, как создавать каких-то других героинь… Можно было бы предположить, что после стольких лет я сумею породить хоть одну Офелию среди всевозможных леди Мак. Но нет. Это просто не моё.

МАКО: Знаешь, я не думаю, что нам придётся лететь на Венеру. Наш детектив будет знать, что

ему надо туда, он будет знать, что Венера его ждёт там, наверху, сидит себе на ответах, которые ему нужны, словно вонючая оранжевая драконiха, но ему не хватит духу справиться с самой идеей. С мыслью о тех красных берегах. О звуке, который издают киты. О том, чтобы вернуться домой, [невесёлый смешок] Разумеется, ты понимаешь, что Северин ненавидела бы каждую секунду этого фильма.

АНК: [долгая пауза] Её здесь нет. Она началась как героиня одного из моих фильмов. С чего вдруг ей заканчиваться в каком-то ином качестве?

«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»: ПРИДИ И НАЙДИ МЕНЯ

Досье: 14 декабря 1961 г.

Время шло к полуночи — той самой разновидности полуночи, с какой можно повстречаться лишь на Уране после трёхдневного запоя. Вокруг царил ультрамариновый туман, от которого разило этанолом и неоном, а случайно прошедшая мимо шлюха добавила к смеси запах розовой воды. Сугробы на улицах напоминали кучи трупов. Вряд ли уважающий себя ведьмин час согласился бы на двадцать семь лун в качестве светильников, но они знай себе сияли, и из каждого блестящего от влаги ярко-розового небоскреба таращилось мое отражение. И кольца, вечные кольца, рассекающие небо, рассекающие бурю, плюющиеся тенями на парня, который, ссутулившись, тащит своё бренное тело по Кэролайн-стрит, пряча под

низко надвинутой шляпой налитые кровью глаза, крепко сжимая полы плаща, в туфлях, которые жаждут, чтобы их кто-то начистил, и с душой, которая жаждет, чтобы её кто-то приголубил.

Это вот я и есть. Анхис Сент-Джон, частное ничтожество.

В Те-Деуме куда ни повернись, везде можно взглянуть на себя самого. Весь город — твоё зеркало для бритья. Устреми на собственную физиономию пристальный взгляд, прищурь глаза и проведи тупым лезвием по щеке. Стена паба рядом вспыхнула луковой зеленью, и я увидел эти мерзкие кольца — они рассекли горизонт, погрузились в мою шею и вырвались наружу с другой стороны, словно финка чистейшей белизны. Слыхал я, что раньше в Италии художники и толпы зрителей изрядно беспокоились из-за света. Ну так вот, бывал я в Италии, и старушке нечему научить Уран. Здесь бы и лепрекон заработал себе мигрень. Всему виной водоросли. Водоросли во льду, в земле, в стекле, в мощном чёрном дихроическом[14] приливе Моря Короля Георга. Никто не

[14] Примечания: 14
Дихроизм — явление, связанное с поляризацией света.

строил Те-Деум, Гершель-сити[15] или Арлекин. Не пришлось. Эти витражные трущобные сады вырастили, как грибы на бревне. Рассыпали над морем конфетти из экзотических углеводородов, и вот они взошли: непредсказуемые, громадные, беспорядочные — по крайней мере, для тех, кто не в состоянии оценить фэн-шуй, каким его понимают анемоны. Вот что они такое. Анемоны, крепкие как мужская суть и раздувшиеся, как мужское эго. Они только с виду похожи на казино, банки или танцевальные залы. Лишь самую малость живые, но не настолько, чтобы потерять из-за этого покой и сон.

Если вы ещё не забыли, что такое сон. Мне вот сама идея сна нравится. Я бы хотел свести с ним близкое знакомство.

И вот я был там, на Кэролайн-стрит, самой опасной улице самого беспутного города на этом заснеженном шарике. Хорошее место, чтобы тебя забыли. Я не ложился спать, был небрит, немыт, нездоров, в значительной степени нетрезв, и таким образом достиг всех целей в жизни. Под плащом на мне был единственный из оставшихся костюмов, консервативного тёмного красно-ко-

---

[15] Примечания: 15

Уильям Гершель — английский астроном, в 1781 году открывший планету Уран.

ричневого цвета с бледно-зелёным галстуком. И перчатки, всегда перчатки, даже если холод не лупит меня по щекам как скулящего раздолбая, вечные перчатки. У меня сундук кожаных перчаток с подкладкой из флиса и гидростатичного меха. Да, кожа. Моя единственная роскошь. Никакой ерундовой коричневой фальшткани, про которую говорят, дескать, столь же хороша. Пошиты на заказ на Марсе, где от молодых бычков можно отбиваться бейсбольной битой, потому что их там как зелёных мух. Мне нужны толстые перчатки, но с толщиной вечно проблемы.

Это был костюм для собеседований по поводу работы, хотя я уже много лет держался от таковых на расстоянии. Я не думал, что выдержу разговор длинней, чем требуется для ответа на вопрос «Сколько?». Не выношу, когда мне говорят, что делать и когда. Эта шестерёнка во мне напрочь сломана. Та самая, которая позволяет нормальным людям говорить «Да, сэр; сейчас же, сэр» — и верить в сказанное. А потом делать дела для сэров этого мира, немедленно, ускоренным маршем.

И всё же. Я был на Кэролайн-стрит не ради того, чтобы испугать какую-нибудь женщину, продать запонки за кусочек эф-юна или просадить свой последний протеиновый резерв на случай ЧП

на аммонитовых бегах. Я пришёл ради сделки на миллион. Работы. Деятельности, приносящей доход. Халтурин, чрезвычайно соответствующей моим крайне своеобразным талантам и моей *Historia Calamitatum*[16]. Если все работы, от которых с души воротит и какие только можно вообразить, выстроить аккуратным рядком на манер хористок и представить себе, что они вдвое сильней жаждут меня заполучить, эту дамочку я бы выбрал в последнюю очередь, чтобы протанцевать с нею круг по залу. И всё же…

Пунктуальность — мерзкая привычка, свойственная только петухам и отставникам. Честно говоря, у петухов в этих краях голова идёт кругом. Солнце на Уране, уж какое есть, восходит каждые семнадцать часов. Домашней птице от такого приходится несладко. И всё-таки я бы, скорее всего, успел вовремя, невзирая на все потуги вырубиться до того, как пробьют часы и карета превратится в тыкву, не начнись в «Асторе» полуночное представление. Одна из тех странных, отталкивающих студийных звуковых кинолент

[16] Примечания: 16

Historia Calamitatum. — букв. «история катастроф» *(лат.);* в более постмодернистском смысле отметим, что так называется автобиография Пьера Абеляра, и традиционно на русский название переводится как «История моих бедствий».

из дурных старых времён, когда Эдисон держал синематографическую вселенную в своём целлулоидном кулаке. У нас тут полным-полно таких вещей. Мы — конец пути для киноплёнок. Чтобы доставить их на Уран, нужно десять лет, и, приземлившись, они, как правило, остаются. Просто крутятся по кинотеатрам, как вода по водостоку, пока бобины не ломаются или кто-то их не украдёт. Если вы ищете киношку, про которую с незапамятных времён ни слуху, ни духу, то, возможно, в каком-нибудь погребе на Уране найдётся копия, которая ещё не сдохла. Кто знает, где они эту раскопали?

Маркиза «Астора» всплыла в синем тумане, точно призрачное видение, окружённая тусклыми топазовыми лампочками, с прописными печатными буквами чёрного цвета, с бородой из сосулек.

«Автопортрет с Сатурном».

А-а, чтоб мне провалиться.

Я не хотел покупать билет. Во-первых, я этот фильм видел. Охохонюшки, ещё как видел. Во-вторых, мой жалкий запас наличности выглядел той ночью особенно жалко. Было, наверное, и в-третьих. Ну не хотел я покупать билет. Я, чёрт бы меня побрал, не хотел, чтобы кассирша при-

нюхалась к моему дыханию и сморщила свой миленький пирсингованный носик, словно от её мнения зависело, продолжит ли свет гореть. Я не хотел сидеть в центре пятого ряда, в кресле, пружины которого оставят на моей заднице красные полумесяцы к концу этого самовлюблённо длинного недофильма. А вот чего я хотел, так это дешёвого портвейна гнойно-жёлтого цвета, который на Миранде делают из мальцового молока, а также сублимированной коки, винограда, который однажды чихнул в направлении Франции, и чего ещё там подают на закуску. За счёт одного попкорна аренду на Кэролайн-стрит не оплатить. Я хотел сидеть в тягучем и липком тепле этого божественно отвратительного кинотеатра со сводами, как в кафедральном соборе, стеклянным декором в палитре карамельной трости, под безголовыми, сломанными херувимами из солевого камня и канделябрами-русалками из хлебного коралла на стенах, перед изношенным павлиньим занавесом и знаком «ВЫХОД» из позеленевшей латуни.

И я очень хотел увидеть её.

Я не хотел на неё смотреть. Но хотел её увидеть. Как хотят увидеть старую подругу или бывшую любовницу, которая, как ты надеешься, отчая-

лась без тебя. Приготовить ей кофе и выслушать рассказ о её неприятностях, сделать обеспокоенное лицо и сочувственно мычать в нужных местах, пока она будет делаться такой же горькой и горячей, как кофе. И всё это время сгорать от возбуждения; чувствовать, как в твоей груди взрывается шампанское. Вкус у её печали фантастический. Это печаль, которую надо смаковать, и когда она захочет истратить своё отчаяние в твоей постели, ты скажешь нет, и у твоего отказа тоже будет фантастический вкус.

Вот почему я прокрался к своему креслу вместо того, чтобы явиться туда, где мне полагалось быть. Сурово игнорируя не то пять, не то десять пар глаз в сырой пещере кинотеатра. Едва способный взять под контроль своё вопящее сердце или свои одурманенные алкоголем внутренности. Подался вперёд, словно она могла меня заметить, если бы я оказался достаточно близко к её лицу. Словно она была школьной учительницей, которая должна была выбрать одного из блестящего ряда шалопаев, рьяно читающих по буквам ради её удовольствия, чтобы больше остальных полюбить мальчишку, который даст правильный ответ. Только вот его у меня не было. Ни у кого не было. Но никто из-за этого не страдал так, как я.

Никто и не мог знать, как читается по буквам «Венера», кроме меня.

Я перестал дышать, когда выключился свет. Схватился за подлокотники кресла, похожие на ножки ванны на львиных лапах, и мои ногти вонзились во влажную древесину. Барельефы из хлебного коралла пялились со стен — кажется, они изображали рождение титанов, которые держали в грубых руках цвета моркови огни и маленьких чудищ с хвостами, перьями и хоботами. Через два ряда от меня какой-то парень снял шляпу. Над его коленями уже двигалась чья-то голова, ритмично поднимаясь и опускаясь. Ещё даже титры не пошли! Ну что за безвкусица!

На экране сперва появились её глаза. При виде её радужных оболочек я словно испытал два сердечных приступа сразу. Портвейн двинулся назад из моего желудка, в горле появился сернистый привкус желчи. Мой нос ощутил целую бурю призрачных ароматов: какао-папоротник, жжёная кокосовая кора, жуткий медно-сладкий ветер с далёкого моря. Мои запястья начали пульсировать. Вступительная музыка нестройным шумом ворвалась в мою голову — тошнотворная пианола пятнадцать раз обрушила одно и то же на мою единственную рабочую барабанную

перепонку. Её лицо: пятнадцать футов в высоту.

Она планета. Она солнце. Она единственная женщина в целом мире. Она так молода. Она привыкает пользоваться камерой, снимая эгоистичный маленький метафильм, который всегда вынуждал меня смущаться за неё. **Я её ненавижу я её хочу и мне плохо и я её обожаю и хочу её трахнуть разорвать на части спасти её и пусть скажет мне что всё в порядке и мне снова десять лет и ничего плохого ещё не случилось.** Я повернулся к пустующему креслу рядом, и меня вырвало на пол «Астора», молочные желудочные соки и «лучшее с Миранды» с мяукающим плеском излились из меня, голова моя ритмично двигалась вверх и вниз. Всем было наплевать. Кто-то другой приберётся.

Я больше не мог на неё смотреть. Раньше только это и делал. Я жил, чтобы не сводить с неё пристального взгляда. Я работал на еду, которой должно было хватить, чтобы смотреть на неё. На каждое её изображение; на любое её изображение. На все. И их всегда было так много, выбирай любое. Я мог устроить себе целый банкет из неё и насытиться до предела. Иногда по вечерам я даже начинал с «Автопортрета» — это такая неопытная киношка, молодое вино, непроверенное, сырое,

испытывающее слишком большой страх перед собственным вкусом, чтобы использовать его как следует. Но потом я отступал, вынуждал себя взять более умеренный темп, по чуть-чуть грыз её камео в фильмах её старика: малышка в межпланетном дилижансе, осаждаемом пиратами, дьявольский херувим, осаждающий монахиню с большой и яркой душой. Салат быстрого приготовления из красных ковровых дорожек и домашнего кино Перси, а затем — поглощение одного из фильмов, где она в главной роли. Венеру всегда оставляю напоследок, всегда откладываю «Сияющую колесницу», насколько смогу, всегда страшусь того первого беспощадного мига, когда мы с ней оказались на одной сцене. Ещё рано, ещё рано. Интервью и киножурналы я употреблял в качестве первого блюда, причем последнее интервью всегда оставлял на закуску.

Вы его видели. Да разве хоть кто-то его не видел?

Жертвенная совсем-уже-не-девственница смеётся в мягком сером кресле, на ней длинные шёлковые брюки и тёмный кусок тритоновской ткани на плечах. Он прячет её груди, почти полностью их расплющивает, но демонстрирует живот, и она вся такая апатичная, такая равнодушная,

взмахивает сигаретой в длинном чёрном мундштуке. Вокруг неё вертится вечеринка. Хартфорд Крейн целует ей руку, в то время как неподалёку танцуют сёстры Гренадин в мерцающих узких платьях. Случайные буквы, вырванные из её слов, будто выкуп для вымогателей, мелькают на экране, перемежаясь с танцорами и пузырьками шампанского, как срезанные блёстки разлетаются по всему полу, а ночь тем временем становится всё более неистовой и насыщенной.

Это её панегирик. Она даровала его самой себе, и ни у кого ещё не получилось лучше. Записанный на звуковом оборудовании, которое должно было стоить больше, чем дом, где она той ночью развлекалась; сшитый из кусков, чтобы сделать достойный монолог из того, что она сказала, прежде чем Аннабелль Огэст рухнула ей на колени спутанным клубком длинных рук и ног, хихиканья и синих жемчужин, и она утратила интерес ко всему прочему.

Я знаю, что жемчуг был синий, хотя плёнка демонстрирует лишь бледно-серый. Иногда я знаю вещи, от которых нет никакой пользы.

«О, я не знаменитость. Не смейтесь! Я не лицемерю. У меня есть деньги, и мой отец знаменит, но это не то же самое, что быть знаменитостью, и

это не то же самое, что быть хорошим человеком или хорошо разбираться в чём-нибудь. Просто люди знают, как тебя зовут и что ты надевала во вторник. Я ничего этого не заслужила. Лишь благодаря чистой случайности я родилась в том месте и в то время… и подумать только! Ну в самом деле, столько матерей! Думаю, такой сценарий надо переписать разок-другой, чтобы он сделался достовернее. Я попыталась добиться успеха, опираясь на эти совершенно несправедливые исходные условия. Но пока что у меня не получилось. Вы говорите, «Королева голода» — ну конечно — и «Море». Да, разумеется, я сделала эти фильмы. Но они ничего собой не представляют. Так, путевые заметки. Я взяла камеру с собой, когда отправилась посмотреть Солнечную систему. Не лучше, чем половина того, что делают помешанные на объективах, и хуже некоторых. Но что касается последнего проекта… Когда я думаю про «Сияющую колесницу», у меня щемит сердце. Как будто фильм уже готов и идёт внутри меня, проецируется на мою кожу, мерцает на белых экранах моих костей. Если я его не испорчу… Если у меня всё получится, то когда я вернусь и мы все узнаем, что случилось там, в Адонисе, когда я смогу сесть в это кресло и рассказать вам обо

всём что увидела, обо всём что почувствовала, о том, как пахли моря Венеры — что ж, может быть, тогда мы и поговорим о славе. Потому что для меня слава чего-то стоит только в том случае, если ты её заработал своими руками, а я ещё ничего не заработала. Чувствую, что почти могу дотянуться до края чего-то ценного. Но коснуться пока не выходит. Разыщите меня через два года. Может, тогда я буду достойна вас».

Мне нравилось слушать, как она произносит эти слова. «Разыщите меня через два года». Полгода съёмок, плюс транзит туда и обратно, и постпроизводство после возвращения домой. Я смотрел, приблизив лицо так сильно к её липу, желая, чтобы она сказала, что ещё ничего не достигла. Она ещё ничего не достигла, потому что не встретила меня. Просто богатая, красивая девушка — и вот она говорит открыто, что недостойна меня, что не представляет собой ничего особенного. Её слова на вкус как виски, и ох как раскрывается букет, когда проигрываешь их на фоне долгой сцены, во время которой её ракета исчезает в небе, превращается в точку в этом последнем, печальном предложении.

Когда шли её ленты, залы синематографов были полны, и на улицах выстраивались оче-

реди из желающих, которых было в три раза больше, чем помещалось внутри. За недели до её премьер уличные музыканты и торговцы разбивали лагерь на бульварах возле каждого театра, продавая подлинные целлулоидные заготовки, которых она касалась, и копии усыпанных блёстками клеток из «Автопортрета», в точности нужного размера, чтобы в них поместился исковерканный гравитацией самец сатурнианского происхождения. Зачем? Зачем был нужен весь этот грубый восторг? Я всё ещё не разобрался. Её отцом был Персиваль Анк, в своё время — глубокомысленный, известный режиссёр. Снял кучу утомительных готических драм с героинями, напоминающими призраков, с чёрными кругами под глазами, со ртами, приоткрытыми в ужасе или от оргиастической трансцендентности, или от того и другого. Её матерью, видимо, была одна из тех исключительных актрис, хотя какая именно, он так и не сказал. Каждая ведущая актриса Анка становилась, по совместительству и на основании жёсткого контракта, матерью бедняжки. Можно увидеть в чертах её мерцающего, покрытого пылью и поцарапанного лица отголоски полудюжины подававших надежды актрис с мимолётной карьерой — кто-то всё ещё

знаменит, кого-то легко забыли, и проявляются они лишь в те мгновения, когда их дочь испытывает странные эмоции, отражающиеся на её узком лице, в её загадочных взглядах, в её насмешливой, проницательной улыбке.

Она оторвалась от папочки где-то между «Королевой голода» и «Спящим павлином». Её игровой дебют в «Призраках Моря Облаков» очарователен, если вы способны уловить, в чём фишка миленького ребёнка. Во время знаменитой сцены в бальном зале, когда декадентствующую вдову Кларену Ширм осаждают призраки её жертв, можно увидеть Северин, которая дёргает жемчуг на своём чепчике и трёт лицо, портя грим. Есть легенда о том, что, когда великий режиссёр попытался нанести на веки своей девочки тени и убедить её притвориться, будто она в родстве с Ширм, в то время как голодная тень — молодая Мод Локсли, не кто-нибудь — будет накидываться на невинного ребёнка, Северин взглянула на отца сердито и сказала: «Папа, ну что за глупости! Я хочу быть такой, какая я есть!»

Такой она и осталась — самой собой, на веки вечные. Как только Северин смогла самостоятельно вертеть ручку камеры, она принялась записывать «реальную реальность и настоящий

мир» (в семь лет) или «подлинный и справедливый мир истинной истории» (в двадцать один год) и объявила любимых призраков и демонов своего отца «кучей ерунды с эффектом двойной экспозиции». Её вторая документалка, «Королева голода с Фобоса», вынесла на всеобщее обозрение бунты из-за продовольствия, охватившие эту проклятую маленькую колонию, и принесла ей медаль Люмьера — приз, который папочка так и не сумел заграбастать. Может, в этом всё дело. Она рассказала правду один или два раза, и рассказала её с окровавленной головой и сломанной рукой: Земля — старая мумия, конченая алкоголичка, которая не очень-то следит за своими детишками.

Когда Анка спросили, не раздражает ли его гнев дочери по отношению к вымыслу, он вызывающе улыбнулся во все тридцать два зуба и ответил: «Объектив, друг мой, не разграничивает реальное и нереальное».

От её последнего фильма под названием «Сияющая колесница, воробьями твоими влекомая» осталось четыре отрывка. Они сильно повреждены. Их копируют все кому не лень, режут на части и снова склеивают в бесконечные анемичные всезнающие документалки, об которые я бы

и ног не вытер. Оригиналы продолжают гнить в каком-то музее в Чикаго. Больше людей, чем можно себе представить, едут туда, чтоб поглядеть, как они разлагаются. Я тоже был. Зрелище меня утешило. Уткнёшься лбом в прохладную стену мягким розовым вечером на Среднем Западе, который кажется невероятным, когда насмерть замерзаешь на Уране. Она промелькнёт перед твоими глазами: призрак, фея в конце длинного, тёмного туннеля, улыбнётся, помашет рукой, заберётся в пасть пушечной капсулы с грацией прирождённой актрисы.

Иной раз люди меня узнаЮт, даже издалека, по старым кинохроникам, хотя я никогда не давал интервью и адвокаты не позволяли никому показывать моё лицо с 51-го года. Мне не нравится видеть себя на экране. Это расстраивает меня в экзистенциальном смысле: вот я здесь — и вот я там. Но я не в силах покончить со всеми своими изображениями.

Вот как всё было, вкратце: горстка людей выжила в экспедиции Северин Анк на Венеру, и я один из них. Я не всё помню и не всё, что я помню, представляет важность. Моя жизнь, моя настоящая жизнь, началась в тот момент, когда женщина с короткими чёрными волосами, в

кожаном лётном шлеме и куртке присела передо мной и спросила, как меня зовут. Меня, потерянного мальчика, кружащегося мальчика. Я вернулся, а она — нет.

Не думайте, что я себя за это простил.

Теперь я смотрю. Я всё просмотрел. Не могу перестать смотреть. Жду, пока документалки покажут мне хоть ненадолго её лицо; покажут, как она смеётся; покажут её ребёнком, тянущим руки вверх, просящим отца посадить её на плечи, подальше от хаоса взрослых ног, тростей и туфель, танцующих под новейший индустриальный чарльстон-регтайм Мики Халла. Покажите мне её хоть как-нибудь. Я такой же дурной, как любой другой зритель, я умоляю позволить мне взглянуть на её труп хоть на миг — а если не на труп, то на места, где она когда-то стояла, но больше её там нет. Расскажи мне, невидимка за кадром, глас божества и памяти, расскажи мне всё, что я и так знаю. Расскажи мне о моей жизни.

Но её лицо было для меня медленным ядом. Я это знал, знал, и всё равно впивался в него с жадностью, оголодав по её впалым, монашеским, гладким щекам, по её глазам, огромным и озорным, таким же чёрным, как её волосы.

Я даже не могу произнести её имя. У неё нет

имени. Есть лишь Она. Единственная. Она владеет этим местоимением столь всеобъемлюще, что никто другой и прикоснуться к нему не смеет. В громадном и смрадном газовом гиганте моего сердца — единственная Она, пятидесяти футов ростом[17]. Великанша. Я же — никто. Впрочем, нет, не «никто». Я Анхис Сент-Джон. И никто не скажет обо мне — Он.

Знаете, что она прежде всего делает в «Автопортрете»? Улыбается. Она, мать её, улыбается. А потом смеётся. Милый, раздражённый, самокритичный смех. Как будто она смущается из-за того, что занимает так много места в кадре. Как будто боится сцены. Но она не боялась. Никогда. Ничто не могло её смутить. Может, она и боялась сцены в тот день, когда мамочка впервые приложила её к титьке, но с той поры — ни разу. Боязнь сойти со сцены — другое дело. Вечно она не знала, куда себя девать, пока камера не работает. Но смех недвусмысленно говорит нам о том, что она смущена. Улыбка свидетельствует о том, что у неё мандраж. «О, ну разве это не чертовски забавная суматоха, съёмка в киношках? Кто, я?! Это старьё? Я так нервничаю! Кто хочет выпить?

---

[17] Примечания: 17

Гигантская версия Северин представляет собой отсылку к фильму Attack Of The 50-ft. Woman (США, 1958).

Я ещё ничего не заработала.

Разыщите меня через два года».

Её улыбка разверзлась надо мною, чёрно-белая и громадная — и я знаю, как может знать человек, который пялился на эту улыбку, пока его не вырвало прямо на колени, что она целиком и полностью фальшива. Впрочем, хороша. Одна из моих любимых улыбок. Полная дикого возбуждения, которое в тот период сопровождало всё, связанное с Венерой. Люди никак не могли оставить в покое это дерьмовое местечко — единственный мир, который сделал все остальные возможными. Но это их улыбка, не её. Поглядите на неё, поглядите — разве вы не видите? Она отправляется на Венеру. Она улыбается так, как улыбаются все, одержимые Венерой. Эта улыбка — вроде как анонс того, что случится на самом деле.

Но нет, для этого ещё слишком рано. Я пьян. Я не спал трое суток. Когда я думаю о ней, я вижу все её фильмы, все её лица одновременно. Они выстроились друг за дружкой на орбите. Но вы не можете увидеть то, что вижу я. Я вижу венерианскую улыбку, но её ещё не существует. Эта улыбка — детская версия той, на девять тысяч ватт. Это Лицо № 212: «Отважная девушка-репор-

тёр». Она ещё не побывала на Венере. «Венера всегда казалась такой самоочевидной», — сказала она мне под горячими, влажными звёздами Адониса, когда думала, что я не слышу. «Автопортрет с Сатурном» отделяют от Венеры четыре фильма и девять лет. Там, на экране, она ещё пацанка. Двадцать один год. Спит, как стрекоза, чтобы ничего не упустить. Любовников меняет, точно дверь-вертушка. Пьёт алкоголь, как будто у неё аллергия на воду. Её и личностью-то назвать можно с трудом. Эта девчонка на ветхой плёнке, с сигаретным ожогом на лбу — он точно каинова печать — и царапинами от киноленты на щеках ещё даже не знает, что «Автопортрет» станет хитом. Лучше, чем хитом. Он создаст ей имя. Её собственное имя. А не имя её старика.

Вот что я знаю про неё. Вот что все знают про неё. Несправедливо, что я должен знать столько же, сколько и любой, не поленившийся прочитать какой-нибудь журнал. Я должен знать больше. Я должен знать всё. Но ты начинаешь там, где начинаешь, и надеешься — даже если твоя надежда вроде карманника, у которого обе руки заняты, — что удастся каким-то образом забраться дальше и выше.

Что ж, я начинаю с неё. А она началась на

экране.

Я выслеживаю сходство между нами. Места, где, будучи наложенными друг на друга, наши топографии бы совпали. Столица со столицей. Река с рекой. Их немного. Я пытаюсь создать больше, но она завершена, закончена, ей положен предел, а мне — нет.

И что же со мной? Ни черта не помню до десятилетнего возраста. Человек — это всего лишь воспоминания, и с этой точки зрения я родился на берегу с выжженной травой, где женщина схватила меня за запястье так крепко, что оставила синяки — аккуратную линию следов своих четырёх пальцев на моей коже, над моим пульсом, над моим сердцем. Вспышка света: fiat грёбаный lux[18]. Дымный, кислый запах моря. Горячий, напоённый пыльцой ветер. Стрёкот и стук. Меня снимали с самого рождения. Как и её. Великий чёрный глаз нас заграбастал. Я родился в тот же миг, когда меня заметили.

До этого есть лишь спокойная тьма вступительных титров, где пустота растворяется в пустоте. Существует съёмка моего появления; существует съёмка её ухода. У каждого из нас отсутствует

---

[18] Примечания: 18
Fiat lux — да будет свет (*лат.*).

другая половина. Я знаю имена своих родителей только потому, что сведущие люди их для меня записали. Её отец был вехой на её жизненном пути. Его имя — её имя. Какая роскошь.

Пятидесятифутовая женщина подмигивает. Никому конкретно. Мне. Мужчине без шляпы и его орально-фиксированному соседу. «Астору» и Те-Деуму и русалкам с их миниатюрными титанами. Но на самом деле — серьёзному служителю с козлиной бородкой и в синей фуражке, который покорно опускает иголку на старом фонографе, чтобы мы все смогли услышать её глубокий, но слегка гнусавый голос, который громким эхом — слишком, слишком громким — разносится по театру.

От него у нас болят уши. Все морщатся, выпрямляют спины. У мужика без шляпы наслаждению настал interruptus[19]. Нам всем это не понравилось. Мы все начали ёрзать.

Никто больше не делает звуковых киношек.

Я мог вынести её лицо, но её голос разбил меня на осколки. Я одновременно услышал, как она произносит первые слова в своём первом фильме и первые слова, обращённые ко мне; я получал

---

[19] Примечания: 19

От латинского coitus *interruptus* — «прерванное соитие».

в морду и в меня тыкали ножом, но такое я вынести не смог.

«Когда-то по ночам я любила смотреть на небо и мечтать о Солнечной системе».

«Эй, малыш. Теперь всё хорошо. Теперь всё в порядке. Я здесь. Меня зовут Северин. Можешь звать меня Ринни, если тебе так больше нравится».

Я вывалился из «Астора» на Кэролайн-стрит, в синий туман, запахи и влажный, припорошенный снегом мусор. Навстречу колоколам, которые — бом! бом! — уведомили меня о пропущенной полуночной встрече. Я кашлял и заливался слезами, точно проклятая вдова, вытирая со рта слизь, отдававшую кислым полупереваренным портвейном. Светостекло в переулке пульсировало, меняя цвет с виноградного на абрикосовый. Джульетта и Титания, две серповидные старые грымзы, осуждающе уставились на меня с небес. Умбриэль походкой покорного пьяницы плёлся за сёстрами, и свечение Ванды озаряло его испещрённый кратерами лик. Все

эти луны[20]. Небо над Ураном всегда напоминало мне грёбаный транспортный затор. У Венеры нет ни одной луны. Её небо нетронуто. Безупречно. Такое небо не взглянет на тебя в ответ.

Слёзы замёрзли на моём лице. До чего недостойно мужчины. Впрочем, из всех вещей, которые я утратил, мужественность покинула меня первой и легче всего.

«Сияющая колесница» — фильм ужасов, вот что это такое. Старый готический ужастик, в котором сиськи рвутся на волю наперекор вуалям, корсетам и рейтинговым требованиям. Девушка отправилась во тьму и встретила там монстра. Всё просто. Такому фильму ничего не стоит собрать полный зал.

Но как же быстро зал пустеет, когда люди узнают правду…

Мне даже не позволили насладиться страданием. На Кэролайн-стрит кишмя кишели толпы, раззадорившиеся перед Отбоем. Задевали друг друга локтями, сверкали растушёванными теня-

---

[20] Примечания: 20

В системе Урана в настоящее время открыто 27 спутников, которые названы в честь персонажей Шекспира и Александра Поупа. Умбриэль — один из пяти крупнейших, и его характерной особенностью является кратер Ванда, расположенный в районе экватора и названный в честь духа из мифологии австралийских аборигенов. Дно Ванды значительно ярче остальной поверхности Умбриэля; точная причина этого явления пока не известна.

ми для глаз. Рядом со мной остановилась машина, эффектный красный «тэлбот»[21], перед которым расступилось бы любое море, но Отбой не испытывает пиетета перед автомобилями. Понимаете, у старины Урана день короткий, что юбчонка твоей мамули. Людям это не нравится. От семнадцатичасовых суток трясёт, как от плохого кокаина. Кажется, что позади глаз у тебя двигатели, которые выжигают все жидкости в теле. Словно ты принёс с собой солнце в такую даль — и, господи, эта старая сука-звезда не терпит, когда ею пренебрегают. С этого расстояния она не ярче уличного фонаря посреди тумана, снега и смога. Засранец Юпитер и тот больше и живописнее. Но звезда требует, чтобы всё шло по её правилам. Проблема в том, что семь часов — слишком большой зазор, чтобы его можно было восполнить, вздремнув в 12:01 по Гринвичу, как на Марсе. Когда семь часов исчезают, словно застряв в баре по дороге домой, такое нельзя не заметить. И потому для нас соорудили фальшивые сутки из сияния внешнего мира, которое не прекращается никогда. Не обращайте внимания на этот комок мокроты в небе; светостекло подскажет,

[21] Примечания: 21

«Тэлбот» (Talbot) — франко-британская марка автомобилей, существовавшая в 1903–1992 гг.

который час: утром оно яркое, вечером — тусклое. Если ты себе не враг, то позволишь своему неоновому многоквартирному дому убаюкать себя чашкой тёплого рот-закрой ровно в 21:00. Но с детишками-отбойщиками всё по-другому. Сон у них короток. Они вбили в свои одурманенные временем головы, что стали уранцами. Придерживаются семнадцатичасовых суток, ускоряются, спят урывками, тонут в кофеине, запихивают свои жизни, свой сон и свой весёлый галдёж в жуткую гармошку. И в 17:00, это ничейное время, когда наступает их полночь, в то время как остальной мир тащится домой ужинать, они начинают свои дурацкие игры с уранскими часами. Они дрыхнут без задних ног, когда большая часть Тэ-Дэ присасывается к вечерней выпивке, и вскакивают, готовые к труду и грехам, когда у остальных малыши ещё дремлют в тусклой ночи. Сигнал Отбоя раздаётся в истинную полночь, полночь по среднему солнечному времени, и на стыке их зари и нашей глухой ночной поры отбойщики устроили свою церковь. В этой зоне перекрытия обитает Господь, говорят они.

А когда звучит Отбой, начинается безумие почище Бедлама. Они танцуют этот свой кроличье-прыгучий танец, для которого не требуются

особые навыки, и впихивают стимуляторы в носы, в глотки, под мышки и под языки, куда только можно впрыснуть дозу. Они носят большие и блестящие маски с рыбьими плавниками, с которых капает растаявший снег, и те иссохшие стеклянные жемчужинки, что падают с неба во время весеннего сезона высокогравитационных дождей. Дождевые жемчужины. Кажется, их так называют. Я прибыл зимой, и пройдёт ещё двадцать лет, прежде чем я увижу скопление крокусовых креветок в море Короля Георга.

Я попробовал Отбой, когда оказался здесь. Всегда надо разок ознакомиться с тем, от чего местные с ума сходят. От него у меня появились шумы в сердце. Прямо перед его окончанием происходит жуткая маленькая пантомима. Вроде старых представлений с участием Панча и Джуди[22]. Отбой как таковой не отличается изысканностью, но с религией это обычное дело. Кем надо быть, чтобы поклоняться планете? Она и так уже делает для тебя всё, что может.

Я ни в коей мере не хотел вместе с ними кричать «аллилуйя» или, если уж на то пошло, связываться с тем, что мог бы предложить длин-

---

[22] Примечания: 22

Панч и *Джуди* — персонажи кукольных уличных представлений.

ный, зловещий, обтекаемый как слеза «тэлбот». Я ещё не опустился до шлюх, да и денег на такие развлечения у меня не было. Я поднял воротник. Мелькание огней, напоминающих узор «гусиные лапки», резало мне глаза, точно летящий в лицо снег. Я резко повернул налево, на Тетис-роуд. Тетис походила на тёмный вертел из пустоты. Только задние двери, никаких фасадов. Хоть бери и снимай пролёт камеры по коридору от Кэролайн-стрит до бульвара Эпиметея. Но за моей спиной скрипнул снег — ублюдочный автомобиль поехал следом. Его фары развернулись, как будто меня хлестнули по спине двумя розовыми кнутами. Я понимал, что к чему: рано или поздно им наскучит красться за мной на первой передаче, и они перейдут к наступлению: авто меня объедет, опустится дверное стекло и выйдет девушка с накрашенными губами и глазами, в которых практически вертится карусель от эф-юна и испарений с моря Короля Георга. Она предложит купить меня или продать саму себя от имени людей на заднем сиденье. Я прожил в Те-Деуме семь зимних месяцев. Я в этом деле зашибись какой опытный.

Примерно так всё и вышло. Не успел я раствориться в толпе отбойщиков на бульваре Эпи,

как «тэлбот» выехал вперёд, перегородил мне путь. Просто остановился, пламенея, как горячий уголёк. Такой тёмно-красный, что почти чёрный, такой ярко-чёрный, что почти красный. От вишнёвого капота исходил пар, затемнённые окна покрывала дымка. Иисусе, а ведь внутри, наверное, тепло. Достаточно тепло, чтобы заснуть. Достаточно тепло, чтобы вытянуться голым на этом длинном сиденье, ощущая задницей настоящую коровью кожу, а не скрипучую коричневую фальшткань. Водитель не заглушил мотор. Они надо мной насмехаются. Даже в такую холодрыгу, держу пари, на этом капоте можно поджарить окорок. Закинуть свинью с Миранды в багажник, позволить ей порезвиться на просторах заднего сиденья, прирезать на пассажирской стороне и зажарить на капоте.

Окно осталось закрытым. Дверь открылась, и наружу скользнули длинные, длинные ноги. По таким ногам впору совершать паломничество. Серебристые чулки, тыквенного цвета туфли без каблуков, костюм зелёный как салат, которого я не ел уже много лет. Шарф — шёлковый лоскут того же цвета, что «тэлбот», — исчезал в ложбинке между грудей, которые, как я рад сообщить, были одновременно большими и выставленными

напоказ. Дама как таковая из машины не вышла. Она упёрлась локтями в колени и уронила милое личико на руки. Она была высокая, но изящного телосложения, точно мотылёк. И помада на губах имелась, но не шлюхиной марки. Дорогая штучка. Из тех, где у каждого цвета своё название. Из тех, что привозят с родины. С Земли, где все проблемы решаются как два пальца об асфальт. Помада была в тон туфлям. Ресницы длинные что мой большой палец, по краям отсвечивающие приглушённым оттенком фуксии. Ногти под цвет её большим фиолетовым глазам. Держу пари, цвет для неё сделали на заказ — только вот не знаю, цвет ногтей или цвет глаз. По всем меркам, элегантная персона. Пахло от неё дебиторской задолженностью. Выглядела она как потомственная аристократка. Из тех аристократок, которые могут привезти «тэлбот» на одну из внешних планет, и на нём даже царапины не будет.

— Вы опоздали, — сказала дама.

Голос у неё был громкий, звучный. Американский голос: плавный, жёсткий, без перепадов, открытый как Округ Сиу и в два раза суше. Интересно.

— Не опаздываю туда, куда не собирался приходить, — ответил я.

Мой голос не был сильным или звучным. Он был надтреснутым. Он рассыпался на части. Он дрожал. У меня никогда не было тембра, подходящего для ведущего актёра. Мой голос начинает разваливаться, едва покидает моё хлебало.

Леди надула губы. Ротик её выглядел птенцом на широком лице с изгибами. Может, какие-нибудь китайцы скрестились с индейцами сиу. Может и нет. Я не очень-то нуждался в сведениях о том, как американские гены распространились на этой планете-снежке.

— Ну и с чего вдруг вы решили так ранить мои чувства? И это после того, как мой наниматель был с вами настолько щедр. Любой в Тэ-Дэ пропустил бы ракету, летящую домой, ради самой зыбкой надежды на самую хрупкую тень встречи, которая у вас забронирована.

Она кротко моргнула. Пушистые лепестки фуксии на концах ресниц поцеловали скулы. Это был жест, рассчитанный на то, чтобы обезоружить мужчину. К счастью для меня, с этой задачей справились задолго до её появления. Но у девушки имелось и другое оружие. Из салона ударило запахами, как из дробовика, и выстрел пришёлся прямо в цель: сигарный дым, маслянистый коричневый ликёр и, Иисус Искупитель, хлеб! По

всем пунктам — дорогостоящие марки. Никаких примесей из мальцового молока, только бочки из яблочных досок и табачные поля под солнцем. И пшеница. Я не мог поверить — не мог даже осознать. На такое ни у кого не хватит денег. Такие суммы попросту не существуют. Деньги находят на наркотики, минералы и шлюх, конечно. Но не на хлеб. Только не здесь.

На Уране хлебные злаки выращивать невозможно. Строго говоря, с этим везде проблемы. Зерно с жадностью лопает солнечный свет и не приемлет заменителей. На Венере, Нептуне и кое-где на Уране растят рис. Путь в небеса вымощен рисом. Рис не требователен, не выбирает любимчиков, пойдёт домой к любому, у кого есть вода и свет в холодильнике, хотя, если взглянуть на него искоса, можно заметить, как он мутирует. Уранский рис — цвета электрик, с чёрной оболочкой, самый длинный из длиннозёрных сортов. У него таниновое послевкусие, которое заставляет морщиться. Его официальное название — Capilli Regis Filiae Sophiae, «Волосы принцессы Софии». С таким имечком становится понятно, что на Земле всем заправляют идиоты, которые в жизни никуда не вылетали. Они бы и собственное дерьмо назвали в честь принцессы, если бы могли.

Мы называем его просто «рис», ну и хрен с ним. На Сатурне выращивают рею: тщательно выведенное лавандовое зерно. Оно на вкус не такое уж плохое. Но, опять же, всё, что может Уран, Сатурн может лучше. У него кольца шире, лун больше, шахты глубже, и еда растёт без того, чтобы кто-то падал на колени и молился. Марс, талантливый засранец, может предложить киноа, амарант и даже чахлый ячмень в хороший год, но не пшеницу. На Меркурии растёт любая хрень, а на Юпитере разве кто станет этим заморачиваться? Наверное, половине лун хватает гибридов. У Плутона, нашего ближайшего приятеля, этого психа в чулане Солнечной системы, есть ночецветная лилия под названием «инфанта». (Видите? Даже янки любят принцесс.) Большие, неаккуратного вида белые цветы, по питательным веществам в профиль и анфас что твой кокос: жиры, сахара, углеводы, кальций. Когда там приземлились первые корабли, всё, что они увидели, это лилии, покрывающие планету целиком. Повёрнутые к солнечному плевку, точно радиоантенны. Приземлились корабли в целое поле лилий, точно Санта-Клаус в снег.

Я никогда не пробовал инфанту. Хотел бы попробовать, прежде чем ликвидирую своё

предприятие. Я слышал, на вкус она, как мёд и кофе, как материнское молоко. Но плутонцы не экспортируют. От них к центру системы может пойти разве что пук. Младший в семье ни с кем не делится игрушками.

О еде думаешь, когда тебе совсем нечего жрать. Те части твоего мозга, которые раньше думали о том, как бы чего-нибудь добиться в жизни, вздрючить тех, кто этого заслуживает, об искусстве или потрахушках, они просто выгорают и могут лишь пережёвывать мыслишку о том, что, живи я на Сатурне, ел бы их зерно.

На Уране есть кусочки чёрно-зелёного лишайника, который соскребли со дна моря Короля Георга, смешали с «дерьмом Софи» и сморчками. Выдают их кубиками, чтобы с голодухи не помереть. Еженедельное довольствие можно получить на местной Базе. О, я знаю — сморчки звучат как лучшая часть этой бурды, но на самом деле они не сморчки, просто мы так называем мучнисто-синие грибы, которые растут на подветренной стороне светящихся башен. Появляются миллионами на восходе, на вкус что худшие духи твоей бабули; богаты неимоверно важными витаминами D и C и королевским сахаром; а ещё имеют лёгкий галлюциногенный эффект.

На хрен сморчки и витамин С вместе с ними. У этой суки был хлеб. Настоящий хлеб! С корочкой и мягкой сердцевиной. И горячий! У него совсем недавно была плотская связь с духовкой.

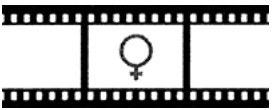
Мой желудок, недавно освободившийся, объявил о своих предпочтениях. Силы были неравны, и Американская леди об этом знала. «Ко мне, пёс. К ноге. Хорошие мальчики получают вкусняшки». Она потянулась назад и достала что-то округлое, завёрнутое в провощенную бумагу. Ничего не сказала — ей и не нужно было говорить. Просто раскрыла красную провощенную бумагу уголок за уголком своими безупречными пурпурными ногтями. Медленно, чтобы я услышал звук, с которым бумага отделялась от сливочного кусочка небес внутри.

Масло.

— Садись в машину, — сказала дама, и вы бы вывихнули себе шею, попытавшись уследить за мной, когда я сделал то, что велели.

«Хороший пёсик. Сидеть. Дай лапу».

КИНОХРОНИКА



РЕКЛАМНЫЙ МАТЕРИАЛ, ПРИЛАГАВШИЙСЯ К ИЗНАЧАЛЬНЫМ ДЕМОНСТРАЦИОННЫМ РОЛИКАМ «СИЯЮЩЕЙ КОЛЕСНИЦЫ, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ ВЛЕКОМОЙ»; В ПРОКАТНОЙ ВЕРСИИ ОТСУТСТВУЕТ

ГЛАВНАЯ КАРТОЧКА ДЛЯ ТИТРОВ

Дорога в Рай вымощена «Концентрированным мальцовым молоком Притхви» — без него вам не выйти из дома!

[Мужская закадровая озвучка; голос глубокий, звучный и вселяющий уверенность, но не властный — говорящий всего лишь делится своим знанием с друзьями во время послеобеденной беседы.]

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Разве можно обойтись без мальцового молока марки «Притхви»? Нельзя.

[Архивная съёмка венерианских пляжей; пальмы колышутся в лучах блистающего солнца, словно на афише туристического бюро.]

Собранное вручную на роскошных алых берегах Венеры, самое драгоценное сокровище во вселенной, прибывает к каждому ужину на стол благодаря вашим друзьям из корпорации «Глубоководные владения Притхви».

[Снимок массивного стола из красного дерева, стонущего под грузом разнообразных продуктов ГВП: стеклянные графины с пенистым мальцовым молоком, фарфоровые блюдца с мальцовым маслом, креманки с мороженым, головы мальцового сыра в блестящем воске. Счастливая упитанная семья приветствует друг друга за вечерней трапезой, все улыбаются после дня честного труда. Складывают руки в молитве. Переход к другой семье, на этот раз на Венере, в традиционной хижине из дерева какао, на заднем плане виднеются шлемы ныряльщиков. Здешний стол благословлен тем же щедрым разнообразием от ГВП, теми же довольными улыбками, теми же

яркоглазыми, привлекательными детьми.]

Наши ныряльщики, тщательным образом отобранные среди самых сильных и отважных, начинают с того, что выискивают самых грандиозных и плодородных из великих мальцовых китов в самых далёких глубинах Кадеша. Они неустанно разыскивают самых жирных рыбок с самыми яркими цветами и самыми длинными отростками, отяжелевших от самого сладкого молока, какое только может быть. Словно рыцари былых времён, сражающиеся с драконами, ныряльщики «Притхви» протыкают самые многообещающие шары своими блестящими выводными трубками и высасывают эти изысканные сливки в мгновенно запечатывающиеся амфоры, запирая свежесть так, что ни единой молекулы запаха не теряется.

[Ныряльщица в медном шлеме с плавниками сражается с отростками молочного кита, напоминающими огромные морские водоросли. Опасные заросли электрического папоротника простираются вокруг неё, точно лес, точно терновник Спящей красавицы; и вот наконец она вонзает свою выводную трубку в зеленоватый газовый пузырь, словно прокалывая ствол кленового дерева, чтобы добыть сироп.]

Не переживайте, детки! Киты ничего не чувствуют, как вы не чувствуете выпавший волосок, который уносит ветром. Как только молоко прибывает на берег, оно попадает на один из наших современнейших перерабатывающих заводов.

[Съёмка конвейерных линий и разливных машин для бутылок; рабочие улыбаются и машут руками на камеру.]

«Владения Притхви» заботятся об устойчивом развитии. Наши заводы полностью интегрированы в жизнь венерианских деревень, предоставляя безопасное и надёжное трудоустройство и некоторые программы финансирования, которые делают жизнь на Венере лёгкой как ветерок. Счастливые рабочие создают продукты класса «премиум»!

Возьмём, например, молодого мастера Виллема Гринуэя.

[Молодой человек со свежим лицом и широко посаженными глазами пожимает руку бригадиру сектора Гедилог. Юноша одет в воскресный костюм. Он упитанный и высокий, с отличной осанкой.]

Всего шестнадцать лет, а он уже освоил профессию, которой можно заниматься всю жизнь! Когда его труд на Венере подойдёт к концу, он

сможет выбрать себе участок на любой планете или луне — и, несомненно, жену из наиболее подходящих леди всей Солнечной системы.

[Суровым и отважным взглядом Виллем глядит на бурный Кадеш и массивных мальцовых китов, которые дрейфуют неподалёку от берега, похожие на острова.]

Да, у него опасная работа, но молодой Виллем знает, что без его службы и преданности всех работников «Притхви», от молочницы низшего разряда до экспедитора с проворными пальцами, а также всех акционеров до единого, не было бы ни салунов на Марсе, ни круизов на Нептуне, ни киностудий на Луне. Виллем Гринуэй и подобные ему — вот истинная опора всех миров. И «Притхви» делает это возможным.

[Молодая, пышущая здоровьем мать с мускулистыми руками выставляет поднос с полулитровыми кружками, до краев наполненными молоком, перед оравой из пяти краснощёких детишек. Она держит поднос перед своей пышной грудью, намекая на то, что мальцовое молоко чудесным образом заменяет и улучшает тот щедрый дар, который дети получают от природы, и блаженно улыбается, являя собой воплощение ответственного материнства.]

А теперь у концентрированного мальцового молока марки «Притхви» новая формула с улучшенным вкусом!

[Дети, все выше среднего роста, без пороков развития или родимых пятен, шумно требуют молока. Мать выдаёт им желаемое и устраивается в кресле-качалке из дерева гикори с новорожденным — и бутылочкой «Обогащённого мальцового молока Притхви для малышей».]

Улучшенные секретной смесью из специй и витаминов, продукты из мальцового молока не просто хороши на вкус — они вкуснее обычных молочных продуктов, полезнее, богаче, чище и лучше для вас! Мы знаем, что вы заботитесь о здоровье своей семьи — и мы заботимся о том же.

[Ненадолго появляется диаграмма питательных веществ, в которой столбцы представлены мультяшными Мальцовыми китами: они радостно ухмыляются и выпускают из дружелюбных дыхал фонтаны, чья высота различается в соответствии с выражаемой величиной.]

Употребляя всего один продукт «Притхви» с каждым приёмом пищи, вы получаете мощный заряд белков, жиров, иммуностимуляторов, ультракальция и старой как мир вкуснот ищи. В недавних испытаниях вкусовых качеств матери

предпочитали молоко «Притхви» в соотношении приблизительно два к одному с нашими конкурентами. Этими цифрами мы гордимся. И ужином дело не заканчивается!

[Перед камерой мелькает вереница продуктов ГВП в упаковках с новым дизайном.]

Наше мальцовое молоко снова и снова демонстрирует свои наилучшие качества в виде пищи, промышленной смазки, добавки к горючему, средства для улучшения фертильности, антибиотика, анестетика, основы для многих красок внутреннего и наружного применения, развлекательного галлюциногена и замены угля. Будучи высушенным и формованным, оно становится отличным строительным материалом, а его протеины — основа волокон для самых модных тканей. И, разумеется, мальцовое молоко — единственная добавка, обеспечивающая неимоверно важную плотность костей и защиту от радиации, без которых человечество было бы всё ещё прикована к одной-единственной планете.

[Пышногрудая мать укладывает своих детишек спать одного за другим, заканчивая младенцем б колыбели. Её лицо выражает бескрайнюю любовь и внимательную заботу.]

Да, «Концентрированное мальцовое молоко

Притхви» — действительно материя самой жизни. Мы серьёзно относимся к своим обязанностям поставщиков этой бесценной субстанции. Вы можете ощутить наше ответственное отношение в каждом глотке.

[Бутылка классического «Мальцового молока Притхви» на фоне чёрного звёздного неба; эмблема изображает того же весёлого, комичного мальцового кита, который выпускает фонтан молока из ухмыляющейся синей головы.]

«Концентрированное мальцовое молоко Притхви»: Без него вам не выйти из дома. Обращайтесь к местному агенту по найму за информацией о возможностях трудоустройства в отделе морского промысла «Притхви»!

ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА

СЕВЕРИН АНК

Папочка, почему кино со мной не разговаривает?

[ПЕРСИВАЛЬ АНК смеётся и присаживается рядом со своей темноволосой неугомонной дочуркой. Его нижнюю челюсть обрисовывает узкая борода. СЕВЕРИН хлопает ладошками по шёлковому проекционному экрану, умоляя его заговорить.]

ПЕРСИВАЛЬ АНК

Ты помнишь дядю Фредди, с рождественской вечеринки?

СЕВЕРИН

Он подарил мне заводного пони.

ПЕРСИВАЛЬ

Да. Ну так вот. У дяди Фредди достаточно денег, чтобы купить всех заводных пони в мире, потому что его дедушка изобрёл камеру, которая снимает движущиеся картинки, и ещё несколько дьявольски полезных штучек, плюс пару вещей, которые он не изобретал, но всё равно сообщил всем, что изобрёл, включая машину, способную записывать звук и делать кино говорящим.

[Лицо СЕВЕРИН светлеет, она как будто ожидает, что отец вот-вот покажет ей мир говорящих кинолент, во входе в который до этого момента было отказано.]

ПЕРСИВАЛЬ

Ох, малышка, милая моя баронесса, не смотри на меня так.

[Он берёт дочь на руки. Её нижняя юбка задевает микрофон, и раздаётся громкий шелест.]

ПЕРСИВАЛЬ

Девочка моя, помнишь бандита в «Воре света»? Как он хотел всё держать под замком в своём огромном и пустынном доме — драгоценности короны, Чудесную Машину и, самое главное, Мину Айви?

СЕВЕРИН

Да, папа. Он был плохой. И носил маску.

ПЕРСИВАЛЬ

Ну так вот, дядя Фредди — он такой. Только драгоценности короны — это патенты на аудио, Чудесная Машина — стопка патентов на цветное кино, а Мина Айви — это мир, где в кино ты могла бы увидеть поющую девочку в красном платье.

«АВТОПОРТРЕТ С САТУРНОМ»

(Студия «Транкилити», 1936, реж. Северин Анк)

(СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ: ЗАПИСЬ 1, СТОРОНА 1, НАЧАЛО 0:37)

С1 ИНТ. ЛОКАЦИЯ #3 НАВИГАЦИОННАЯ РУБКА — ДЕНЬ 483 ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ [3 СЕНТЯБРЯ, 1935]

[ПОСТЕПЕННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ: Пилотский отсек славного корабля «Камень в свивальнике», время 16:00. Шесть висячих фонарей настроены на ранний вечер. В иллюминаторах виднеется блестящий ледяной поток Восточного Экспресса, струящийся впереди и позади: такое любовное прозвище Земля дала устойчивым и сильным течениям и водоворотам эфира и замёрзшего мусора, которые баюкают «Камень», идущий выгодным гравитационным курсом и с ускорением, какого не даровал бы ни один двигатель.

Впереди сияет Юпитер: Большой Центральный Вокзал. Там длинный серебристый звездолёт сделает петлю и рванётся вперёд с обновлённым, головокружительным запасом движущей силы; последний отрезок пути до Сатурна станет для него почти что контролируемым падением с огромной юпитерианской высоты. Но пока что огромная планета выглядит маленькой, не больше одинокой лампочки посреди погреба. Данные на дисплеях свидетельствуют, что всё в порядке. Огни загораются и гаснут, медленно и ровно, словно в такт сердцебиению корабля.

СЕВЕРИН АНН удобно устроилась в бархатном кресле астронома с шариком сидра и комочком эф-юна, припрятанным в большой ладони. Теперь это рядовая привычка, от которой она так никогда и не избавится до конца. Во время разговора она жуёт маленькие кусочки, отковыривая их тёмным ногтем. Большинство предпочитает курить эф-юн, но дым помешал бы работе камеры. На СЕВЕРИН жемчужно-серое сари; на её веках густые чёрные тени, а глаза подведены линиями толщиной с полоски на шкуре зебры. Короткие волосы распушились от статических разрядов в каюте, и выглядит она уставшей. Уставшей, но возбуждённой. СЕВЕРИН закинула ноги на

ручку кресла, и по каменным икрам, а также по мышцам рук и пресса видно, что она добросовестно относится к тренировкам на борту корабля. Упражнения на Земле и упражнения в пути дают разные результаты. СЕВЕРИН половину жизни провела в небе. В ней ощущается некая длиннота, преувеличенные витрувианские пропорции, которые любой узнает. Её кожа — странного синего цвета, как у всех уроженцев земной Луны, естественный результат длительного контакта с коллоидным серебром, которое присутствует в лунной воде. На чёрно-белой плёнке он выглядит отчётливым мягким тёмно-серым, свойственным каждой звезде и старлетке с той самой поры, как первая инженю оставила Землю за спиной.

В этот раз путь по ледяной дороге длится девять месяцев. До конца ещё две недели. Девять месяцев в компании всё тех же двадцати семи душ: её сокращённая съёмочная группа из семи человек и труппа в двадцать актёров, которых СЕВЕРИН гонит на Сатурн, чтобы продемонстрировать местным своё расположение. На внешних планетах зрелища столь же дороги, как хлеб.

Манера подачи материала СЕВЕРИН естественная и глубокомысленная, как будто она только что подвинула это бархатное кресло и собралась

с нами поболтать. Почти за пределами кадра на полу отсека лежит разноцветный сценарий. Страницы изначальной версии — белые; новые и существенно отредактированные сцены пестрят всеми цветами: синим, красным, зелёным, золотым, розовым, лавандовым. На плёнке все они выцветают до серебристого и чёрного.

Она переворачивает страницы небрежно, большим пальцем болтающейся ноги. Движение едва заметное, но оно есть. И у него имеется ритм. Маленький танец, в котором участвуют и её тело, и сценарий. Что бы мы ни услышали, каким бы небрежным оно ни прозвучало, ничто из этого не является незапланированным, неотредактированным или не переписанным от первой искренней паузы до последнего потока слёз.

СЕВЕРИН поправляет апертуру[23] Джорджа. Её лицо очень сильно приближается к камере — мы видим мешки под глазами и первые морщины, начинающиеся у края век. На мгновение можно вообразить, как она будет выглядеть в старости. Удовлетворённая, она вставляет на место звуковой цилиндр и кладёт ноги на устройство

[23] Примечания: 23

Апертура (*в оптике*) — характеристика оптического прибора, описывающая его способность собирать свет и противостоять дифракционному размытию деталей изображения.

дальней связи. От движений корабля изображение расплывается и дёргается, пока СЕВЕРИН записывает открывающий монолог своего первого и, возможно, самого личного фильма.

СЕВЕРИН улыбается.]

СЕВЕРИН

Когда-то по ночам я любила смотреть на небо и мечтать о Солнечной системе. Знаю, знаю — кто не мечтал? Но собственные мечты всегда кажутся особенными, до жути своими, пока не вырастаешь и не понимаешь, что у всех остальных они точно такие же. Какой безупречной и красивой, тихой и мёртвой была каждая планета, зависшая в моём сердце! Все девять имён, записанных корявым, дрожащим почерком, сверкали внутри меня.

[ЗАТЕМНЕНИЕ с переходом к серии рисунков. Они выполнены рукой ребёнка, но это ребёнок исключительных способностей, который однажды может чего-то добиться. Начальные знания о светотени, твёрдое владение перспективой. Рисунки перебирает мужская рука. Не та, на которой полагается носить обручальное кольцо, но оно на ней есть. Детские планеты следуют чередой, как в учебнике: Меркурий, Венера, Земля,

Луна, Марс и астероиды, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, Плутон. Из поверхности Луны торчат леса, как солнечные лучи; цветы обрамляют Плутон, словно кукольные кудри. На лике Юпитера светится красным Сусаноо-но Микото[24], вечный ураган. Нарисованные карандашом штрихи такие резкие, что бумага почти порвалась. Венера — розово-зелёная, окружённая кольцом китов, соединённых хвост к хвосту, какими их видит девочка детсадовского возраста: большие хвосты имеют форму широких «м», из дыхал вырываются весёлые фонтанчики, в радостно ухмыляющихся ртах видны парадоксально человеческие зубы.]

СЕВЕРИН (за кадром)

Я воображала, что все они пусты и ждут меня, словно великолепные сияющие игровые площадки, каждая размером с целый мир: красные равнины Марса, бескрайние океаны Нептуна, озёра стоячей воды в джунглях Венеры, фиолетово-белые сверкающие лилии Плутона. Они вращались во тьме беззвучно, как в кино. Там никто не жил; никто не мог там жить. Когда я ступлю на них, то буду первой, девочкой-перво-

---

[24] Примечания: 24
Бог ветра в японской мифологии.

открывательницей, как Веспертина Гиперия в старых радиоспектаклях.

Эти идеи задержались в моей голове дольше, чем следовало бы. Когда отец взял меня на Меркурий, где проходили основные съёмки «Отшельника из Трисмегиста», я рассудила, что Марс всё ещё хранит себя для меня. Когда он отправил Мод Локсли на Марс для «Атомных всадников Маадима», я знала, что ещё остался Сатурн, который заключит меня в свои кольца и крепко обнимет. Потом я впервые выбралась на внешние планеты — и никто даже в окно не глядел, чтобы полюбоваться восходом колец. Кто-то снял меня в туристическом обзорном вагончике: я стояла и плакала как дура. Эта фотография всё ещё приклеена к чехлу Джорджа изнутри. Иногда я на неё смотрю и пытаюсь… увидеть. Вспомнить все, чем Солнечная система была в моих мечтах. Автопортрет с Сатурном. Фотограф продал копию этого унизительного снимка «Прожектору», и я ненавидела себя за то, что забыла: вся моя жизнь проходит на виду, при свидетелях, на камеру.

[ОБРАТНЫЙ КАДР к СЕВЕРИН, которая пьёт сидр из шарика. Она поворачивается в профиль, глядя в иллюминатор, прежде чем снова заговорить. Мимо несутся каскадом кусочки льда. Они боль-

ше похожи на звёзды, чем сами звёзды. Камера едва улавливает тусклые точечки звёзд, заглушённые куда более сильным светом корабля и миллионом холодных стеклянистых осколков.]

СЕВЕРИН

Вот как ты учишься видеть: собираешь свою команду. Ни черта не разглядеть как следует, когда у тебя всего лишь два глаза. Пилот, художник по свету, ведущий оператор, ассистент режиссёра, звукорежиссёр, астроном, местный гид. Стиснув зубы, платишь мистеру Эдисону и пытаешься привести в порядок свои финансы к запуску. Подбираешь хороших ребят, сильных и слегка доверчивых, а ещё отважных, как аргонавты. Проверяешь их рекомендации, и они, яркие и безупречные, складываются в витраж. Собираешь их всех в жестяной банке, ставишь часы на девять месяцев пути с учётом прохождения через благоприятное орбитальное окно и наливаешь себе последний за предстоящий год нормальный бурбон. Отправляешься в долгое плавание во тьме. И первое, что делают твои детишки, когда выключаются камеры и наша большая и глупая голубая мамаша уплывает прочь в иллюминаторах, это подаются ближе и, устремив на тебя

нетерпеливые щенячьи глаза, спрашивают: «Ну хватит уже, Северин, теперь-то ты можешь нам сказать — кто на самом деле твоя мать?»

Но это не имеет значения, вот чего никак не поймут жёлтые газеты. А моя съёмочная группа их читает, поглощает, как конфетки.

Давайте я вместо этого расскажу вам кое-что жуткое.

Когда мне было семь, я увидела Мэри Пеллам в «Соблазнении мадам Мортимер» — помните эту серию? Мадам Мортимер, леди-детектив, потерявшая глаз на Уране в «Мрачном решении», наконец-то сталкивается с равным себе в лице удалого Килкенни, выдающегося преступника, известного мне как Игорь Ласки, актёр, в целом — вылитый Лотарио, частый гость нашего бара и спальни для гостей. Ох, как же я любила эти криминальные киношки! А мадам Мортимер была лучше всех с её упругими светлыми кудряшками, жестоким смехом, спрятанными пистолетами и безупречно логичными выводами. Мадам всегда настигала свою жертву. Это было после того, как Клотильда Шарбонно, сбежав с Кларенсом Фэном, звездой красных вестернов, оставила нас полностью опустошёнными. Мы с папой были оба безутешны. И вот я взглянула на отца, пока-

зала на экран и заявила: «Хочу, чтобы она стала моей следующей мамой».

И он её добыл для меня.

Понадобился почти год мягкого, но настойчивого ухаживания, чтобы соблазнить мадам Мортимер и предоставить её в моё распоряжение. В конечном итоге Мэри Пеллам переехала к нам на Рождество, а к Пасхе научила меня стрелять, как бандитская королева. В ночь после того, как мой отец надел кольцо ей на палец, я долго не ложилась спать, очень серьёзно размышляя о том, что произошло. Я могла попросить что угодно и получить это. Даже людей. Даже мать. Я обладала ужасной силой. Я легко могла сделаться чудовищем, вроде Килкенни. Пестовать свои чудовищные аппетиты, бесконечно удовлетворяя каждый из них. Я в разумной степени уверилась, что у меня в этом вопросе нет выбора. Я ни разу не видела фильма о человеке со сверхспособностями, который бы закончился хорошо для этого человека. Если уж ты чем-то наделён, надо это использовать. Той ночью я плакала, пока не заснула. Мне открылась моя судьба, и это была судьба злодейки, хотя сама я хотела одного — сделаться мадам Мортимер.

Мэри Пеллам была хорошей мамочкой. Она

научила меня «Четырём законам актёрства», которые придумала как-то вечером за «буравчиками» в «Титон-Савое», чтобы преподать мне хоть какое-то подобие уроков в перерыве между съёмками в картинах про Эм-Эм.

[СЕВЕРИН переходит к блестящей имитации чёткого оксфордского акцента Мэри Пеллам.]

«Никто не прислушается ни к единому твоему слову, если ты не породишь какую-нибудь Систему. Все любят Системы. Законы. Правила. Подсказки. С законами у тебя прокатит. Но даже не рассчитывай, что прокатит что-то в духе „Просто покажи класс, ради бога; мне понадобится выпивка, если ты будешь продолжать в том же духе“. Если есть Система, которой можно следовать, всё становится простым — да ты что, состряпать хороший пирог с клубникой сложнее, чем играть в кино! Если бы мы раньше об этом знали! Как здорово, что ты нам всё разложила по полочкам, Мэри. Предложи им Систему — и все расслабятся».

Матушка Мэри вот уже некоторое время на пенсии, так что я не испорчу ей возможность подработать, если раскрою парочку секретов. Итак, Четыре Непреложных, Наилучших, Незаурядных, Нормальных закона актёрства от мисс Пеллам:

«1. Приходи вовремя.

2. Приноси собственный грим.

3. Если собираешься переспать с кем-то из съёмочной группы, позаботься о том, чтобы это был режиссёр.

4. Помни, что выражения и стиль речи, которые ты используешь в фильме, превратятся в синекдоху. Это большое слово для твоего маленького ротика, Ринни. Оно означает нечто маленькое, заменяющее собой нечто крупное. Твоя улыбка заменит всё человеческое счастье. Твои слезы станут эталоном печали для любого зрителя. Жёны будут копировать твой красный нос, твой дрожащий голос, форму твоего разинутого рта, когда станут умолять мужей, чтобы те их не покинули. Повесы станут изгибать брови, как ты, ухмыляться в точности, как ты, сдвигать шляпу под тем же углом, что и ты, и, с тем оружием, что получили от тебя, с лёгкостью соблазнят того, кого наметили своей жертвой. Чем успешнее твой фильм, тем шире распространятся эти синекдохи. Ты несёшь ответственность перед людьми, которые станут повторять твои слова, подмигивать, как ты, имитировать твой смех, не осознавая имитации. Такова тайная власть, которой наделены актёры. Это почти то же самое,

что быть божеством. Мы творим людей, когда на шёлковом экране предстаём пятидесятифутовыми гигантами.

Так что лучше покажи класс, бога ради».

Мэри Пеллам была хорошенькой, как театральная афиша, и непреклонной, как молоток, но вдобавок она ещё была философом. Мы с ней частенько стояли рядом в ванной на верхнем этаже и «репетировали лица», глядя в зеркало.

Решительное. Обманутое. Влюблённое. Благоговеющее пред сверхъестественным.

У неё в запасе было 769 лиц, по её словам, и она работала над номером 770. Она вела блокнотик с зелёной бархатной обложкой, в котором были записаны все её Системы. Но лица она записывала лишь тогда, когда вбирала их в себя, когда они отпечатывались в её плоти и лицевых костях. Поскольку я была маленькой, от меня не ждали такого количества, но — сейчас или никогда! При должном усердии я могла собрать штук двадцать за пазухой к началу школьных занятий осенью. «Попробуй номер 123 — „Внимательная журналистка“. Или номер 419 — „Я знаю, кто это сделал, но пока что не скажу“. И номер 42 — „Неужели это для меня?“, полезный для празднования дня рождения с классом и для тех случаев, когда де-

вочки постарше предлагают попрыгать с ними на скакалке. Не думай, что школа — это не съёмочная площадка, детка моя. Это самое беспощадное местечко из всех, какие ты узнаешь до того, как начнёшь работать на своего отца. Ты будешь соревноваться за роли, толком не понимая, какие они, пока прослушивания не закончатся и ты не получишь то, что получишь. Я бы выбрала лицо „Профессиональной дублёрши“. Так ты сможешь незамеченной переходить из одной клики в другую. Играй в шахматы, пока не сможешь победить чемпионку клуба — но не совершай решающего хода. Не ущемляй ее гордость. Иди дальше и научись, как перекоролевить королеву пчёл».

«Притворись мадам Мортимер, — сказала она мне. — Совершенствуй свой ящик с принадлежностями для маскировки — и сможешь отправиться куда угодно».

Помню, как я прикасалась к её зелёному бархатному блокноту. Сбоку у него был латунный замочек. Я думала, что в нём наверняка содержится всё что только надо знать о жизни. Я не сомневалась, что у Мэри в этой книжке найдётся Система для любой роли, какую я могла бы для себя избрать.

Но с моим отцом они не были хорошей парой. Вот что бывает, если позволить своей маленькой дочке выбрать жену. Ему ещё повезло, что я не выбрала динозавриху из «Атаки криптоящеров», киношки категории «Б», которую мой дядя Гаспар снял за гроши — и я её любила, как большинство детей любят свои одеяла.

Понятное дело, Гаспар Алмстедт не был на самом деле моим дядей. Он был любовником агента Ады Лоп, что превращало его в члена семьи. В конце концов мадам Мортимер упаковала вещи и поехала расследовать новое преступление, заявив, что лицо номер 771 будет искать на Нептуне, где из-за гравитации мышцы при улыбке работают совсем по-другому. Не успели запылиться её следы, как мой отец по уши втрескался в мисс Лоп.

Ада Лоп, урождённая Аделаида Лопарёва, начала карьеру в качестве балерины, но была не из тех, кто носит розовое и душится цветочными духами. [Съёмка выступления Ады Лоп в Большом театре идёт фоном к словам СЕВЕРИН.] Взамен она разорвала свою пачку в клочья во время кульминации «Жизели» и покрыла себя уродливой чёрной краской, изображавшей кровь. Кровь была в маленьких пакетиках, пришитых к её трико,

и Ада воспользовалась ею в нужный момент. В первый раз это был её бунт — заявление о том, что в балетном мире царит застой, вновь и вновь ставят несколько одних и тех же очень милых, но вызывающих скуку спектаклей, — но поднялась такая буря, что режиссёры стали принуждать Аду повторять это вечер за вечером перед всё более многочисленной и пылкой аудиторией. Она и повторяла, пока не возненавидела. Пока слёзы не стали настоящими. Пока не взбунтовалось тело и не возникла аллергия на краску, спрятанную в трико, — и тогда она вышла на балетную пенсию, улетела на Луну и приземлилась на экране, что в те далекие дни случалось со многими танцорами. Теперь это просто часть балета. Вам придётся попотеть, разыскивая где-нибудь за пределами Некийи постановку «Жизели», которая не заканчивается тем, что молодая женщина причиняет серьёзный ущерб собственному костюму. Впрочем, все плутонцы — декаденты; чего ещё можно ждать от планеты поедателей лотоса?

В первое утро новой жизни в качестве моей третьей матери, всё еще в свадебной ночнушке, с длинными волосами, которые струились вдоль её спины, точно чёрная краска, Ада приготовила

мне завтрак. Яйца вкрутую, горькая зелень[25], пирожки из сатурнианского зерна и тонкий, почти прозрачный ломоть розовой свинины с крышевых ферм Титона. Она даже позволила мне выпить кофе. Налила его в чашку, которая предназначалась для одной из моих старых кукол, потом налила себе чашку куда побольше. Мы обе добавили в кофе сливки, я — сахар, и Ада Лоп, посмотрев на меня своими знаменитыми огромными тёмными глазами, спросила, какой матерью я бы хотела её увидеть. Она была очень искренней в этом смысле. Просто спрашивала и ожидала прямых ответов, даже если вопросы были бесчувственными, нереалистичными, перформативными. Даже во время самых интимных бесед она продолжала играть. Как будто нас всё время снимали. Полагаю, так оно и было — и, возможно, потому Ада и задержалась в нашем доме надолго. Никто другой в целом мире не разговаривал так, как она. Даже на театральной сцене. Все от такого приходили в замешательство, но Аду невозможно было смутить.

[Голос СЕВЕРИН делается глубоким, проку-

[25] Примечания: 25

Горькая зелень (bitter greens) — собирательное название листовой зелени с горьковатым привкусом; в эту группу входят, например, амарант, шпинат, листья одуванчика и пр.

ренным и сиплым и приобретает славянский акцент.]

«Какой ты видишь любовь? Какой, по-твоему, должна быть мать?»

Мне было десять с половиной. Десять с половиной — и она просила меня дать сценические указания. Я ответила, довольно неучтиво: «Мама — всё то, чем не является отец. Она детектив. Она бандит. У нее 770 лиц. Мама — это та, кто уходит».

Честно говоря, Ада Лоп была лучшим интервьюером из всех, что мне встречались. Она умела застать человека врасплох. Она спрашивала о вещах, про которые никто больше не спрашивал. Её невозможно было узнать, но сама она выжимала из тебя все соки прямиком в свою чашку. Я всегда надеваю её обручальное кольцо, когда беру у кого-то интервью. В нём чёрный янтарь с золотым изъяном, похожим на глаз. И она сделала в точности то, о чём я просила. Когда моему отцу не удавалось что-то совершить, за дело бралась Ада; она научила меня делать карамболь и заполнять налоговую декларацию, а также безупречному плие и тому, что ради игры, ради истинной актёрской игры в нужный момент надо себя изуродовать. «Настоящее никогда не бывает

миленьким, — сказала она. — Миленькие только куклы. А они вечно пьют из маленьких чашечек. Женщине нужна большая чашка».

В одной сказке все хорошие феи приходят благословить принцессу и наделяют её тем, в чем она нуждается. Красотой, хорошим певческим голосом, манерами, способностями к математике. Но одну фею пригласить забыли, и поэтому она прокляла малышку, чтобы та умерла молодой, и затем последовало множество всякой чепухи… мне на самом деле продолжение не интересно, это просто перегруженное деталями повествование о том, кто за кого выходит замуж.

Суть в том, что у меня не было дюжины фей-крёстных, но, кажется, семь всё-таки нашлись.

[СЕВЕРИН с заговорщическим видом наклоняется к объективу, приглашая всех и каждого разделить её секрет. Вокруг её лица завивается дым.]

Я подумываю о том, чтобы и впрямь включить это в окончательный монтаж. Все хотят знать про моих матерей, так почему бы не выложить карты на стол? Но тогда придётся начать заново. С самого начала, потому что в начале рождается конец. Полагаю, я могла бы всё перемонтировать так, чтобы казалось, будто я начала с Клотильды, то

есть с самой себя, с того утра, того крыльца и того нелепого одеяла. Но так было бы нечестно. Так было бы не по-настоящему. Так вы бы решили, что о жизни рассказывать просто, что начальная точка очевидна — РОЖДЕНИЕ — и ещё более очевидна конечная — СМЕРТЬ. От затемнения к затемнению. Я такого не приемлю. Я не стану одной из сотен рассказчиков, которые твердят вам, что быть живым означает течь вместе с потоком истории, которую пишут осознанно, намеренно, наполняя линейным повествованием, предзнаменованиями, повторениями, мотивами. Эмоциональные всплески происходят там, где надо, длятся сколько надо, заканчиваются когда надо, и всё это обязано брать своё начало в чём-то реальном и естественном, а не в тирании театра и сущей гегемонии вымысла. Ну а что, разве жить не легко? Разве это не грандиозно? Так же легко, как читать вслух.

Нет.

Если я всё разрежу на части и снова сошью, вы можете не понять того, что я пыталась сказать на протяжении всей жизни: любая история — искусная ложь, которую рассказывают для того, чтобы скрыть реальный мир от бедолаг, которые в нём живут. Я не могу вам лгать. В эту игру играет мой

отец, и меня уже в четыре года от неё тошнило.

Если я всё исправлю так, чтобы время двигалось в ожидаемом вами направлении, вы можете решить, будто я знаю, какого чёрта делаю.

Итак. Акт первый, Сцена первая. Наступает вскорости после Сцены второй, но задолго до надвигающейся Увертюры. Мы доберёмся до труб и литавр, когда эта большая пуля окажется на орбите Юпитера.

[СЕВЕРИН закатывает глаза в гримасе отвращения и проводит рукой по коротко подстриженным волосам с рассечёнными кончиками, полным статического электричества, застенчиво чешет затылок. Подтягивает колени к подбородку и смотрит на камеру, которая смотрит на неё. Отделяет кусочек от шарика эф-юна и кладёт на язык, как на Евхаристии. Россыпь льдинок мерцает за иллюминатором, кольцом окружая её голову: нимб святой. Остальные её слова раздаются поверх наружных съёмок ледяной дороги, которые перемежаются со старой съёмкой, в которой она как раз покидает кадр: ледяные кристаллы; девочка выбегает из двери съёмочного павильона; снежная крошка, то мельче, то крупней; её затылок в тот момент, когда она зарывается в кучу костюмов; замёрзшие валуны сталкиваются и

разваливаются на части, покрываются трещинами, взрываются, кувыркаются во тьме. «Камень в свивальнике» оборудовали перед запуском: камеры на носу, на корме, по две штуки на правом и левом борту, каждая защищена сферическим фонарём из пласто-хрусталя. Фонарь слегка искажает изображение на манер «рыбьего глаза», так что наше зрение кажется таким же, как при пробуждении: картинка расплывается по краям, смазывается из-за инея и пыли, и только центр поля зрения выглядит безупречно и болезненно чётким.

Мусор рассеивается, открывая путь через пояс астероидов, как всегда нелёгкий слалом. В небесах подобие транспортного затора: мимо по ледяной дороге Восточного Экспресса летят другие корабли, почти задевая края быстрого и бесшумного течения, которым следует «Камень в свивальнике», а иногда они просто идут напролом, надеясь на лучшее, неустрашимо стремясь вперёд, и корпуса их покрыты вмятинами.]

СЕВЕРИН (за кадром)

Боже мой, когда записываю звук, я чувствую себя такой… живой. Моя работа вызывает у меня радостное волнение. Я ощущаю то, что ощущала

Ада Лоп, когда впервые раздавила сотню маленьких капсул с чёрной краской, спрятанных на груди. Я уродливая. Я настоящая. Голос у меня скрежещет и опускается к низкому тенору из-за эф-юна. Сухость нашего переработанного воздуха понижает его на тон-другой и заставляет скрипеть там, где надо бы звучать мелодично. Это не голос ведущей актрисы.

Но он мой.

И шёл бы дядя Фредди в задницу, если думает, что сумеет заткнуть мне рот.

Ну так вот, давным-давно была я малышкой. Все такими были, но никто не помнит себя в младенческом возрасте. Есть некая линия в песке, после которой сознание совершает прыжок с шестом — и мы внезапно осваиваем трюк с памятью. Это не врождённое — мне, по крайней мере, так не кажется. Я думаю, если ребенка предоставить самому себе, он вырастет на гребне сиюминутности, воспринимая время, точно лев: лишь текущий момент, лишь охота и кровь, львята и спаривание, и обширная саванна, полная жертв. Ничто не происходит до того, как ты погрузишь зубы в шкуру, мясо и костный мозг. Ничто не наступит после. Всё всегда случается в первый раз.

Но разве какого-нибудь ребёнка когда-нибудь оставляли в одиночестве?

Не меня, если вы об этом подумали.

Ненавижу говорить о том, как я родилась. Ясное дело, я ничего не помню. Мне эту историю рассказали. Мы все начинаем с этой *лжи*. Наши родители рассказывают нам, с чего мы начались, и у них над этим полный контроль. С годами они меняют историю — они знают, что меняют её, и мы знаем, что они её изменили, но мы просто позволяем им это делать. Они искажают детали, чтобы отразить то, кем мы стали теперь, чтобы у случившегося появился смысл: ты такой-то, потому что случилось то-то. Мы подарили тебе одеяло с птичками, и теперь ты стал пилотом, как мило! И поэтому мы думаем о себе так, словно мы… не просто часть истории, но часть хорошей истории. Такой, которую написал некто, в полной мере овладевший ремеслом. Тот, кто следует договору с публикой, даже если эта публика — мы сами. Все успокаиваются, когда ощущают в происходящем некую закономерность.

В моём случае это буквальная истина. Я была зрительницей собственной жизни. Я могу подтвердить большинство событий, потому что видела их на экране. Мне сказали, что когда я в

первый раз увидела отца без камеры, прижатой к глазу, то завопила от ужаса и растерянности, и меня никак не могли успокоить. Камера была его домашним божеством: Клара, модель «Эдисон B-II», портативная, 35-миллиметровая, выкрашенная в перламутрово-белый, с серебристыми вставками и треногой из древесины грецкого ореха. Даже когда рынок заполонили более элегантные, лёгкие, не такие громоздкие камеры, старина Перси просто взял Кларины потроха и пересадил в новый, более глянцевый корпус. Теперь, наверное, от изначальной малышки уже ничего не осталось, не считая толики стекла и лака, но для него она всё равно Клара. Единственная женщина, которой он неизменно хранил верность.

Я начала жизнь в качестве героини отцовских фильмов. Вообще-то это унизительно. Я появилась как-то ночью, словно из пустоты. Внезапное дитя. Интрига завязалась! Развитие сюжета стартовало! Факты таковы: меня бросили в самой натуральной корзине на самом натуральном крыльце некоего Персиваля Анка. В свивальнике из атласа серебристо-серого цвета, с запиской, привязанной к шее чёрной бархатной лентой. Плетёная корзина, и та была серебристая. И я

тоже — меня подгото-вили к встрече с отцом. Мои тёмные волосы и тёмные глаза не нуждались в изменениях, но всё остальное перекрасили: синяя кожа сделалась белой как смерть, губы покрыли чёрным гримом, даже пальчики вымазали белой краской, как у мима. Я вошла в реальную жизнь монохромной, словно кинофильм. И насмешливо, унизительно готичной. Меня заверили, что дверной звонок раздался ровно в полночь и что на улице в это время шла гроза.

Всё это, разумеется, случилось в соответствии с чьим-то умыслом. Я спрашиваю себя: а если бы моя беглянка-мать не оформила сцену именно таким образом, не сдал бы старина Перси меня в приют, позабыв навсегда о маленьком детёныше, пускающем пузыри? Я спрашиваю себя, не сожалею ли о том, что этого не случилось.

Моя мать исчезла, как того требует жанр. Она также должна была выкрасить лицо и одеться в чёрно-бело-серых тонах. Иначе её бы и за ворота не пустили. То были дни студии «Вираго». Правила были строгие. Никаких исключений.

[Архивная съёмка строительства «Вираго»: павильоны звукозаписи, цеха расцвечивания, рабочие съёмочной площадки, похожие на средневековых кузнецов, возводят студии.]

Это был скорее город, чем киностудия. Вираго — одно из имён Артемиды, потому что упаси боже не назвать что-нибудь на Луне в её честь. Или в честь Чанъэ, Хатор, Селены[26]. «Вираго» означает девушку, которая ведёт себя, как мужчина. [СЕВЕРИН лукаво ухмыляется.] Может, я чересчур поспешила насчёт предзнаменований. Он её построил достаточно далеко от территории Большой Четвёрки, чтобы местечко было безопасным, принадлежащим ему одному и не связанным с блистающим, шумным, грязным и великолепным Титоном — Городом Кузнечика[27], моим домом и совсем-не-домом. Достаточно далеко для мирной жизни, но недостаточно, чтобы о том, чем папа занимался в «Вираго», не написали в газетах тотчас же, задыхаясь от спешки. Господи, в те времена всё было намного проще. Все богачи были нуворишами, земля была дешевле пива, и можно было построить Версаль за гроши. Вот он и построил. Целый город из съёмочных павильонов и огромных стеклянных парников,

[26] Примечания: 26

Лунные божества разных народов.

[27] Примечания: 27

В японской культурной традиции кузнечики и сверчки часто связаны с луной и лунным светом (вспомним, например, известную гравюру Хокусая «Луна, хурма и кузнечик»).

которые должны были изображать Марс зимой, Ганимед во время Карнавала и Венеру до появления на ней людей. Наш собственный дом раньше был особняком, построенным для съёмок «Лишь богов услаждает гром». Свернув не туда, можно было напороться на фальшивую стену, лестницу, ведущую в никуда, или нарисованное окно, заменяющее настоящее.

В те дни казалось очень важным скрывать тот факт, что жизнь на Луне сделала нас всех синими, как желейные конфеты. Кто захочет смотреть кино, в котором ни один персонаж не похож на человека? Так что в те далекие дни все гримировались, как клоуны, чтобы жители Земли спали спокойно, думая, будто за её пределами все в точности такое же, как дома. Ничего там странного нет, милые мои, допивайте чай! Но Перси пошёл дальше. Он только этим и занимается всегда: идёт на шаг впереди, добавляя нелепости, добавляя сложности, добавляя абсурда. И потому Закон «Вираго» был простым: никакого цвета.

Цвета на чёрно-белой плёнке выглядят странно. Никогда нельзя быть уверенным в том, какой окажется «пурпурная суета» в отснятом материале кинофильма. Так что «Вираго» жила в чёрно-белом цвете. А также сером, серебристом,

гагатовом и углисто-чёрном. Грим никогда не снимали. Только к четырём годам алый перестал вызывать у меня самый натуральный паралич. Я от ужаса застывала как столб. Красный цвет увидел меня! Он может схватить меня! Конечно, я видела себя без грима утром и вечером, но это не помогало. Я думала, что кроме меня в мире нет других синих девочек, и потому необходимо скрывать этот позор. Если бы я открыла рот, все бы поняли, что красный уже внутри меня. Я была наивнимательнейшей девочкой в «Вираго». Никто бы не догадался о моей тайне.

Я никогда не видела ту записку. Это и впрямь кажется мне странным. Из всех артефактов моей жизни записка, безусловно, самая важная. Полагаю, в ней разглашалась какая-нибудь довольно безвкусная история о том, как мой отец воспользовался некоей дурочкой-актрисой в бедственном положении, и не мог бы он оказать любезность и разобраться с последствиями; спасибо, всех благ, искренне твоя. Возможно, записка содержала какое-нибудь подходящее доказательство моего происхождения, как будто моё лицо — уже тогда почти точная копия удлинённой, волчьей, распутной физиономии Перси — не было лучше любого свидетельства о рождении. Может,

какая-нибудь маленькая постельная шуточка, известная только им. Может, имя, которое моей отец проигнорировал.

Я бы хотела увидеть почерк матери. Мне бы очень этого хотелось.

Меня нашла Винче. Винче принесла меня в дом из темноты и сырости. Винченца Мако, которая так и не переспала с моим отцом, но обогнала всех женщин, которые переспали, на много миль: она написала сценарии для его фильмов, всех до единого. Какой смысл с кем-то трахаться, если вы уже настолько близки? Это… избыточно. Винче занесла меня в дом, поцеловала в лоб, прочитала записку и приняла решение ещё до того, как Перси спустился по лестнице. Она расстегнула платье и при-ложила меня к своей горячей, разукрашенной гримом коже, чтобы изгнать холод. Я дрожала не переставая, но не плакала.

[Фоном к рассказу идёт съёмка обнаружения СЕВЕРИН на студии «Вираго».]

И Персиваль Анк, не в силах перестать быть Персивалем Анком хоть на миг, заставил её всё повторить. Чтобы снять. Если некое событие не запечатлели на плёнке — значит, оно не случилось. Неважно, что ещё происходит — ад и второе пришествие, динозавры и кометы — снимай. Он

вынудил бедную Винче вынести меня обратно в вопящую бурю и клубящиеся тучи и «забудь про дождь и молнии, просто оставь её там, пока я не достану Клару и не случится по крайней мере одной хорошей вспышки у нас над головами. Да, отлично. Закрой дверь. Звук дверного звонка добавим позже».

Всё повторилось. На этот раз Перси открыл дверь и обнаружил брошенную на пороге сиротку-дочь, о существовании которой не знал. [ПЕРСИВАЛЬ прижимает руку ко рту. Его глаза наполняются слезами.] Перси посмотрел в большой чёрный глаз Клары с изысканным выражением, передававшим одновременно потрясение, изумление, страх и осторожную, недоверчивую радость. Перси взял на руки дрожащий чёрно-белый свёрток так, что стало понятно — в нём проснулся отцовский защитный инстинкт. [ПЕРСИВАЛЬ убирает непослушный локон чёрных волос со лба дочери.] Затем Перси, чья байроническая, стигийская шевелюра прилипла ко лбу из-за потопа, в последний раз выглянул на улицу, подставив лицо ветру, словно говоря: «Господи ты боже, этот мир полон невероятной магии», прежде чем закрыть дверь в большой особняк и отпереть дверь в новую жизнь. [На

лице ПЕРСИВАЛЯ АНКА медленно расцветает ужасно хрупкая улыбка. Он качает головой. Хлещет дождь. Он закрывает тяжёлую дверь, отсекая бурю, и заносит невинное дитя в дом.]

Вот эту версию я и видела. Я её просматривала снова и снова. Она красивая. Она правильная. Она полна надежды на будущее. Она безупречна. Она нагло врёт.

Перси пришлось тотчас же подыскать мне мать. Газеты неистово строили предположения, называя происходящее «важнейшим за всю карьеру подбором актрисы». Не мог же он сам растить свою маленькую куколку, бедолага! Ребёнку нужны нежные женские руки! И Перси было из кого выбирать. Какая женщина не ухватилась бы за возможность пробраться на такой семейный портрет, чтобы баюкать красивую девочку и жестом собственницы держать за локоть великого мужчину? Роль была написана, костюмы готовы, съёмочная площадка приведена в безупречный вид… ему требовалась лишь ведущая актриса. Впрочем, с ней всегда проблемы, не так ли? Актриса, которая в достаточной степени нимфа, чтобы заинтересовать патриарха; в достаточной степени мать, чтобы заботиться о ребёнке; в достаточной степени гений, чтобы из

ребёнка, который по сути ничто, сотворить самое неуловимое из живых существ — полезного и интересного взрослого человека; в достаточной степени фея-крёстная, чтобы тысячи волшебных лесов, башен и замков детства появлялись по щелчку её пальцев. Фото лица крупным планом передайте секретарю для регистрации, пожалуйста. Займите очередь слева от вас.

Но Клотильда? Клотильда не была актрисой. Он остановил на ней свой выбор, а она не смогла бы прочитать и строчку убедительным образом, даже если бы сам Господь на небесах крикнул «Мотор!». Клотильда не была какой-нибудь безверхой шлюшкой из Илиона. Но из неё получился отличный бесплотный дух, который соглашался с Перси и благодарил за все его указания.

Клотильда Шарбонно — коробка фотографий в моей памяти. Она покинула нас ещё до того, как я пошла в первый класс, и я вспоминаю её как серию снимков, быстрых кадров, изображений в видоискателе, отпечатанных картин. Мгновения взрываются в тихих уголках моего мозга, точно фотографические вспышки. Помню меха Клотильды. Помню пальцы Клотильды. Помню мягкие, гортанные французские согласные Клотильды. Помню волосы Клотильды, ниспа-

давшие вокруг меня так, что пряди становились похожими на деревья в тёмном и полном тайн лесу. У меня такие же волосы. Не считая Мэри Пеллам, Перси всегда аккуратно подбирал матерей, которые были похожи на меня так, что наше родство казалось правдоподобным. У всех были чёрные волосы, большие тёмные глаза и скулы, точно у статуй. Он позаботился о том, чтобы я не сделалась чужачкой; я всегда была коренной обитательницей страны, где женщины походили друг на друга, как сёстры.

Когда я думаю о Клотильде Шарбонно, меня окружают чернота и мягкость. Она любила меха, и мой отец радовался, что эту страсть так просто утолить. Выдра, горностай, норка, лиса, соболь, кролик. И более сумасбродные разновидности: марсианский бобр, ганимедский древесный монашек, уранская ледниковая лиса. Все меха были чёрными — бесконечные, бессчётные оттенки черноты. Помню, как запускала пальцы в её меха и сжимала кулачки, как будто она была животным, а я — её детёнышем. Я должна была когда-то увидеть её без мехов, под шкурой пантеры должно было промелькнуть нечто бледное, но я этого не припоминаю.

Но её пальцы — о да, пальцы Клотильды Шар-

бонно! В монохромном королевстве «Вираго» пальцы Клотильды являли собой радугу. Она ничего не могла с этим поделать; она покрывала себя серебристым гримом, как и все мы, но к концу дня он всегда стирался и начинали проглядывать её истинные цвета: шафрановый и розовый, мшисто-зелёный и бледно-голубой, сиреневый и лимонно-жёлтый.

Понимаете, мисс Клотильда была колористкой. У Перси их была целая толпа, настоящая армия, честное слово. Запасливый как белка, он выделил им огромный серый павильон, где они вручную раскрашивали каждый кадр какого-нибудь опуса, который ему невыносимо было воплотить всего лишь в чёрно-белом цвете. Плёнки — странные создания. Цвета ложатся поверх изображения, точно порывистые любовники, неспособные по-настоящему проникнуть в непроницаемый серебряный мир отцовской души. Вампиры из «Похищения Прозерпины» утопали в завихрениях красного. Трепещущие ангелы из «Трисмегиста» были персиково-золотыми, а их дымчатые шлейфы — призрачно-зелёными. Пальцы Клотильды насквозь пропитались ядовитыми чернилами. Все воды Марса не смыли бы эти проклятые пятна. Она начала носить перчатки, когда переехала

в особняк (разумеется, чёрные), но я видела её секрет, когда она укладывала меня спать, поскольку ребёнку нужно человеческое прикосновение, а не шкура, пусть и очень хорошей выделки.

Итак, после того как все самые достойные инженю Луны отведали пирожных Персиваля Анка, попробовали его чай и одарили его восклицаниями о том, до чего особенная красота, ум и нрав достались малышке, Перси вытащил двадцатидвухлетнюю колористку из своего павильона, накинул ей на плечи горностаевые меха и усадил в детской, которая сверкала и блестела, как новогодняя ёлка, поскольку каждую поверхность покрывал слой серебра, стекла, белил и блёсток. Всё потому, что она была лучшей художницей из всех, кого он встречал. Потому что она любила выпить и сыпать крепкими словечками, хоть и выглядела девушкой, которая на такое совершенно не способна. И потому что она сказала, что никогда не смотрела ни один его фильм в кинотеатре, поскольку все их уже видела, когда они текли под её руками кадр за кадром, и истории, которые она сочиняла мысленно, ей нравились больше тех, которые могли бы сообщить титры с диалогами. «Заполни её, как новый кадр, — прошептал Перси Клотильде. — Сделай её красной,

зелёной и персиково-золотой. Нарисуй женщину, которой она станет, вокруг ребёнка, которым она является, словно контур цвета индиго вокруг серого силуэта. Сделай так, чтобы она соскочила с экрана в лучших цветах, какие когда-либо видел реальный мир».

В конце концов Клотильде наскучило раскрашивать Анков, целлулоидных и плотских, оставаясь при этом анонимной. Я не могу её винить. Она покинула нас после премьеры «Грандиозной загадки мистера Бергамота». Не могу даже представить себе, какой железной волей надо было обладать, чтобы самой бросить моего отца. Сказать ему «нет». Последние слова, которые она сказала мне в той детской, похожей на зеркальный шар, даже не были её собственными словами, но только их я и помню, из всего, что она мне говорила. Это была цитата из «Мистера Бергамота».

[Голос СЕВЕРИН становится мягким и усталым, растворяется в марсельском акценте Клотильды.] «Выше нос, рыбка-ёжик. Просто набери воздуха, сделайся больше размером, чем твоя печаль — испугай её, пусть бежит прочь. Только так и можно жить в этом ужасном старом океане».

Забавный факт о Клотильде. Она снова вышла

замуж — много времени для этого не понадобилось. За художника-постановщика из Баттерси, связанного кабальной сделкой со студией «Оксблад». Практически каждый лес, звёздное небо и вересковая пустошь, какие вам случалось видеть, сделаны им, не считая тех, которые нарисовала она после того, как присоединилась к его контракту. Его звали Феликс Сент-Джон.

[СЕВЕРИН протягивает руку за пределы кадра и вытаскивает оттуда ЭРАЗМО СЕНТ-ДЖОНА. Он тактично присаживается на ручку навигаторского кресла, двигаясь с грацией, которой такие крупные мужчины обычно не обладают. Он её целует; они широко улыбаются друг другу.]

ЭРАЗМО

На какой матери ты остановилась?

СЕВЕРИН

Только закончила с нашей. Но я уже разобралась с Мэри и Адой. Все успело немного запутаться к этому моменту.

ЭРАЗМО

Ага, значит, следующая — Амаль, верно? Номер четыре.

СЕВЕРИН

Королева тигров. Приятно, что ты помнишь.

ЭРАЗМО

[Протягивает руку и заправляет прядь волос ей за ухо.] Я знаю историю твоей жизни от и до. Это как двенадцать дней Рождества[28]. Пять золотых колец, четыре певчие птицы, три французские курицы, две горлицы и Амаль Захара, Королева Тигров.

---

[28] Примечания: 28

«Двенадцать дней Рождества» (The Twelve Days of Christmas) — английская народная рождественская песенка. В песне перечисляются подарки, полученные от возлюбленного или возлюбленной, при этом в каждом новом куплете сперва повторяются подарки из предыдущего, а затем к ним добавляется что-то ещё. По одной из версий, песня восходит к старинным играм на запоминание; по другой — каждый из подарков символизирует нечто религиозное (к примеру, горлицы обозначают Ветхий и Новый Завет), а песня в целом предназначена для запоминания катехизиса. Иными словами, Эразмо хочет сказать, что знает историю жизни Северин как «Отче наш».

СЕВЕРИН

Она была укротительницей в «Венерианской деве». Ростом почти с тебя.

ЭРАЗМО

Когда ты увидела Амаль впервые, она вела шестерых тигров на съёмочную площадку, одетая как принцесса кальмаров, чтобы можно было управлять животными и не казаться при этом неуместной в кадре. У неё была корона из щупалец и звёзд. Альфа-тигра звали Глостер.

СЕВЕРИН

Мне было двенадцать. Она позволила мне проехаться домой на его спине. Его шерсть была, как щётка для дымохода, и он облизал мне всё лицо.

ЭРАЗМО

Твой отец полюбил её эгоистично в кои-то веки — ради себя самого, ради неё, — и они были счастливы. Тигры переехали к вам домой. Она отказалась перекрашивать их шкуры.

Они всем в «Вираго» постоянно мозолили глаза

своим дерзким оранжевым цветом.

СЕВЕРИН

И ещё вороны. И попугаи, каждый из которых умел произносить одну строчку из Чехова, но больше ничего. Свора чёрных медведей; четыре павлина; два питона; олень-альбинос; комодский варан; несколько рысей; семь пони и ручной престарелый кенгуру.

ЭРАЗМО

У каждого имелся какой-то изъян. Олень-альбинос, дряхлый кенгуру, один из медведей был одноглазым… Который?

СЕВЕРИН

Гонзало. У Тринкуло задняя лапа была раздроблена в ловушке.

ЭРАЗМО

Павлины были глухими. Питоны страдали от экземы. У половины воронов были сломаны крылья, а другая половина всё время имитировала детский плач. У Глостера был больной желудок,

и он мог есть только измельчённое в кашу мясо, смешанное с молоком — этим Амаль его кормила с рук трижды в день.

СЕВЕРИН

Сперва казалось, что с комодской вараншей — Андромахой — всё в порядке. Лишь она из той компании выглядела годной для жизни в этом мире. Но у неё возникла нездоровая привязанность к Перси. Она его не покидала. Настаивала на том, чтобы пара разрешала ей спать в их комнате каждую ночь, в противном случае поднимала страшный шум и гам, завывала, как сломанная труба, пока они не сдавались.

ЭРАЗМО

Ты пыталась выучить этот крик.

СЕВЕРИН

Но меня всё равно в их спальню не пустили.

ЭРАЗМО

Амаль коллекционировала сломанных чудовищ.

СЕВЕРИН

И потому мы естественным образом сделались частью коллекции. Тигры спали в моей комнате, когда не работали. Когда я устраивала чаепития, приглашались только тигры.

ЭРАЗМО

Амаль была первым человеком в твоей жизни, который не уделял тебе прорву внимания.

СЕВЕРИН

[смеётся] Эй.

ЭРАЗМО

Ничего не «эй». Даже внимания шестерых тигров не хватило бы для того, чтобы ты успокоилась. Послушай, а давай-ка мы поговорим о тебе ещё немного, а потом перейдём к вопросу о том, вращается ли мир вокруг Северин Анк или нет. Мне нравится Амаль. Я никогда с нею не встречался, но она мне нравится. У неё был этот зоопарк, и она любила Перси, а с тобой обращалась чуть лучше, чем с глухими павлинами, но

не так хорошо, как с тигром Глостером. В конце концов, тебе же не надо было перемалывать мясо в кашу. В тот период были целые недели, на протяжении которых тебя вообще не снимали.

СЕВЕРИН

Не вздумай сказать это при Перси.

ЭРАЗМО

Мне нравится думать о той версии тебя, которая не ищет камеру каждую секунду.

СЕВЕРИН

Амаль однажды сказала, что я нуждалась б её тиграх больше, чем в матери. Что во мне столько всякого-разного, как на сырной тарелке. И что немного тигриного дерьма лишь к лучшему для девочки, которая живет в сказке.

ЭРАЗМО

[Широко, искренне и тепло улыбается.] Могу стать тигром, если хочешь. Погляди, какие у меня большие зубы.

СЕВЕРИН

[не обращая на него внимания] Она всё равно ушла. Один из более молодых тигров, Кортес, откусил ей руку на съёмках «Юпитерианского цирка». Она надевала на него шапочку коридорного, а он взял и оттяпал ей кисть. «Как бы ты ни думала, что познала чудовище, — сказала она в госпитале, — сколько бы любви ты в него ни вкладывала…» — и помахала культей. Но всё равно вынудила поставить в палате широкую кровать, чтобы Кортес мог лежать рядом с нею, пока она выздоравливает. Он клал свою большую голову ей на колени и не двигался с места. Она спала, положив единственную ладонь ему на загривок. Перси ни разу её не навестил. Полагаю, двенадцатилетней девочке и в голову не может прийти то, какие вещи происходят между супругами, в особенности такими, которые в первую очередь озабочены объективами и полуприрученными чудовищами. Но когда Амаль выписали, она отправилась в свой шале на Пике Ампера и послала за остальными зверьми.

ЭРАЗМО

Кроме двух.

СЕВЕРИН

Кроме Глостера. Я обнаружила его на своей кровати — лежал, подставив брюхо для чесания, и к шее его была привязана записка, на одной стороне которой содержались инструкции по приготовлению каши, а на другой было написано: «Сколько бы любви ты в него ни вкладывала».

ЭРАЗМО

И?

СЕВЕРИН

[тихонько смеётся] И ещё была Андромаха. Держу пари, она тоже распласталась на постели Перси, воркуя и язычком трогая подушки.

Иногда мне кажется, Амаль так пошутила над ним напоследок. Перси денно и нощно жаловался на Андромаху, но нехотя кормил её яйцами всмятку за завтраком, когда она тыкалась носом в его халат, и звал «адской сукой» тем же тоном,

каким называл меня «дорогая». Один-единственный раз я застукала Перси за тем, как он чесал ей нос, и ему из-за этого было стыдно. Но, честное слово, я думаю, что если бы Андромаху разлучили с Перси, она бы легла и умерла. Мне кажется, Амаль оставила ему ящерицу вместо жены.

ЭРАЗМО

А потом была Фаустина.

СЕВЕРИН

[Её взгляд становится отрешённым, затуманенным. Она прикусывает щёку с внутренней стороны.] А потом была Фаустина, моя пятая мать. Она продержалась всего один год. Оперная певица. Начинала как сопрано, но в итоге превратилась в альт. Грудная клетка как бочонок с бурбоном. Все её обожали. Она была олицетворением смеха.

ЭРАЗМО

И страстной любительницей китового уса.

СЕВЕРИН

Ну а кто его не любит? [СЕВЕРИН отковыривает ногтем корочку эф-юна и с печальным видом ее обсасывает.] Но Фаустина выросла не где-нибудь, а на Венере. Я никогда не встречала человека, родившегося на Венере. Я считала её волшебной. Настоящая Веспертина Гиперия поселилась в моём доме и, лёжа на моей постели, рассказывала истории о пиратах мальцовых морей. Её родители работали там ныряльщиками и остались насовсем. В утробе матери она в буквальном смысле плавала в мальцовом молоке. Её мать напоролась на огромную жилу в одном из дальних китов, когда была на шестом месяце. Мы здесь считаем, что мальцовое молоко — это самая важная вещь в жизни, но на Венере такое заявление отнюдь не метафора.

ЭРАЗМО

А вот китовый ус…

СЕВЕРИН

Знаю. Дама может курить свой эф-юн на сту-

пенях «Актеона», и всё равно её будут называть прекрасной как лебедь, истинным подарком для мужчины и для сцены. Он нежный, из чистого мальцового молока, к которому ничего не добавляют, кроме толики какао-масла, толики спорыньи и толики кокаина. Порок, коему можно предаваться в гостиной. А вот китовый ус — завтрак шлюхи. Ты когда-нибудь видел кусочек китового уса? Будучи замужем за моим отцом можно позволить себе лучшее. Ей его приносили каждое утро на нефритовом подносе. На чёрной кружевной салфетке. Он похож на белую клавишу от пианино. Примерно такой же длины и толщины. Ломается, как твердый шоколад. Пахнет понедельничной стиркой. Сырое мальцовое молоко, перемешанное с соей, промышленным отбеливателем, сахарным тростником, щепоткой олеандра, крупицей борной кислоты и щедрой порцией героина.

ЭРАЗМО

Она давала его тебе.

СЕВЕРИН

Ну ещё бы. Мне было четырнадцать. Ты хоть

представляешь себе, на что способна пойти четырнадцатилетняя девочка, чтобы её полюбили? Я в четырнадцать отнюдь не была невинной, но не она меня испортила. Я успела попробовать всё, что можно заливать в глотку или вдыхать носом. Перси было наплевать. «Опыт, — говорил он. — Опыт — единственный мотив и единственный хозяин». Однажды я спросила Фаустину, на что похожа Венера. Она вложила в мою ладонь палочку китового уса и ответила: она вот такая, малышка. Я его съела, свернулась клубочком рядом со своим тигром и отправилась на Венеру с мамой.

ЭРАЗМО

И на что это было похоже?

СЕВЕРИН:

Это было всё равно что оказаться внутри звезды. Как будто внутри тебя зажглась звезда. А потом Фаустина запела, и это тоже было похоже на звезду. Синюю и раскалённую, летящую во тьме вместе с красной звездой, которой была я. Помню, она спела открывающую арию из «Её последнего ноктюрна», и я увидела, как ночное

небо изливается из её рта. Каждый раз, когда я после этого шла на её выступления, даже спустя много месяцев, мои глаза видели одно и то же. Черноту и звёзды, которые хлестали из её рта и лились потоками на доски пола. Галактики и пустота капали с её подбородка. Её зубы полыхали. Я рассказала ей об этом как-то вечером в декабре, и она прошептала: «Знаю, детка. Я тоже это вижу. Это мои внутренности выходят наружу. Иногда я вижу это так ясно, что убираю ноги в сторону, чтобы туфли не запачкать. Но так всё и выглядит, когда ты всё делаешь как надо, там, наверху. Может, и ты когда-нибудь всё сделаешь как надо, и я увижу, как твои внутренности извергнутся наружу. Это будет мило. Ведь мило, не так ли?» А потом она опустила голову мне на колени и умерла. У мисс Фаустины внутри было так много китового уса, что он начал мешать работе её организма, и она умерла, отравленная собственными жидкостями.

[СЕВЕРИН и ЭРАЗМО несколько секунд молчат. На дисплеях тикают цифры, огоньки исправно мерцают, точно свечи.]

После неё появилась Арасели Гаррастазу. Роковая женщина, противоположность Мэри Пеллам — безупречная ведьма-соблазнительни-

ца для любой из напряжённых фантасмагорий моего отца. Я с нею толком и не общалась. Я в тот период водилась со всеми волками, какие только меня принимали. Огни Титона всякий раз оказывались привлекательнее серости «Вираго». Сниматься я не хотела, но всё равно спала с продюсерами; мы с Глостером каждые выходные плясали на яхтах с соперниками моего отца, и я уводила в каюту девушек и парней, навешав им на уши бесконечно длинную лапшу: «Да, конечно, дорогой, он как раз изо всех сил ищет следующую звезду, а ты такой милый. Ты оглушительно талантлив. Ты безупречен. Ты безупречен!» Пока не приключилась та жуткая история с Таддеусом Иригареем. Должна признаться, у меня отшибло желание продолжать. А к тому моменту Арасели уже уехала, чтобы заново отыскать себя на радио. [СЕВЕРИН поглаживает горло кончиками пальцев — не то задыхаясь, не то желая изгнать что-то из себя.] Мы почти закончили, верно? Осталась Люмен. Люмен теперь моя мать, счастливая семёрка. Она причина, по которой со мной на корабле путешествует самый настоящий цирк. Я её люблю. Я люблю Люмен Мольнар за всё, чем она не является. Я её люблю, потому что она совсем на меня не похожа. Я её люблю, потому

что она никогда не была на Венере. Я её люблю, потому что у неё только одно лицо. Я её люблю, потому что прямо сейчас она ужинает в столовой с Максимо, Марианой, Августином и Глостером. Потому что она отправилась со мной. Тех, кто следует за мной, я буду любить, пока Юпитер не выгорит дотла и мальцовые киты не заговорят человечьим голосом.

[СЕВЕРИН сжимает руку ЭРАЗМО» Впивается ногтями. Но говорит она, обращаясь к камере.]

Хотите знать правду о моей матери? Она была чудесная. Она была добрая. Она никогда меня не покидала. Она баюкала меня по ночам и будила по утрам. Она играла со мной каждый день и ни разу не забыла почитать мне вслух или рассказать сказку на ночь.

Звали её Клара.

В ней помещалось чуть меньше 150 метров киноплёнки единовременно.

ОХ УЖ ЭТИ СКАНДАЛЬНЫЕ ЗВЁЗДЫ!

«Прожектор», 20 февраля 1933 г.

Колонка редактора: Железная рука Эдисона

Простое правило, которое просто воплотить в жизнь:

Кино должно быть немым.

Но чьё это правило? Какой Моисей спустился с горы с подобной заповедью, выгравированной на его персональной скрижали?

Конечно, нынешнее положение вещей — совсем не то блистающее будущее, которое воображали себе ранние мастера света и звука. Не неопалимая купина, но адвокаты, обуреваемые неопалимой жаждой гонораров, воплотили в жизнь правило Эдисона. Имя Эдисона сделалось синонимом наиподлейшего способа ведения дел и самого сокрушительного высокомерия. Этим клеймом отмечена вся семья, от Томаса Альвы, который собирал патенты, как бейсбольные карточки, до Нынешнего Эдисона, который про-

должает вести такую драконовскую стратегию, что единолично спровоцировал отставание кинематографических технологий на пятьдесят лет.

Ваша покорная слуга уже публиковала раньше такие редакторские колонки. Мои читатели должны быть терпеливы. Принимая во внимание то, что вскоре в славном метрополисе Гуань-Юй, расположенном на блистающих берегах залива Йеллоунайф на нашей дорогой планете-сестре под названием Марс, состоится Всепланетная выставка — первая из устроенных не на Земле, — разве может найтись лучший момент для того, чтобы мистер Франклин Р. Эдисон (для друзей — Фредди) ослабил патентные тиски, сжимающие киноплёнку, записывающее и демонстрационное оборудование, и позволил говорящему кино свободно развиваться? Ведь, в конце концов, таково естественное состояние технологии. И такой она была когда-то. Прежде чем право говорить и привилегия на голос сделались собственностью одного человека, который получил возможность давать их и отнимать, как вздумается.

«Все по местам!», 14 апреля 1933 г.
Колонка редактора
«В начале было Слово, и Слово было у

Бога, и Слово было Бог». Вот как в песне поётся. В ней не поётся, что «в начале было Слово, и Слово было у Патентного Бюро, и Слово лишь Бог мог кому-то уступить». В ранние времена, ненадолго, самые богатые студии и режиссёры — и, разумеется, правительства — могли позволить себе платить непомерные суммы Эдисону и его потомкам за использование и показ фильмов. То был ускользающий миг, когда великие эпики Уорли и Дюфресне сопровождались потрескивающей оркестровой музыкой и монологами. Но долго это не продлилось.

Можно лишь прославлять независимых творцов, которые просто игнорировали Эдисона и продолжали делать красивое немое кино, более продвинутое, сложное и душераздирающее, чем любая говорящая лента какой-нибудь студии-однодневки, поднявшая шумиху в летний сезон. Я это помню: звуковое кино уходило прочь, сперва медленно, потом ещё медленней. В конце концов говорящий актёр на экране сделался признаком Продажности — того, что кое-кто обладает достаточно глубокими карманами, чтобы платить

Эдисону его чудовищное вознаграждение. Все поверили в то, что Истинный актёрский талант, Качественная работа или Настоящий фильм не могут быть связаны с этим надоедливым шумом. И постепенно Большие мальчики с Луны стали копировать то, что делали голодающие художники, желая убедить публику в своей Подлинности, Великих эстетических заслугах — короче, чтобы смазать свой хлеб маслом с обеих сторон. Мы дарим людям Зрелище! Бабах, тарарах, уйии, крещендо! Нет, постойте! Мы Радикальные Художники-Новаторы! Тсс, тсс, ещё тише. Получай награды, заряди пушки наличностью, купайся в аплодисментах — и, чёрт возьми, можно здорово сэкономить, если не придётся где-нибудь в задней комнате выкупАть у дьявола заветный микрофон.

И вот мы оказались в краю, где всё вверх тормашками: технология существует, прекрасно работает, даже развилась — ибо ни один Эдисон не может вечно держать под контролем всё, что ему принадлежит, — но ни одна душа, следующая велениям моды, даже не думает о том, чтобы её использовать. По всему

нашему миру раздаются голоса: СТОЙТЕ! Система работает. Люди просят, чтобы всё и дальше продолжалось так, ибо единообразие выгодно. Наш друг Фредди Э всё ещё пьёт кровь у кинопроизводителей из-за прав на демонстрацию, и все мы можем отвернуться, пока он катается как свинья в своих барышах. Время идёт, и мы привыкаем к сложившемуся положению вещей. Театр Говорит, Водевиль Поёт, Радио Безостановочно Вопит, но в синематографах тихо как в церкви. Время идёт, и публика впитывает эту истину с молоком матери. Я видела собственными глазами, как зрители вздрагивают от отвращения, увидев какое-нибудь кино, чьи продюсеры разрезали на ломтики собственные сердца и подали Эдисону, сидящему за золотым столом, ради права на то, чтобы бедолага Гамлет задал свой знаменитый вопрос вслух вместо того, чтобы безмолвно уставиться на гипсовый череп в ожидании, пока карточка для титров проделает за него всю работу. Сегодняшний завсегдатай кинотеатра встанет и уйдёт, убеждённый в том, что

его обвели вокруг пальца, но не станет слушать человеческий голос.

Чего стоило бы Дружище Фредди попросту позволить нам говорить?

И всё же, всё же… У тишины своя красота. Я не могу поверить, что ленту вроде «Принеси мне сердце титана» Сола Амсела могли бы создать в мире, где каждый фильм болтает в своё удовольствие. А как быть с «Арденской Луной»? «Последним кавалеристом»? Если бы я могла перевести часы назад и спихнуть Фреда Эдисона с его добытого нечестным путём целлулоидного трона, я бы потеряла эти киноленты, которые трижды объяли моё сердце. Он приковал нас к скале Прометея — но разве мы не подружились с орлом? Разве мы не приучились к тому, чтобы любить жизнь и без печени?

Всепланетная выставка — время братской любви и доброй воли. Это олицетворение прогресса и чудес современности.

Давайте я заявлю без обиняков: мистер Эдисон, убирайтесь с дороги.

Хальфрида Х.,
главный редактор

У меня нет желания отказаться от редкой и диковатой магии наших тихих синематографов. В них тихо как в церкви, да. Потому что они и есть церкви. И всё же я не в силах смириться с мыслью, что никогда не услышу, как угрюмый датчанин пытается решить свою судьбу и не может этого сделать. Для него вопрос навеки останется «Быть или не быть?» А для нас таковой звучит иначе: говорить или не говорить?

Сам я не стану выступать с прямолинейными заявлениями, ибо эта область для меня в какой-то степени непостижима, всё в ней перемешалось и перепуталось. Я скажу так: мистер Эдисон, по вашей милости мы оказались в ссылке в странных чертогах разума. Не ждите, что за это мы вас полюбим.

Элджернон Б.,
главный редактор

ПОСМОТРИТЕ ВНИЗ

Посмотрите вниз.

Вдоль сцены на вашей коже. Грациозный просцениум ключицы, плеча, длинных костей предплечья. Авансцена нежного живота. Скена[29] *черепа, где прячутся все боги и машины, ждут сигнала, гремят в своих ящиках, выдыхают дым и тоскуют. Посмотрите вниз; что-то происходит около пупка, омфала, стянутого узлом мирового ядра. Вы не можете чувствовать, как свет играет на вашем теле, но всё равно покрываетесь гусиной кожей. У света нет личной температуры. Но ваше тело инстинктивно понимает, что свет холодный.* Идея *света, нарратив света. Свет заморозит вас так, что вы посинеете. Обманщик-мозг настаивает, что у мелькающих изображений в действительности* есть *вес; они*

---

[29] Примечания: 29

Просцениум (проскениум) и *скена* — элементы древнегреческого театра.

давят, точно пальцы, окрашенные в полутона серого, пальцы трупов, пальцы ангелов, иномирные пальцы. Прикосновение изображений вас искажает — так и должно быть, с этим ничего нельзя поделать. И эти картинки, эти световые карты, не просто касаются, они входят в вас. Фотоны сталкиваются с плотью; большинство отскакивают, некоторые проникают. Вы несёте их внутри себя. Вы уносите их далеко-далеко.

Вы их чувствуете, хотя они неощутимы. Вы дрожите, но холода нет. Вы берёте их внутрь себя, хотя они не спросили дозволения.

Это чувство похоже на дыхание. На выдох, который вы сделали давным-давно, но ощутили только сейчас.

Лицо Северин растворяется, превращаясь в другое лицо. Оно красивее. Любой это признает. Оно обладает неким сходством с засушенной бабочкой и указывает на то, что его обладательница, по чистому стечению обстоятельств, от рождения имела в точности те черты, какие ценила её эпоха. По современным меркам, оно слишком изящное и лукавое. Слишком изысканное, чересчур женственное, чтобы соответствовать нынешней неистовой увлечённости андрогинами. Рот маленький, сердитый, похожий на

рождественский бант. Огромные глаза глядят с лёгкой обидой. Светлые волосы, вьющиеся, как у статуи Аполлона, плотно льнут к голове, обрамляя личико в форме сердца. В безупречной линии челюсти ощущается смутный намёк на капризный нрав. Брови взмывают высоко, выше, ещё выше, точно круглые скобки, обрамляющие её лицо-предложение — и это предложение гласит: «Любите меня, и я рассмеюсь для вас, и, если вы сумеете заставить меня рассмеяться, мой смех без особого труда спасёт весь мир от смерти».

Это Мэри Пеллам. Лунная Милочка. Инженю по найму. В семнадцатилетнем возрасте сыграла первую значимую роль: Клементина Солт, наследница с пистолетом в нижней юбке. «Встретимся на Ганимеде» (реж. Эстер Хименес-Штерн, студия «Каприкорн», 1908 г.) — в нём у мисс Пеллам всего-то четыре минуты экранного времени, полторы из которых она проводит запертая в анабиоз ной капсуле, молотя по стеклу кулаками, как Белоснежка, не прочитавшая сценарий. И всё равно ей удалось переиграть почти всех. После «Ганимеда» она будет неуклонно, пусть и без впечатляющих успехов, трудиться на ярмарке девиц — внешность у неё слишком невинная для злодеек, слишком ангельская для падших

женщин. То в бедственном положении, то вне такового, она останется девицей на сцене, пока морщины не подпишут её заявление об увольнении. Лишь тогда её карьера действительно рванётся с места в карьер. В шляпе хомбург и с повязкой на глазу она сделается мадам Мортимер, величайшим детективом девяти миров. Наши с ней пути пересекутся, когда она выстрелит злодею в глаз.

Улыбка Мэри как прожектор — тот, к кому она обращена, делается ярче, становится более настоящим.

И вот она обращается к нам.

РУКОВОДСТВО ИНЖЕНЮ

Начато 20 августа 1908 г., без четверти три пополудни

Автор: Мэри Александра Пеллам (17 лет)

Город Кузнечика, Луна

Я прибыла на Луну, чтобы сколотить состояние!

Господи боже, разве не это говорят все девушки? И юноши, и богатеи, и нищие, и аферисты, и настоящие артисты, чёрт бы их побрал, и поселенцы, и искатели серебра, и писатели, и бывшие водевильные исполнители, и банкиры, и гангстеры, и покровители — ох, покровители! Не забывай называть их «покровителями», милочка, пока они трогают тебя за коленку и потеют так, что даже через ткань юбки чувствуется — старые извращенцы, да и молодые такие же. Всякая цы-

почка ненавидит быть клише, но, едва ступив на эту каменюку, которая по сути — одна громадная съёмочная площадка да и только, ты быстренько понимаешь, что лишь будучи клише можно рассчитывать на подписанный чек и крышу над головой. Иди-ка в гардеробную, душенька, у нас там шлифовальный станок, который расправится с любой оригинальностью, не задекларированной на таможне. Никаких проблем.

По правде говоря, мне и напрягаться-то не пришлось. Меня как будто из выставочного зала прислали. Последняя и самая лучшая модель, лоск и блеск, поставка первым классом, безупречная инженерная разработка и промышленная подгонка под заводские спецификации! Приобретайте сейчас, пока не вышла серия 1909 года!

Я такая. И этого не стыжусь. Только хихикаю от души. Я Девчонка. Мне даже имя, в общем-то, не требуется. На каждом прослушивании набивается полная комната розоволицых заготовок для купидонов, и все они выглядят и разговаривают в точности, как я. И страдали они столько же, сколько я: достаточно для того, чтобы глядеть с многозначительным прищуром, но недостаточно для того, чтобы испортить цвет кожи. А ещё они все прибыли на Луну в качестве груза,

прямо как я.

Проверьте моё резюме, если вам есть до него дело. Родилась в Оксфорде (Англия, Земля), в тысяча восемьсот девяносто первом. Мама была как мама, но занималась кое-чем художественным, так что можете не сомневаться, что амбиции зародились во мне честным путём. Она рисовала. Она покрывала холсты портретами премированных роз из своего сада — больших и маленьких, красных, розовых, коралловых и красновато-коричневых, как оттенки помады. Дикие, чайные, негибридные. Жутковатые, покрытые каплями влаги. Вот что я вам скажу: если взглянуть на бутон пелламской розы крупным планом, три на три метра, он выглядит розовато-лиловым монстром. Разинутой пастью, которая готова проглотить вас целиком. Папа был профессором лингвистики. Пеллам-старший участвовал в написании словаря, так-то. Воззритесь же на моё детство, о пытливые умы: я сотворена из роз и этимологии.

Ясное дело, я сбежала в Камден, как только мои безупречные икры сумели меня унести. Долой обеды, за которыми на мои бобы с картошкой пялились исполинские глотки с многозначительно вздыбленными тычинками. Долой греческое

происхождение обычных бытовых слов. И вот это тоже долой: «Должен сообщить, что в этом году мы начали работу над словами, которые начинаются с „дж-“, и вы понимаете, о чём речь: шакалы, джаггернауты и джунгли![30] Происходящие, соответственно, от санскритских корней srgalah, „воющий“ jagat-natha, „повелитель мира“ и jangala, что, удивительное дело, означает „сухость“». Ну как от такого не завопить?

Я едва не завопила. Дело в том, что когда тебе в жизни достаётся по-настоящему тухлый жребий, надо выдержать, собрать все силы, затянуть пояс потуже. Однако если твоя участь лишь чуточку раздражает, лишь самую малость угнетает — что ж, надо рвать когти, и без промедлений. Будь я трижды проклята, если окажусь в конце концов в хижине какого-нибудь лицемерного аспиранта, ухватившись за рисование роз как за спасательный круг. Ах да — в Камдене ни в коем случае нельзя было оставаться! Нельзя, раз уж имелся способ оттуда удрать. Нельзя, в особенности тем, кто из той же породы, что и я.

Нет, в те дни — а под «теми днями» я подразумеваю наши дни, а под «нашими днями» подразу-

[30] Примечания: 30

В английском языке все три слова начинаются с одной и той же буквы «j».

меваю все дни, какие ещё наступят, — выбор был небеса или ничего. При наличии мозгов и страстного желания чего-то лучшего, чем потрёпанная старушка Земля с её вспыльчивыми старыми империями, любой откладывал деньги на билет или уже давным-давно улетел на какой-нибудь ракете. Прошло пятьдесят лет с того великого ограбления поезда, которое устроили мастер Конрад Ксавье Верныгора и его старшая сестра, мисс Карлотта Ксантея, пара рождённых в Австралии польских котяток, которые сбежали с сортировочной станции Хобсонс-бэй, прихватив с собой запчасти, ланч и практические познания в инженерном деле, чтобы взорвать свою маленькую «бомбу с вишнями»[31] на Гавайях, где экватор любит нас и желает нам счастья. Я рисовала этот легендарный первый корабль в школьных учебниках. «Древо познания», запущенное из гребаной цирковой пушки; аккуратная капсула, на которой красовались отпечатки их ладоней, испачканных в золотой краске. Корабль донёс Конрада и Карлотту до самой Луны и приземлился под воздействием здешней изящной гравитации прямо… ну, почти туда, где я сижу, где ныне рас-

---

[31] Примечания: 31

«Бомба с вишнями» (cherry bomb) — разновидность фейерверка.

положена гостиница «Савой» в Титоне, с видом на утопающий в серебре берег Моря Облаков.

Теперь обстановка здорово улучшилась, есть фисташковые меренги, милый чайник с белым чаем и официант, от чьего зада я никак не могу оторвать взгляд. Но вынуждена с прискорбием сообщить, что пока не привыкла сдабривать чай мальцовым молоком. Есть в этом что-то неправильное! Молоко должно быть густым, сладким, и всё. А в мальцовом молоке есть пряная нотка. У него привкус такой… резкий. Полагаю, я вскоре его распробую. В конце концов, оно мне необходимо. Всем нам. Мы рабы Венеры, где оно сочится из молчаливых китов, дрейфующих на некотором расстоянии от берега. Без мальцового молока нам здесь не продержаться. Понимаете, дело в плотности. Если пренебречь молоком в чае, кости станут лёгкими, как солома для шляпы, за год или два, и ты сыграешь в ящик под аккомпанемент ирландской цуг-флейты[32]. Так что я помешиваю чай, всё помешиваю и помешиваю, но вкус как и прежде однозначно чудовищный.

---

[32] Примечания: 32

Цуг-флейта (slide wistle) — духовой инструмент, на котором играют с помощью поршня. Звучание цуг-флейты широко известно в виде звукового спецэффекта в мультфильмах и комедиях, знаменующего нелепую или трудную ситуацию для персонажа.

Давным-давно я играла в Конрада и Карлотту с соседским мальчиком, сыном непритязательного младшего преподавателя астрономии — понятно, почему он трепетал от возможности пережить эту историю. Не думаю, что Конрад и Карлотта в своей капсуле делали и половину тех вещей, которые я делала среди персиковых деревьев с… ох, как же его звали? Люциус. Или Лоуренс. Лоуренс! От латинского Laurentius, что означает происходящий из города Лауренциум, расположенного недалеко от Рима.

Ну так вот, я пропустила ту первую стремительную волну переселенцев. Вечно такое случается. Самое лучшее всегда достаётся предыдущему поколению. Но я не так уж сильно опоздала, чтобы не испытать чувства принадлежности к истории! Вот я сижу, пишу в своём зелёном блокнотике и одновременно терзаюсь размышлениями по поводу того, по карману ли мне миска ухи из морского ангела, чтобы насытить желудок, ввиду того, что я (наконец-то!) получила роль в новой ленте Штерна, но мне ещё не заплатили. Я знаю, я ничуть не сомневаюсь, что мой маленький дневник однажды кто-то прочитает, и не только ради того, чтобы догадаться, как затащить меня в постель. Его прочитают, потому что я актриса

эпохи раннего синематографа и в каком-то смысле поздней межпланетной эмиграции. Мне и делать ничего не надо, чтобы быть интересной! Заказала она эту уху из морского ангела или нет? Был ли вкус тимьяна таким же, как дома? (Хотя речь идёт о кустике, который мы называем тимьяном, но это местное лунное растение никак с земным тимьяном не связано. Впрочем, если уж на то пошло, «морской ангел» тоже не с Земли — мы так называем местных длинных чешуйчатых тварей с бритвенными рылами и шестью рудиментарными лапами, потому что в «Савое», милсдарь, не подают уху из лунных монстров!) Напомнил ли ей аромат ухи о невинном детстве в колыбели человечества?

Ну, вообще-то, не особенно.

Так или иначе, мы все ведём дневники. Все мы писаки и болтуны. Потому что знаем, что будущее следит за всем и всё записывает. Поэтому я вам, мистер Будущее, всё расскажу про Конрада и Карлотту, на тот случай, если вы по невнимательности поместите их куда-нибудь не туда.

Я сказала, что пропустила первую волну эмиграции, не так ли, мистер Будущее? К моменту, когда я появилась на сцене, все планеты обзавелись стихийными поселениями, похожими

на шумных детишек, и в каждую воткнули какой-нибудь флаг. На пикнике империй ты был никем, если не владел планетой. Луны, пусть и миленькие, просто миленькие, — всего лишь утешительный приз. Китайско-русский Марс. Сатурн, поделенный между Германией и Австро-Венгрией. Французский Нептун. Американский Плутон. Испанский Меркурий. Оттоманский Юпитер. Все в наличии, все учтены — кроме Венеры. Этой малышкой никто не владеет, потому что она нужна всем. Дорога к звёздам вымощена договорами. Если я хотела остаться англичанкой, могла выбирать между Луной, Ураном или любым из моря спутников. Но я и не думала выбирать. Для таких, как я, есть только Луна! Кто захочет мёрзнуть на Уране, где нет ни единого папарацци?

Я собирала свои орешки, как прилежная белка, снимаясь в рекламе и время от времени танцуя шимми на какой-нибудь отвратительной сцене. Да будет вам известно, что я стала лицом дезинфицирующего средства «Премиум от доктора Годдарда» и рафинированного сахара марки «Маленький бриллиант» — и всё на протяжении двух недель! В эти же самые две недели я по вечерам играла в театре «Синий слон» Ариэль — в той

постановке «Бури» на сцену выходили только женщины и, в основном, обнажённые. Просто кошмар, до какой степени блёстки прилипали к соскам. Они были зелёными ещё месяц после того, как копы прикрыли нас по обвинению в непристойности. «Ну и ладно», — сказала я в тот раз и говорю сейчас. Я слишком много пила и слишком мало ела, со мною приключилась маленькая неприятность из-за помощника режиссёра, и с этим пришлось разбираться; что-то я втягивала носом, а что-то — через трубку, но что уж говорить о былом. Я готовилась к лучшей роли. Пыталась заполучить лакомый кусочек. Очень пыталась. Посещала прослушивания, которые устраивали мистер Уайльд и мистер Ибсен — хвост очереди из претенденток на то, чтобы покашлять за сценой в постановке Чехова, уходил за угол квартала. Но бесстыдная правда такова, что из всего, чем ты обладаешь, самый большой заработок приносят сиськи, и только после того, как я некоторое время проработала полуобнажённой вакханкой (мне доставалась голова Пенфея три ночи из пяти — или четыре, если у Сюзанны в том месяце появлялся дружок), удалось урвать куш.

Я присоединилась к толпам в Кенсингтонских

садах. Прошла мимо статуи Питера Пэна и протянула руку, чтобы коснуться его, как делали тысячи. Полагаю, уже миллионы. Его поставили всего год назад, но ступня почти стёрлась. От второй звезды направо[33], мальчик мой. О'кей. Саквояжи, тёплые шмотки; послеполуденное солнце, похожее на тошнотворную овсяную кашу, пялится сквозь кроны лип. Пушка возвышалась надо мной. Не издав ни звука, я вошла внутрь, чувствуя себя маленьким ребёнком, который смотрит на громадного отца и не понимает, хвалить его сейчас будут или отчитывать. Корабль, на борт которого я взошла, назывался «Безверхие башни Илиона», и это заставило меня ухмыльнуться[34]. Я огляделась по сторонам и увидела целое море флэпперов — девушек с обесцвеченными волосами, в танцевальных туфельках, с

---

[33] Примечания: 33

В повести Джеймса М. Барри «Питер Пэн и Венди» Питер сообщает свой «адрес» следующим образом: «Второй поворот направо, а потом всё прямо до самого утра» (пер. Н. М. Демуровой). Однако в диснеевской версии его остров находится в космосе, поэтому фраза обрела новое звучание: «От второй звезды направо, а потом прямо до самого утра» (second star to the right, and straight on till morning).

[34] Примечания: 34

Непереводимая игра слов: в оригинале корабль называется «Topless Towers of Ilium», где первое слово означает одновременно «безгранично высокий; не имеющий верха» и «с обнажённой грудью». Кроме того, название представляет собой отсылку к пьесе Кристофера Марло «Трагическая история доктора Фауста» (*пер. Н. Амосовой*).

губами карминового цвета. Мы все заявились сюда ради целого дня полёта в тесном корабле со множеством мужчин, каждый из которых был рад сообщить: детка, я режиссёр, садись-ка рядом. Это было похоже на прослушивание. Прослушивание, которое смотрел целый мир, желая увидеть, примет ли нас Луна или, сделав круг, вышвырнет как статистов после съёмок в массовке и «главной роли» на отельной кровати, где продюсер в цилиндре проверяет актёрские способности с помощью своего члена.

О, безграничная вселенная нуждается в нас, великих и малых, чтобы мы заполнили её и привели в порядок, чтобы она созрела, сделалась полной и кишащей жизнью. Не бывает неважных историй, есть лишь короткие. Но Луна… на Луне делают кино. И ещё Луна — бессердечная сука. Ей нужны только немногие. И даже ещё меньше. Она сидит себе в вышине, вся такая величественная и могущественная, в режиссёрском кресле из звёздного света, и помечает слабых «птичкой» на планшете, залитом слезами инженю. Луне наплевать на наши милые маленькие неприятности. Она вчера сожрала за обедом тысячу девчонок, а через час снова проголодалась. Она и глядит-то на нас лишь изредка.

Но я гляжу только на неё.

И вот я здесь. У меня есть комната — не в «Савое», боже мой, и думать забудьте! Меня поселили на окраине Города Кузнечика, на Эндимион-роуд, в «Доходном доме принцессы Элис», на третьем — верхнем — этаже. Пять девушек в одной комнате. И наш совокупный гардероб в роли шестого жильца, потому что все мы зарабатываем на жизнь перед камерой и на сцене. Наряд королевы-девственницы, принадлежащий Каллисте, занимает весь дальний угол, а наши кошки живут под её юбкой. Но я берегу свои считаные шиллинги для завтраков в «Савое», чтобы чувствовать себя… значимой. Чтобы внушить себе, будто я чего-то стою и меня что-то ждёт. Чтобы читать слухи, которые поставляет Элджернон Б., и, быть может, краем глаза подсмотреть, как старина Вадси Шевченко приласкает какого-нибудь помощника реквизитора. Чтобы Сорен Блом меня нашёл, если будет прочёсывать кафе в поисках ионийской герцогини, которая совершенно случайно должна выглядеть прям как я, или если придёт лихой красавец Персиваль Анк, высматривая новую героиню, которую можно зашвырнуть туда, где кишмя кишат призраки. Чтобы я могла глядеть на полушарие летней Земли, утопающее в пене

Моря Облаков, и на уличные фонари леденцового цвета, чей свет длинной и яркой волной захлёстывает мой город.

Мой город! Титон, жемчужина Луны, неряшливый владыка переулков, Город Кузнечика, мой дом! Я сошла с борта «Безверхих башен Илиона» и вобрала в себя его круглые синь-стекольные шпили, изобилующие развратом дыры, опиумные сады и ботанические притоны, а также дворцы из ивового коралла, обросшие мхом чуть ли не доверху — и всё это походило на первый в жизни вдох. Я влюбилась. Я была невестой перед алтарём. Если бы у меня остался хоть пенни, я бы схватила первую попавшуюся шлюху, чтобы совокупиться с нею прямо там, у стены «Актеона», просто ради того, чтобы город оказался внутри меня, а мои руки ощутили его тепло. Дешёвые кинотеатры здесь попадались через каждые четыре шага, но чтобы пройти эти четыре шага, нужно было миновать величественные синематографы, похожие на дворцы, врата студий, которым только святого Петра не хватало, райки, бордели и дансинги, которые, точно цветы, вырастали на каждом свободном пятачке. Они даже построили «Глобус» — у меня заныло в груди, когда я увидела в этом новом Вест-Энде нечто знакомое, похожее

на личную гладиаторскую арену Снежной королевы, сооружённую из синь-стекла, серебра и резных раковин.

Я буду здесь играть.

О, я полагала, что буду вести себя разумно. «Не ищи золото с лотком в руках, — сказал один мудрый человек. — Продавай лотки». Я думала, что изучу кинокамеры. Изнутри и снаружи. Я могла это сделать. Нашла бы работу заместительницы помощника ассистента. Подобравшись поближе к съёмочному процессу, я бы победила. Может, кто-то бы заметил меня за каким-нибудь лёгким чтивом, обратил бы внимание на то, как выглядит мой профиль в свете Земли. Может, и нет. Держи свои мечты в узде, Мэри! Но, чёрт возьми, хватило одного взгляда на Город Кузнечика, «Глобус», «Актеон» и «Савой», чтобы я поняла: не выйдет. Наплевать мне на то, как работает камера — главное, чтобы она была направлена на меня.

Нет, я точно буду здесь играть. Я появлюсь на сцене в роли Ариэль, только в платье. Я приму вот такую позу в двойных изумрудных дверях «Актеона» на премьере фильма, в котором сыграю главную роль, и моё имя будет над названием киноленты, всё в огнях, красное как роза, как

рот. Я пойду ва-банк. Я безжалостно прикончу Уайльда, Ибсена и Чехова; я съем сердце Клавдия на рыночной площади; я буду чахнуть от любви к Робин Гуду. Все роли, все до единой. И мужские тоже. Гамлет будет на высоких каблуках, и пусть кто-нибудь дерзнёт забыть моё имя! Я буду горбиться, как Дик III, до посинения. Я сделаю так, что Луна меня полюбит, даже если для этого мне придётся её напоить и стукнуть по башке.

И ведь я действительно синею. От этого бросает в дрожь! Я бы сказала, пока моя кожа по оттенку где-то между порохом и небом. К Рождеству, видимо, сделаюсь как сапфир.

Должна признаться, по части работы всё идёт не очень-то хорошо. В прошлом году во время истребления женихов в «Одиссее» Дориана Блистера я бегала туда-сюда, как безупречная дурочка. Вода в моей ванне порозовела от фальшивой крови. Даже после того, как я отмылась до скрипа, пузырьки подсказывали, что где-то на моём теле осталась частичка Телемаха. Но камера задержалась на мне на секунду дольше, чем на прочих горничных, и я изобразила ужас особенно хорошо. Потом я была трупом в «Уравнении Меркурия». На мне было короткое платье, и меня задушили. Большие чёрные отметины от

пальцев красовались на моей шее. (Подсказка: это сделал блудный сын.) И ещё я была феей в «Волшебном народе за границей» — этот фильм, если вас интересует моё мнение, полная кокаиновая белиберда. Просто громадная куча больших бумажных цветов и подвесных тросов, и сладкая как рвота оркестровая чушь, а также животные, которых хватило бы на половину цирка — по утрам им в миски для воды подливали ром, чтобы во время съёмки соответствующих сцен они покорно шатались по павильону, не пытаясь оторвать Титании лицо. Во второй сцене можно увидеть пантеру, которая вырубилась и упала прямо на рог изобилия.

Я узнала, что важно иметь имя. Если ты Фея № 3, пиши пропало. Ну хоть Горчицей[35] назовите меня в титрах, мистер! Вам же это ничего не стоит. Мне через многое пришлось пройти, чтобы из номера превратиться в имя. Мёртвая девушка № 2. Горничная № 6. Я устроила праздник с одной из четырёх соседок по комнате (Регина Фараго — вы её в следующем году увидите в той масштабной и выпендрёжной ленте про Наполеона: сложена

[35] Примечания: 35

Горчица (Mustardseed; букв. — «Горчичное Зёрнышко») — персонаж комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», как и упомянутая чуть раньше Титания.

как жираф, высокая, с коричневой кожей и наделённая той неуклюжестью, которая кажется грациозной, если у вас такие ноги, как у неё) и целым ведром джина, когда меня взяли в качестве Фавна № 1 в «Трижды призрачные леса Тритона». Завоёвываю мир! Вчера № 6, сегодня № 1!

Но теперь я персонаж с настоящим именем! Подписала контракт как «Мэри Пеллам», с красивым росчерком. Может, что-то из этого выйдет. Может, и нет. Но у меня ещё годы в запасе, чтобы добиться своего.

Сегодня я Клементина Солт.

Что ещё важнее, мисс Клем — моя путеводная нить к контракту со студией. О, мой Грааль, чаша моя, купель процветания! Запертая в замке, полном опасностей, и до краёв наполненная мелким шрифтом! Я так мечтаю продаться какой-нибудь студии. За кругленькую сумму, разумеется, — доктор Пеллам не вырастил дурочку. Я прямо извиваюсь при мысли о том, как какой-нибудь крупный мясистый босс положит свою лапищу поверх моей руки и проведёт золотым пером по гладким страницам. Подпишите здесь, юная мисс, и мы сделаем вас бессмертной. И владеть мною будут столь же долго. Милый единорог в милом зоопарке. Что кушать; с кем спариваться;

выступления в семь, девять и одиннадцать.

Только поглядите на меня: обрастаю настоящей лунной бронёй из цинизма.

По правде говоря, клетка для единорога — самое безопасное место в мире. А мне нужна безопасность. Я должна быть в безопасности. И для этого требуется защита. Эти студии рыскают по Луне, точно маленькие императоры, оседлавшие огромных тупых животных. Они поделили это место между собой, как Англия, Франция, Австро-Венгрия и Россия.

Они даже воюют по-настоящему!

На Земле об этом ни слуху ни духу — как можно, сэр. Но такое случалось. В конце концов, в их распоряжении наряды, реквизит и взрывчатка для какой угодно битвы в истории. С чего бы такому добру пропадать лишь из-за того, что никто на этой неделе не снимает ленту о войне? Титон разделён на территории: север принадлежит «Каприкорну», юг — «Транкилити», восток — «Плантагенет Пикчерз», запад — «Оксблад Филмз». Остальная Луна рассечена схожим образом, не считая расположенных тут и там немногочисленных независимых цитаделей. «Вираго», «Уэйнскот», «Артемисия». Горе тому, кто пересечёт границу! Коротышки-императоры

в коронах из слоновой кости бьются друг с другом, оседлав носорогов. Впрочем, на самом деле происходит вот что: «Оксблад» выхватывает Мод Локсли из-под носа у «Плантагенета», и Саймон Ласло обрушивает на их натурную съёмочную площадку — которая охватывает более-менее всю западную часть города до самой Кориандр-стрит — сотню актёров, убеждённых в том, что они разыгрывают предательство герцога Бургундского, и вдруг оказывается, что их пули на самом деле сносят головы «верным французским крестьянам», так что Мод Локсли в сопровождении контуженной охраны отправляется домой и проводит месяц в особняке Ласло под замком, сунув голову в бушель эф-юна, пока не приходит в себя в достаточной степени, чтобы заняться делом.

О, деньги на Луне английские — на банкнотах красуется кислая улыбка старушки Виктории. Но ни у кого нет даже тени сомнений по поводу того, кто заправляет этим заведением. Если ты умён, то выбираешь сторону. Предлагаешь свою верность, поскольку больше тебе нечего предложить.

Проблема в том, что в большинстве случаев никто не захочет купить душу, которую ты выставил на продажу.

Я приобрела этот блокнотик в магазине за углом от «Охотницы» — это бордель, но довольно хороший. Если дела мои пойдут совсем плохо, надеюсь, меня возьмут туда. Завтрак приносят на подносе, и работа начинается не раньше четырёх. Блокнотик озаглавлен «То, что мне известно». Тут я узнала чертовски много разных вещей. Полагаю, я думала, что Луна окажется похожей на Лондон, только больше и не такой дорогой. Почти уверена, что именно такая идея блуждала в моей голове. Но в точности как везде, требуется примерно пять секунд, чтобы кто угодно понял: Земля отсюда очень, очень далеко.

Несут первые блюда к ужину. Мой чай остыл. С площади Императрицы уже доносится фокстрот: гирлянды бледно-зелёных мальцовых фонарей покачиваются на морском ветру, каблуки стучат по брусчатке, напоминая гром аплодисментов, девушки с короткими волосами смеются, глядя на юношей с перьями на лацканах. Может, позже я к ним присоединюсь. Я неплохо танцую. Не великолепно, но сносно. Я всегда честно говорю о своих способностях. Я очень хорошенькая, но моей внешности не хватает глубины, и потому до настоящей красавицы я чуть-чуть не дотягиваю. У меня чрезвычайно выразительное лицо, и я мо-

гу кривляться как вздумается. Я низенькая, но у меня справная грудная клетка и почти безупречные икры. Для работы на сцене у меня глубокий грудной голос, который разносится далеко, но он чуточку ниже, чем того требует мода. Я могу его до некоторой степени изменять. Могу изобразить американку или француженку, и ещё работаю над московским акцентом. Может, к двадцати годам я буду отличной танцовщицей. Может, к тридцати я стану красавицей. Всё может быть.

Мой официант меня пожалел и принёс тарелочку с грецкими орехами и сыром, чем полностью завоевал моё сердце. Да, мой мальчик, я выйду за тебя. Ещё как выйду.

Ну ладно, Мэри, ладно! За дело!

На сегодняшний день, двадцатого августа тысяча девятьсот восьмого года от рождества Христова, я убеждена, что Непреложные лунные законы состоят в следующем:

1. Женщине доступны всего лишь восемь ролей: инженю, мать, ведьма, детектив, монахиня, шлюха, королева и труп.

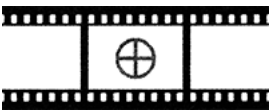
2. Рано или поздно ты окажешься чьей-то собственностью, детка. Зови себя Майской королевой, если позволят выбрать, чьей.

3. У тебя нет гордости. Если есть, засунь её куда-

нибудь. Под матрас, в чей-то чужой чулан. Толку от неё никакого.

4. Та женщина, которой ты становишься, когда работает камера? Это не ты. Это Девушка-из-зеркала. Она живёт по другую сторону объектива. Она лучше тебя — симпатичнее, грациознее, ходит как надо, блистает когда надо, краснеет когда надо и растворяется во мраке раньше, чем кто-то успеет заскучать. И с нею происходят лучшие вещи, нежели чаёк в печальном одиночестве и блохи в ночлежке, коих удостаиваешься ты. Полюби Девушку-из-зеркала. Люби её всей душой, искренне. Демонстрируй ей своё почтение, молись ей. Она твоё личное божество, и ты будешь за нею гоняться всю оставшуюся жизнь.

СУДОВОЙ МАНИФЕСТ МАЛОГО ТОРГОВОГО СУДНА «МОЛЛЮСК»



Зарегистрированный собственник: «Оксблад Филмз» / Франклин Р. Эдисон

Порт приписки: Титон, Луна, Соединённое Королевство

Построен: 1940, верфь «Коперник»

Производитель: корпорация «Верныгора Моторз». (Дочерняя компания: «Дж. П. Морган & Ко»)

Модель: Цериго VI (ограниченное внутрисистемное разрешение #NK55781432F00QWP)

Размещение: 35

Тоннаж: 5,771

Длина: 425 футов

Ширина: 56 футов

Двигатель: пушка класса «Урания», счетверённые орбитальные заряды «Форд», дизельная установка для торможения с помощью аэростата «Карнеги», складные магнитные паруса

Палубы: мостик, каюты экипажа, столовая, обзорная палуба, пассажирские каюты, радиорубка, монтажная, грузовой отсек, машинное отделение, кочегарная, балласт

Предпусковое состояние: неисправностей нет. Оборудование камбуза, системы передачи данных и внутренней связи пройдут запланированное техобслуживание по возвращении в док

Осматривали: Пётр Крупин, Аркадий Лагунов, Екатерина Богомолова, Станция Новый Китеж, Москва, 11.6.44

Предполагаемый выход на Большую Железную Дорогу — в 21:00, 12.6.44, перекрёсток Анадиомены, стрелка 9.6.4.2

Съёмочная группа:

Северин Анк: режиссёр

Кристабель Оссина: первый помощник режиссёра

Эразмо Сент-Джон: ведущий оператор

Гораций Сент-Джон: оператор

Максимо Варела: осветитель

Марианна Альфрик: звукорежиссёр

Сантьяго Чжан: помощник гафера[36]

Конрад и Франко Салландар: ответственные

---

[36] Примечания: 36

Гаф(ф)ер — бригадир осветителей.

за питание

Технический персонал:

Анастас Даджо: пилот (сертификат транспортного управления внутренней системы 1919, медаль Гесперид 1924)

Грит ван Руйен: штурман (младший картограф, Британские железные дороги, инженерный корпус, особая благодарность за работу на магистрали Венера — Меркурий 1942)

Айзек Дирфут: интендант (Массачусетский технологический институт 1938, младший проводник, железная дорога Могавк и Гудзон, Марсианский астероидный коридор 1939–1942)

Ганим Булос: сигнальщик

Балаш Олмасси: охранник

Доктор Маргарета Нантакарн: корабельный врач (Эдинбургская медицинская школа 1922, специализация — эпидемиолог. Резидентура за пределами Земли: Меркурий, Трисмегист, детская больница св. Таларии 1925)

Айлин Новалис: венерианский посредник (станция Белый Пион)

Генри Лэмб, Саймон Пул, Яромил Кисели: стюарды (контрактные работники из «Титон-Савой», срок контракта 29.5.44–8.8.46)

Уильям Каур: переработка мусора

Кэролайн Деррик: монтёр

Арло Ковингтон: сертифицированный бухгалтер, агент по надзору «Оксблад»

Мистер Тобиас: корабельный кот (абиссинец, шесть лет, отсутствует левое ухо)

Материальная часть:

1200 фунтов говядины

700 фунтов баранины

775 фунтов говяжьих консервов

600 фунтов телятины, свинины, сосисок (говядина-фенхель, молочная ягнятина-заатар, курятина-эстрагон)

1500 фунтов курятины

250 банок фруктовых консервов

250 банок с мармеладом «Данди» (апельсин, лимон, красный апельсин, муск-лук), джемом «Гросс & Блэкуэлл» (клубника-перец, крыжовник-портвейн, морошка-шампанское, марсианская годжи-серрано) и чатни (манго, клюква, лунный кокос, тритонская мята с отчай-розой)

250 бутылок с соленьями и соусами: «Бранстон», «Серапис Пепперз», «Нергал Морелз», «Си-Би Уолнатс», «ХП Соус», кетчуп «Герменеус Фэнси», острая горчица «Калорис Базин», «Вустершир», соевый соус «Маунт-Пэнлай», соус для рыбы «Хвост Тетис», сладкий соус чили «Лучший на

Ио», перечный соус «Макколик», «Золотой сироп Лайла», чёрный уксус «Чженьцзян», паста из креветок «Хвост Тетис», кленовый сироп «Небесный лось» (сорт Б), лаймовый сок «Роуз». 65 бутылок зарезервированы для продажи/обмена в месте назначения.

370 фунтов икры нереид (межпланетное карантинное свидетельство от 2.5.44, № 777121Ne в реестре экзотической пищи, см. приложенный формуляр. Полностью зарезервирована для продажи/обмена.)

250 фунтов кофе 200 фунтов чая

100 фунтов консервированной рыбы (анчоус, лосось, сельдь, молодняк «морского ангела»)

900 фунтов мягкого сахара (350 фунтов зарезервированы для продажи/обмена)

300 фунтов колотого сахара (100 фунтов зарезервированы для продажи/обмена)

660 фунтов соли (200 фунтов зарезервированы для продажи/обмена)

510 фунтов чёрного перца (200 фунтов зарезервированы для продажи/обмена)

825 фунтов масла (разных сортов)

2 тонны картофеля

1 тонна прочих овощей

400 куриц, уток, лунных перепёлок (живые,

несущиеся, предназначены для продажи/обмена после приземления на станции Белый Пион; договорённость с покупателем заключена)

1,25 тонны лярда

78 баррелей пшеничной муки

56 баррелей муки реи (межпланетное карантинное свидетельство от 9.6.44, № 413066Sa в реестре экзотической пищи, см. приложенный формуляр)

40 баррелей муки флегия (межпланетное карантинное свидетельство от 9.6.44, № 900142Ma в реестре экзотической пищи, см. приложенный формуляр)

7564 галлонов свежей воды

250 галлонов мальцового молока (предоставлено в рамках рекламной кампании: 125 галлонов марки «Хатор», 125 галлонов марки «Притхви»)

21 кварта мороженого «Притхви» (шоколад, ваниль, инжир-фисташки, черничный сидр, чёрная карамель, зелёный чай — розовый пекан, сладкий картофель, «Щедрость Сатурна», «Ионийский огненный пирожок», «Волна Цюаньдун», «Фобосский макадамия-сюрприз», «Утро на Ганимеде». Зарезервировано до приземления)

21 бутылка шампанского из имения Афрос (зарезервировано до приземления)

16 наборов косметики (предоставлены «Элизабет Арден», «Пятьюдесятью дочерями». Неиспользованные наборы предполагается продать или обменять перед отбытием)

27 наборов парфюмерии (предоставлены «Шанель», «Мадам Зед», «Сатурналией», полностью зарезервированы для продажи/обмена)

4 пишущие машинки марки «Ундервуд»

50 стопок бумаги

46 500 футов 35-миллиметровой киноплёнки «Истмен»

3 «долли»[37] (изготовлены на заказ + разборные рельсы)

10 фаросских объективов разной длины

3 коробки батареек марки «Йотун»

2 генератора «Этней»

2 поворотных крана

3 штатива

5 измерителей освещённости «Истмен»

4 микрофона с чехлами, марки «Эдисон»

4 коробки осветительных патронов Желатиновые светофильтры, лампы, светопоглощающие покрывала, фильтры, клейкая лента, микшер, записывающее устройство, операторский кран,

---

[37] Примечания: 37

«Долли» — жаргонное наименование операторской тележки.

кабели — в ассортименте

3 коробки зажимов

2 ручные 35-миллиметровые камеры модели «Эдисон G III»

2 ручные 35-миллиметровые камеры модели «Эдисон B II»

3 костюма для ныряния

1800 м дыхательных труб различного размера

(Первичное финансирование предоставлено корпорацией «Оксблад Филмз». Дополнительное финансирование предоставлено «Молочными продуктами Притхви», «Мальцовым молоком Хатор», «Гросс & Блэкуэлл», марсианской шахтёрской корпорацией «Редроуз Дип», «Шанель», «Карнеги Стил», Люмен Мольнар.)

МИЛУЮ Я БРОСИЛ ПОД ДОЖДЁМ

Расшифровка отчётного интервью Эразмо Сент-Джона, состоявшегося в 1946 г.; собственность «Оксблад Филмз», все права защищены. Дня просмотра требуется разрешение службы безопасности.

ЦИТЕРА БРАСС: Начинаем запись. Сеанс номер один, день первый. Время восемь пятнадцать утра, вторник, третье января 1946 года, парк «Оксблад Индастриал», Эндимион-роуд, 1770, Северная Йемайя, Луна. Я, Цитера Брасс, руководитель службы безопасности «Оксблад Филмз», единолично провожу это постпроизводственное интервью. Вы не могли бы для протокола назвать ваше полное имя, возраст и место рождения?

ЭРАЗМО: Эразмо Леонард Сент-Джон. Тридцать лет, Гуань-Юй, Марс.

ЦИТЕРА: Выходит, у вас двойное гражданство?
ЭРАЗМО: Полагаю, моё китайское гражданство иначе как «истёкшим» назвать нельзя. А что такое? Меня приглашают на ланч в посольство? Или вы просто пытаетесь выяснить, кто может рассердиться из-за того, что меня держат под арестом?

ЦИТЕРА: Вы вовсе не под арестом, мистер Сент-Джон. Не говорите чепухи. Ваше последнее место работы?

ЭРАЗМО: Ведущий оператор на съёмках «Сияющей колесницы, воробьями твоими влекомой».

ЦИТЕРА: [щелчок шариковой ручки] Ну что ж, хорошо. Вы готовы начать, мистер Сент-Джон?

ЭРАЗМО: Вот уж нет.

ЦИТЕРА: Я думаю, мы проявили чрезмерное терпение. Прошло почти семь месяцев. Если вам так удобнее, можем предоставить всё необходимое для того, чтобы вы оформили свои показания в письменном виде, но, так или иначе, мы больше не видим оснований для дальнейших отлагательств.

ЭРАЗМО: Тогда зачем утруждать себя вопросом о том, готов ли я? Вы решили, что готов. И даже чашки чая мне не принесли. Самый натуральный допрос.

ЦИТЕРА: Это не допрос. Это стандартное отчётное интервью, которое студия проводит после всех съёмок за пределами Луны.

ЭРАЗМО: Я работал над… двенадцатью? Нет, четырнадцатью картинами «Оксблад». Меня интервьюировали до потери пульса, и не припоминаю, чтобы этим хоть раз занимался кто-то другой, кроме всяких двадцатилетних задротов. Интервью — работа для стажёра. Руководитель службы безопасности отчётом ведущего оператора даже туфли натирать не станет.

ЦИТЕРА: [потрескивание интеркома] Джейн, будь добра, два эспрессо. И тосты с маслом. Спасибо. И всё-таки, вы по-прежнему отказываетесь от юридического представительства.

ЭРАЗМО: О, целиком и полностью. И я просил чай.

ЦИТЕРА: Мистер Сент-Джон, будучи работником студии, вы имеете право в полной мере воспользоваться услугами нашего юридического отдела. Это реально может вам помочь, и совершенно бесплатно. Учитывая обстоятельства, крайне рекомендую так и поступить.

ЭРАЗМО: [короткий, резкий, весьма невесёлый смех] Сдаётся мне, позволить стаду адвокатов «Оксблад» защищать мои интересы, в то время

как вы единственные, кто меня в чём-то обвиняет, было бы за гранью тупости.

ЦИТЕРА: Не знаю, какие обвинения вы имеете в виду. Это просто разговор между коллегами. И нет нужды считать происходящее чем-то более напряжённым или неприятным. Все остальные уже дали показания и отправились домой.

ЭРАЗМО: Значит, вы уже знаете больше, чем я могу рассказать. Как насчёт того, чтобы я выпил чаю, самостоятельно заказав его в «Савое», и чтобы мне больше не пришлось любоваться вашей грёбаной физиономией?

ЦИТЕРА: Мистер Сент-Джон, вы разве не хотите отправиться домой?

ЭРАЗМО: Вы и не представляете себе, до какой степени мне наплевать.

ЦИТЕРА: Нет нужды проявлять враждебность, мистер Сент-Джон. Давайте начнём с чего-то полегче.

ЭРАЗМО: [смеётся]

ЦИТЕРА: Вы состояли в романтических отношениях с Северин Анк, верно?

ЭРАЗМО: Вы правы, это легко. Да. Пожалуйста, не используйте прошедшее время, иначе я буду вынужден опять сквернословить.

ЦИТЕРА: Когда эти отношения начались?

ЭРАЗМО: Официально? На Рождество… э-э… 1937 года. На вечеринке в честь завершения съёмок «Фобоса». Неофициально мы встретились, когда мне было десять, а ей — двенадцать. Феликс — это мой отец — заключил контракт о работе над «Атомными всадниками». Мама работала над какой-то лентой Блома. Они никогда не работали над одним и тем же фильмом одновременно. Людям неуютно, когда чернокожий и его белая жена просто так расхаживают вокруг, держатся за руки, смеются и совершают прочие прегрешения против цивилизации. Так что я помогал папе разрисовывать декорации для сцены с родео теней, затенял радиоактивные лассо, придавая им объёмность, когда рядом появилась Ринни. Я сначала увидел её тень на тенях, которые рисовал, а потом — её саму. Она сказала: «Божечки, это просто великолепно! Такое чувство, что они вот-вот выпрыгнут оттуда и схватят меня за шею». И со мной всё было решено. Нам двоим просто пришлось немного подождать.

ЦИТЕРА: Очень романтично. У вас бывали схожие проблемы, когда вы с Северин работали над одним и тем же проектом? Над «Сияющей колесницей»?

ЭРАЗМО: Если и были, это не имело значения. Да

ладно, вы же сами знаете. Режиссёру позволено всё. Мои родители были простыми художниками-оформителями. Если бы какой-нибудь продюсер хотя бы взглянул на них и у него заныло сердце, от обоих бы мгновенно избавились.

ЦИТЕРА: [весёлое фырканье] Итак, вы с Анк были вместе с 1937 по 1944 год, верно?

ЭРАЗМО: Мы на некоторое время разошлись по пути домой с Нептуна. Была одна девушка, левитаторша. Рин по ней тоже с ума сходила. Думаю, в этом и заключалась проблема. Мы оба сбились с пути. Понадобилось пересечь почти всю Солнечную систему, чтобы заштукатурить эту дыру. Ну, и ещё Рин не хотела замуж. Её сложно винить, зная всю историю. Потом мы снова расстались, когда она занималась подготовкой к съёмкам «Сияющей колесницы». Я считал, что она уперлась в свой план съемок как баран, вместо того чтобы начать работу непредвзято. Всё было не так, как с «Автопортретом» или «Морем», личными и откровенными, или даже как с «Фобосом» и «Спящим павлином», где мы оказались в нужном месте в нужное время и сняли происходящее; продовольственные бунты или опосредованную войну на Ио. «Сияющая колесница» должна была стать чем-то вроде… журналистского расследо-

вания. Мы собирались искать ответы. И если решить, будто ты уже всё знаешь до начала расследования, то… можно исказить результаты. Что-то упустить. Чему-то не придать важности. Я сказал Ринни, что Барт Уорли хочет нанять меня для съёмок «Пусть едят смерть», его крупного эпика о Французской революции. Такие масштабные съёмки были бы для меня хорошим карьерным рывком. Но она в кои-то веки сдалась. Может, ей не стоило этого делать. Мы бы в конце концов помирились. Нам никогда не удавалось подолгу оставаться в разлуке.

ЦИТЕРА: Вы бы могли назвать ваши отношения во время экспедиции на Венеру стабильными?

ЭРАЗМО: Такими же стабильными, как всегда. Мы оба… непростые люди. Мы эгоистичные, упрямые и хотим, чтобы всё и всегда происходило так, как нам нужно. Мы ссорились. А посреди ссоры начинали смеяться. Потом через неделю продолжали ругаться, как будто не успели даже перевести дух.

ЦИТЕРА: [прочищает горло] Уверены, что хотите сообщить о проблемах с вашей девушкой, когда её местонахождение под вопросом?

ЭРАЗМО: Это ещё что за чертовщина? Мы ссорились из-за того, что есть на завтрак. Из-за того,

кто из нас раскидал по трейлеру больше грязного белья и заслуживал именоваться самой главной свиньёй. Из-за расписания съёмок. Из-за того, не слишком ли много выпивали я, она или все на Венере. У всех пар так! Вы намекаете, что я мог что-то с нею сделать?

ЦИТЕРА: Я ни на что не намекаю, мистер Сент-Джон. Кажется, мы поспешили. Давайте вернёмся к лёгким вопросам. Каков был состав вашей команды на момент старта?

ЭРАЗМО: Ох, шли бы вы на хрен. Сами всё знаете. Восемь членов съёмочной группы «Сияющей колесницы», десять — технический персонал.

ЦИТЕРА: А по возвращении?

ЭРАЗМО: Я не знаю. Что там говорится в вашем отчёте о затратах?

ЦИТЕРА: Пожалуйста, мистер Сент-Джон.

ЭРАЗМО: Ну, я думаю, это зависит от того, как считать. Как там дела у Сантьяго?

ЦИТЕРА: [прочищает горло] Мне предписано не обсуждать с вами это, мистер Сент-Джон.

ЭРАЗМО: Ну конечно. Ладно. Мы вернулись на «Моллюске» на станцию Белый Пион в следующем составе: минус один режиссёр, один звукорежиссёр, один идиот, один оператор, и плюс один ребёнок. Вы довольны?

ЦИТЕРА: Для протокола, что вы можете сказать об этом расхождении?

ЭРАЗМО: Вы издеваетесь?

ЦИТЕРА: Ничуть. Давайте разберёмся с каждым по отдельности. Марианна Альфрик, ваш звукорежиссёр?

ЭРАЗМО: [качает головой] Мертва. Мы похоронили её на деревенском кладбище.

ЦИТЕРА: Арло Ковингтон, представитель «Оксблад»?

ЭРАЗМО: Решительно мёртв. Скорее всего, почти наверняка, должен быть мёртвым.

ЦИТЕРА: Гораций Сент-Джон, ваш оператор? Вы его хорошо знали, не так ли?

ЭРАЗМО: Он мой кузен, да. Мёртв… как бы. Я не знаю. Нам пришлось его бросить.

ЦИТЕРА: И Северин Анк, режиссёр?

ЭРАЗМО: [нет ответа]

ЦИТЕРА: Что ж, мы до этого ещё доберёмся. Можете рассказать мне про посадку и обустройство базового лагеря? Своими словами.

ЭРАЗМО: [долгая пауза] [Когда он вновь начинает говорить, то говорит шёпотом.] Когда я закрываю глаза, то вижу фильм, который мы должны были снять. Это было бы нечто изысканное. Нечто доступное, но одновременно стильное,

красивое, радующее глаз и душу. В Адонисе — посёлке, который исчез, — мы увидели тайну. Фильм должен был оказаться похожим на одну из тех чудесных сцен в конце каждой ленты про мадам Мортимер, где она собирает всех подозреваемых в одной комнате, рассказывает им, как всё было на самом деле, и ты чувствуешь… чувствуешь, как будто шарил руками в темноте и наконец-то нашёл выключатель. И вот загорается свет, и какое же облегчение испытываешь, когда видишь, что те жуткие, пугающие очертания среди теней — просто коробки со старым тряпьём, шкаф с выдвижными ящиками и лестница. Наше кино должно было стать таким светом. Это был наш ребёнок. Мы бы щёлкнули выключателем и показали, как две сотни людей могли исчезнуть за одну ночь и не оставить после себя ничего, кроме развалин. Разгадка существовала, ясное дело. Мы просто должны были её найти.

ЦИТЕРА: Осветитель, мистер Варела, сообщил, что в какой-то момент вы всё же закончили черновой вариант. Это правда?

ЭРАЗМО: Не надо. Не говорите мне про Макса. Не хочу слышать его имя. Да. Отснятого материала хватало на полнометражный фильм. (Ну как, «хватало». Его никогда не хватает.) Не на ту

«Сияющую колесницу», которую мы придумали, пока возвращались домой с Энки. Но хватало на… что-то. Мы с Кристабель засели в монтажной на борту «Моллюска» и трудились там как парки. Собирали ленту заново. Там, в монтажной, было хорошо. Мы с Кристабель могли не смотреть друг на друга. И нам не приходилось смотреть на кого-то ещё. Тени и красный свет, и маленький Анхис сидел в углу, не издавая ни звука. Просто смотрел на нас и слушал, как мы снова и снова прокручиваем запись криков в шуме ветра. Если бы мы перестали работать, нам бы пришлось посмотреть на всех остальных. На Максимо и Сантьяго, которые пялились в пустоту, на Айлин и Салландаров, на членов экипажа, которые на станции Белый Пион тратили время на азартные игры, выпивку и перекусы у бассейна, и были слишком вежливы, чтобы расспрашивать о произошедшем. Эта их демонстративная вежливость просто уничтожала меня. Единственным из их компании, кому было не наплевать, куда, чёрт возьми, подевалась Северин, оказался корабельный кот. Мистер Тобиас постоянно мяукал возле её койки и всю исцарапал. Никак не мог перестать её искать.

Если бы не Максимо, я бы вернулся домой с гото-

вой лентой, и вам было бы совершенно наплевать на умерших. Потому что история делается лучше от того, что за неё кто-то умер. Благодаря катастрофе продажи билетов взмывают выше крыши. Если кому-то пришлось пострадать, пока делали кино, то и загадка лучше, и сама история лучше. Если бы не Макс, я бы просто загрузил катушку киноплёнки в проектор, и мне не пришлось бы пытаться выразить всё это словами, чувствуя себя пещерным человеком, который тыкает в стену проклятой палкой.

Я… я спрашиваю себя, смог бы я забыть, если бы всё это случилось где-то ещё. Если бы Горация разорвал гладкабан на Ганимеде. Если бы Арло утонул во время охоты на нереид где-то за пределами Энки. Если бы кто-то из шайки Эдисона застрелил Мари в переулке Титона. Если бы мне не приходилось каждый день вспоминать о смерти Северин за выпивкой, если бы я не нуждался в этой китовой слизи просто для того, чтобы влачить и дальше своё никчёмное существование. Я, чтоб вы знали, много других смертей для неё вообразил. Зачахла от уранской инфлюэнцы. Затоптали на Фобосе во время продовольственных бунтов. Задушена чокнутым шахтёром из Пояса. Нездоровое хобби. Оно помогает мне держаться.

Но смерть есть смерть. С этой заразой не справиться. Эта жирная засранка в чёрной пижаме с места не сдвинется, пока не сожрёт всю твою еду и не выпьет всё вино, да ещё потребует, чтобы ты за столь высокую честь звал её «мадам». Я мог бы разобраться со смертью. Я мог бы жить со смертью. Готовить для нас обоих. Прибираться после неё. Платить по её счетам. Но мне не досталось такой роскоши.

ЦИТЕРА: Посадка, мистер Сент-Джон.

ЭРАЗМО: Знаю. Знаю, вам нужны простые факты. «Покончи с этим, Раз». Но дело в том, что простые факты у вас уже есть. Вы знаете, что произошло. Я это знаю. Загадка состоит не в этом. Вы просите, чтобы я всё вам разложил по полочкам, как будто уже не имеете в своём распоряжении четырнадцать версий случившегося, отпечатанных и сложенных аккуратной стопочкой на столе. Как будто это не общеизвестные факты. С фактами-то как раз всё просто. Понимаете? Я с ними справлюсь даже стоя на голове. Прочитаю наизусть, как стишок. Всё превращается в стихи при достаточно частом повторении. Моё стихотворение звучит так: «Любил я девушку, она оставила меня». Знаете такое?

ЦИТЕРА: [позвякивание фарфора, звонкий стук

ложек о чашки, поскрипывание ножа, разрезающего хлеб] Закрой за собой дверь, Джейн. Обедать будем в час. Итак, что там у нас с посадкой?..

ЭРАЗМО: [долгая пауза] Мы приземлились на станции Белый Пион семнадцатого ноября 1944 года.

ЦИТЕРА: По земному времени.

ЭРАЗМО: Да. Мы везде придерживались домашнего времени. Не стану морочить вам голову, рассказывая про шестнадцатое ноября, которое длится целый год. Мы не собирались оставаться надолго; нет нужды синхронизировать свои часы с местным временем Страны Чудес. Шестнадцатое ноября означает осень, а на Венере осень — это постоянные сумерки. Никакой зари до самой весны[38]. Наша встреча с посредником, Айлин Новалис, в «Вальдорфе» на Идун-авеню, прошла хорошо.

Главные съёмки начались семнадцатого — интервью, вопросы случайным прохожим, отборным психам, которые считали, что Адонис забрали инопланетяне, или Господь, или кор-

---

[38] Примечания: 38

Чтобы обойти вокруг Солнца, Венере требуется примерно 224 земных дня, но в то же самое время из-за низкой скорости вращения для полного оборота вокруг своей оси необходимо примерно 243 земных дня — то есть на этой планете один день длится больше года.

порация «Мальцовое молоко Хатор», или что жители деревни поддались религиозной мании и поубивали друг друга на пике какого-то оргиастического каннибальского ритуала, совпавшего с парадом Венеры и Меркурия. Какой безграничной чуши мы наслушались, мисс Брасс, вы себе не представляете. На любой вкус и цвет.

Мы провели в отеле три дня — члены команды тоже там были. Всё выглядело красивым, хотя, большей частью, сломанным и очень сырым. В вестибюле кое-где осыпалась потолочная плитка. Помню, колонны из розового камня у входа были сплошь покрыты оспинами и изъедены солёным воздухом. Выглядели, как кожа старика. Даже внутри повсюду рос белёсый мох, похожий на бархат, — на стульях, на барной стойке, на стенах и на кроватях. Кажется, мы поселились во вторник. Как сегодня. Наверное, можно отпраздновать круглую дату. На обед жду торт, мисс Брасс. И чтоб со свечкой.

Так или иначе, в нашу последнюю ночь на станции Белый Пион все принарядились в последний раз, поскольку нам всем предстояло облачиться в походную одежду и водонепроницаемые носки. Мы изрядно выпили и налопались мороженого, словно банда детишек после школы. Даже Арло

как будто развлекался. Он всё вспоминал какие-то дурацкие шутки, но они у него не получались. «Ну так вот, жила-была мама-змея и малышка-змея, и мама-змея говорит: „Милая, я только что прикусила язык!“ Нет, погодите, это малышка-змея спрашивает: „Мамусик, мы ядовитые?“ Постойте-ка… вот дерьмо…»

С потолка капала вода в пластиковые кадки, которые мы притащили туда за сто тысяч километров, и прежде чем я успел доесть свою «Волну Цюань-дун», моя ложечка тоже обросла тонким слоем пушистого мха. Марианна и Кристабель пели «Милую я бросил под дождём»[39], устроившись рядом с заплесневелым роялем-миньон, в то время как Айлин играла — и неплохо играла, кстати. На Крисси было платье с серебряными блёстками. Марианна воткнула в волосы веточку лаванды. Максимо выдал в ответ «На Венере дождей не бывает» своим старомодным, как выдержанный ржаной виски, баритоном, и мы так хохотали, пока с люстр нам на головы капала вода, как будто никто в том убогом отельном баре

---

[39] Примечания: 39

«Милую я бросил под дождём» (I Left My Sugar Standing in the Rain) — популярная в 1920-х годах американская песенка, в которой повествуется о том, что «свою милую» певец оставил стоять под дождём и она растаяла (обыгрывается английское ласковое обращение sugar, которое переводится и как «милый/милая», и как попросту «сахар»).

никогда раньше не понимал, в чём ирония этой песни[40]. Они все пытались заставить Ринни спеть, но зашли не с той стороны. Я знаю мою девочку. Она споёт так, что вся Луна заслушается — если ты вырос в театре, то перед аплодисментами не устоишь, всё равно как не устоишь перед угощением. Но ван Руйен — это был наш штурман — хотел послушать «Колыбельную Каллисто». Плохой выбор, Ру! Это из «Вора света», и Северин скорее получила бы ножом для колки льда в глаз, чем сделала что-нибудь, имеющее хоть малейшее отношение к Перси, так что она колебалась. Кажется, я никогда раньше не видел её колеблющейся. Это было интересно. Только ей такое настроение как-то не шло.

Это был худший «Вальдорф» от Меркурия до Плутона, но нам казалось, что мы попали в самое восхитительное местечко в целом мире. Только мы, старая команда. Не считая Кристабель, которую мы стащили прямо на выходе из киношколы, пока её не сцапал кто-нибудь другой, и Франко, который ещё недавно ходил в коротких штаниш-

[40] Примечания: 40

Возможно, ирония в том, что название песни отсылает к английскому выражению «It never rains but it pours» (в буквальном переводе «дождя не бывает, но льёт как из ведра»), которое в какой-то степени отражает чрезмерно влажный климат Венеры.

ках, мы все были вместе с Сатурна. Перетрахали друг друга, нарыдались из-за друг друга и снова друг с другом помирились. Максимо научил меня жонглировать. Я научил Сантьяго играть на гармонике и заказывать коктейль на одиннадцати языках. Марианна и Северин каждое утро плавали вместе в любом городе, где имелась хотя бы лужа. Только вдвоём, и их руки мелькали в дымке, и две тёмные головы походили на тюленей, направляющихся в открытое море.

Сдаётся мне, никто из нас той ночью не выспался. Я услышал, что Максимо и Марианна приступили к делу, когда мы с Ринни по пути в наш номер случайно ткнулись в их дверь. Позже я узнал, что у Крисси завязался роман с сигнальщиком. Малый был красив как статуя и говорил по-книжному, что превращало его в настоящую конфетку для нашей маленькой первой помощницы режиссёра.

Она мне об этом рассказала в монтажной, пока мы просматривали то, что наснимали ручными камерами в ту первую ночь. Мы увидели Кэролайн (она была нашим монтёром) и Горация, которые уединились у фонтана — большой латунной Афродиты, а как же иначе. Мы до того момента даже не знали, что между ними что-то

было. Мы глядели на самих себя, скачущих во хмелю и ухмыляющихся на камеру. И мы улыбнулись в ответ собственным улыбкам, Крисси и я. Впервые улыбнулись после того, как всё случилось. Камера собирает секреты. Она собирает людей, и они навсегда остаются у неё в плену. Тогда-то Кристабель и рассказала мне про Ганима и про то, как он ей цитировал Чосера — на среднеанглийском, никак иначе, — пока они занимались любовью, со всеми гортанными паузами и хриплыми германскими согласными, и о том, как она не могла теперь на него смотреть, потому что если бы посмотрела, он бы пришёл в её каюту, а если бы пришёл, то предложил бы, а если бы предложил, она бы не смогла отказать, так что всё кончено, решила она.

У нас с Северин был номер «35». Помню, там было такое громадное выпендрёжное зеркало, наполовину покрытое мхом, точно изморозью, и с потёками, и я смотрел на отражение Северин в этом зеркале, когда она оседлала меня на нашей липкой, обросшей лишайником постели, накинув чёрное кимоно; мы выпили граппу с привкусом болота — самую чудовищную из всех, что касалась моих губ; и она спела «Колыбельную Каллисто» для меня. Только для меня. Вы

это и хотите услышать, верно? Подробности? Мы половину той ночи целовались — мы бы с нею перецеловали всю Англию. Мы могли целоваться так долго, что и трахаться забывали. Мы не забыли той ночью, и я рад. Мы прислушивались к звукам, доносившимся с Идун-авеню, и пьянчуги пели «Цветок Шотландии», и «Марсельезу», и что-то незнакомое на китайском; мы слушали, как закрываются магазины, как двери салонов, открываясь и закрываясь, дребезжат, словно падающие шарики в патинко[41], как грузовики чешут по дороге, превышая скорость, как из танцзалов доносятся обрывки, отголоски, клочки музыки, как неустанно тарабанит дождь по желобам и решеткам, по слякоти и выбоинам, мы слушали все звуки до последнего. Говорили о вещах, про которые говорят в два часа ночи, когда ты обнажён и так хорошо знаешь человека, рядом с которым ты обнажён, что мог бы нарисовать портрет вслепую, в темноте. О Клотильде, что другие люди всегда находили странным, но нас это никогда не тревожило. Мы же не были… мы же не родственники. Её отец на половине Луны женился, а другую половину затрахал до

[41] Примечания: 41
Патинко — японский игровой автомат.

бесчувствия. Ей бы пришлось здорово постараться, чтобы найти кого-нибудь, чья мама ни разу не ужинала у них дома. Клотильда соединила нас с самого начала, как будто в истории с предзнаменованием. Мы говорили о том, каково это — быть ребёнком на Луне, и о забегаловке с бирюзовыми соусницами, где подавали карри, в квартале Плантагенет у нас дома, о той ночи на Фобосе, когда мы наконец-то переспали, и как нам было хорошо. Мы оба были одеты в чёрное и красное, потому что жить не могли без того, чтобы сперва не обставить съёмочную площадку как положено. Сперва я показался ей забавным на вкус, и она подумала — может, это ненадолго. У человека должен быть правильный вкус, если ты собираешься задержаться рядом с ним. Я пошутил, что ей просто не понравился вкус честного мужчины. Я часто эту шутку повторял. Это была уже не шутка, а простой рефрен. И тогда она сказала: «Не такой уж ты и честный», — и это была следующая строка из сценария.

А знаете, когда мы впервые сказали друг другу «Я тебя люблю», всё пошло кувырком. Её избили на складе на площади Каллисти. Я её штопал в судовом лазарете. Кровь повсюду, мы оба в полуобморочном состоянии из-за голода и адре-

налина. Один её зуб выглядел так, словно вот-вот выпадет. Я обвязал её голову своей рубашкой, чтобы ткань впитала бОльшую часть крови. Она сказала: «Он меня пнул прямо в челюсть», и в ту же самую секунду я сказал: «Я тебя люблю». Она рассмеялась и поцеловала меня. Водонапорная башня Каллисти взорвалась. И после этого мы всегда говорили: «Я тебя люблю прямо в челюсть». И вот так понемногу, по чуть-чуть, двое неприкаянных стали парой.

Господи Иисусе, я о том скучаю и об этом, но её голос слышу прямо сейчас так же чётко, как в тот раз, когда мы разговаривали под звук дождя, и мох окружал нас, тихий и мягкий, как подступающий сон.

Я причиняю вам неудобство?

ЦИТЕРА: Должна признаться, вы очень… искренний человек.

ЭРАЗМО: Хорошо. Хорошо. Я этому рад. Раз уж вам неловко, я хочу продолжить. Раз уж вы сконфужены из-за того, что вынуждены меня слушать, — ибо вам надлежит конфузиться.

Я проснулся в четыре, как будто меня разбудило выстрелом. Северин храпела рядом со мной. Или нет, не совсем храпела. Она как будто щёлкала зубами, потом вздыхала, потом издавала тихий

звук, как будто ей не хватало воздуха. Когда я впервые это услышал, подумал, что она умирает. Ну да ладно. Знаете, иногда бывает так, что ты просыпаешься и понимаешь — всё, каюк, больше не уснуть? Вот так оно и вышло. Так что я встал и отправился в бар. В хороших отелях бар никогда не закрывается, а я удостоверился в том, что «Вальдорф» — хороший отель, когда наши снабженцы занимались бронированием. Я отправился в бар. Я хотел заказать себе «розовую леди». Мой любимый коктейль. А у вас есть любимый коктейль?

ЦИТЕРА: Неразбавленный бурбон.

ЭРАЗМО: [смеётся] Это потому что вы ужасный человек. Я считаю, в баре нельзя заказывать ничего «неразбавленного». Налейте себе пару стопок дома, бесплатно — для этого не требуется никакое мастерство. Пусть миляга-бармен покажет класс хоть самую малость! Ну так вот, мне нравится «розовая леди». Я его заказываю на каждой планете, на каждой задрипанной луне. Не существует двух одинаковых «розовых леди». Вы знали, что на Нептуне их делают с солёной водой? Омерзительно, и в то же время чудесно. Они все чудесные. Я серьёзно. Все и повсюду. Солёный гренадин, и тот чудесный. Итак, я спустился в

бар, и там за стойкой сидел мой кузен Гораций, который уже заказал для меня выпивку. У нас с ним всегда так было. Когда мы в детстве ночевали друг у друга в гостях, нам вечно одновременно снились кошмары, или мы вставали в одно и то же время, чтобы отлить.

В холле видавший виды маленький граммофон с присвистом пел нечто под названием «Над радугой»[42] Никогда раньше эту песню не слышал. Гораций подтолкнул бокал в мою сторону и сказал: «Судя по всему, в венерианском рецепте присутствует некое подобие джина, которое они готовят из этого белого мха; гренадин из фрукта шочипилли, у которого из общих с гранатом свойств только красный цвет; взбитые мальцовые сливки; и примесь грейпфрута, который — потрясающе! — оказался настоящим». Гораций предпочитал «писко сауэр». Ринни лишь недавно вняла моей несказанной мудрости. Она принялась отслеживать вариации «буравчика».

«Розовая леди» была ничего так. Пряная. С ноткой плесени. Мы некоторое время пили и глядели на сумерки снаружи. Осенний свет на

[42] Примечания: 42

«Над радугой» (Over the Rainbow) — знаменитая баллада Гарольда Арлена и Эдгара «Ипа» Харбурга, написанная специально для фильма «Волшебник из страны Оз» (1939).

Венере — всё равно что подарок кинооператору, завёрнутый и перевязанный бантиком. Золотой час[43], который длится целый год. Не надо ждать полпятого вечера, когда солнечный свет безупречен. Венера великодушна. Снимать можно допоздна или с раннего утра, как хочется, и всё равно у тебя будет нужный свет.

Я спросил Горация: «Ну что, есть у тебя теории? Прежде чем мы начнём. Я ставлю на психа-ныряльщика, убийцу с топором. Он всех порубил и скормил угрям».

Гораций улыбнулся. Есть две вещи по поводу улыбки Горация: только в такие моменты можно хорошо рассмотреть маленький шрам на его щеке, куда воткнулся мой игрушечный дротик, когда ему было восемь, и ещё когда он улыбается, то становится больше похож на моего отца, чем я сам.

«Пришельцы, — сказал он. — Логично предположить, что рано или поздно мы должны с ними столкнуться. Ну, ты же понимаешь, речь не о китах. Они не считаются. Они на самом деле ничего не делают. Я намекаю на подлинных пришельцев, которые ходят и разговаривают, жалуются

---

[43] Примечания: 43

Золотой час — время суток с лучшим освещением для съёмки.

на погоду. Пришельцы — или Канада. Тот сектор целиком — спорная территория. Может, Оттава устроила какую-нибудь тактическую ерунду. Крестьяне не хотели съезжать? Чем тратить силы на цивилизованный разговор, лучше их всех устранить».

А потом нам в голову пришла идея пробежаться, пока остальные ещё спят. У нас не было правильной обуви, но мы трусцой пробежали всю Идун-авеню, до самого устья реки. Окунули ноги в красную воду. У Горация от ног ужасно воняло. Всегда так было.

ЦИТЕРА: Кажется, мы слишком отдалились от темы.

ЭРАЗМО: И что такого? Вы же сами сказали, чтобы я всё описал «своими словами». Вот такие у меня слова. Берите что дают, или вовсе останетесь ни с чем.

Ну ладно. Включу ускоренную перемотку. Перебьётесь без братского завтрака на берегу.

Айлин Новалис встретила нас у причалов Потоса в девять ноль-ноль, с четырьмя гондолами. Ей полагалось так же страдать от похмелья, как и всем нам, но по виду это было незаметно. Даже в самую трудную минуту Айлин никогда не выглядела усталой или потрясённой. Она оказалась

лучшей актрисой из всех, кого я когда-то встречал. Чистенькая, сияющая, готовая отправляться в путь — такой выглядела Айлин. Родилась и выросла на Венере, в секторе Айдзэн-Мё. Проводником работала десять лет. В своей области была лучшей. Готов поспорить, что если бы Айлин разбудили глубокой ночью, под одеялом на ней обнаружились бы рабочие ботинки. Её волосы были стянуты в милый хвостик и собраны в узел, который только с виду казался сложным. Я позже, в лагере, видел, как она причёсывалась. Со стороны она выглядела учительницей, готовой отвезти всех нас на экскурсию в аквариум. «Поглядите на этих симпатичных рыбок! Давайте посчитаем, сколько тут разновидностей! Раз, два, три… не трогай стекло, Джордж…»

Мы погрузились на гондолы. На Венере не стоит и пытаться путешествовать сушей — она сплошь грязь да ил. Ушла целая вечность на то, чтобы сделать немногие существующие города пригодными для жизни. Но вода течёт повсюду. Гондолы на самом деле не похожи на гондолы — полагаю, их так называют из-за какого-то древнего каламбура на тему сходства между Ве-

нерой и Венецией[44], но они всего лишь типовые лодки для заболоченных водоёмов, с поплавками и подвесными моторами, а также с абсурдными изукрашенными носами — как будто кто-то вот-вот выскочит из-под брезента и начнёт петь «О соле мио».

Короче говоря, всё шло хорошо. Мы смонтировали эту часть с первого раза. Задраили все люки, попрощались с ребятами с «Моллюска», не считая дока, Маргареты, которая отправилась с нами на случай… ранений. Остальные были на седьмом небе, предвкушая шесть месяцев кутежей в Белом Пионе без нас. Мы отправились в десять ноль-ноль. Понадобилось девять дней, чтобы добраться по воде до Адониса, который расположен строго к югу от станции Белый Пион, в заднице мира. Мы вышли из дельты Суаделы, забитой тёмно-розовым илом. Поплавки выглядели, как сахарная вата. Над нами простирались кроны деревьев какао, на которых кишели синегорлые личинки-светляки длиной с моё предплечье. Я

[44] Примечания: 44

Фонетическое сходство между Венерой (Venus) и Венецией (Venice) с давних пор было для англичан поводом для множества каламбуров, связанных, большей частью, с венецианскими куртизанками. Историк XVII века Джеймс Хауэлл, к примеру, называл Венеру и Венецию «двумя великими королевами», обыгрывая в том числе и фонетическое сходство между словами «queen» (королева) и «quean» (проститутка).

так понял, по отношению к местной фауне они весьма хищные, но люди их не интересуют. Я фотографировал; Гораций снимал то дальний общий план, то улыбающуюся Северин или Айлин, проверявшую карты и наши пропуска.

Должен сказать, вопреки тому, что я слышал здесь по радио, вся зона вокруг Адониса находится на полном карантине и в этом смысле ничем не отличается от Энио, Прозерпины или какого-нибудь другого места, где произошла катастрофа. С нами была стопка пропусков размером с детёныша гиппопотама. Ввиду уникального политического положения Венеры, наши паспорта, заполненные визами, выглядели, словно Парад Наций. Этот маленький мир принадлежит всем и никому. Слишком ценный, чтобы заявить на него права. Северин записала закадровый монолог, который должен был звучать одновременно с кое-какими скучными установочными планами.

«Когда вышла она из моря, сияя, все боги воспылали к ней великой страстью и принялись состязаться друг с другом за обладание ею. Но Юпитер, Отец Молний, знал, что если отдать её руку любому из олимпийцев, это приведёт лишь к бесконечной войне, которая разразится в тишине его чертогов, и потому никто не получил

дозволения разместить персонал или ресурсы в количестве, достаточном для укомплектованного карантина, отстроить или утилизировать хоть что-нибудь; даже случись возможность, они не захотели бы прийти к согласию по поводу того, в каком порядке офицеры имеют право испражняться на венерианской почве; таким образом, карантин на Венере — едва ли нечто большее, чем табличка с надписью „Убирайтесь прочь“ на стольких языках, на скольких можно это проорать за то время, пока Достопочтенный Представитель Как-его-там из Неважнецкой Республики допьёт содержимое своего бокала».

Прежде чем попытаться попасть в Адонис, мы разбили лагерь в дельте с чистой водой. Расстояние было минимально безопасным. Айлин снабдила нас передвижным городом, состоявшим из списанного армейского снаряжения. Сборно-разборные хижины с твёрдой крышей для защиты от дождя и раскладывающимися полами, чтобы оборудование и наши ноги не утопали в грязи. Палатка-столовая, командный центр, жаровни, биотуалет, мастерская. Гораций, Кристабель, Сантьяго и Марианна принялись тестировать оборудование, желая убедиться, что оно пережило путешествие. Салландары взялись

за приготовление ужина — галеты, тушёнка из ‘трикса, консервированные бобы.

Это началось на следующее утро. Всё тотчас же полетело в тартарары. Мы отправились на одной из гондол в сам Адонис. Увидели всё то же самое, что видели вы. Зрелище было так похоже на истории и снимки, с которыми мы уже ознакомились, что находиться там было всё равно что попасть в уже снятый фильм. Гостиница выглядела так, словно пострадала от землетрясения. Старая карусель с лошадками превратилась в груду искорёженного металла, утыканную лошадиными глазами.

Там он и обнаружился, в самом центре внимания, как знаменитость в кафе. Анхис просто шёл себе вокруг памятника, словно это было так, ничего особенного, утренняя прогулка, и миг спустя он собирался попросить, чтобы принесли апельсиновый сок и яичницу. Только он ещё не был Анхисом, он был… артефактом[45]. Как флюгер. Или церковный колокол. Он был частью

[45] Примечания: 45

Значение слова «артефакт» подразумевает не только рукотворный предмет вроде тех, которые перечисляет Эразмо, но и дефект изображения, что в контексте кинематографической темы более чем уместно; кроме того, «артефактом» называют явление (свойство, предмет, процесс), невозможное в естественных условиях и искажающее результаты исследований.

города. Уликой.

Мы провели послеполуденные часы, устанавливая освещение для сцены, в которой Рин устанавливает с ним контакт. И, знаете, иногда я думаю, что единственная разница между Северин и её отцом состоит в том, что Перси сперва всё проживал, а потом восстанавливал прожитое, чтобы снять как положено, в то время как Ринни отстранялась до той поры, пока условия не делались безупречными, и лишь потом кричала «Мотор!». Она не могла ничего как следует прожить без стрёкота камеры.

[кашляет] Мне нужен перерыв.

ЦИТЕРА: Может, вы просто перейдёте к первому столкновению со слуховыми феноменами…

ЭРАЗМО: Мне. Нужен. Перерыв.

«СКОЛЬКО МИЛЬ ДО ВАВИЛОНА?»: Эпизод 764

Дата выхода в эфир: 1 июня 1943 г.

***Ведущий*: Генри Р. Чоудхари**

***Веспертина Гиперия:* Вайолет Эль-Хашем**

***Тибальт Гайян:* Ален Мбенгу**

***Невидимый Гусар:* Закария фон Лейпольд**

***Доктор Груэл:* Бенедикт Сол**

***Приглашённая звезда:* Арасели Гарастазу в роли Финской Фурии**

ВЕДУЩИЙ: Добрый вечер, слушатели, если там, где вы находитесь, и впрямь вечер. Подсаживайтесь ближе, налейте себе чашечку чего-нибудь вкусного и откиньтесь на спинку кресла в преддверии очередной части любимейшей во всей Солнечной системе истории о приключениях,

романтике и интригах «Сколько миль до Вавилона?» Вот уже тридцать лет на волнах эфира «Вавилон» является результатом совместного производства Всепланетной беспроводной вещательной сети Юнайтед/Юниверсал (Нью-Йорк, Шанхай, Титон) и «Би-Би-Си Радио». Запись осуществлена в студии «Атлас», Лондон.

Этот вечерний выпуск вашему вниманию как обычно предоставила компания «Мыло Удзумэ» — очищенное и обогащённое смягчающими маслами, укрепляющими травами и дикими альпийскими цветами, свежесобранными на нежных лугах Европы[46]. Дополнительное рекламное сопровождение предоставили корпорация «Хатор»: мальцовое молоко класса премиум, собственность и владение ныряльщиков с 1876 года; «Красный терем» — отборные чаи, щедрость Титана у вас дома; Ост-Индская торговая компания и корпорация «Эдисон Телерадио».

Ранее в «Сколько миль до Вавилона?»: наша героиня-первооткрывательница, Веспертина Гиперия, попав в плен к венецианским бандитомагам в венерианском пиратском раю под названием порт Эришкегаль, оказалась прикована к

[46] Примечания: 46

Подразумевается спутник Юпитера (Europa), а не часть света в Северном полушарии Земли (Europe).

сотворённому из вулканического стекла шпилю башни Намтар цепями, которые невозможно разбить! Трусливый король бандито, доктор Груэл, вознамерился превратить милую Веспертину в свою невесту и привязал её ремнями к своей мерзкой картезианской расщепляющей машине, вследствие чего наша героиня забыла не только своего любимого, Тибальта Гайяна, но и своего брата-близнеца, великого изобретателя Валентино. Валентино затеял дерзкое освобождение, пролетев сквозь венерианские туманы на своём чудесном механическом овцебыке Браггадочио. Слушатели ахнули, когда Веспертина отвернулась от того, в чьих жилах течёт её родная кровь! Они подались ближе, когда Браггадочио жестяным языком умолял её войти в своё огромное брюхо, где ждал Валентино, и уплыть в небеса, в безопасности одолеть путь до Земли, где Тибальт ждал и тосковал как тысяча любовников. И когда она не ответила, вся Солнечная система плакала.

ВЕСПЕРТИНА: [свист ветра и звон металла] Изыди, обманщик! Знай, с первым лучом зари я стану женой доктора Груэла! Он моя единственная истинная любовь! Как же я обожаю его бородавчатый подбородок и тяжёлые кулаки! Я слабею при мысли о его горбе; я не мечтаю ни о чём дру-

гом, кроме его покрытого шрамами волосатого лика! До конца своих дней я больше никого не полюблю! [долгий скорбный стон перекрывает звяканье двигательного механизма]

ВЕДУЩИЙ: Тем временем наш доблестный герой, Тибальт, одержав победу над бандой наёмников и чёрных алхимиков, вознамерившихся затеять войну с Австрией любой ценой, восстанавливается от тяжёлых ранений в загадочном госпитале, где за ним ухаживают полногрудые медсёстры в масках и доктор, который на прошлой неделе оказался не кем иным, как заклятым врагом Тибальта: Невидимым Гусаром!

НЕВИДИМЫЙ ГУСАР: [музыкальная тема № 3: минорная тональность, крещендо 2] Да, это я! Никто другой не смог бы одолеть Героя Крыма! А эти красавицы в масках — мои сёстры, монахини-ниндзя из Нанкина! Они жаждут крови хороших мужчин. Я правда не знаю, как долго мне удастся их сдерживать. Но сперва ты должен познать всю степень своего поражения! Знай же, что это не госпиталь, но мой корабль! [завывание космических ветров] Ты спал крепким сном, старый мой враг, благодаря зельям моих сестёр. Вскоре мы встретимся с моими товарищами — доктором Груэлом и его бандито! [музыкальная тема № 4:

минорная тональность, крещендо 6]

ВЕДУЩИЙ: Сумеет ли Тибальт вырваться из тисков своего заклятого врага? Устоят ли монахини-ниндзя перед ужасной жаждой крови? Выйдет ли Веспертина за лживого доктора Груэла или верный возлюбленный успеет к ней? И кто же такой на самом деле этот Невидимый Гусар? Что же будет дальше с этими истомившимися влюблёнными — с неукротимой душой, влюблённой в звёзды, и с настоящим мужчиной, преданным королю, стране и Матушке Земле, — найдут ли они друг друга наконец или так и будут дальше страдать впустую? Узнайте прямо сейчас!

Отправляйтесь со мной в опасные и неистовые миры Венеры и Земли в самом начале Диаспоры, совершите фантастическое путешествие в то особое место в душе, где история встречается с воображением, суровая наука — с полётом фантазии, любовь становится превыше всего, и невозможное — на краткий миг — делается возможным в новой серии… «Сколько миль до Вавилона?»

[музыкальная тема]

ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА

[СЕВЕРИН АНК идёт рука об руку с КЛОТИЛЬДОЙ ШАРЕОННО по Усаги-авеню в Титоне. Вокруг них повсюду сверкают рождественские фонари. Позади виднеется театр «Актеон», над которым в ночном небе неистово вертятся лучи прожекторов. КЛОТИЛЬДА и СЕВЕРИН кутаются в пушистые шубы. Их лица обрамляют одинаковые меха. ПЕРСИВАЛЬ АНК идёт по улице задом наперёд и снимает их настолько ровно, насколько это позволяет его камера, Клара. СЕВЕРИН высасывает начинку из блина, купленного у разносчика. Лицо у КЛОТИЛЬДЫ угрюмое. Она почёсывает мочки ушей с рубиновыми серёжками. Она покинет ПЕРСИВАЛЯ И СЕВЕРИН ещё до конца месяца.]

ПЕРСИВАЛЬ

Как тебе понравился фильм, тыковка?

СЕВЕРИН

Никакая я не тыковка!

КЛОТИЛЬДА

Ещё какая. Если мы вставим тебе в голову свечку, превратишься в Светильник Джека[47].

СЕВЕРИН

Фуу! Мама, в моей голове нет места для свечки.

ПЕРСИВАЛЬ

Ну ладно, ты точно не тыковка, и мы определённо не станем засовывать тебе в голову свечи, делать из тебя пирог или превращать в карету в полночь. А теперь скажи, тебе понравилось папино кино? Он его сделал для тебя одной, это его первый детский фильм.

СЕВЕРИН

[долгая пауза] Нет.

---

[47] Примечания: 47
Светильник Джека (Jack-o'-lantern) — резная тыква со свечой внутри.

ПЕРСИВАЛЬ

Но ты в нём такая чудесная, милая моя! Разве тебе не было весело сниматься в той маленькой роли? Разве не приятно увидеть себя на огромном-преогромном экране?

СЕВЕРИН

[начинает рыдать] Папа, прости! Но взаправду не бывает такого, чтобы осьминоги разговаривали, носили очки и гетры. Это всего лишь дядя Толмадж в костюме с приклеенными блёстками. Я никогда не повстречаю говорящего осьминога, такого, как мистер Бергамот, никогда-никогда! [Слёзы катятся по щекам СЕВЕРИН прямо на её блин. Она вытирает лицо меховым рукавом, шмыгает носом от холода.] Это сплошная глупость, только и всего.

«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»: ДАМА, О КОТОРОЙ ИДЁТ РЕЧЬ

Досье: 14 декабря 1961 г.

— Мистер Сент-Джон, меня зовут Цитера Брасс, — сказала дама, о которой идёт речь, пожимая мою руку на манер рекламного агента, пока «тэлбот» ехал себе спокойненько, как и полагается ехать через особенно неприятную толпу отбойщиков, направляясь в бурлящее от денежных потоков сердце делового квартала Те-Деума.

Она позволила мне поесть. Она позволила мне выпить. Рассказывая об этом, я чувствую примерно то же самое, что чувствовал бы, рассказывая о первоклассном перетрахе. Это личное, извращенец, иди-ка прогуляйся. Что я делаю со своим пищеводом, касается только меня. Я пробубнил своё имя в ответ Цитере Брасс. Я не стремлюсь его произносить слишком уж часто. Это имя почти что не моё. Оно мне не впору, как пальто с чужого плеча. Слишком просторное имя для

парня вроде меня. Слишком известное, слишком замысловатое, слишком велик шанс, что кто-то окинет меня взглядом с головы до ног и извергнет то, чего я страшусь: «А, тот самый!» Но мисс Брасс уже знала, кто я такой. Она бы меня не сцапала, не будь я тем, кто я есть, так что мы с нею могли просто сидеть рядом, и каждый был в курсе относительно того, что мы знали. Только вот у неё было преимущество: я-то ничегошеньки о ней не знал. Ненавижу такое. Это противно моей природе. Я коллекционирую сведения.

— Американка? — спросил я и глотнул ещё её бурбона.

Она кивнула; едва шевельнула подбородком, но это всё же был кивок.

— Сенека.

Ну да. Точно. Я-то думал про сиу, но, чёрт возьми, американцы для меня все одинаковые.

— Я бывал в Нации в детстве. Прошёлся с экскурсией по залам и землям Лиги. Поздоровался за руку с парочкой судей. Мне там больше понравилось, чем в Штатах.

— М-м-м-м, — ответила моя длинноногая дама, не сводя глаз с какого-то малого в маске в виде рыбьей морды, прыгающего рядом с лимузином, словно особенно неуместный восклицательный

знак.

— Сам-то я вообще никто. Даже не знаю, на каком шарике родился. Провёл какое-то время на Венере, ясное дело. Надолго застрял на Луне, и это был унылый период, как целый год Великого Поста. Ну и побывать успел практически везде. Если сосчитать все орбиты, где я повесил шляпу на гвоздь, то я был подданным четырёх разных Корон; гражданином Китая, Франции и Аргентины; и невольником на Ио — думаю, в строгом смысле слова это сделало меня итальянцем, — но всего на месяц.

Поглядите-ка на меня. Собиратель сведений, изливаю свою никчёмную биографию даме лишь по той причине, что её милые бронзовые коленки выглядели предзнаменованием второго пришествия. Мне не надо было ничего говорить. Я мог бы наслаждаться «тэлботом», тишиной и выпивкой. У Цитеры Брасс где-то лежала папка, в которой было записано всё. Она была из тех бабёнок, чья работа — раскладывать всё по папкам. Хранить секреты, разложенные рядком, от зарплаты до зарплаты. И всё же я, устроившись на кожаном сиденье цвета цыплячьего жира, пытался ей понравиться.

— Послушайте, — проговорил я. Маслянистый

привкус дармовой выпивки заставил шестерёнки в моей голове вращаться более плавно. — Знаю, речь о больших деньгах, а я на мели. Но мне не нужна эта работа. У меня больше нет силы воли на путешествия, и мне попросту плевать на всё, что вам небезразлично. Я не хочу ничего знать. Я не любопытен. Вы-то думали, всё наоборот, да? Но я не такой. Я хороший. Мы по этому поводу с Господом моим Богом во всём разобрались. Честно говоря, мне вообще не хочется работать, когда этого можно избежать. Я сюда приехал, чтобы дотянуть до конца. Просто шлёпнуться в снег и прожить один долгий год. Этого должно хватить. На этом снежном шарике один естественный год длится восемьдесят четыре земных года. Может, меня хватит до весны. Может, лето помашет мне ручкой издалека. Лето на Уране. Наверное, это круто. Но, скорее всего, нет. Я не расстроюсь, если карты лягут не так. Послушайте… — Я схватил её за руку и внезапно запаниковал. Не знаю, почему так вышло. Она посмотрела на мою лапищу так, словно я был йети с триппером. — Послушайте, ну пусть пройдёт шестьдесят лет или пятьдесят, или, учитывая мои привычки, двадцать, но с точки зрения Урана, который мыслит крупным планом, мне осталось жить меньше года. И это

просто прекрасно, Цит. Я этому чрезвычайно рад. И этой радостью дорожу. Не хочу её испортить, бегая туда-сюда из-за каких-то целей, амбиций или планов, которые превосходят мои ближайшие пятнадцать раундов со сном. Не отнимайте у меня этот год, мисс Брасс. Он принадлежит мне одному.

«Тэлбот» круто повернул и выехал на рыночную площадь. Я должен был встретиться со своим связным в закусочной «Тартар»: не сказать, что забегаловка, но приличным местом её тоже не назовёшь. Ясное дело, мы проехали мимо «Тартара» и устремились прямиком к Штаб-Квартире. Замёрзшие фонтаны. Высокая статуя обнажённой девушки с прилипшими к бокам руками и запрокинутой головой, так что её тело напоминало ракету, а куски льда, громоздившиеся у ног, — выхлопы работающих реактивных двигателей.

Меланхолия.

Самый дорогой из адресов в Те-Деуме… ну, один из самых. Меланхолия. Башен, естественно, четыре — как и жидкостей. Сангуа, Холе, Флег-

ма и Меланхолия[48].Четыре флуоресцентных небоскрёба, возвышающихся над Тэ-Дэ словно праздничные свечи. Вздыбленные к небесам рога единорогов, населённые боссами. Боссы заправляют всякими разными делами. А мы, все прочие, у них на побегушках. В наши дни это единственная иерархия, которая что-то значит. Хоть баронами их называй, хоть боярами или халифами, но это всё равно что изукрасить динозавра кружевами и лентами в надежде, что он довезёт тебя до ближайшего города. Ты босс или нет? В этом-то всё и дело.

Я как-то побывал в Холе — метал кольца в цель и получил жалкое подобие минета. Стены там были мягкими на ощупь. Как лёгкие.

— Дело не во мне, мистер Сент-Джон, — чистосердечно проговорила Цитера Брасс. Она плавно выскользнула из «тэлбота» и обошла вокруг машины, чтобы открыть мою дверь — да уж, замашки у этой ирокезской девы были джентльменские. — Вы свой год заслужили. Будь моя воля, позволила бы вам остаться с ним в обнимку.

---

[48] Примечания: 48

Четыре жидкости (или сока) — кровь, желчь, слизь и чёрная желчь (греч. «мелэна холе»), преобладание одной из которых, если верить Гиппократу, влечёт за собой формирование сангвинического, холерического, флегматического и меланхолического темпераментов соответственно.

В пузыре лифтовой кабины мы взмыли вверх, вдоль лавандового хребта Меланхолии. Поднялись над сизой вонью сигарного дыма, окружающего Уран. Через пятно впавшего в спячку светостекла я увидел чёрное небо и звёзды. Суровые и яркие, словно следы от пуль. Никаких лун. Что-то внутри меня встрепенулось. Моё тело знает: небо должно выглядеть именно так. Меня как будто обдало горячим душем.

Лифт поднялся в пентхаус, как дым поднимается по трубке бонга[49], и Цитера Брасс, безупречная до последней молекулы, решительно вышла в помещение, пол которого представлял собой громадную шахматную доску. Её каблуки звонко целовали стеклянные квадраты. Офис, большой, как бальный зал. Низкий потолок с контрфорсами украшали пересекающиеся узорчатые полосы из жидкого светостекла, мандариново-оранжевые, красно-белые, как леденцовые палочки, или полыхающие огнём Святого Эльма. В дальнем конце комнаты располагался длинный чёрный стол, на котором горела зелёная лампа. В северном углу громоздилась частная установка дальней радиосвязи размером с целый дом. Зад-

[49] Примечания: 49
Бонг — трубка с водяным охлаждением для курения марихуаны.

няя стена целиком состояла из окон, и за ними открывался вид на бульвар Эпи, располагавшийся далеко внизу под этим гнёздышком в сотню этажей. Над окнами висела картина — картина из светостекла. Я раньше никогда не слышал, чтобы кому-то удалось до такой степени взять светостекло под контроль и сотворить подобное. Я глазел разинув рот. Цвета скользили и бежали: женщина без одежды и с длинными волосами цвета павлиньих перьев. Она ими не прикрывалась, как случается с дамами на картинах, нет. Она просто стояла, не стесняясь своей наготы, и смотрела сверху вниз на ярко-алого мускулистого мужчину, который пыжился от гордости. Он с жизнерадостным видом преклонил перед нею колени, протягивая длинный медный пояс, изукрашенный по всей длине драгоценными камнями: Гефест, предлагающий пояс Афродите. Когда она надевала этот пояс, даже боги из штанов выпрыгивали. Каждый драгоценный камень был водоворотом, в котором цвета сменяли друг друга, всевозможные цвета. А потом на краткий миг они перестали быть драгоценными камнями. Они были планетами. Лунами. Затем они слова сделались гранатами, изумрудами и опалами. Меня затошнило. Цветовая болезнь. Уранское

головокружение.

Ко мне повернулась фигура, которую скрывали тени в дальней правой части комнаты. Я сосредоточился на ней. Её одежда была коричневой. Серой. Чёрной. Я впился взглядом в тусклое пятно во тьме, как будто от этого зависела моя жизнь.

— Это всё, Цитера. Спасибо, — раздался голос. Женский голос. В яблочко с первого раза: корни венгерские, родом с Сатурна. Точнее, не просто с Сатурна, а из Энума-Элиша. Мои старые привычки потёрли свои сверчковые лапки, и я ощутил раздражение. Эта мадам была из самого верхнего слоя сливок общества, но согласные в её речи звучали чересчур старательно. Я предположил, что родилась она в другой среде. — Можешь подождать снаружи.

Мисс Энума-Элиш приблизилась. Бритая голова. Невысокая, суровая, с видом бойцовским и властным что твой дробовик. Я предположил, что ей лет пятьдесят и она в хорошей форме, но от жизни в этих краях стареют быстро. Гадать бессмысленно. Она была упакована плотно, как мумия, однако я видел, до чего дорогой на ней костюм. Дороговизна так и бросалась мне в глаза. По три серебряных скобы на хряще каждого уха. В обеих ноздрях едва заметный блеск дождевого

жемчуга. «Хе-хе, — проскрипели мои сверчки, покачивая усиками. — Она отбойщица. Сливочные сливки, деньги так и брызжут, не чета какому-нибудь тупому малолетке или торчку — и всё равно она отбойщица».

Дама-босс хранила молчание. Перекладывала какие-то бумаги на своём столе, похожем на гроб. «Наверное, ей до смерти хочется оказаться внизу, с теми толпами», — подумал я.

И понял, что сам лишил её такой возможности, поскольку не пришёл вовремя.

— Только что сказал вашей девушке, — проговорил я. Мой голос прошелестел над стеклянным полом. — Сказал ей. Не нужна мне эта работа. Без разницы, сколько вы платите. Мне это не нужно. Так почему бы вам не отправиться вниз, к таким же, как вы? Остался ещё час. Это целая вечность.

Дама-босс бросила на меня взгляд, который яснее ясного выражал то, насколько я невежественен во всех возможных областях.

— Мы не на переговорах, мистер Сент-Джон. Задание состоит в следующем: в обмен на девятьсот тысяч фунтов стерлингов плюс затраты вы расследуете исчезновение и выявите нынешнее местонахождение…

— Леди, это не переговоры, потому что я не

нуждаюсь в дерьме, которое вы пытаетесь мне втюхать! Не тратьте силы зря!

— ...нынешнее местонахождение, если таковое существует, молодой женщины по имени Северин Анк, которая исчезла приблизительно восемнадцать лет назад неподалеку от посёлка Адонис, на архипелаге Белый Пион, в северном полушарии Венеры, представляющем собой нечто вроде серой зоны между китайским и канадским секторами.

— По-вашему, я этого не знаю?! — прошипел я, возненавидев её по-настоящему, со всей силой. Добиться от меня такого очень легко. Достаточно произнести слово. Любое из списка: Адонис, Белый Пион, Северин Анк. Как эта бритая сука посмела сказать её имя вслух? Шла бы она на хрен за такое. Я не произносил это имя три года, и у меня было больше прав его произносить, чем у кого-то другого.

Дама-босс обошла вокруг своего стола и присела на краешек, сложив пальцы шатром. На её лице заплясали отблески арлекинских огней. Скулы у неё были невероятные, как на изваянии мученицы.

— Я весьма уверена, что знаете, мистер Сент-Джон. Я и те люди, чьи интересы я представляю,

считаем, что вы находитесь в уникальном положении, позволяющем провести это расследование. Скажу для ясности: мы рассчитываем на успех. Мы рассчитываем на грандиозный успех. Мы рассчитываем на — не буду скрывать — тело. Нам сгодится любой вид. Живое или мёртвое, целое или по частям. В сознании или… хм… ну, в том состоянии, которое можно считать противоположностью сознания. Это даёт вам довольно широкое пространство для манёвров.

— Какой-то грёбаный гротеск, но поскольку я не стану заниматься этим делом, притворюсь, что не расслышал.

Она коротко рассмеялась. Её приглушённые сатурнианские гласные источали лесть; её венгерские согласные презрительно усмехались.

— Но кто, если не вы? Разве могли мы отыскать в любом мире, под любым камнем того, кто знаком с предметом наших поисков столь же близко? У кого могут найтись более сильные мотивы узнать правду, чем у Анхиса Сент-Джона, сироты из Адониса, мальчика, который видел всё? Мальчика с поющими руками? — Она схватила меня за руки, облачённые в перчатки, быстрее чем мои потрёпанные нейроны успели отреагировать. Кожа у неё была холодная даже сквозь перчатки.

Я выдернул руки, сжав кулаки.

Дама-босс нахмурилась. Отступила на шаг, покачалась на пятках, как профессиональный боксёр. Первый раунд пошёл не так, как ей хотелось, но она уже выходила на этот ринг. Она принялась обстреливать меня фразами:

— Вы не помните ничего, что с вами происходило до десяти лет. Ваши родители были записаны как Пейто и Эрзули Кефус во время венерианской переписи населения 1940 года — османские подданные, задолженность по налогам немалая и тянущаяся с давних пор. Но с тем же успехом они могли бы оказаться персонажами какого-нибудь романа, принимая во внимание то, насколько вы ощущаете свою связь с ними. Вы не пользуетесь именем, которое они вам дали. Северин в день вашей встречи окрестила вас вот так, по-дурацки. Фамилию вы взяли у приёмного отца. Вы провели юность на Луне, но не в Титоне, а в Ибисе. Довольно милый прибрежный городок, но, что куда важнее, там имеется знаменитый госпиталь, специализирующийся в лечении…

— Хватит.

— …калек, безумцев и немощных. «Святая Нефтида», верно? Кажется, в Ибисе ещё есть очаровательный парк развлечений с отличными

разухабистыми «русскими горками». И с электромобильчиками. Как же вам повезло! Кто бы не превратился в прекрасного юношу в таких идиллических условиях? Великолепное поместье с видом на Море Ясности. Самый зрачок человека-на-луне[50]. Игрушки, книги и хорошая, питательная, выращенная на Земле еда. Даже амбулаторное отделение! Но только ведь вы не прижились в «Святой Нефтиде», верно? Ну а кто бы прижился? Медсёстры бывают такими занудами…

— Прекратите.

— Итак, вы сбежали из госпиталя, от своего опекуна, от автомобильчиков и «русских горок». И куда же вас занесло первым делом? Ну же, вы точно это помните.

Моё лицо горело. Алкоголь, который я жадно глотал в «тэлботе», спешно устремился в обратном направлении.

— Да замолчите же вы наконец. Заткнитесь!

— О, но я не сомневаюсь, вы знаете ответ на вопрос лучше меня, мистер Сент-Джон. Что же это было за место? Марс? Нет, нет, Марс был позже, после того, как вы просохли — ну, по крайней

---

[50] Примечания: 50

Человек-на-луне, или *лунный человек,* — традиционный персонаж легенд и сказок разных народов.

мере, в первый раз. Так где же вы задержались поначалу?

Я стиснул зубы.

— Меркурий. Трисмегист.

— Ах, ну конечно. Гасиенда. Скажите-ка, это была ваша первая попытка самоубийства, или мы что-то упустили из того, что случилось под сенью Святой Нефти?

— Хватит.

— Скажите, мистер Сент-Джон, что собой представляет мальцовый кит на самом деле?

Человек может выслушивать собственную историю лишь до определённого предела, прежде чем он запросит пощады. Это и был мой предел, он самый.

— Так это ж я, — таков был мой весёлый ответ, и с этими словами я, приподняв на прощание шляпу, двинулся прочь от дамы-босса. «Быстро, но не бегом, — пронеслось у меня в голове. — Бегство никому не к лицу».

Я бросил через плечо:

— Приятного вам утра, мадам. Увидимся в аду.

— Мистер Сент-Джон, вернитесь сию же секунду, или к пробуждению стекла будете надрываться в титановой шахте.

Я застыл. Любой, кто бывал в шахте Урана, за-

мер бы на месте.

— И я подыщу для вас бригадира, у которого особенно серьёзные проблемы в семье. — Она смягчилась, но не очень-то сильно. — Не будьте идиотом. Мы заплатим вам больше денег, чем вы видели за всю жизнь. Обеспечим едой. Выпивкой. Транспортом. Наркотой по выбору, разной. Компанией, если взбредёт такое в голову, хотя я бы рекомендовала сперва принять ванну. Личным устройством радиосвязи, так что больше вам не придётся выстаивать очереди на Базе — и, раз уж зашла об этом речь, стоимость этого радио составляет почти половину того, что мы вам платим. Цитера отправится с вами, мы не дураки. Вам требуется нянька. Но, поверьте мне, — даже если вы доведёте дело до конца, будучи жирным, пьяным, обдолбанным и затраханным до бесчувствия, после сможете спать, укрываясь толстым одеялом из денег. Или сможете заняться любой менее мотивирующей работой — копать морские туннели, транспортировать отходы или добывать в шахте самую опасную дрянь, какую я смогу придумать за целую неделю. Но вы покинете мой офис, лишь когда возьметесь за эту работу.

Боже мой, я просто хотел уйти.

«Отпустите меня, и дело с концом».

— Господи Иисусе, женщина, почему?! Вы же сами видите, толку от меня никакого. Ваша секретарша, или кто там эта мисс Брасс, и то всё понимает.

— Потому что я знаю: вы можете добиться успеха с иглой в вене и стаканом в кулаке. Вы были частным детективом на Каллисто семь лет. Это самый долгий срок, какой вы провели на одном месте. У вас хорошо получалось. Вам не нравится быть успешным; это заставляет выделяться. Но вы ничего не могли поделать со своей успешностью. Пытались облажаться, и в кои-то веки не вышло. И всё же, полагаю, регулярное питание и квартира, в которой отопление не отключают, были для тебя чересчур, мальчик. Мы такое не предлагаем. Мы предлагаем то, что тебе нужно: достаточно денег и порока, чтобы упиться до смерти с комфортом после того, как ты выполнишь то, что требуется нам.

— Кто такие эти «мы»? Чьи интересы вы представляете? И, раз на то пошло, кто вы такая? Как мне вас называть?

Дама-босс улыбнулась — это была улыбка босса, который знает, что победил. Тошнотворная грёбаная ухмылка.

— Моё имя лично для вас не имеет никакого

значения. Называйте меня Меланхолией, когда надо будет как-то назвать, но я рассчитываю, что такое будет происходить нечасто. И вас не должно заботить, кого я представляю. Сделайте дело, получите гонорар.

— Этого недостаточно. — Недостаточно, потому что речь идёт… о ней. Недостаточно, чтобы выслеживать её, как пёс выслеживает лису. Я хотел знать, что за всадники едут следом.

Меланхолия вздохнула. Выглянула из окна на голубую пену Отбоя. Её острый нос резко выделялся на фоне дьявольского многоцветья.

— Лишь четыре отрывка «Сияющей колесницы, воробьями твоими влекомой» пережили случившееся, чем бы оно ни было, и они довольно серьёзно повреждены. Уверена, вы их видели. Я представляю консорциум бизнесменов, собравшийся, в общем и целом, под эгидой студии «Оксблад». «Оксблад» финансировала все фильмы мисс Анк, кроме одного. «Сияющая колесница» принадлежит нам. Мы за неё заплатили. Мы в самом буквальном смысле владеем и фильмом, и его создательницей. И мы вынуждены настаивать на том, чтобы нам вернули собственность. Не говоря уже о ранее не найденных плёнках.

— Их не существует.

Дама-босс пожала плечами.

— Как скажете. Нас устроит тело вместо бобин. С нашей точки зрения, любой из этих двух вариантов одинаково драгоценен.

— Я что-то не понял. Если вы видели отснятый материал — ошмётки отснятого материала, — то видели и то, чем всё заканчивается. Видели, как она просто — вжух! Исчезла. Хотите, чтобы я вам труп из шляпы вытащил? А кролик не подойдёт?

— Как хотите. — Меланхолия покачала бритой головой. — Не понимаю я вас. В этот самый момент у вас в руках все мыслимые ресурсы, позволяющие разрешить главную загадку вашей никчёмной жизни. Мы думали, это… мотивирует вас к успеху. Мы думали, вы испытаете облегчение.

Я беспомощно взглянул на картину из светостекла, изображавшую унылый мешок с костями, обвязывающий своим поясом из расплавленной меди и планет, перед которым не мог устоять ни смертный, ни бог, талию сучки, собиравшейся использовать этот пояс на полную катушку.

— Идея была хорошая, — сказал я.

— Какая идея?

— На Уране год — это жизнь. Восемьдесят четыре года. Рождаешься зимой, юность проводишь

весной, летом ты ещё силён, а осенью стареешь. Только на этой планете можно прокрутить такой фокус. Безупречно. Красиво. Абсолютно художественно, чёрт подери.

— Это всё, что у нас есть на неё, — негромко проговорила Меланхолия, положив руки на стопку папок. Я подумал, что стопка впечатляющая. Они поработали тщательно. И всё же мне эти папки казались жалкими. — Полагаю, киноархивы вам не понадобятся. Сомневаюсь, что мы можем что-то добавить к вашей коллекции.

Я не краснею. Не краснел. Но если бы краснел, то, думаю, испытанная мною в тот момент резкая боль, словно от удара, заставила бы меня покраснеть.

— Скорее всего, нет.

— С сигналом Отбоя состоится вылет из пушки. — Ну разумеется, сперва ритуалы, потом — дела. — Ракета отвезёт вас на Плутон. Там живёт один из членов экипажа «Моллюска»; мы так поняли, он далеко продвинулся в моральном разложении. Живёт под псевдонимом, редко бывает трезвым, хочет, большей частью, чтобы его оставили в покое. У вас двоих должно найтись много общего. В папке всё есть. По пути у вас будет предостаточно времени для чтения. — Меланхо-

лия помедлила. Провела рукой по своей бритой на монашеский лад голове. — Да ладно, — продолжила моя начальница шёпотом. Взяла меня за запястье, выше перчатки. — Разве вам никогда не хотелось узнать, чем закончилась эта история?

Я взял папку. Я вошёл в лифт с Цитерой Брасс. Она выглядела такой самодовольной, что мне захотелось ей врезать. Когда двери лифтового пузыря закрылись, я услышал треск включившегося радио. Первые запыхавшиеся реплики вышедшей в этом месяце серии «Сколько миль до Вавилона?», мыльной аудиооперы, которую любили все, кроме меня, преследовали нас вдоль всей башни Меланхолия до самого первого этажа.

«О, Веспертина, я разыщу тебя даже на вершинах ониксовых башен Эришкегаля! Не теряй надежды! Ещё одна ночь, и мы наконец-то будем вместе… увы, ночи на Венере длинные, словно годы…»

Нет таких сливок, которые богачи не сняли бы с молока.

ОТБОЙ

Утренний Уран избирают жеребьёвкой. Он носит императорскую корону, какой она могла бы отразиться в кривом зеркале, и там, где оригинал украшают Рубин Чёрного Принца и лучший жемчуг Лиззи Первой, в его головном уборе дерзко сияют электрические лампочки: звёзды, которые то загораются, то гаснут. На нём отороченный искусственным мехом мундир и макинтош из чёрной фальшткани, от которого несёт потом и кровью предыдущих Уранов. На фальши мелом и маслом нарисованы лица: титаны и боги в виде фигурок из палочек. Анонимные руки защёлкивают белый воротник на его шее: кольца.

Уран полон веселья. Собрание прихожан брызжет ему на лицо синей краской. Она стекает по его щекам, собирается бусинками на ресницах. Он простирает руки, манит к себе великодушным жестом — это движение всегда такое плавное и уверенное. Уран, каждый Уран множество раз

его видит, прежде чем ему приходится самому это совершать.

К нему подходят женщины и мужчины. Двадцать семь. Титания, Оберон и Пак одеты в мерцающую зелёную фальшткань, и в волосах у них ежевика. На Ариэле и Умбриэле длинные серебристые вуали, а под ними — ярко-красные трико. Затем девы: великая Миранда, закутанная в паруса, увешанная золотыми кинжалами Джульетта, Корделия и Офелия, Крессида и Порция, Дездемона и Бьянка — все танцуют *en pointe*[51], не страшась боли, их распущенные длинные волосы неистово развеваются. Решительно ступает Просперо с посохом и книгой. Маленькие дети играют луны: Белинду, Сикораксу, Фердинанда, Сетебоса, Стефано, Мэб, Тринкуло, Франциско, Маргариту, Розалинду, Калибана, Пердиту; все скачут позади него, точно средневековые танцоры, следующие за Смертью. Карапуз Купидон стреляет из пустого янтарного лука снова и снова, целясь в каждого встречного. Уран окружён своими лунами, своим гаремом, своей семьёй.

Спутники швыряют гирлянды дождевых жемчужин, сушёных крокусовых креветок, сморчков

---

[51] Примечания: 51
На пуантах (*фр.*).

и диких цветов варуна, оттенком напоминающих румянец и растущих на снежных дюнах Моря Короля Георга, Океана Тельхинов, Пруда Фурий и Гершеллины, просторных тёмных водоёмов этого мира.

Титания выходит из круга танцующих, хотя её выход — часть танца, а не что-то отдельное от него. В её волшебной короне мерцают осколки светостекла. На её зелёном платье, собранном из побегов плюща, такой же грубоватый набросок, как на макинтоше Урана: великие каньоны луны, носящей то же имя, процветающие фермы и шахтёрские города виднеются на её бедре, на груди, на спине. Она протягивает руку Урану; тот прижимает её к щеке. Она пышна и плодородна; он — бог воздуха и холода. Она кланяется ему, он кланяется ей. Они танцуют — не резвятся, наполовину импровизируя, как впавшие в экстаз прочие луны, но движутся согласно правилам, как оба (кем бы они ни были в эту ночь или другие ночи) танцевали дома до того, как закрыли глаза и, доверившись пушкам, полетели на край небес. Они осторожны, они напряжены и держатся на расстоянии друг от друга, их ноги ступают точно. Он ведёт, она подчиняется. Уран говорит на пиджине, местном арго шахтёров и картёжников:

певучей катавасии из безупречного английского, маньчжурского, русского, пенджабского, французского и прочих языков, которые уранцы подбирали, как игрушки, пробовали на зуб, трясли и прикладывали к уху.

УРАН — ТИТАНИИ: *Эге-гей, моя ларкхи, дифуцзинь моя, моя мадмуабелль, жё лягу на бок рядом с тобой, будем мы совладельцами нераздельными, сюр-ля-ву. Повеселишься со мною чуток, кеске-да?*

ТИТАНИЯ — УРАНУ: *Ойе сохнейя, пьянчуга ты мой. Жё кругом пройду с тобой, и не упаду.*

УРАН: *Взгляни-ка на всех этих шумных уткоющенов, коих сделали мы вдвоём! Ай, как мы гордимся. Ай, каким мы стали тро-гро гран-папа.*

ТИТАНИЯ: *Акара-ты возлёг на меня весом своим, но нихьт тяжко было густой зелени. Даровал ты мне звёзды, жё тебе даровала деток.*

УРАН: *Грите сей же час, куа Мама-Луна и Гран-Папа любят плю-больше всех?*

ВСЕ: *Уранских деток! Куа спиной повернулися к мямле-Землице. Эге-гей, старушенция! Мы не сервы. Титаны мы, отныне и впредь.*

УРАН: *Одиноко ли тебе, дифуцзинь моя? Одиноко ли вам, детки мои? Тут, где нуар и хлад?*

ТИТАНИЯ: *Обок с кёр, что бьются в такт? Ни в коем разе.*

ВСЕ: *И больше никогда.*

Часть вторая:
СИНИЕ СТРАНИЦЫ

Камера — нечто гораздо большее, чем записывающий прибор; это среда, посредством которой до нас доходят послания из другого мира.

Орсон Уэллс

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который

Долго скитался с тех пор, как разрушил священную Трою,

Многих людей города посетил и обычаи видел,

Много духом страдал на морях, о спасеньи заботясь

Жизни своей и возврате в отчизну товарищей верных.

Все же при этом не спас он то-

варищей, как ни старался.

Собственным сами себя свято-
татством они погубили:

Съели, безумцы, коров Гелиоса
Гиперионида.

Дня возвращенья домой навсе-
гда их за это лишил он.[52]

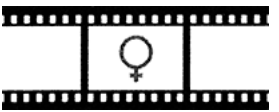
Гомер. Одиссея

---

[52] Примечания: 52
Пер. В. Вересаева.

«СИЯЮЩАЯ КОЛЕСНИЦА, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ ВЛЕКОМАЯ»

(студия «Оксблад», реж. Северин Анк)



С2 НАТ. АДОНИС — ДЕНЬ 6

ПОСЛЕ ПРИЗЕМЛЕНИЯ 23:14 [30 НОЯБРЯ 1944 г.]

[НАТ. Руины посёлка Адонис на побережье Кадеша, ночь.

СЕВЕРИН АНК и её СЪЁМОЧНАЯ ГРУППА разожгли огонь в разломанных жаровнях посёлка; это единственный источник света, но его достаточно. Пламя над брикетами из мальцового молока призрачно мерцает, озаряя некогда бывшую центром небольшого городка площадь Ахава, чьё название представляет собой точный индикатор общего чувства юмора, свойственного таким же, как Адонис, деревням мальцовых ныряльщиков, разбросанным по всей Венере. Руины домов и

общественных зданий Адониса видны в виде высоких теней, тревожных форм, в которых больше нельзя опознать людские дома, ибо они вывернуты наизнанку и взорваны изнутри, превращены в раздробленный остов некогда живого места. На листве, развалинах, пляже и тропинках виднеются потёки молочно-белой субстанции. Идёт слабый дождь.

У мёртвого Адониса, торжественно уложенного на морском берегу, единственный скорбящий. Великий океан предоставил музыкальное сопровождение для этого озарённого звёздным светом зрелища. В старые времена помощник звукооформителя бил бы по полу театра охапкой тростника, чтобы имитировать колоссальный, тускло-красный прилив Кадеша, великого водного массива, который проникает в каждый уголок Венеры, не имея ни начала, ни конца. Публика щурилась бы в темноте, пытаясь уловить отблески алого в монохромных волнах, изумрудного в покачивании какао-папоротников. Чёрный шёлковый шар шлюпки-амфибии с «Моллюска» слегка морщится и полощется на прибрежной полосе.

СЕВЕРИН входит в кадр, в неуверенный, припадочный свет, её короткие волосы на утихающем

ветру завились от пота. Она швырнула выставочный наряд в походный костёр за кадром и теперь одета в привычные брюки и чёрную лётную куртку.

Другие фигуры движутся с деловитой энергией, пока СЪЁМОЧНАЯ ГРУППА разбивает лагерь. СЕВЕРИН протягивает руку, словно приближаясь к лошади или собаке — идёт она спокойно, тихо, — но перед ней совсем не лошадь и не собака. СЕВЕРИН неуверенно бросает взгляд через плечо на ворчащее море — и на ЭРАЗМО СЕНТ-ДЖОНА, которому временно доверили уход и питание Джорджа. Он что-то говорит ей за кадром — это понятно по тому, как она кивает, словно обдумывая загадку, и что-то говорит в ответ. Её губы движутся, но микрофоны ещё не установили. Её рот произносит слова, которые публике так и не удаётся прочитать.

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК ходит кругами вокруг останков Мемориала Ныряльщиков. В каждой такой деревне есть Мемориал: курган из водолазных шлемов, скреплённых на пьедестале посреди городской площади, по одному на каждого ныряльщика, который принял скорую смерть от кита, став жертвой в борьбе за драгоценное бледное золото мальцового молока. Монумент

Адониса утратил свои шлемы, они исчезли вместе с жителями, но пьедестал остался. Мальчик смотрит себе под ноги и нарезает круг за кругом, бесконечно. Его руки мелькают, расплываясь, как будто он что-то подписывает или строчит на невидимой бумаге. На нём водолазный костюм взрослого размера, латунный шлем крепко сидит на шее. Костюм весь в складках, и дыхательные шланги волочатся следом, замедляя шаг.

СЕВЕРИН зовёт мальчика. Он даже не вздрагивает, не останавливается. Не смотрит на неё. Камера следит за ним. СЕВЕРИН следит за ним. СЪЁМОЧНАЯ ГРУППА медленно прекращает заниматься своими делами, и все взгляды устремляются на ребёнка. Включается звукозаписывающее оборудование, и раздаётся треск. СЕВЕРИН приседает на пятки с видом дружелюбной учительницы, по-прежнему протягивая руку вперёд, подзывая. Она кивает, словно говоря: «Ох, ну иди уже сюда». Два ребёнка в саду. Один хочет играть. Другой — нет.]

СЕВЕРИН

Эй, малыш… теперь всё хорошо. Теперь всё в порядке. Я здесь. Меня зовут Северин. Можешь звать меня Ринни, если тебе так больше нравится.

[МАЛЬЧИК просто продолжает кружиться, кружиться и кружиться, снова и снова. Его огромный водолазный шлем отбрасывает тень, словно чёрный прожектор. Плёнка повреждена. Она всегда была повреждённой. Её повредили во время каждодневных просмотров. Никто и никогда не видел эту запись целой. МАЛЬЧИК как будто перемещается рывками вперёд и назад вокруг разрушенного Мемориала, и монтаж создаёт впечатление, что он выпадает из реальности, а потом возвращается обратно, снова и снова.

ПЕРЕХОД

К: НАТ. АДОНИС, ДЕНЬ. 07:45: МАРИАННА АЛЬФРИК кричит, прижимая руку к груди **ПЛЁНКА ПОВРЕЖДЕНА МОНТАЖНАЯ СКЛЕЙКА РАЗРУШЕНА ПРОПУСТИТЬ НЕГОДНЫЙ ДЛЯ ПРОСМОТРА УЧАСТОК ПРОПУСК ПРОПУСК КОРРЕКТИРОВКА НЕВОЗМОЖНА ОШИБКА 143 ОБРАТИТЕСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ К АРХИВИСТУ]**

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ, ~~«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»~~ «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»

(Студия «Транкилити», 1960, реж. Персиваль Анк)

Аудиозапись сделана для сведения Винченцей Мако

МАКО: Нет, нет, Перси, выслушай меня. Ничего не получается.

Ладно, получается… но так неправильно! Я согласна, у атмосферы нуара есть определённая энергетика, но она серьёзно замедляет развитие сюжета. Хотя мне нравится, что мы сделали Цит Брасс секретаршей. Надо так и оставить. Скорее всего, она подаст на нас в суд за диффамацию. Но мы сказали, что дадим ему любовный интерес, а не инспектора по условно-досрочному! И что мы

собираемся делать, когда доберёмся до Венеры? А мы доберёмся, я обещаю. Можешь канителиться сколько душе угодно, однако она там, в середине истории, раскинула свои гравитационные сети и тянет всё к себе. Вопрос в том, какой беспощадный финал ты собирался прицепить к сюжету? Перестрелку в Адонисе? Мёртвые пули, предательство и «федора»[53] на её могиле? Вот что там случилось, по-твоему? Она похоронена где-то в болоте, с дырой в черепе? Если продолжишь развивать тему нуара, то создашь определённые ожидания по части насилия. И смерти.

ПЕРСИВАЛЬ АНК: Варела всё это время говорил, что она мертва.

МАКО: А Эразмо — что нет. Ты сказал, что хотел бы избежать смерти, но сам её пихаешь куда попало. И ещё… Северин находится за пределами истории. И она не может на это повлиять. Это вся роль, какую ей отводит такой сценарий. Предмет на каминной полке, который окажется важным в третьем акте. Пистолет, из которого обязаны выстрелить. Она не человек — ты сам этого до-

---

[53] Примечания: 53

«Федора» — шляпа из мягкого фетра, названная в честь героини одноименной пьесы в исполнении Сары Бернар. В 1930–1940-х гг. «федора» стала одним из главных символов нуарного кинематографа, элементом гардероба частных детективов и гангстеров.

биваешься, со своими игральными картами, стервами и тёмными улицами на краю космоса. Она просто цель.

АНК: Не цель, Винче. Грааль.

МАКО: Ну конечно. Ладно, Персиваль… Грааль. Очень умно. Очень тонко. Но Грааль — не живое существо. У него нет собственной крови, только чужая; в нём нет жизни, кроме той, которую он дарует. Его работа в том, чтобы стоять смирно и… быть Граалем. Который кто-то ищет. Это не похоже ни на кого из наших знакомых. И, по правде говоря, это слегка прозаично по твоим меркам. По нашим меркам. Мне кажется, ты сдерживаешь себя. Я-то сдерживаю. Потому что… потому что нам кажется, что она бы этого хотела. Чтобы мы сделали ставку на истории вроде тех, которые нравились ей. Ну в самом деле, насколько твой Те-Деум отличается от настоящих уранских трущоб? Да едва ли найдётся хоть пятнышко грязи, которое было бы не на своём месте. Это всего лишь… события, которые могли на самом деле произойти во всамделишном городе. Это не ты. Это не я. Это она.

АНК: Но это и впрямь случилось на самом деле. В настоящем городе. Просто не в том городе.

МАКО: Когда подобные вещи нас останавли-

вали? Да мы ввели вампиров в «Похищение Прозерпины»! Это была настоящая история, которая произошла в настоящем городе. И Прозерпина — настоящий город, который на самом деле исчез с карты Плутона, осмелюсь напомнить, схожим образом с Адонисом. Мы запихнули туда целую орду вампиров и даже глазом не моргнули. Просто заказали чан фальшивой крови и начали кроить плащи.

[Анк не то смеётся, не то вздыхает.]

Послушай, у меня возникла идея. На самом деле, просто маленькое смещение. В перспективе. В кадре. Потому что в нуаре на самом деле нет ничего нового. Это просто волшебная сказка с пистолетами. Твой детектив-нищеброд — не более чем благородный рыцарь с сигаретой и чёрной дырой вместо сердца. Язык у него лучше подвешен, вот и вся разница. Он вовсе не лишён идеализма — для него есть хорошие женщины и плохие, хорошая работа и плохая. Справедливость и истина всегда стоят того, чтобы к ним стремиться. Он опускает «федору» на лицо, как забрало шлема. Он верно служит своему лорду, хочет того или нет. И он порабощён идеалом женщины. Просто в детективных историях женщины обычно умирают ещё до того, как поднимает-

ся занавес. В сказках они, как правило, живы. Сказки — они про выживание. Только и всего. Принцесса доживает до последнего акта, чтобы выйти замуж. Детектив решает загадку о женщине, а рыцарь — спасает женщину.

И вот честное, честное слово, если в сказку добавить грязь, отчаяние и экзистенциальный страх промышленного производства, получится готика — и это наши владения, Перси. Мы тут живём. Так почему бы нам не сменить тренч на чёрный плащ? Выкрутить байронизм на максимум. Родовое проклятие, безумный лорд, зловещий замок. Одержимость, страсть, секреты. Всё уже там. И призрак. Потому что правда в том… правда в том, что это история о призраке. Она всегда такой была. Мы выливаем полную миску крови на берегу Стикса и просим её испить и заговорить с нами.

АНК: Это… неплохо.

МАКО: Я знаю, дурачок. Это же моя идея. Конечно, она неплохая. Мы уже послали его на Плутон. Безупречно. Нет ничего темнее и загадочнее того проклятого места. Судя по сведениям, которые доходят к нам с Плутона, он с тем же успехом мог бы оказаться самим Гадесом. Целая планета, которая представляет собой всего лишь особняк с привидениями на холме. Огни в темноте. Звуки

в ночи.

Перси… мы обязаны сделать для неё лучшее из того, на что способны, а не просто проявить вежливость. У нас с тобой не получается рассказывать линейные истории. Они выходят неправильными. Как собака, читающая сонет. Впечатляет, но собакам полагается выть, верно? Ну так вот, слушай. Она… она пленница в чёрном дворце из тысячи комнат. Её поместил в темницу ужасный владыка. За преградой из терновника спит наша Красавица с чёрной помадой на губах. Никто не видел её много лет. Она превратилась в легенду, которую рассказывают шёпотом в тавернах и переулках.

АНК: И в городе появляется незнакомец.

МАКО: Незнакомец, который скрывает своё прошлое. У него имеется некий чудовищный секрет. Тайное уродство?

АНК: И проклятие, Винче. Нам необходимо проклятие. Это аксессуар, без которого стильный антигерой не может существовать. Дай подумать… в ответ на любой вопрос он вынужден всегда говорить правду. Это даже не особенно большой скачок от детектива, которого принудили разузнать правду для своих боссов. У нас ещё остались все декорации для Плутона после

«Прозерпины». И леса Бертилак из «Сэра Гавейна на Ганимеде».

МАКО: И Варела вписывается как влитой. Он и так всегда был по пояс в фантасмагории. Хочешь взглянуть лжецу в глаза? Давай это сделаем. Максиме Варела действительно сбежал на Плутон, когда «Оксблад» его отпустила.

АНК: А что с финалом, Винче?

МАКО: Чем заканчиваются все готические истории? Волшебством. И местью.

~~«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»~~ «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»: МОЙ ГРЕХ

20 февраля 1962 г. Раннее утро. Столовая «Обола»

На протяжении всего ледяного, тёмного перехода через сверкающие и унылые транснептуновые пустыни, напоминающие осенние вересковые пустоши, пока ледяная дорога висела за иллюминаторами, тонкая и рваная, точно погребальный занавес, я старательно держался сам по себе на борту нашего узкого судна, которое держало свой курс сквозь ту исполненную особого одиночества протяжённость тьмы, пока призрачные синеватые отголоски утра на краю цивилизованного мира не пробудили в пассажирах воодушевление, заставив их обратить внимание на меланхоличный лик Плутона.

Завтрак вселял в мою душу тягостное уныние. Сваренные всмятку яйца испускали в ложечку золотой ихор одиночества; смазанные маслом булочки говорили лишь о длящейся муке моего бытия. Крушение надежд клубилось в туманных глубинах чая, а бекон, который я поглощал, был беконом скорби.

— На Плутоне нет никого, кроме магов, американцев и безумцев, — прохрипела старуха, устроившись рядом со мной в столовой «Обола» — роскошно обставленном элегантном помещении, доверху заполненном невыносимо раздражающим звоном столовых приборов и тихим шёпотом. Ей не стоило меня беспокоить; места хватало, чтобы она расположилась за отдельным столиком и уминала там лакомые кусочки, предоставив меня самому себе. Исполнившись презрения к ней из-за того, что она так не поступила, я поднял воротник шинели, дабы пресечь любые дальнейшие разговоры. На этих кораблях всегда царит лютый холод. На вечерних приёмах декольте всех приличных и серьёзных дам покрываются гусиной кожей, а у девушек с бледной кожей шеи отливают вампирской синевой. Однако каргу, с которой я поневоле делил утреннюю трапезу, прохлада не тревожила.

Она была в красно-фиолетовом наряде, белые волосы украсила чёрными шёлковыми каллами с длинными зеленоватыми тычинками, многозначительно стоящими торчком, как будто её голова была радиоприёмником, настроенным на все частоты сразу. От неё исходил кисловатый запах — впрочем, как и от меня. Как и от дам с синими шеями, которые танцевали, украсив себя розетками и нарядившись в платья из узорчатой ткани. Все воняют после шести месяцев на Восточном Экспрессе. Здесь, посреди ледяной дороги, невозможно спрятать нашу звериную натуру. Карга, дева, паладин, моя собственная несчастная персона: никто из нас не источал запах лучше, чем недельный труп льва посреди вельда.

— В самом деле? — проворчал я, уткнувшись носом в чай и молясь, чтобы она вернулась к прилавку за новой порцией сегодняшней выпечки (засахаренные гардении в пушистых шариках глазури), или джема (инжир и свечника), ещё чего угодно, лишь бы избавила меня от своего внимания. Мой собственный осыпающийся шарик и горшочек с джемом стояли передо мною нетронутыми — как быстро я позабыл о предшествовавших временах голода, лишений и

опустошений и достиг той невообразимой точки, где отказался от непристойно дорогого пропитания, которое собрались предоставить наши невидимые, неназываемые хозяева на студии «Оксблад». Цена моего завтрака, которая лишь возрастала с каждым днём, удалявшим меня от любых мест, где могли произрастать гардении или свечное дерево, равнялась стоимости небольшого поместья в менее престижных лентах Пояса Койпера, но я едва ли ощущал его вкус. На языке моём застряло прошлое и лишило меня настоящего — впрочем, в этом отношении я богатеям ничем не обязан. Дайте мне немного бекона и молока, и я неизбежно стану таким же декадентом, как все они.

Я спрашивал себя, какой толк нашим хозяевам от этой трясущейся старухи, какую услугу она оказала им или окажет, чтобы оплатить перелёт. С большинством остальных пассажиров мы были на короткой ноге, хоть я и не стремился к этому, но старая кошёлка за шесть месяцев так и не поделилась ни с кем своим именем. Может, когда-то она была старлеткой. Может, я бы разглядел в ней её молодую версию, если бы получил доказательство того, что лилии она некогда втыкала в рыжие и густые волосы, и жизненная

сила переполнила её, как жилы наполняет кровь. Речь её была старомодной и по-актёрски отчётливой, наделённой этаким чересчур заметным акцентом уроженки Театрального Государства, как будто все пьесы изначально ставили на одной-единственной странной планете, где ты, сам того не желая, мог подцепить местный диалект. Этот голос никоим образом не был связан с её скрюченным телом, с горбом на спине или глубокими, печальными складками на коже. Её голос существовал сам по себе, и был он преисполнен живости, добросердечности, яркости и изящества. Она вся была — голос. Во тьме, возможно, я бы её боготворил.

— Ах да, — сказала старуха, грызя засахаренную гардению на удивление белыми зубами. Выходит, наркоманка. Эф-юн делает зубы блистающими, тревожно, нечеловечески белыми — такими белыми, что они отдают лавандой, цветом чистоты, равнозначной смерти. Вот что бывает, когда поедаешь дерьмо, которое соскребли с обратной стороны Венеры, и когда вдыхаешь звёздную гниль.

Я не утверждаю, будто мои зубы коричневого цвета.

— Вопрос в том, — сдавленно фыркнув, про-

говорила карга своим на удивление богатым, звучным, сладким, как топлёные сливки, голосом, осыпая крошками цветов и теста перед своего красного платья, — к какой из этих групп вы принадлежите? Я американка, что для вас, боюсь, не предвещает ничего хорошего. Ну, это сейчас я американка, как бы там ни было. От Марокко я так и не дождалась заслуженных благ, так что не видела причин длить наши отношения. Плутон — конец всего. Ущелье Последней Надежды. Для меня это равнозначно дому.

Я издал горлом звук, который можно было истолковать как согласие, опровержение, изумление, отвращение или сочувствие — я совершенствовал этот звук. Я считал его жизненно важным, ибо у меня редко возникает желание сказать собеседнику что-то такое, что нельзя заменить хмыканьем, прозвучавшим в нужный момент.

Однако моя мучительница продолжила, словно я прижал её к груди, умоляя говорить, говорить сейчас, говорить всегда, говорить, пока солнце не погаснет и не растает ледяная дорога!

— Но вы молоды. Только молодые люди могут быть такими грубыми и неучтивыми. На Плутоне нельзя сколотить состояние, если вы это замыс-

лили. Вас должны были предупредить.

— У меня там дела.

— С кем? С буйволами?

Я вздохнул и устремил на неё мрачный взгляд. Его я тоже совершенствовал — без такого взгляда в Те-Деуме, да и везде, не обойтись. Если не можешь с помощью взгляда сделать так, чтобы человек увял, сам увянешь под ударами его кулаков. Но мой полный огня взгляд, способный разогнать бандитов в переулке, не подействовал на эту нелепую душу, которая к тому моменту, как я вынужден был признать, стала моей компаньонкой на время завтрака.

— С Максимо Варелой, если уж вам так неймётся сунуть нос в мои дела. Хотя мне сообщили, что он больше не использует это имя.

Женщина фыркнула. Даже фырканье в её исполнении звучало мелодично. На её лице проступило недоверие.

— Да… это уж точно.

— Возле Базы нас должны встретить его дочери и благополучно препроводить в его дом, хотя ни дом, ни дочери, ни База, ни наша встреча вас совершенно не касаются.

Её слезящиеся глаза наполнились мрачным весельем.

— Бедный ягнёночек, — проникновенно сказала она и похлопала мою руку, словно была моей бабушкой. — Какая жалость, что мы потратили это путешествие впустую, так и не узнав друг друга. Я бы рассказала тебе такие истории. Я бы предсказала твоё будущее. Я бы раскрыла тебе твою суть. Люди когда-то меня слушали, о, как они слушали! Ловили каждое слово. В своё время я превращала лошадиный навоз в золото, мальчик мой. Только представь себе, чего я могла бы добиться с тобой.

Разумеется, я не разделял её сентиментальность. Мы должны были приземлиться завтра в полночь, и мои ноги уже чесались от желания ступить на землю, моё сердце жаждало тишины, прекращения бесконечного гула двигателей, доносящегося сквозь стены, неустанного жужжания и дребезжания, от которых я сходил с ума и кровь моя рикошетом носилась туда-сюда вдоль хребта, и в не меньшей степени я желал избавления от бесконечной необходимости вести пустейшие разговоры с немногими утончёнными пассажирами, во время которых все мы избегали говорить об очевидной несоразмерности затрат на это путешествие, провизию, горючее и мастику, совершённых ради шестнадцати нервных,

неуверенных душ.

— Если у вас есть сведения о Вареле, я их, конечно, выслушаю, — сообщил я, осознавая, что с тем же успехом мог бы признать своё поражение. Я сделаюсь её слугой до обеда или, скорее всего, до ужина. Она ни за что не оставит меня в покое.

Карга с привлекательным голосом бросила взгляд в сторону укреплённого болтами иллюминатора, за которым увеличивались в размерах сферы Плутона и Харона — опалы, зависшие посреди холодной черноты, — и облака, точно чьи-то руки, сжимали их малочисленные рассеянные континенты, выжимали тепло, выжимали жизнь. Когда карга заговорила, звучание её голоса словно царапнуло меня. Оно было знакомым, как моя собственная тень, но я не мог, просто не мог вспомнить, где я его слышал раньше. Ритм его менялся, то взмывал ввысь, то плавно катился — и я почувствовал себя так, будто бы моя мать рассказывала мне сказку на ночь, хотя я не помню свою мать и не узнал бы её, даже позови она меня по имени из глубин ада.

— Давным-давно один человек, уставший телом и душой, потерпел кораблекрушение у берегов далёкого острова. Остров располагался посреди бесконечного моря, цветом напоми-

навшего тёмное вино, и пучина морская была полна звёзд, рогатых левиафанов и секретов, которые хранились в непостижимых глубинах. На острове всегда царила ночь. У этого человека в сердце и в руках обитала сила, позволявшая повелевать светом, изменяя его сообразно своей воле, но эта сила больше не дарила ему успокоение, ибо однажды было ему поручено защищать деву, наделённую добротой и красотой, и он её не уберёг. Но злые языки шептались о том, что он не просто её потерял, что он убил её собственными руками. Опозоренный, отказался он от собственного имени — имени человека, который мог швырнуть невинную девушку во тьму, — бросил его оземь и растоптал. С того момента, когда его нога ступила на источающий сладкий аромат берег далёкого острова, он называл себя Просперо — имя столь знаменитое, что в нём можно было затеряться. Надел он на голову шутовской колпак, а на ноги — танцевальные туфли шута, увенчанные колокольчиками, и говорил лишь безумные вещи любому, кто являлся к нему, умоляя исполнить старые трюки со светом и тенью. Но даже это не даровало ему вожделенного забвения, анонимности виновного или покоя побеждённого. Чем абсурднее были его речи, чем

неистовее пляска, чем больше он вёл себя, как существо из джунглей в человечьей шкуре, тем сильней к нему стремились жители Плутона, для которых развлечение — единственная валюта.

На беззаконном карнавальном острове замок Просперо превратился в постоянную Сатурналию, дом на высоком обледенелом холме, где сверкают нечестивые огни, пронзая вечную ночь, которая царит в мире иллюзий. Воздух тех залов сам по себе пьянит. Зажигая единственный фонарь, ты приглашаешь призраков, блуждающих огоньков и сирен спуститься со всех фронтонов и карнизов. Посреди всех этих миазмов, думал тот человек, ему наконец-то удастся исчезнуть. Но до самого Императора дошла весть об окутанном тенями острове, где в доме Просперо происходили неслыханные чудеса — в доме, который быстро превращался в отдельное королевство. Надел Император маску в виде морды чёрного коатля с языком, усеянным ночными рубинами, и отправился поглядеть на увеселения собственными глазами. Никто не знает, что он там увидел, но, покинув замок, Император сделал Просперо своим единственным наследником и поместил корону с коатлем на скорбно опущенную голову бедняги-волшебника.

Вот остров, к которому летит наш милый серебристый корабль, ради которого наши золотые паруса ловят добрые пожелания Солнца и несут нас обоих через звёздную, ледяную пустошь между нашими прежними жизнями и Концом Всего. И человек, о котором я говорю, это Максимо Варела: Просперо, Безумный Король Плутона. Надеюсь, ты насытишься его обществом сполна — ничуть не сомневаюсь, насытишься с лихвой.

Старуха перевела взгляд на меня и рассмеялась, точно молодая девушка. На её скулах пылал румянец. Она хлопнула в ладоши, аплодируя самой себе.

— Стоит заметить, я по-прежнему хороша, не так ли? Дайте мне сценарий, я сожру вас живьём, и вы будете наслаждаться каждой секундой. А теперь ступай прочь и не мешай старой женщине завтракать.

Я вернулся в свою каюту, цепенея от смеси любопытства и чёрного ужаса. Я чувствовал, как далеко под полированными зелёными досками пола — ароматным ганимедским баньяном с его мерцающими золотыми прожилками — включается, вздыхая, пневматический комплекс, и гравитация глубоким своим поцелуем тянет к себе «Обол», влечёт его вниз, на самое дно колодца.

Очень скоро мне придётся взяться за дело по-настоящему, а не пребывать в уютном отдалении, как костюм в чулане со всеми сопутствующими неудобствами, в ожидании того, что скоро его наденут — очень скоро, но не сегодня.

Запахи каюты нахлынули на меня: пот, кожа, застоявшееся дыхание, лаванда, тальк, крем для обуви, ленты пишущей машинки, банка варенья из персика и шочипилли, с прошлой недели забытая на ночном столике в открытом виде. Над и под прочими запахами, пропитывая каждую поверхность, каждую простыню и каждый стеклянный абажур, главенствовал аромат, который я привык одновременно ненавидеть и желать. Происходил он из порочной, вонючей, прелестной золотистой бутылочки, последнего творения Мадам Зед: «Мой грех»[54]. Пахло, как в заповедном лесу, где обитают падшие женщины.

Я взглянул на очертания тела Цитеры Брасс, источник «Моего греха», под изумрудными одеялами на её койке. Она пользовалась этой ведьминой мазью так часто, что, я и не сомневался, даже её

---

[54] Примечания: 54

«Мой грех» (My Sin) — подлинный аромат, в 1924 году составленный для дома «Ланвен» загадочным парфюмером под псевдонимом Мадам Зед. По легенде, это была некая русская аристократка-эмигрантка, не пожелавшая разглашать своё настоящее имя. Достоверных сведений о личности Мадам Зед в настоящее время нет.

костный мозг вонял смесью мускуса и пряностей. Лишь от неё я ни разу не унюхал — от самого Урана до сумасбродной орбиты Нептуна — ни малейшего намёка на зловоние. Любая нотка грязи, витавшая в воздухе нашей каюты, принадлежала мне и только мне. А от Цитеры пахло лишь «Моим грехом», лишь тем чужеродным деревом, об которое создание вроде неё могло бы точить свои зубки. Моя стражница, моя нянька, мой поводок. Её тело с длинными и красивыми руками и ногами погрузилось в глубокий сон — но не такой глубокий, чтобы она не обхватила себя за плечи, не прижала подбородок к груди, остерегаясь и сдерживая себя даже во власти сновидений. Я презирал её: за аккуратность, деловитость, красоту, непоколебимое спокойствие и — весьма заслуженное — пренебрежение моей персоной, за то, кому она была верна, и за то, что своим присутствием она постоянно напоминала — меня терпят лишь из-за работы, которую я в состоянии выполнить. Все на борту предполагали, что она моя супруга, ибо Цитера держалась ко мне ближе всякой любовницы, всегда была у моего локтя, рядом со мною, почти что поселилась в кармане моего жилета. Я поднялся нечеловечески рано, чтобы избежать её общества за завтраком — но

от этой тихой, неумолимой, словно ад, спутницы мне не суждено было скрыться.

Я попытался, в минуту чрезвычайной и достойной сожаления трезвости, поцеловать Цитеру во время маленького рождественского бала, устроенного в зале со стеклянными стенами по правому борту корабля. Осколки ледяной дороги кувыркались и сталкивались по ту сторону стеклянных панелей над нашими головами, толстых, как иллюминатор на подлодке. Повсюду в честь праздника развесили сосновые ветки — конечно, на самом деле вовсе не сосновые. Наши святочные зелёные украшения сотворили из джута, проволоки и разорванных на лохмотья платьев тройняшки Удольфо, три распутные марсианские «девушки-змеи» и, как я обнаружил, разыскиваемые полицией фальшивомонет-чицы из Гуань-Юя. Каждая из девяти женщин на борту пожертвовала ради такого дела что-то зелёное из своей одежды. Мы кружились под лаймовой, с блёстками, флэпперской бахромой Цитеры, охотничьим плащом Харпер Иббот, чьими-то изумрудными и оливковыми нижними юбками, разрезанными на ленточки и присобранными в виде гирлянд. Мы, пассажиры «Обола», были странной компанией — знаменитые и безвест-

ные, трепещущие от слов, которые мы друг другу не говорили. Цитера в кои-то веки казалась счастливой. В длинном платье, сером, как вздох призрака, она попробовала танцевать чарльстон, спела рождественские песенки. Верная слову наших общих хозяев, мисс Брасс притащила на борт пароходный кофр дурмана и экзотических зелий, которые и пирата бы превратили в трезвенника, но в те ранние дни я вцепился в комичную идею о том, что сделаю свою работу как следует. Я проводил ночи, читая и перечитывая хроники и отчёты, предоставленные «Оксблад», пялясь на фотографии так, словно мой взгляд мог их воспламенить; я думал, что вот-вот поймаю связи, плясавшие где-то у границы познания, на которое был способен мой испортившийся, усохший мозг, пропитавшийся алкоголем, опиатами и галлюциногенами. Я видел её, я видел Северин, большую и тёмную, как сердце, в узле некоей светящейся сети, к чьим краям я подобрался на расстояние вытянутой руки.

Увы, такова опасность трезвости. Всё кажется возможным.

В полночь на Рождество, когда над нами светился далёкий бирюзовый диск Урана, похожий на маленький полумесяц, я обнял Цитеру Брасс

за талию и поцеловал. Это был хороший поцелуй, один из моих лучших. Мы одного роста, но наши носы не мешали друг другу, и лбами мы не стукнулись. Аромат «Моего греха» пропитал мои пальцы, мои веки, мой рот. Я подумал: может, её впечатлила моя преданность работе, и пусть мы оба вынуждены против собственной воли участвовать в некоей цепи событий, нам по силам найти тепло — и даже силу — друг в друге.

Те длинные руки обратились в камень в моих объятиях. Когда я отстранился, её лицо исказилось от презрения.

— Я вам не какое-нибудь приложение к должности, мистер Сент-Джон, — проговорила она, непреклонная как могила. — Не путайте меня с опиумной трубкой.

И на этом всякое подобие товарищества или благорасположенности в наших отношениях приказало долго жить.

Да, я её презирал. Но я странное существо. Я даже самому себе кажусь странным. Нет ничего особенного в моих подёрнутых пеплом чувствах к мисс Брасс. Я и себя презираю, снаружи и изнутри. Толку от этого нет. Как бы я ни практиковался в презрении к своей персоне, я остаюсь Анхисом, и шестерёнки внутри меня продолжают вертеться.

— Просыпайся, — рявкнул я, и хотя подобный тон в мои планы не входил, мне не было стыдно. — Мы выходим на орбиту Харона через десять часов.

Она завозилась под мягким зелёным одеялом. Воздух наполнился «Моим грехом».

И я прибавил, понизив голос — не думаю, что она меня услышала:

— Кстати, по-моему, я только что завтракал с Вайолет Эль-Хашем.

21 февраля 1962 г.
Полдень (приблизительно).
Плутон, Высокая Орбита

Будут ли у нас трубы? Будут ли знамёна? Возвестят ли о нашем прибытии гирлянды, струны и вспышки разноцветного пламени, сопровождающие спуск по медленной ангельской спирали с высокой плутоновской орбиты вниз, вниз, вниз, к полям бледных цветов, смягчающих лик этого маленького одинокого мира и его близнеца?

Может, немного труб. Может, чуточку огня.

Ночь — вот что произрастает на Плутоне испокон веков. Я считал себя человеком тьмы, но я даже в щёчку её не целовал до заката на той планете, задыхающейся от цветов. Ночь хлынула

в мою глотку. Ночь стала моим вином и моим мясом. Ночь стала моей женой и моей любовницей, моей вдовой и моей убийцей, а потом каждый час ещё тысячу раз воскрешала меня целиком и полностью. Стоя посреди того самого зала, где мы устроили рождественский бал, я увидел за ветвящимися на стеклянных панелях морозными жилами повисшую в космосе карусель. Северин здесь ни разу не была. Лишь этот мир она пропустила во время своих безудержных странствий. Ну наконец-то я сделаю то, чего она так и не сделала.

Теперь я должен предупредить тебя, читатель: Плутон — слишком безумное место для метафор. То, что там есть, может быть лишь таким, какое оно есть: этот мир ушёл далеко и разлагался уже при рождении, он затерялся в неизмеримых приливах тех чёрных рек, так далеко от Солнца, сердца нашего, что сделался в самом буквальном смысле местом бреда и распада.

Это бестиарий гротеска.

Это комната ужасов эпохи Якова Первого.

Это бордель живых мертвецов.

Это так красиво.

Добро пожаловать в Америку, где последняя лампа Великого Эксперимента горит себе и го-

рит, хотя все уже давным-давно покинули этот запертый дом.

«ВАШ ДРУГ ПЛУТОН!»

(«Пэтриот Филмз», 1921)

[ПЛЁНКА ПОВРЕЖДЕНА, К ПРОСМОТРУ НЕПРИГОДНА.]

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Добро пожаловать в американский сектор!

Полюбуйтесь славным Плутоном, его диким фронтиром, его высокими стандартами жизни, его бывалыми, трудолюбивыми гражданами, его величественными пурпурными горами! Прокатитесь на могучем бизоне! Изумитесь кипучей промышленности великих городов Дзидзо и Аскалаф! Заберитесь на вершины горы Оркус и горы Чернобог!

Поздравляем! Вы приняли решение заявить права на собственный уголок изобильных плутонских пампасов и начать новую жизнь в

Маленьком Свободном Мире. Старые империи здесь не смеют и шагу ступить! На Плутоне человек может сам выбирать судьбу, и никто не потребует от него становиться на колени и целовать какую-нибудь корону.

Находящиеся в совместном владении Дяди Сэма и Лиги Ирокезов Плутон и Харон представляют собой полностью самодостаточную бинарную систему — а иначе нельзя! Наше идеальное расположение требует особых душевных качеств: предприимчивости, бесстрашия, крепости, способности выбираться из всех передряг самостоятельно, высокой стойкости к холоду и рабочей этики, которой позавидовал бы и пуританин. Здесь, на Плутоне, мы с радостью примем вас в нашу семью. Мы берём только лучших, и вас специально выбрали для одной из наших программ временного гражданства, включающей льготы и привилегии, которые остаются предметом зависти всех девяти миров. Пожалуйста, обратитесь к вашим морозостойким карманным Конституциям для полного перечня этих прав — а также для вдохновения, воодушевления и чувства истинного благоденствия, которое испытываешь, держа в руках этот весьма исключительный документ.

Каким бы ни было государство вашего происхождения, теперь вы часть великого Американского проекта — и если это не заставляет вас гордиться, то я даже не знаю, что заставит! За свой недолгий срок на межпланетной арене Плутон породил, содействовал или приютил таких первоклассных поэтов, как мисс Дикинсон и мистер Фрост, изобретателей вроде мистера Теслы и мистера Маркони, титанов промышленности и политики с такими громкими именами, как Морган, Рокфеллер и великий Император Нортон II, а также множество архитекторов, чьи творения посрамляют городские пейзажи Вены и Венеции. Теперь вы можете гордо занять своё место среди них и добиться успеха на этой чудесной планете.

Теперь, когда вы с Плутоном познакомились как положено, в папке рекрута найдите предписание о распределении, содержание которого зависит от ваших навыков, прошлого опыта и того, где такие ребята больше всего нужны. Направляетесь к желтовато-белым волнам цветов на самом Плутоне или в прибыльные шахты Харона? Или, может быть, стремитесь в фешенебельные районы и к городским развлечениям Стикса, Великого Моста? Участки для поселенцев доступны во всех трёх регионах; распределение

может быть пересмотрено раз в пять лет.

Какой бы ни была твоя судьба, гражданин, тебя ждёт жизнь, непохожая на остальные!

Каждый новый плутонский гражданин снабжается достаточным инвентарём для постройки жилья, крепкой и надёжной обогревательной системой марки «Баньян»[55] с бесплатным запасным генератором, семенами для быстро удобряемого посева инфанты, двумя дробовиками и дыхательными масками базовой модели для всей семьи. Остальное зависит от вас! Экстраординарные свойства уникальных цветков инфанты означают, что ни одна живая душа на Плутоне не останется голодной — их легко выращивать и легко собирать, каждый цветок предоставляет полный набор питательных элементов, не считая фолатов, рибофлавина, витамина А и железа. Наши учёные каждый день открывают новые и полезные свойства этого чудесного растения! Не съешьте все цветы зараз!

Итак, день на Плутоне равняется неделе дома, а год длится примерно двести сорок восемь земных лет, но, на вашу удачу, старый добрый кукурузник Фрэнк Маккой, Джон Смок Джонсон

---

[55] Примечания: 55

Отсылка не к дерену баньян (banyan), но к Джону Баньяну (Bunyan) — гигантскому дровосеку, персонажу американского фольклора.

и команда «Красного мундира» приземлились здесь точнёхонько в середине весны — этот двадцатилетний промежуток мы зовём «Майская Роза». Нам не придётся увидеть здешнюю зиму, нет, сэр. А теперь, когда на горизонте маячит лето, наступило великолепное время для того, чтобы пустить корни. Лето на Плутоне — милое и тёплое времечко, и вы сможете им наслаждаться всю свою жизнь. Лагуны Тавискарона манят красивых купальщиц и рыбаков с равной силой; наблюдая за величественными Воскресными Закатами с балконов Мормо, вы от восторга перестанете дышать. Нигде в Солнечной системе нет мира более благословенного, более изысканного, с более щедрой долей полученных от Бога даров. Больше никакого обязательного труда под Юнион Джеком или Красным Молотом, длинной рукой Вены или бдительным взглядом Нанкина. С фактической точки зрения, прохождение Солнца между Землей и Плутоном несколько лет назад означает, что эти динозавры с кружевными манжетами мало что видят, кроме своего послеполуденного чая. Мы не услышим ничего со Старых миров примерно до 2112 года, так что откиньтесь на спинку стула, расслабьтесь, налейте себе виски со льдом и пошлите им сердечный

воздушный поцелуй.

Пожалуйста, обратите внимание на то, что Прозерпина и её окрестности доступны лишь для полицейского персонала. Все причастные субъекты постановили, что случившийся там инцидент следует считать завершившимся, и на месте происшествия не осталось ни зданий, ни предметов, представляющих интерес. Все соответствующие конструкции были впоследствии разобраны, переработаны в строительные материалы и использованы почти в каждом городе Плутона в качестве жеста солидарности и коллективной скорби. Мы открыто объявляем о своей враждебности к охотникам за сокровищами, оккультистам и другим бандитам, которые придут грабить нашу милую, мирную землю ради воображаемых секретов. Нет никаких загадок;

иногда колонии терпят неудачу. Ищите эту мать плутонского эксперимента в чугунолитейных заводах Мормо, в кирпичах Нифльхейма, в черепице Элизиума, в шпилях Тавискарона и брусчатке Ламентации, в великих цитаделях и их глубоких фундаментах.

Мы все — Прозерпина.

Мы просим, чтобы вы уважали личную трагедию, какой является потеря этого города, как

уважали бы вдовство любимой бабушки — дама предпочла бы не говорить на эту тему, и все мы, соблюдая приличия, поступим сообразно её желаниям.

Нарушителей границы застрелят на месте.

Да, мы здесь, на Плутоне, друг за друга стоим горой. Будешь хорошим соседом — и у тебя будут хорошие соседи. Пожалуйста, навещайте еженедельно вашу местную Базу для получения мальцового молока и витаминных добавок, рабочих предписаний, а также для участия во всяких увеселительных мероприятиях.

На Плутоне вы можете быть кем угодно. Возможности бесконечны.

~~«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»~~ «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»: TOTENTANZ[56]

21 февраля 1962 г. 4:34 пополудни

Плутон — очень маленькое местечко. Танцуя с газовыми гигантами, привыкаешь к широким просторам. Но это кукольный мир. Мы облетели вокруг бледной планеты, словно ворон вокруг мыши, которая стремглав несётся через серую и унылую пустошь. Вниз, вниз в гравитационный колодец желаний, где сила тяжести похожа на рукопожатие между Плутоном и Хароном, этими мрачными, угрюмыми близнецами, навеки скованными, неустанно вальсирующими на краю изведанного космоса. Ни один из них не превышал всерьёз своими размерами Африку;

---

[56] Примечания: 56

Totentanz — пляска смерти (нем.), также известная под названием Макабр. Средневековая аллегория бренности человеческого бытия.

они носили свои кричаще безвкусные браслеты из ледников и чёрной, ломкой земли — земли, покрытой полями инфанты, такими яркими и обширными, что я их видел, пока мы по спирали спускались с ледяной дороги: мазки света, слегка фиолетовые, слегка зеленоватожёлтые. Я вообразил, что если бы мог парить снаружи «Обола», мне удалось бы ощутить запах этих цветов, их аромат, пронзающий гулкую пустоту, как духи нервной дамы, объявляющие о её присутствии.

Я расскажу вам, что увидел во время спуска, ибо это мне ранее не встречалось ни на фотографиях, ни в фильмах, лишь в съёмочных павильонах, населённых полоумными догадками и фантазиями — слишком логичными по сравнению с оригиналом. Цитера стояла рядом со мною у иллюминатора, и мы оба на свой лад следили за собственным выражением лица, чтобы изумление, которое мы ощущали, не оставило отметин на наших щеках. Плутон и Харон сплелись в зеленеющем объятии джунглей: между ними росли лозы, толстые, длинные и могучие, как река Миссисипи, громадные лилейно-лаймовые листья раскрывались, изворачиваясь по направлению к далёкой звезде Солнце, точно хваткие руки, и были они шире, чем озеро Эри. А над листьями —

невыразимые цветы с лепестками цвета жира с оттенком лаванды, инфанта размерами крупнее корабля, неприлично огромные хризантемы, указывающие во все стороны, словно радиоантенны. Эти могучие, как Миссисипи, лозы захлёстывали обе планеты, присосавшись к ним, взяв в тиски, и так переплелись, что я не мог понять, из чьей земли они росли, — чьим бы ни было это растение, оно полюбило второй мир из пары так сильно, что не могло его отпустить. Стикс, мост из цветов! Башни и шпили в босхианских количествах и эшерском стиле, свёрнутые в штопор гравитационными течениями и потоками пыльцы, которые собирались между Плутоном и Хароном, с непропорциональными углами, извилистые, нереальные — висячий архитектурный сад, перевёрнутый вверх дном и с приподнятой правой стороной, растянувшийся во все возможные направления на манер изломанных, артритных пальцев. В кривых оконных стёклах сияли разноцветные огни. Туннели из чего-то вроде тягучего стекла соединяли искривлённые здания как подвесные контрфорсы. Плетение моста тянулось как сама двойная спираль жизни, и на нём эта жизнь, похоже, изобиловала и процветала. Меня затошнило. Завтрак мой шевельнулся внутри,

словно обзаведясь собственной гравитацией.

— Когда взглянула я на тот новый мир, во всех отношениях великолепный и ужасный во всех отношениях, увидела я тигра и звёзды, что падали с его полосатого языка. Взглянула я и узрела истинного своего новобрачного — но не станет ли он заодно и погибелью моей?

Так сказала карга, которая появилась рядом с нами так тихо, словно передвигалась на колёсах, а не на опухших после полёта ногах. Слова были мне знакомы. Все их знали: эпизод первый, сезон первый, эфир состоялся в марте 1914 года.

— Цитировать саму себя — признак дурного вкуса, Вайолет, — сказал я, проверяя свою догадку. Она лишь фыркнула, когда плутонианский Вавилон простёр нам навстречу руки. — Новая Вестертина — форменное дерьмо, — прибавил я с легчайшим намёком на улыбку. Взял её руку в свою и поцеловал, а наши двигатели в это время ожили и полыхнули красным, а потом взревели, тормозя в разреженной атмосфере, и скользнули мы в пасть тигра ногами вперёд, открыв глаза.

24 февраля 1962 г. Полночь. Сетебос-холл

Вот как становятся временными американ-

цами: напяливают на себя бесчисленные слои лучшей тёплой одежды из всего, что можно одолжить и собрать, заслоняются паспортом, как рыцарским щитом, — «Да, офицер, стоящие на задних лапах медведь и феникс указывают, что я три года назад провёл лето на Марсе; четыре пантеры, идущие с поднятой правой передней лапой и смотрящие вправо, отмечают мой творческий отпуск на Каллисто; а этот единственной согнутый в дугу кит показывает, что я родился на Венере. Мой паспорт — моя истина; в нём душа моя отображена вся без остатка». В очереди следует вести себя самым безобразным образом, на какой вы способны, и не забывайте орать в те моменты, когда можно обойтись шёпотом. Вторгнитесь в личное пространство джентльмена позади вас, пока он пытается войти в приятный медитативный транс, коего любой гражданин Империи страстно желает, получив номер и ожидая, когда настанет его черёд припасть к груди бюрократии. По меньшей мере трижды спросите, как его зовут, чем он занимается, кого любил, о чём мечтает, на что надеется и какие ему случалось терпеть неудачи, как он предпочитает готовить говядину, если удаётся её достать, сколько костей он ломал, предпочитает ли мужчин, женщин

или протейцев, есть ли у него планы на ужин и сколько раз он видел «Похищение Прозерпины». Едва он соберётся ответить на любой из этих вопросов, вмешайтесь с собственной хроникой стремлений и потерь, да не забудьте про говядину по-бургундски. Пока вы будете продвигаться в очереди, а очередь — продвигаться сквозь вас, мимо пройдут бесчисленные маленькие государства: вот тут у нас дама в ужасающем клетчатом колпаке умудрилась протащить тубу, невзирая на все ограничения по весу; вокруг неё собралась толпа, ей бросают монеты и хлеб, и, господи ты боже мой, в её руках туба звучит скорбно и нежно, вопреки своему предназначению. Стройный юноша с голосом хориста выводит трели, импровизируя со стихами под аккомпанемент её странного, печального, милого и жалобного горна. Вон там шесть или восемь путешественников в белых мехах и тюленьей коже колотят по своим сундукам на манер барабанщиков, ухают в такт и ухмыляются. Хотя сейчас февраль, семья поёт рождественские гимны, мило и чуть-чуть не в лад, потом переключается на обучающие песенки для запоминания алфавита и таблицы умножения, да на что угодно, лишь бы скоротать время и занять малышей. И когда наконец-то

наступает ваш черёд, вы демонстрируете, на что способны, делаете официальное заявление, смотрите короткий информационный фильм и надеваете маску.

Здесь все носят маски. Это плутонская необходимость, в высшей степени практическая, и всего-то за несколько минут маска стала мне родней любовницы. На Земле говорят, что от ветра может перехватить дыхание, но такие фразы здесь кажутся причудливой древностью. Маска — полупроницаемый тепловой щит, благодаря которому тепло дыхания циркулирует, разрежённый воздух обогащается кислородом, а чувствительные дыхательные пути не испытывают в полной мере ужасный стигийский холод. Для такого приспособления нужна лишь сеть из мальцового волокна, гипоаллергенная подкладка, надёжный зажим, простой фильтр и нагревательный элемент в виде плоского диска.

Как и следовало ожидать, Плутон превратил простые предметы первой необходимости в бурлящую массу карнавальных масок, способную вогнать в краску любой полуночный маскарад.

Лишь на одном только пункте приёма я увидел минотавров с рогами, усеянными топазами, воронов под каскадами перьев цвета ночи, леопардов,

менад, витражные крылья бабочки, обрамляющие тёмные глаза за бирюзовыми стёклами, слонов с фресками на ушах и заточенными до остроты лезвия бивнями, позолоченные бауты с треуголками, ониксовые моретты с нарисованными светящейся краской вьющимися лозами, вольто[57]с серебряными губами и сапфировыми слезами в уголках глаз. Базу охватило буйство красок, прихваченных инеем, которое сопровождалось сообразными звуками и эпилептическим морганием ламп.

Собственную маску я выбрал у лоточника, который развесил их десятками на длинных чёрных шестах, словно сухие кукурузные початки. Моя противоречивая натура, раздражённая крикливой яркостью варившегося вокруг американского рагу, вынудила меня выбрать самую простую маску, какую только удалось рассмотреть — чисто-белую, с узким чёрным ртом и пятнышками красного на острых как ножи скулах. Этого хватит. Цитера выбрала маску королевы солнца, с золотыми лучами и медными павлиньими перьями, веером расположенными вокруг полированного круглого лица с изображённой на нём

---

[57] Примечания: 57

Баута, моретта и *вольто* — разновидности венецианских масок.

подробной картой вергилиевой преисподней. Патрицианскую спинку её нового носа рассекала Лета из клуазоне[58].

Когда Цитера сняла своё новое лицо с крючка, я увидел под ним ещё одно. Я уставился на эту маску, словно она была моим собственным лицом, и я осознал, что перед её тёмной красотой моё своеволие уже рассыпалось в прах. Это была маска чумного доктора — чёрная, с клювом таким толстым и длинным, что он наполовину закрыл бы мою грудь. В глазные прорези были вставлены пузыри зелёного стекла; *Totentanz* — древнегерманский танец со смертью, — нарисованный линиями из мельчайших изумрудов, кружился у основания длинного клювообразного рта и вдоль скул, заострённых так свирепо, словно маска страдала от голода. Искрящийся зелёный Папа вприпрыжку двигался вслед за королём, который вертелся вслед за крестьянином, скачущим вслед за ребёнком в малахитовых лохмотьях, который дурашливо плясал позади девы, чьи длинные ультрамариновые волосы развевались на ветру, все они бежали по краю маски; резвились, качались, делали коленца, следуя за Смертью, которая

[58] Примечания: 58
Клуазоне — китайская перегородчатая эмаль.

танцевала джигу на челе, с косой вместо партнёра, приподняв ногу в шаге фламенко, костяными руками выстукивая ритм человеческого сердца, который то ускорялся, то замедлялся, превращаясь в ничто. Веер строгих лезвий, словно тиара сурового вида, венчал маску. Я коснулся кончиками пальцев её гладкой, тёмной поверхности: мерцающий скачущий ребёнок отчаянно тянул руки к деве, танцующей перед ним, оставаясь вне досягаемости; но она ни разу не взглянула назад, её зелёная, живая грудь рвалась вперёд и вперёд, а руки распростёрлись в напряжённом и нетерпеливом объятии, обращённом к Смерти, и лишь для неё одной сияли глаза плясуньи.

— Сто баксов, за обе — сто восемьдесят, — сказал продавец масок.

Пребывая в безопасности внутри изумрудного Totentanz, я плыл сквозь ротический[59] грохот Базы: звук, с которым одежда тёрлась о тела людей; колокольный звон, предшествующий объявлениям; потёртые униформы багажных носильщиков; дети-попрошайки, выклянчивающие не монеты, но новости с Земли — сладкие кусочки жизни

[59] Примечания: 59

Ротические согласные — плавные согласные, орфографически традиционно обозначаемые символами, производными от греческой буквы «ро».

на родине, которые можно было бы унести в какую-нибудь лачугу и там как следует обдумать с сосредоточенностью извращенца.

Наш эскорт, разумеется, непростительно опоздал, чего, как я предположил, стоило ожидать, раз уж человек, пославший встречающих, называет себя Безумным Королём, но от того, что ожидания мои оправдались, реальность не сделалась менее раздражающей. Какой смысл рассказывать в подробностях о часах, потраченных на ожидание? В шесть часов вечера прозвучал клаксон, и вся База хлынула на одну сторону — «Сколько миль до Вавилона?» передавали через публичную антенну, со всей возможной чёткостью, подходите все, подходите ближе. Сядьте рядом, прижмитесь друг к другу, Веспертина снова в беде, и от этого всех нас переполняет жизнь. Я увидел Вайолет Эль-Хашем, древнюю мою корабельную подругу, устроившуюся в кресле, чтобы можно было наблюдать за плутонцами, собирающимися возле радио, впервые увидеть аудиторию во плоти. Серия была старая — не то повтор, не то на этой самой далёкой из внешних планет её ещё не слышали. Или, быть может, студия устроила так, чтобы она смогла испытать этот момент посреди холода и увидеть, как в толпе передают друг

другу пластиковые стаканчики с сидром. Я ощутил причудливый, нежеланный укол тоски по Вайолет; я отбросил это чувство, словно старый носовой платок.

Мадам Брасс, акула в женском облике, неспособная даже на миг сдержаться, замереть и ничего не делать, спрашивала у каждого прохожего, который оказывался слишком медлительным, чтобы удрать от неё: «Нам надо в Сетебос-холл, туда ведут какие-нибудь дороги, общественный транспорт? В котором часу прекращают ездить поезда?» Я оставил её в покое. Сам-то преуспел в ничегонеделании. Это, можно сказать, моё хобби. Но она не испытывала никакого удовлетворения, созерцая парад плутонцев в масках. Мужчина в сморщенной, чудовищной, кроваво-красной маске вепря покачал головой и вскинул руки. «Не спрашивайте — а ещё лучше, не ходите туда». Медная баута с подбородком как утюг и обледеневшей треуголкой из рассечённых гранатов взмолилась: «Никто не идёт туда, если его не вызвали. Если вас не вызвали, благодарите звёзды и не лезьте на рожон». Женщина в моретте цвета тёмного вина с нарисованными небесными кругами, с таким милым телом, что его очертания виднелись и под пухлым зимним костюмом,

даже перекрестилась.

Наши пустые разговоры были слишком пусты, чтобы их пересказывать. Мы с Цитерой Брасс давно исчерпали все темы для приемлемой болтовни, но наши межличностные цистерны ненадолго пополнились благодаря приземлению, высадке, тубе и маскам, обвинениям в адрес американцев и их делишек, а также выгрузке нашего загадочного груза, который оказался почтой: невероятно ценной на внешних планетах и, вместе с тем, немыслимо банальной. Моя почта стоит всех бриллиантов древней Африки; ваша — мусор, и место ей в топке. Я плевать хотел на какого-нибудь придурка с Венеры, который послал деньги на самое дно солнечной бочки, или на мать с Марса, которая жалуется на то, как дочь выбирает мужчин, карьеру, платья, да что угодно — ох, она ещё и рецепт лаймового пирога впихнула! Ну-ну! И всё же мне наплевать.

В кино, даже если оно *realité,* как те, что снимала Северин, такого рода человеческие паузы, к счастью, опускаются при помощи резкой смены кадра или монтажа. Действие к действию, точку зрения к точке зрения, вот как надо! А в жизни приходится страдать, барахтаясь в подобных вещах. Время шло, и мы всё ждали, сидя на сво-

их чемоданах, как беженцы, не смея покинуть место встречи даже для того, чтобы раздобыть какую-нибудь еду вроде упакованных галет из лишайника.

Наши сопровождающие прибыли сразу же после полуночи. Вы подумаете, что я шучу, когда я скажу, что за нами прислали дилижанс. Дилижанс! После лимузина-«тэлбота» в Те-Деуме и абсурдно роскошной внутренней отделки «Обола» я был разбалован. Сделаться разбалованным легко — немного вкуса, немного покоя, впустить луч света, и внезапно ничто уже не кажется хорошим, если оно не превосходит последнее роскошество. И вот теперь мы должны были отправиться в путешествие, как будто последних ста лет не было, как будто эту штуковину выдернули из докосмической Америки с енотовыми шапками и пони-экспрессами[60]. Может, мы попали в парк развлечений в колониальном стиле, полный аниматронных[61] американцев и «американских горок» в форме Скалистых

[60] Примечания: 60

«Пони-экспресс» («Pony Express») — существовавшая в Америке XIX века служба конной почты.

[61] Примечания: 61

Аниматроник, аниматронная фигура — механизм, запрограммированный на определенные движения и/или мимику.

гор? Дилижанс — и не простой, а запряжённый бизонами, да с девочками-близнецами в роли возниц, с синевато-пурпурными волосами, нитями нешлифованных чёрных рубинов, пересекавшими грудь как патронташи, и идентичными масками цвета фуксии, пестревшими тату в виде золотых фей и со ртами в виде оранжевых рыб-звёзд.

Бизоны были моим первым опытом знакомства с плутоновским чувством юмора. Я видел большие стада бизонов в юности, когда путешествовал в Америку — обросшие шерстью, с примечательными массивными головами, с рогами и копытами. Животные, тащившие дилижанс близняшек, ни в коем случае не были бизонами, хотя девушки настаивали, что называть их следует именно так. Наилучшим образом я могу описать их так: лоснящиеся синие ящеры размером с кугуара, с чёрными как ночь глазами, блестящими и выпученными по-рыбьи, с серебристыми языками, вываленными и болтающимися словно кнуты, с тройными хвостами, закрученными кверху на манер скорпионьих и увенчанными странными серебряными луковицами. Вдоль всего хребта у них шли полосы густой шерсти цвета мёда, и ещё они имели по

шесть болтающихся грудей, как у млекопитающих, каждая с чёрным соском, тяжёлая от молока, которое сочилось по капле, оставляя позади них следы пурпурного цвета, словно вытекающее из двигателя масло.

Вообще-то все их называют бизонами. Они обитают на диких просторах обеих планет, такие вот образцы местной фауны, оглашающие плутоновские торфяники криками и воем, тревожно напоминающим волчий. Они с трудом поддаются одомашниванию, и мне доводилось слышать, что самые смышлёные из них способны имитировать человеческую речь словно попугаи. Их мясо, которое мне довелось попробовать куда скорее, чем я хотел бы, в каком-то смысле мягче говядины, но не такое сладкое, как курятина, и послевкусие у него странное, отдаёт чем-то цветочным. Моему нутру оно не понравилось, и я испытал жестокий приступ несварения — но не стоит забегать вперёд. В чёрный дилижанс были запряжены четыре таких «бизона». С крыши свисали два зелёных фонаря из мальцового молока, озаряя вечную ночь Плутона.

Дочери Просперо представились как Боцман и Мореход; бизонов звали Сара, Салли, Сьюзи и Прюн. Нам строго велели не открывать окна и не

тревожить возниц нашими проблемами, а также вручили длинные пальто на гусином пуху (я с содроганием подумал о том, как могут выглядеть плутоновские гуси), чтобы надеть поверх наших и без того толстых, стёганых, меховых одежд для путешествия. Под столькими слоями одежды я почувствовал себя набивной гусеницей. Боцман (кажется) заверила нас, что путешествие будет недолгим, совсем недолгим. Они обе повторяли фразы снова и снова, как будто не до конца верили, что разговаривают вслух. «Ешьте, ешьте, ешьте, — сказали они. — Недолго, совсем недолго. А теперь тихо, тихо, тихо». Мы ели. Мы не шумели. Нам в руки они вложили цветы инфанты, чьи тяжёлые лепестки напоминали веки, бело-фиолетовые и влажные от сока и пыльцы. Свои я держал нежно, всё моё давнее желание попробовать эти штуки собралось у меня во рту, я ждал, я предвкушал. За пределами Плутона ни за какие деньги — даже за деньги «Оксблад» — нельзя купить ни один такой цветок. Американцы не желали с ними расставаться, даже если нежные цветы могли пережить перевозку. Я свои сожрал жадно, рвал зубами. Они измочалились, как кружево, на языке моём превратились в сладкий пепел, испарились, точно сахарная вата. По вкусу

это не напоминало ни мёд, ни кофе, ни материнское молоко. Это не было похоже ни на что, о чём я слышал. Даже сравнить вкус инфанты с другим вкусом не могу — он был неповторим. Могу лишь сравнить его абсурдным образом: вкус был, как отблеск белизны на синеве; как идея перламутра; как воспоминание, которое почти удалось поймать, но в последний момент оно ускользнуло.

Наш путь — который, по правде говоря, продлился до самого рассвета, — пролегал по обширной и плоской сельской местности. Повсюду цвела инфанта, и запах её проникал сквозь прорези наших масок, ступая в бархатных туфлях и вытаптывая последние остатки «Моего греха». Я дышал глубоко, судорожно. Запах был таким сладким, что я как будто не вдыхал, но поедал его, и насыщался, но он оставлял тревожное послевкусие, сырое и мускусное. И всё же я пил и пил этот воздух, и так опьянел, что чуть не упал навзничь. Цветущие поля создавали иллюзию плодородия — разве могла быть пустынной земля, которая рождала такие дикие и прекрасные создания? И всё же, пока час следовал за часом, их одинаковость стала казаться убогостью, свидетельством того, что самому ядру этой планеты недоставало воображения.

Когда подкралось утро, мы увидели, как карнавальный мост между Плутоном и его луной ярко проступил в небе, точно арлекинская пуповина. Свет окружал его ореолом и преломлялся в ледяном воздухе, озаряя холмы вокруг нас. Пласты льда, длинные чёрные утёсы, обрывающиеся и переходящие в низины, блестящие, как стекло моря, — всё это обрело такие же радужные ореолы, такие же призматические короны, как будто вдоль краёв вспыхнули огни Святого Эльма. Этот безумный мост под названием Стикс был их солнцем, он то делался ярче, то тускнел, вырезая грубое подобие дней и ночей из единственной чёрной тряпки, что имелась в распоряжении этого скаредного мира. В пампасах раздались долгие крики диких бизонов; наши ездовые скакуны в ответ вздыбили кольца шерсти вокруг шеи, и каждая отдельная щетинка светилась собственным неистовым цветом. Хотя в карете был изогнутый рожок, через который мы могли поговорить с близняшками и расспросить их о том, что видели, мы строго соблюдали тишину, пока вдали не показался огромный дом.

Цитера на миг утратила самоконтроль, что случалось редко, и заснула, позволив голове чуть нерешительно упасть на моё плечо. На подбород-

ке и ключице у неё засох сок инфанты, похожий на отпечаток пальца, испускающий едва заметный дрожащий свет. Я на миг уставился на эту отметину. Она корчилась и пузырилась в моих глазах, сладостная, безболезненная кислота, прожигающая её тело, изменяющая, наполняющая светом. А потом, когда дилижанс выехал на чёрную выступающую скалу, свет на коже Цитеры погас, опять превратившись в простое пятно высохшего сока и слюны. Тогда я её разбудил, чтобы она увидела поджидавшее нас подобие разверстой пасти: живой дом, похожий на бьющееся среди древних ледников сердце самого Аида — в той же степени дом, в какой наша четвёрка лазурных ящериц была бизонами.

Зрачки мои сжались, точно кулаки боксёра на ринге. Под хрустальным куполом, широким и высоким как Везувий, вулкан света выпускал кровь своего сердца потоками и фонтанами. Словно жуткий свадебный пирог, он вздымался слоями порфира, агата и тёмно-красного дерева. Замок начинался со слонов: резные звери стояли кольцом, подняв хоботы, выставив бивни, ноги их срослись друг с другом, образуя стену из поблескивающего фиолетового камня. От их голов поднимались арочные окна; внутри двигались

огоньки свечей и тени. Над окнами вздымались зелёные каменные грифоны, вытянув передние лапы, а задние перетекали одна в другую, и изящные балкончики выдавались из их грудных клеток. Этажи шли один за другим, кольцами из чёрных единорогов, чьи воздетые рога образовывали что-то вроде шипастого крепостного вала, медведей из полированного красного дерева и видавших виды серых моржей. Всю конструкцию венчало маленькое кольцо девочек из дымчатого топаза, которые сидели, болтая ножками над великим зверинцем, застыв в каменном смехе, подперев хрустальные подбородки хрустальными же руками. Внутри этого кольца вертелось чёртово колесо — пустое, но освещённое, такая вот абсурдная диадема для этого места, обезумевшего и сводящего с ума. Свет сочился из каждой щели в скале, дереве, стекле.

Я едва не ослеп и спрятал лицо в ладонях.

— Дом, — сказал чей-то голос, и голос этот принадлежал одному из бизонов. Его перья встрепенулись на чёрном ветру.

Словно в тумане, мы вошли в Сетебос-холл, замок Просперо, сквозь тела слонов, и Мореход с Боцманом тянули нас и подталкивали, их маски улавливали и умножали выдох каждого канделябра, пока их лица не превратились в подобия звёзд. Даже под хрустальным куполом они не сняли эти маски, то ли из-за свойственной янки склонности к показухе, то ли из-за личного уродства или местного обычая, даже гадать не рискну. Не счесть числа лестницам и коридорам, которые мы миновали на пути — они струились мимо неровной туманной полосой, сквозь которую тут и там проглядывала роскошь. Из недр замка доносились взрывы хохота и музыка, но коридоры, по которым мы спешили, были совершенно пусты.

Теперь, когда я закрылся в спальне, окружённый шелками цвета тёмной охры и занавесками, пишу чернилами того же рассветного оттенка, вспомнить мне удалось лишь тронный зал. Я лишь так могу его называть. Во время стремительного прохода через замок мы миновали несколько открытых дверей и заглянули внутрь — мы люди, мы всегда должны поглядеть. Комнаты были заполнены людьми, пульсировали от тепла, украденного у какого-то невероятного двигателя, созданного для борьбы с ужасной экстропией

суровых плутоновских краёв. Маски двигались и кружились, словно поле обезумевших цветов; на некоторых гостях были не только маски, но крылья и хвосты, прикреплённые к телу. И как эти тела извивались, как они сгибались дугой и сотрясались! Посреди всего этого на высоком чёрном троне, увенчанном альмандиновыми гранатами, шёлковыми асфоделями и каскадами лент, сидел мужчина в маске, которая в точности изображала человеческое лицо. Не его собственное — не лицо Максимо Варелы, ибо теперь я знаю, что это был не кто иной, как он, — но лицо Северин Анк, сотворённое из смолы, атласа и краски, такое же безупречное, как в тот первый момент, когда я её увидел, с таким же ясным лбом, яркими цветами и горделивыми, невообразимо высокими скулами.

Мой наполненный цветочными лепестками желудок от ужаса и восторга кувыркнулся; мой череп как будто *завозился* под кожей. Тело человека в маске было несомненно телом мужчины — гибкого, здорового, лишённого признаков возраста, но мужчины, одетого в пёстрый наряд волшебника, тунику, узкую в талии и бёдрах, расширяющуюся к плечам. Чёрные волосы, обрамляющие маску, были длинней, чем когда-либо

носила Северин, ниспадали густыми локонами, словно у какой-нибудь Джульетты на сцене, словно у дикарки, у Медузы, у льва. Музыка пузырилась и пенилась вокруг меня. Он поднялся со своего трона. Юнец и дева распростёрлись у его ног, протягивая руки ему вслед, желая, чтобы он остался. Лицо Северин подплыло ко мне, двигаясь сквозь танцоров и плутов, дудочников и прохвостов. Словно никого больше рядом не существовало, Безумный Король Плутона стиснул меня в объятиях, прижал к себе, прошептал мне на ухо глубоким голосом, который я похоронил на дне памяти — грубым голосом, хрупким голосом, неправильным голосом, совсем не её голосом, но произнёс этот голос те слова, которые я страстно желал услышать от неё:

— Анхис, Анхис, ты пришёл домой.

ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА

[СЕВЕРИН АНК стоит посреди перепутанных проводов на съёмочной площадке «Похищения Прозерпины». Статисты в костюмах вампиров бродят вокруг неё, трогают грим, болтают, вытаскивают зубы, чтобы покурить. Она очень маленькая — может, четыре года или пять. На ней чёрное платье с чёрным бантом и чёрные чулки. Её лицо выкрашено в мертвенно-бледный цвет. Она глядит снизу вверх на демонического ледяного дракона с усами-мечами и зубами-сосульками, огромную марионетку, которой управляет прославленный ТОЛМАДЖ БРЕЙС со своей командой. СЕВЕРИН не видит, что это её дядя Мадж дергает за ниточки куклы. Дракон возвышается над нею. Она настойчиво и тихо глядит в его глаза из оловянной фольги, сцепив руки за спиной и покачиваясь на пятках.]

СЕВЕРИН

Это ты сожрал тот большой старый город?

[Ледяной дракон торжественно кивает. Верёвки, на которых он подвешен, скрипят.]

СЕВЕРИН

Какой же ты плохой. Тебя надо наказать.

[Ледяной дракон опять кивает. ТОЛМАДЖ, расположившись прямо за кадром, дёргает за ниточки и приводит в движение блоки, отчего белые как снег плечи-буфы чудовища опускаются, как будто ему очень стыдно. Сам кукольник едва сдерживает смех.]

СЕВЕРИН

Почему ты это сделал? Мне кажется, если бы ты был поумнее, то подождал бы, пока город не растолстеет немного. Ты же не мог им насытиться! Он был такой малюсенький.

[ТОЛМАДЖ не может ответить; чудищу суждено оставаться немым, так что у изобретателя не было причин выдумывать устройство, которое позволило бы огромному кринолиновому телу

заговорить.]

СЕВЕРИН

Папа говорит, поселенцы выкопали слишком глубокие ямы и разбудили древнее сердце Плутона. Но у тебя на носу невысохший клей, так что я сомневаюсь, что ты и есть древнее сердце Плутона.

[Ледяной дракон сотрясается от беззвучного хохота ТОЛМАДЖА. СЕВЕРИН приподнимается и вытирает клей большим пальцем. Потом она шепчет в огромную, усыпанную блёстками ноздрю куклы.]

СЕВЕРИН

Я тебя прощаю. Я тоже бываю голодной.

«И МОРЕ В ТОТ ЖЕ МИГ ПРИПОМНИЛО…»[62]

(«Оксблад Филмз», 1941, реж. Северин Анк)

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ: ЗАПИСЬ 8, СТОРОНА 1, НАЧАЛО 0:12)

С1 ИНТ. ЛОКАЦИЯ № 19 НЕПТУН/ЭНКИ — ПАЛУБА НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ШТОРМАМИ, ДЕНЬ 671. НОЧЬ [29 НОЯБРЯ 1939 г.]

[ПОСТЕПЕННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ демонстрирует балкон, покрытый коркой соли и ярко-зелёными коралловыми наростами. Его завитки, цветочные мотивы и колонны напоминают о балюстрадах Нового Орлеана. Заржавелые фо-

---

[62] Примечания: 62

«…и море — в тот же миг — по именам припомнило все жертвы до единой». Цитата из стихотворения Федерико Гарсия Лорки «История и круговорот трех друзей» (пер. А. Гелескула).

нари висят на длинных цепях, похожих на цепи Джейкоба Марли, отбрасывая бело-синий свет на бурное кобальтовое море, которое покрывает всю несказанно огромную поверхность Нептуна. Балкон накрывает полупроницаемый стеклянный колокол; капли дождя стучат по хрусталю и скатываются вниз, но порывы морского ветра проникают сквозь преграду — впрочем, это пустяк в сравнении с ураганными ветрами снаружи, способными убить любого человека на своём пути быстрей, чем удар молнии. Тихий, скрежещущий, ровный грохот Энки, плывущего по своему экваториальному маршруту, оттеняет каждое сказанное слово.]

СЕВЕРИН АНК

Город Энки — это ещё и корабль, возможно, самый большой из всех, что когда-либо выходили в море. Он огибает планету за десять лет, следуя за скорбным эхо Гольфстрима, текущим более-менее пряхмо, изящно обходя белый шквальный узел матери штормов, от которой происходят все прочие циклоны этого мира. Этот балкон и тысячи ему подобных выпячиваются, словно пузыри, на наружной стене нептунской столицы. Что бы ни происходило в этом городе — любая работа,

любые амбиции, любой декаданс — населяющие его души всегда возвращаются к этим наблюдательным пунктам: к приютам паломника, к уютным очагам, к месту ночного дозора. Они приходят посмотреть на шторм. Встретиться с ним взглядами. Тратя час или восемь часов, — или, в случае некоторых старожилов, всякий миг, который не уходит на сон или еду, — жители Энки тянутся к этому первобытному зрелищу, чтобы увидеть, как их мир изгибается, извивается во власти постоянных океанических бурь, чтобы стать свидетелями вечного водоворота, который и есть древнее сердце Нептуна.

[Камера показывает лишь синеву. Монструозные волны хлещут небо цвета индиго, придавленное тучами. Барашки на волнах достигают высшей точки и разбиваются; тени водорослевых лесов размером с Азию легко скользят и пляшут под водой. Но масштаба осознать невозможно, поскольку в обозримом пространстве нет земли. Может, это Тихий океан, а может — Женевское озеро. Но это не то и не другое. Лишь когда в кадр неспешно вплывает рыболовецкое судно и, миг спустя, справа по борту от него поверхность воды рассекает какой-нибудь левиафан неизвестной породы, гейзером выплёскивая море в богатый

метаном воздух, наступает момент истины, от которой мутит. На Земле есть города, которые размерами уступают этому берилловому зверю, обросшему ракушками.]

СЕВЕРИН (голос за кадром)

Энки — странник; он следует за приливом. Конечно, в этом море есть и другие корабли: Мананнан, Снегурочка, Ис, Лайонесс, Секвана. Но по сравнению с Энки все они — карлики.

[СЕВЕРИН кладёт руку на перила балкона. Коралл под её пальцами сморщивается и отодвигается в сторону. Она выглядит изможднной — под глазами тёмные круги, кожа как будто истончилась.]

СЕВЕРИН

Тишина — самая редкая ценность на Энки. Ухо никогда не отдыхает; двигатели, которые своим рёвом оживляют город, зовут и отвечают; зовут и отвечают, и нет этому конца.

А что же слышно из дома? Ничего. Нептун, номинально являющийся французской колонией, сегодня ночью пройдёт мимо Солнца, и радиосвязь с Землёй прервётся приблизительно на

семьдесят два года. Голоса умолкнут. Единственные новости будут доставлять одинокие корабли, пробираясь сквозь черноту самой длинной из дорог. Они не услышат никакого грохота войны, звона венских сабель или треска английских пистолетов. Если в Париже снова сменится правительство, они узнают о случившемся слишком поздно, чтобы это имело какую-то важность. Никто не узнает, победит ли Тибальт Невидимого Гусара на этот раз, или Доктор Груэл наконец-то преуспеет и сделает Веспертину своей невестой, своей жертвой. Всё это случится без нас.

Я говорю «нас». Конечно, есть пассажирский лайнер, который отходит до того, как линии прервутся. Последний шанс покинуть судно ради цивилизации. По правде говоря, я ещё не решила, поеду ли на нём. Моя съёмочная группа отправляется домой. Билеты у них в нагрудных карманах, каюты забронированы, шампанское уже охлаждается в серебряных ведёрках под полированными иллюминаторами. Марианна, Амандина, Макс, Маргарета, Сантьяго, Гораций, Конрад. Даже мой Раз устал пинать снежки в этой заледеневшей заднице вселенной.

Но как же я? А я не знаю. Я обнаружила себя в конце этого путешествия, которое наметила по-

сле смерти дорогого дяди Таддеуса — сколько же у меня было дядьёв? Похоже, каждый мужчина на Луне был моим придирчивым старым дядюшкой разок-другой. Полагаю, это погребальный марш, способный продлиться дольше снов Гадеса. Сатурн, снова Марс, и опять к Нептуну. И я не знаю, закончен ли мой путь. Всегда можно отправиться куда-то ещё. Пока не оказываешься в конце.

[ЛЕВАЯ ПАНОРАМА демонстрирует залитый тёплым светом интерьер помещения по правому борту Энки. Женщины в платьях с переливчатыми кринолинами, достаточно широкими, чтобы под ними могла спрятаться маленькая армия, прижимают руки к стеклу; дождевые капли стекают вдоль их сухих ладоней. Женщины, мужчины и дети одеты в оттенки синего и зелёного — морские оттенки, цвета глубин, и бирюза каждой розетки, изумруд каждой броши нанесены на плёнку вручную кадр за кадром, как делали на студии «Вираго» в старые добрые времена, как делала Клотильда Шарбонно. Одежду выбрали для праздничного вечера: старомодная, семидесятилетней давности, выкопанная из бабушкиного приданого и кофров с костюмами, в точности как их собственная одежда, сшитая сегодня, будет на семьдесят лет отставать от la

mode, когда Земля снова окажется близко. Позвякивание люстр похоже на щебет морских птиц, и слышится музыка — клавесины, струнные и барабаны, — но звучит она резко и металлически из-за толщины стекла.]

СЕВЕРИН (голос за кадром)

Сегодня вечером Энки танцует. До восхода Тритона я тоже буду танцевать. Это не та ночь, которую можно провести в четырёх стенах, уютно устроившись с трубкой, книжкой и бокалом. Это конец света, но ещё и новое начало. Это бал Золушки. И в полночь Нептун сбежит от своего принца во мрак, оставив безымянную, одинокую туфельку своих последних радиотрансляций брошенной на звёздном крыльце.

И какие это трансляции: они убили нереиду, которая была полна икры.

[НАПЛЫВ к рыболовецкому судну, размером приблизительно с остров Уайт, на борту которого копошатся тысячи нереидоловов — мускулистых, с обледенелыми бородами, профессиональных охотников, которые выследили и убили существо, а теперь затаскивают его на борт с помощью кранов и гидравлических подъёмников.]

Может быть, они за всю оставшуюся жизнь не

поймают больше ни одной, но для них и этой достаточно. Они незлобивые Ахавы, живут ради погони, и сердца этих мужчин и женщин ускоряют биение, лишь когда раздаётся оглушительная фаготовая песнь их жертвы.

[Шторм немилосердно треплет рыбаков; и всё же они выбирают швартовы до тех пор, пока тёмная, громадная нереида не выкатывается на палубу, непристойно раскинувшись. СМЕНА КАДРА: обдирочный цех, белое пространство искусственного песка и кристаллов соли на нижних палубах Энки. Несмотря на свои размеры, нереида выглядит уныло и беспомощно в ослепительно ярком свете, обнажённая и покинутая неведомым богом, который правит этими драконами. Она, в сущности, мертва. Она из рода ихтиозавров: длинную шею венчают две головы, каждую покрывает морской детрит и розовые нептунские миноги, её четыре глаза синие, безжизненные, но до странности похожие на глаза приматов, хоть и располагаются на китообразной голове. Чёрно-зелёное тело, мириады ласт, рудиментарные ноги, оранжевый спинной плавник, хвост, сужающийся на протяжении имперской мили. Её массивное тело заполняет объектив. Изображение подрагивает из-за слегка злове-

щего эффекта — цветные краски зависают над чёрно-белой плёнкой, по-настоящему не проникая в неё. Нереидоловы вскрывают свой улов с помощью оборудования, предназначенного для промышленной обработки древесины — сперва им удаётся проделать лишь небольшое отверстие. Но из этого отверстия вырывается стремительный поток, трепещущая пурпурная икра, каждая икринка размерам с танцовщицу; они кувыркаются по полу обдирочной, словно жуткие пасхальные яйца. Нереидоловы издают радостные крики; слёзы катятся по их щекам, рассекая рубиновую грязь, оставшуюся от бесчисленных нерождённых детёнышей. СМЕНА КАДРА НА СЕВЕРИН.]

СЕВЕРИН

Нереидоловы сегодня ночью заработали целое состояние. А нереида потеряла всё до последнего гроша. И если в Париже, Лондоне или Нанкине выразят обеспокоенность в связи с сохранением этих поразительных животных — да и всей ксенофауны — после этой ночи его никто не услышит.

[СМЕНА КАДРА с нереидоловов, которые точат длинные ножи, на МАЛЬЧИКА, который чистит свой перочинный ножик. Он опустошает кар-

маны, пересчитывает монеты, потом считает их снова.]

Когда наступает конец света, правила отменяются. Всё разрешено. [СЕВЕРИН улыбается краем рта.] Жители Энки на протяжении недель тщательно придумывали правила для ритуала обесправливания. Парламентскую процедуру соблюли ради благопристойности. [СЕВЕРИН вытаскивает газету с красиво напечатанным заголовком. Зачитывает содержание вслух.] «Последняя официальная передача из Парижа будет идти до тех пор, пока не умолкнет в силу движения Нептуна по орбите примерно через сорок шесть минут после полуночи. На протяжении не более чем семидесяти двух минут после этого — по одной за каждый год, который Земля проведёт вне зоны информационного сообщения — закон и порядок будут приостановлены. Апостериори судебное преследование будет производиться лишь по самым вопиющим преступлениям, убийствам и изнасилованиям, причинению тяжкого вреда Энки или его важнейшим механизмам, а также причинению вреда детям. В этой связи огнестрельное оружие следует сдать в полицейский участок, ибо баллистический снаряд — в лучшем случае непредсказуемый компаньон. Ранг не

будет иметь силы или признаваться. Запасы еды и алкоголя будут открыты для населения. Вся прочая контрабанда останется в распоряжении поставщиков, и совет, безусловно, ничего не знает ни о её сути, ни о личности таких людей. Те, кто не желает принимать участие в празднестве, могут запереться в южной сфере города, ворота которой закроются за двадцать минут до полуночи и ни при каких обстоятельствах не откроются до следующего утра».

Список продолжается.

Ещё даже не девять вечера. Система громкого оповещения изливает пульсирующий поток французских слов, тёплый и утешительный. Нам зачитали понемногу Мольера и Вольтера, кое-что из Виктора Гюго, кое-что из Кретьена де Труа, по чуть-чуть Аполлинера и Бальзака. Спели «Марсельезу» семь раз, по моим подсчётам. Увещеваниями заставили вспомнить идеалы Французской Республики и славу Жанны д'Арк, Шарлеманя, Короля-Солнце.

[Потрескивающий МУЖСКОЙ ГОЛОС звучит, сопровождая изображение стоящей на балконе СЕВЕРИН.]

«РАДИО ФРАНСЕЗ»

Rappeler qui vous êtes. N'oublies pas d'où vous venez. Nous ne vous oublierons pas. Nous vous attendons pour vous. Terre est votre maison pour toujours. La France est toujours votre mère. Le Soleil est encore Roi sur tout… Помните, кто вы такие. Не забывайте, откуда вы пришли. Мы вас не забудем. Мы будем вас ждать. Земля — навеки ваш дом. Франция — навеки ваша мать. Король-Солнце по-прежнему властвует над всеми.

СЕВЕРИН

Я узнаю этот голос: Жиро Лурд, который, как говорится, свалился с Луны. Мсье Лурд оказался настолько бездарным актёром, что на его долю выпала самая современная форма профессионального бесчестья — он вернулся на Землю. А затем превратился в Шантиклэра[63], голос «Радио Франсез», зачитывающий новости каждое утро и рассказывающий байки каждую среду по вечерам.

---

[63] Примечания: 63

Шантиклэр — имя петуха, персонажа «Романа о Лисе», памятника французской городской литературы конца XII — начала XIV в., а также имя петуха в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера.

Он крупнее, чем можно предположить, заслышав этот сладкий, мягкий голос. Щеголяет густыми рыжими усами. Предпочитает шейные платки пурпурного цвета. Питает слабость к женщинам, поэзии и марципану. Вот с таких вещей и начинается человек. Но для меня он равнозначен этим вещам. Я встречала его два-три раза, будучи ребёнком, и больше ничего не помню. И теперь я могу добавить к этому списку то, что именно его голос Париж выбрал для колыбельной Нептуну, ибо Парижу легче притвориться, что все эти люди уснут на семьдесят лет, чем признать, что, когда они вернутся к пастве, от французов в них будет не больше, чем от англичан. И вот Жиро пустил в ход свои соблазнительные гласные, чтобы убедить целую планету вести себя прилично, пока кот вышел из дома, застыть во времени, лежать смирно, не меняться. Он об этом поёт и читает нараспев. Скрипки в концерте Берлиоза шепчут: «Тс-с, мои далёкие детки. Уколите пальчики о веретено нашего голоса. Станьте королевством, которое уснуло на сто лет и проснулось неизменившимся».

Но кто знает, какие странные вещи снились Спящей красавице, пока она ждала пробуждения?

[СМЕНА КАДРА.: СЕВЕРИН, ЭРАЗМО СЕНТ-ДЖОН, и АМАНДИНА НГУЕН полулежат на чёрно-белых шезлонгах, наблюдая за мерцанием и движением вечеринки по ту сторону маслянистого, искажающего картинку штормового стекла, разделяющего балкон для наблюдений и внутренние помещения Энки. АМАНДИНА принадлежит к культу левитаторов, который обосновался на маленькой луне под названием Галимеда, где почти не бывает ветра. Она титановый скульптор; она практикует сексуальную разновидность медитации самайка. В её волосы вплетены традиционные кожаные хлысты, которые ниспадают вдоль лица, словно лакричная проволока. Её кожа выкрашена в зелёный, как велит обычай на Галимеде. Гравитация Нептуна не даёт ей следовать требованиям веры. Кажется, что она каждую секунду слегка тянется вверх, как будто её тело помнит свой дом, где вместо того, чтобы просто сидеть, можно парить. СЕВЕРИН и левитаторша пьют сливочно-соляное пиво из глиняных чашек. ЭРАЗМО посасывает «розовую леди», которая выглядит довольно-таки оранжевой. Огни Энки рождают тени, которые пляшут на их лицах.]

АМАНДИНА

Я время от времени спрашивала себя, справимся ли мы.

СЕВЕРИН

Ты о чём?

АМАНДИНА

[Пожимает плечами.] Может быть, когда Земля снова выглянет из-за Солнца, Энки уже не будет. Как и Лайонесса, и Мананнана. Галимеда превратится в луну-призрак. Или мы все будем просто… парить. Корабли наши, уподобившись Летучему Голландцу, вечно будут плыть по течению, везя на борту лишь привидения. Такое уже случалось. Города исчезали. Прозерпина. Энио. Теперь вот Адонис. Наши города вспыхивают как фейерверки, но, мне кажется, за все надо платить. Мы распространяемся, заполняя пустые миры… может, пустота что-то у нас забирает. Чтобы уравновесить чаши весов, наверное.

СЕВЕРИН

Иногда колонии терпят неудачу. Такое случается.

ЭРАЗМО

Ты ведь понимаешь, не всё так просто. Колонии терпят неудачу из-за неурожая или из-за того, что корабли с припасами не приходят вовремя, или какой-нибудь фанатичный поклонник «Вавилона» объявляет себя военачальником и цепляет на грудь патронташи. Прозерпина не потерпела неудачу. Ее на части разорвали! Даже фундаменты домов потрескались. Тысяча людей исчезла. Двадцать лет прошло, а там ничего не растёт, даже инфанта.

АМАНДИНА

Я слыхала, всё ещё хуже.

СЕВЕРИН

Ну-ка прекратите, оба. [Она взмахивает рукой, словно факт существования Прозерпины можно изгнать из их маленького океанского пузыря

как сигаретный дым.] Вы понятия не имеете, что растёт и что не растёт на Плутоне. Вы просто повторяете байки, которые услышали на скучных вечеринках. Ну и, кроме того, разве планета без загадочно исчезнувшей колонии может как-то притянуть туристов с наличкой? Шлепнешь парочку инопланетных рун на выжженную дверную раму, и люди потекут со всех кондов космоса. С тем же успехом можно назвать это место Новым Роаноком[64], да и забыть про него.

[СЕВЕРИН засовывает кусочек эф-юна в свой сетчатый распылитель. ЭРАЗМО берет «розовую леди» с подноса со сладостями и выпивкой, поднимает к губам и умудряется изобразить суровое выражение лица, глядя поверх края бокала. Голос СЕВЕРИН подсознательно начинает копировать робкий, хриплый галимедский акцент их спутницы, она ей подражает, сама того не замечая, и её лунные слоги исчезают во франкофонном море нептунианского диалекта.]

Мы любим такие истории, потому что на самом деле это не истории об утратах. Это истории о находках. Потому что рано или поздно всё находят. Всё вспоминают. В конечном итоге кто-то нашёл

[64] Примечания: 64

Роанок — английская колония на одноименном острове в нынешней Северной Каролине, загадочным образом исчезнувшая в конце XVI в.

Прозерпину, всю её разобрал и заново собрал, построив новые города на Плутоне и Хароне. Это утешает нас, говорит нам, что не существует никаких потерянных детей, нигде, только не в этой жизни. И городов потерянных тоже не существует. Это всего лишь Атлантида в новом платье.

[СЕВЕРИН глядит на разгулявшийся шторм. На стеклянный колокол падают хлопья пены.] Атлантида, тот великий плавучий город, где люди сделались такими красивыми и мудрыми, такими сильными и умелыми, что изобрели цивилизацию. Изобрели саму жизнь, в смысле канализации и храмов с фризами, налогообложения и податливых законов, гекатомб и публичных спортивных состязаний. И море поглотило этот город, если пожелаете так рассказывать эту историю, если нравится, чтобы её так рассказывали вам, ибо, вы же понимаете… людям не по себе от историй, в которых нет наказания. Ничто хорошее не длится вечно, поскольку люди ужасны, и мы чувствуем — мы чувствуем! — что если бы не эта присущая нам ужасность, мы бы успели забраться гораздо дальше. Больше всего сделать. И лучше. Мы превратились в сборище неудачников с той поры, как Платон в первый раз подавился оливкой. Так что нет ничего удивительного в

том, что каждый из нас по отдельности терпит неудачи — когда мы уклоняемся от долга, когда мы ненавидим родителей, когда сбегаем из дома, когда напиваемся каждую ночь, когда теряем любовь… в особенности когда теряем любовь. Ибо мы ведь имеем полное право жить в хрустальных дворцах Атлантиды или в пентхаусе Вавилонской башни, не так ли? В сравнении с прочим наши отдельные провалы незначительны. Они просто часть общего узора, изображающего то, насколько человек отвратителен. Мы добавляем свои маленькие катастрофы к прекрасной картине, где изображена одна великая катастрофа, так что причинно-следственная связь не нарушается. Такое вот равновесие. Мы терпим неудачи, потому что судьба у нас такая. В этом нет нашей вины. К примеру, подумайте о рае, которого у нас нет.

Но Атлантиды ведь никогда не существовало, мои дорогие. Ни Вавилона, ни Шангри-Ла. Существовал остров Санторин, а также визиготы и великий сдвиг гласных, но вам бы ни чуточки

не захотелось жить на древнем Санторине[65]. А у Прозерпины ничего не вышло, потому что на Плутоне чертовски трудно выращивать что-то кроме цветов, и землетрясения случаются везде, где есть кора и ядро.

АМАНДИНА

Но ты признаёшь, что города могут исчезать. И не существует историй об обнаружении людей, везде речь только о руинах.

СЕВЕРИН

Признаю. Если тебе от этого радостно.

АМАНДИНА

Но исчезают они не до конца. Кое-что всегда остаётся. Руины, да, чувство утраты, и потёки этой чудовищной жидкости повсюду — но и кое-что ещё. Всё происходит на протяжении одной ночи. Теперь уже трижды. Наступает радиомолчание, а потом город берут и вырезают из земли. Вместо

---

[65] Примечания: 65

Существует версия, что находящийся в Эгейском море остров Санторин (другие названия — Санторини, Тира, Фира, Стронгила), разрушенный в результате извержения одноимённого вулкана около полутора тысяч лет до нашей эры, стал прообразом мифической Атлантиды.

него… появляется что-то новое. Я слыхала, что в Прозерпине был голос. Если туда пойти, если встать там, где должны были стоять те люди, под сумеречным небом, можно услышать голос. Женский голос.

СЕВЕРИН

[Выгибает бровь дугой.] Да. Я, знаешь ли, видела этот фильм.

ЭРАЗМО

Но Перси откуда-то это взял. Он ничего не придумал. Винче привнесла драконов, вампиров и всё прочее, но Перси хотел снять этот фильм, потому что история уже витала в воздухе. Я её слышал на заднем дворе студии. Я её слышал повсюду. Голос, повторяющий одно и то же слово.

ЭРАЗМО И АМАНДИНА

Канзас.

СЕВЕРИН

Но никому не разрешают по-настоящему посещать Прозерпину. Так откуда же люди узнали,

что какой-то голос это произносит? Или вообще что-то произносит? В любом случае, это чушь. И что, чёрт возьми, означает слово «Канзас»?

ЭРАЗМО

В Энио, на Марсе… ох, Ринни, не смотри на меня так! Разве может быть лучшая ночь для того, чтобы рассказывать друг другу истории о привидениях, сидя у костра? И разве бывает лучший костёр, чем город, в котором разожгли все огни, празднуя погружение во тьму? Странные дела ведь случаются, ты знаешь. Не всё в этой вселенной cinéma *vérité*[66]!

СЕВЕРИН

Ты ведь не собираешься на самом деле рассказывать историю с привидением, а? может, мне стоит пойти и поглядеть, как там идёт подготовка к Нептунианскому Часу Разгула Преступности и Неуёмного Веселья.

---

[66] Примечания: 66
Правдивое кино (фр.).

ЭРАЗМО

Цыц. У тебя нет права голоса. Итак. Энио был марсианской факторией возле китайско-русской границы, окружённой кенгуриными ранчо, борделями, притонами для игры в кости и горными выработками. Хорошие времена для всех! И в одну ночь он взял да и пропал. Окна разбиты, здания в руинах, как будто кто-то взял их за крыши, выдернул из земли, а потом уронил. На двадцать футов в высоту разбрызгано мальцовое молоко или что-то вроде него, словно потёки крови или граффити. Ни трупов. Ни крови. Но кое-что другое.

[ЭРАЗМО останавливается. Щипает СЕВЕРИН за колено и ухмыляется, бросив на неё косой взгляд.] Хочешь, чтобы я остановился? [Она ничего не говорит. Её губы чуть приоткрыты.] Ну ладно. Пусть в протокол занесут, что мисс Анк захотела послушать историю с привидениями. Эта ещё менее достоверная, чем голос, который кричит «Канзас» на дальнем краю изведанного космоса. Я слышал — всего пару раз, но слышал, — что в центре города, где когда-то стояла колонка, марсианские констебли нашли плёнку. Киноплёнку. Она просто лежала в пыли, покрытая молоком.

СЕВЕРИН

И? Что на ней было?

АМАНДИНА

Я тоже слышала про плёнку. Люди говорят тысячу вещей. На ней разрушение города. Или это копия какого-то порно из тех, что нравилось шахтёрам. Плачущая женщина. Сорок минут черноты. Хуже. Лучше. Кто знает? У кого сейчас эта плёнка? Никто даже не претендует на то, что видел её, просто слышал от кого-то, кто встретил кого-то другого в очереди на Базу, а у этого «кого-то» был друг в марсианском отряде по разбору завалов. Энио из тех вещей, от которых вопишь поздно ночью, когда прикосновение теней к коже кажется электрическим.

Но ведь есть ещё Адонис. С Адонисом всё по-другому.

[ЭРАЗМО пьёт свою «розовую леди»; он позволяет АМАНДИНЕ продолжить историю.]

Это не была фактория или торговый городишко. Его не только что построили. Это была целая колония — и она исчезла. В основном там жили ныряльщики, как и в большинстве поселений на

Венере. Рабы великих Мальцовых китов, как и все мы. Но в Адонисе они построили милый отель и карусель для туристов, которые приезжали, чтобы испытать катарсис, пока ныряльщики, рискуя жизнями, доят наших великодушных, непоколебимых в своём спокойствии матерей, погружённых в вечную дрёму. Я слышала, там было хорошо. Милая деревня на берегу Кадеша, плетёные крыши из жир-травы и двери, сбитые из кусков меди, которую на венерианских берегах можно отыскать на каждом шагу. Они жили, они ели местное какао, и сбивали раз или два в году кожистого ‘трикса с небес, чтобы всем хватило жира и белков на много месяцев. На Венере можно жить — не тужить. Я чуть было не отправилась туда вместо Галимеды. Но в конце концов мне захотелось летать. Может, если бы я не полетела, то отыскала бы дорогу в Адонис, помогла бы построить карусель. Потом я бы там застряла. Потому что, в точности как Энио и Прозерпина, в один прекрасный день — раз! И всё. Дома, лестницы, коптильни, водолазные шлемы — всё исчезло.

[СЕВЕРИН пьёт своё соляное пиво. Видно, что она размышляет, в её голове формируется некая новая и крупная идея. ЭРАЗМО жуёт корочку

бисквита с крабовой начинкой, зачарованный голосом АМАНДИНЫ. АМАНДИНА опускает взгляд, пряча лицо под лошадиными шорами, вплетёнными в волосы.]

Всё исчезло, но осталось кое-что новенькое. Только на этот раз — не плёнка и не голос. Это маленький мальчик, которого бросили. Говорят, он по-прежнему там. Я это слышала по радио, так что всё правда. Он каким-то образом застрял посреди того места, где располагалась деревня, просто ходит по кругу. Ходит и ходит, как заевшая пластинка. Никто не смог заставить его говорить. Он не ест и не пьет. Он даже не останавливается, чтобы поспать. Он просто… существует. Вот уже целый год. Как проекция. Но из плоти.

ЭРАЗМО

Амандина, а что, по-твоему, случилось? Не слушай Рин, просто… скажи, что ты думаешь?

АМАНДИНА

[Некоторое время она молчит.] Мне кажется, мы присосались к титьке, которую не понимаем. Мы нуждаемся в мальцовом молоке. Мы не можем без него жить. Мы не можем обитать в этих

мирах без него. Но мы заключили необдуманную сделку, потому что преимущества казались безграничными, а цена составляла всего лишь жизни нескольких ныряльщиков, погибших в результате несчастных случаев — разве это сравнимо с тем, что мы должны были приобрести? Господи боже, да это пустяк, абсолютная чепуха. Все пустые миры могли стать нашими — никто в них не жил, некому было нас пристыдить. В отличие от Нового Света с его неудобными миллионами. Истинный фронтир, лишённый моральных сомнений. Вы должны признать, это очень привлекательно. Целые планеты ждали нас, и сады уже были высажены и приносили плоды. Гравитация чуть виляет туда-сюда, воздух отдаёт чем-то неприятным; ох, наверное, не получится у нас наесться жареной кукурузы с маслом — но всё равно, здесь всё было для нас готово. Эдемы, полные животных и растений, но без людей.

Не считая Мальцовых китов. Мы даже не знаем наверняка, что они такое. Ох, я училась в школе. Я видела диаграммы. Но это лишь догадки! Никому ещё не удалось вскрыть — или даже убить — такого кита. Нельзя даже точно определить, животные они или растения. Первые поселенцы

думали, что видят пустынные острова. Огромные массы, застывшие в воде, с молочной, пёстрой поверхностью, в глубине которой время от времени посверкивают завихрения химической синьки или золота. Но едва мы вычислили невероятную пользу этих существ, они перестали иметь для нас значение. То значение, которым обладаем мы сами. Ниже уровня воды они были спокойными, возможно, даже мёртвыми левиафанами — Таннинимом[67], как называли их охотники за наживой из числа неохасидов; какие-то протоплиозавры, заявили исследователи. Солнечные стада. Плавники их, имевшие форму полумесяца и покрытые колючими наростами, лежали вдоль боков. Их глаза всегда оставались закрытыми — «Зимняя спячка», — заявил научный кагал. «Дрёма», — решили мы.

И некоторые ныряльщики твердили, будто слышали, как они поют — ну, по крайней мере, этим словом они назвали непредсказуемые вибрации, которые время от времени пробегают

---

[67] Примечания: 67

Танниним (в ед. ч. — Таннин) — мифические морские чудовища, неоднократно упомянутые в иудейских священных книгах, а также в Библии (наряду с Левиафаном и Раавом). В разных переводах это слово передано по-разному («драконы», «чудовища», «змеи», «рыбы большие» и т. п.); следует особо отметить, что в Библии короля Якова «Танниним» переведены как «great whales» — «великие киты».

по мохнатым усикам. Это явление, похожее на гидролокацию, смертоносно для любого живого существа, которое будет им застигнуто. Несчастные мгновенно испаряются, разделяясь на атомы. И всё же ныряльщики говорят, что когда отголоски этих вибраций касаются кожи на безопасном расстоянии, ощущение от этого испытываешь причудливое, интимное, словно слушаешь музыку или занимаешься любовью. Ныряльщики не могут смотреть в камеру, когда рассказывают об этом, словно камера — глаз Господа, и, не встретившись с Его взглядом, они могут сохранить свою добродетель. «Вибрации окрашены в цвет желания», — шепчут они.

Разумеется, никто не работает мальцовым ныряльщиком вечно. Мы для такого не созданы. Кадеш, киты или, может, Венера сама по себе, целый мир; что-то в конце концов с нами расправляется. В результате всех настигает мальцовое безумие, этакий шелковистый, изысканный делирий, который неспешно, с оттяжкой, ломает тебя, пока ты не рухнешь, бормоча про цвет желания. Мы говорим, что мальцовые киты не живут в том смысле, в каком живём мы. Но я говорю: где есть молоко, там есть спаривание, не так ли? Ведь для чего же ещё предназначено

молоко, как не для питания нового поколения, нового мира? Мы ни разу не видели детёныша мальцового кита, но эти матери бесконечно «кормят» кого-то молоком. Кого же они кормят там, посреди своего красного моря? И с кем спариваются? Это должно быть что-то здоровенное. Может, размером с город…

[Нечёткий треск радиотрансляции с Земли внезапно делается громче — «Au revoir, mes enfants! À la prochaine fois! Bonsoir! Bonsoir! À bientôt!»[68] — а потом резко умолкает. Внутри Энки гаснут все огни.]

АМАНДИНА

Поздравляю с концом света.

[68] Примечания: 68

«Прощайте, дети мои! До следующего раза! Хорошего вам вечера! Всего хорошего!» (фр.)

ВЗГЛЯНИТЕ НА ЕЁ ЛИЦО

Взгляните на её лицо. Это ваше лицо. Она маска, которую вы носите. Взгляните, и вы увидите в её чертах отражение нерождённого фильма, который она хочет снять. В ваших собственных чертах. Ничего ещё не произошло; у фильма даже нет названия. Он не заслуживает называться полноценной идеей. Но он там, в её упрямом подбородке и прищуренных глазах. Она язвительно хмурится на чёрно-белом, и её неодобрение таких фантазий — отцовских фантазий: исчезнувших героинь и жутких местечек, где безусловно произошло нечто ужасное — проступает в морщинке на её лбу, в том, как она постукивает ноготками по распылителю, пока бурлящие шторма лижут стеклянный купол, а бронированные покаянные рыбки с фонарями в челюстях ложатся на курс.

«Где есть молоко, там есть спаривание, не так ли? Там есть дети». Призрачный голос Амандины витает над фонографом, когда последний кадр

«И море в тот же миг припомнило...» переходит в серебристо-чёрное мерцание, в котором растворяются плавучие нептунианские купола удовольствий. Все знали, куда Северин собиралась направиться потом, задолго до того, как начались главные съёмки. Это было написано у неё на лице. На Венеру, в Адонис; в маленький посёлок, где текли реки молока, где было много детей, которые исчезли через двадцать лет после его основания, пока с воды за происходящим наблюдали мальцовые киты, безмятежные и невозмутимые. Вы бы и сами туда отправились. Вы бы изнывали от желания туда отправиться. Погнаться за финалом истории, которая уже находится в развитии. Финал означает, что во вселенной есть порядок, что у событий имеется цель. Что есть причина, по которой надо делать то и это, ответ, который можно отыскать, ключ к поставленным задачам, напечатанный на последней странице книги. Найди один финал, настоящий финал — искупи грехи вселенной, освободи её от смерти... но смерть ни в коем случае не может быть финалом. Это жульничество, моментальное потрясение, но ни одна история по-настоящему не заканчивается смертью. Смерть лишь выклянчивает новые вопросы и

новые рассказы.

Поперёк ваших рёбер её корабль спешит по ледяной дороге так быстро, как только может. Вам почти хочется его подбодрить — но он мчится к прекращению, к отрицанию, к звуку, тьме и финалу, жуткому изображению, мелькающему в глубине.

Но вы видите, как она размышляет, и её новый фильм, её последний фильм, уже отчасти виднеется в её глазах.

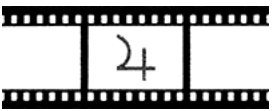
Это всё документальные ленты, да. Но ещё и откровенные стихотворения. Она дочь своего отца, хотя ей бы хотелось, чтобы никто об этом не догадывался.

Северин задала великий вопрос: куда отправился Адонис после смерти? В старых историях был ответ. Но он ни за что не стал бы её ответом. И мы всё равно его предложим.

Адонис вернулся к своей матери: Королеве Тьмы, Владычице Иного Мира, Царице Окончательного Монтажа.

«ПРОИСШЕСТВИЕ НА МИРАНДЕ»

(Студия «Каприкорн», 1931, реж. Таддеус Иригарей)



В ролях:
Мэри Пеллам: **Мадам Мортимер**
Аннабелль Огэст: **Вильгельмина Уайльдхарт**
Игорь Ласки: **Килкенни**
Хасинта Лабианка: **Иоланда Брун**
Барнаби Скай: **Ласло Барк**
Артур Кайндли: **Гарольд Йеллоубой**
Джованни Ассизи: **Данте де Вере**
Хелена Харлоу: **Мод Локсли**
Отец Патрик: **Хартфорд Крейн**

[ИНТ. Обзорный вагон славного корабля «Карман, полный ржи» мчится по ледяным, звёздным рельсам Восточного Экспресса. Папоротники, шезлонги, бренди и сигареты в золотых портси-

гарах. Над головой зависла Ио; вулканы глядят сердито, электрические города поблескивают и мигают. «Карман, полный ржи» несется сквозь Большой Центральный Вокзал, сердце системы Юпитера, и плотный узел гравитационных завихрений направляет корабль к красивой и опасной Миранде, луне тысячи соблазнов.

Пассажирам невдомёк, что КИЛКЕННИ, криминальный гений и убийца в бегах, прячется на борту! МАДАМ МОРТИМЕР, леди-детектив, лишь недавно одержавшая победу над силами анархии и распада в ДЕЛЕ ИСЧЕЗАЮЩЕГО ДЕСПЕРАДО, выкупила отдельное купе на борту «Кармана…» вместе со своей верной компаньонкой, наследницей ВИЛЬГЕЛЬМИНОЙ УАЙЛЬ ДХАРТ, в надежде немного отдохнуть и расслабиться.

В вагоне первого класса мы обнаруживаем наших игроков: ОТЕЦ ПАТРИК, миссионер с тёмным прошлым и тайной, которую надо защищать, направляющийся в Гершель-сити; ХЕЛЕНА ХАРЛОУ, богатая владелица «Синего Эдема», известного борделя в Те-Деуме; АРТУР КАЙНДЛИ, ветеран Марсианских войн, которого ожидает во внешней системе пенсия и славная жизнь; БАРНАБИ СКАЙ, красавец-плейбой с ужасными игорными долгами, и ХАСИНТА ЛАБИАНКА, заводчица

меркурианских лошадей, скрывающая тайную связь.

ДЖОВАННИ АССИЗИ, межзвёздный кофейный барон, лежит лицом вниз на турецком ковре, и из его спины торчит рукоять псементийского свадебного ножа. МАДАМ МОРТИМЕР стоит над ним, держа руку на рукояти пистолета.]

МАДАМ МОРТИМЕР

О, как же я люблю, когда к чаю подают место преступления!

ХАСИНТА ЛАБИАНКА

Что вы такое говорите! Бедный мистер Ассизи!

МАДАМ МОРТИМЕР

И в самом деле, бедный! Вы разве не слышали? Тайфуны уничтожили его венерианские плантации. Бедолага отчаянно искал жену, чтобы пополнить свою казну — он приласкал половину корабля, в прямом смысле слова выковыривал аристократок из всех углов. Он вот-вот постучался бы в дверь отца Патрика. Похоже, кто-то уберёг его от неловкого положения. Что ж! Карты сданы!

[Она резко хлопает в ладоши.] Делайте ставки, дамы и господа. На борту убийца, и я намереваюсь вывести его на чистую воду. И он не просто на борту — у меня есть основания полагать, что убийца… в этой самой комнате!

[Все ахают.]

Вильгельмина, дорогая, ты не могла бы оказать мне любезность и посторожить дверь вагона? Спасибо. Боюсь, пока что я не могу позволить кому-то из вас уйти. Всё необходимое для того, чтобы разобраться с этим постыдным маленьким беспорядком, находится прямо здесь, на расстоянии вытянутой руки — надо лишь проявить достаточную проницательность, чтобы увидеть, схватить и действовать! Вокруг трупа распространяется неуверенность, точно лужа крови. Чем дальше отойдёшь от мертвеца, тем труднее увидеть истину. Смерть мистера Ассизи — это факт, а всё прочее — лишь предположения.

Давайте изложим факты. Во-первых, Джованни Ассизи мёртв. Во-вторых, он потерял своё состояние. В-третьих, он недавно развёлся с женой, исстрадавшейся медсестрой Аннализой Ассизи, оставив её с семью детьми на Ганимеде. В-четвёртых, у него был роман с мисс Лабианкой — простите, моя дорогая, но многие ли женщины носят

на лацкане венерианский кофейный цветок? Это ужасное растение. Кроме того, от вас несёт его лосьоном после бритья.

ХАСИНТА ЛАБИАНКА

Несомненно, я понятия не имею, о чём вы говорите! У меня тётя на Венере!

МАДАМ МОРТИМЕР

Не переживайте, дорогуша, он собирался порвать с вами ещё до приземления. Ваши… банковские счета… недостаточно велики, чтобы удовлетворить его запросы. И, в-пятых, боюсь, он был частым клиентом заведения мисс Харлоу и передал ей большую сумму, пока мы ждали на орбите временного окна для ускорения. Платил по счетам? Возможно. Наш Джованни был существом с чрезмерными потребностями! Далее, я полагаю, наш юный мастер Скай, который задолжал покойному довольно много в результате игры в покер? Он хотел, чтобы вы рассчитались, и быстро, но вы не могли, не так ли, Барни?

БАРНАБИ СКАЙ

Как, дьявол побери, вы об этом узнали?

МАДАМ МОРТИМЕР

О, всё совершенно очевидно. Вы ничуть не расстроены его смертью! Наш несчастный друг решительно обожал карты и играл со всеми на борту — кроме вас. Он к вам даже не приближался, и если вы подсаживались к столу, сразу же уходил. А отец Патрик — ай-ай-ай, отче! Один из тех семерых детей — не Ассизи, верно? В жилах Аннализы течёт благородная кровь, и душа её чиста, это верно. Однако когда наш папа Джонни показал мне и Вилли свой милый семейный портрет, я не могла не заметить, что одна из его ангелочков — Лючия, не так ли? — ни дать ни взять ваша копия.

ОТЕЦ ПАТРИК

Это омерзительная ложь!

МАДАМ МОРТИМЕР

О, я так не думаю. Но в этом и заключается

чудеснейшее свойство преступления — оно всё вытаскивает наружу. Заливает все тёмные местечки солнечным светом и распахивает окна и двери настежь, чтобы каждый мог взглянуть. Внезапное и неожиданное убийство чудесным образом оттачивает душу.

[КИЛКЕННИ всё это время сидит в кресле лицом к камину. Он курит трубку; на нём полосатый костюм и щегольская шляпа.]

КИЛКЕННИ

Красиво сказано, мисс Мортимер. Я вполне согласен.

ВИЛЬГЕЛЬМИНА УАЙЛЬДХАРТ

Килкенни!

МАДАМ МОРТИМЕР

Доброе утро, сэр! Полагаю, вам хорошо спалось в грузовом отсеке? Вы пропустили восход урагана — Большое красное пятно[69] в это время года выглядит особенно красиво.

---

[69] Примечания: 69

Большое красное пятно — уникальное явление на Юпитере и самый большой атмосферный вихрь в Солнечной системе.

КИЛКЕННИ

Думаю, я его ещё увижу. Ради удовлетворения амбиций приходится жертвовать малым. Уж я-то за свою жизнь повидал ливней с ураганами. А как поживает ваша сестра, мисс Мортимер? На Рождество мне так не хватает Эмили.

[Лицо МАДАМ МОРТИМЕР заливает румянец гнева; ее рука сжимается на пистолете.]

МАДАМ МОРТИМЕР

Ты отлично знаешь, как она поживает. И если бы ты был достойным человеком, то сказал бы мне, где похоронил её!

РУКОВОДСТВО ИНЖЕНЮ

13 января 1930 г.,
половина четвёртого пополудни
«Савой», Город Кузнечика, Луна

Я гарцевала перед камерой вот уже — господи боже! — двадцать два года, так что соблаговолите принять нижеследующее заявление как веское и авторитетное.

Вечеринки по завершении съёмок я люблю больше всего на свете.

О, планы милы, и работа мила, но когда она остаётся в прошлом — это намного милее. А танцевать до упаду, когда ты вся такая в жемчугах и знаешь, что завтра тебе ничегошеньки не надо делать, попросту лучше всего! Все изысканные и усталые, и прямо искрятся неистовой радостью от того, что справились, несмотря на все преграды — и действительно, когда с твоих плеч

свалился тяжкий груз, нельзя не почувствовать лёгкость в ногах. Эта вечеринка знаменует конец света — финал скоротечного, фантастического мира, который вы сотворили вместе, мира, который теперь существует лишь на смотанной в бобины чёрной плёнке в жестяных коробках. Ну и ладно! Вперёд, к следующему! И забавная, шаловливая магия завершающей вечеринки состоит в том, что на всех ещё висят лохмотья персонажей, как вуаль Саломеи, колышутся, бледнеют, но всё ещё продолжают ощущаться на языке и путаться под ногами. Ты уже не в Стране Чудес, но от тебя решительно несёт кроликом. Это секретное, бесшабашное пространство, где всё по-прежнему наполовину выдумка. Этот негодник ещё не избавился от походки Робин Гуда, а вон тот, другой малый не оставил попытки соблазнить тебя, как Хитклифф; вон те два профессиональных боксёра сегодня ночью могут подраться, потому что ещё не до конца смыли с себя Каина и Авеля; и, о боже, на какие проказы ты способна, пока твоё сердце наполовину леди Мэрион, немного Кэти[70], чуть-чуть мадам Мортимер — впрочем, я никогда не сбрасываю Эм-Эм с себя полностью.

---

[70] Примечания: 70

Вероятно, подразумевается Катарина из комедии Шекспира «Укрощение строптивой».

Я была ею почти столько же времени, сколько живу на Луне, то есть почти всю свою жизнь. То, что было до Луны, вряд ли стоит считать жизнью. Я вся пропиталась мадам Максин Мортимер. Ну вот, к примеру, на днях из гримёрки Бетти Райли пропало её ожерелье из чёрного жемчуга — так я заперла все двери, начала допрашивать подозреваемых и лишь потом пришла в себя.

Бедная Беттс. Внутри у неё только солнечный свет и кроличьи хвостики, но в последнее время ей приходится чертовски трудно. И становится всё хуже. Хартфорд Крейн подарил ей то ожерелье прямо перед тем, как сбежать с Иоландой Брун. Злоречивые газетёнки не жалеют сил, полоща бельё, и пока Иоланда поедает внимание ложками, милая невинная Бетти пискнуть не смеет от позора. Обманывай первой и обманывай часто, Беттс, и тогда тебе не придётся подчищать за мужем после его полуночных закусок.

Итак, мы проехали вокруг темы, разминулись с нею, включили заднюю скорость и опять вернулись туда, куда надо, а надо нам вот что: «Происшествие на Миранде» лежит себе в жестяных коробках, вместе с последними десятью годами, которые были, прямо скажем, так себе. Это будет последний звукофильм Тада — ветер

дует нам в лицо. Суммы в чеках вырастают в тот же момент, когда я закрываю рот. Мне всегда нравился мой голос. Жаль, что Эм-Эм придётся спасать положение с помощью неистовой жестикуляции, но чего народ хочет, то он и получит.

Впрочем, ладно! Завершающая вечеринка СЕГОДНЯ. И утончённый кутёж мы устроим не в каком-нибудь продымленном подпольном баре, нет, сэр! Долой молчание! Рвите карточки для титров! Мой дорогой маэстро Таддеус роскошно нас всех одарил: вечеринка будет на борту его яхты в Море Спокойствия! «Ахелоида» — величественное, расточительное, блистательное чудище — имеет собственный бальный зал, кегельбан и винный погреб, который сгодился бы и для компашки римских императоров, и Тад позаботился о том, чтобы в каждой каюте были свежие фиалки и щепотка нюхательного табаку.

По крайней мере, так мне сказала моя дорогая Реджина. Это будет моё первое плавание. Яхта раньше принадлежала Джефферсону Дюфресне, когда он был Королём Исторических Фильмов в «Плантагенет Пикчерз» и все лизали его туфли за шанс пукнуть на Босвортском поле. Реджина, моя старая соседка по комнате (божечки мои, как будто тысяча лет прошла с той поры, как

мне приходилось с кем-то делить жильё!), побывала там после того, как сыграла императрицу Жозефину в его великом кино про французов, обернувшимся грандиозным фиаско. Quelle[71] несправедливость! Мне пришлось ждать этого момента почти до сорока лет, в то время как она туда отправилась в девятнадцать!

Нас будут возить туда-сюда несколько дней, и я не сомневаюсь, что в понедельник мы все вернёмся, покрытые земным загаром и засосами. Яхты, в сущности, взывают к распутству — ведь на самом деле ничто из происходящего на борту не имеет значения! Яхта — просто маленький пузырь, который дрейфует себе вдали от мира. Наше слабое творенье расцените как виденье…[72] и т. д. и т. п. Совместите это с божественной бессмыслицей завершающей вечеринки — короче, я удивлюсь, если переживу выходные.

Планирую надеть свои лучшие меха — плутоновского бизона — да рубиновую тиару, и больше ничегошеньки. Хотя прямо сейчас я выгляжу весьма представительно в костюме цвета экрю и шляпе с двумя тощими старыми перьями. Люблю

---

[71] Примечания: 71
Quelle — какая (*фр.*).

[72] Примечания: 72
Цитата из пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь» (пер. М. Лозинского).

надевать эти пресные шмотки на встречи с агентом и всякие бедствия вроде судебных заседаний по делам о нарушении безопасности движения. Видит бог, я в автомобиле делаюсь неуклюжей, как будто на мне клоунские башмаки! Но сегодня я (вероятно) не заработаю выговор за чрезмерно быструю езду по скоростной трассе Гиперион — ради всего святого, почему она называется «скоростной», если на ней нельзя утопить педаль газа в пол? Сегодня я и моя былая падчерица позавтракаем вместе, как настоящие леди. Не помню точно, когда мои маленькие уединённые чаепития в «Савое» стали чаепитиями на двоих, но я не перестаю этому радоваться. Время от времени испытываешь прилив бодрости от того, что просто проводишь немного времени с тем, кто знает тебя давно и всё ещё думает, что ты чего-то стоишь. Полагаю, люди прежде всего по этой причине и заводят детей. В противном случае отыскать подходящего собеседника может быть проблематично.

О да, я время от времени скучаю по старине Перси. Тад его пригласил на яхту, так что, возможно, к ночи воскресенья мне придётся от этого заявления отказаться. Интересно, он приведёт с собой какую-нибудь женщину — помимо Клары?

А ещё лучше задаться вопросом о том, кого на этой вечеринке не будет? Даже этот язвительный мангуст из «Все по местам!» получит свои свежие фиалки и табак. Подозреваю, Тад поручил секретарше составить список гостей. Он битком набит людьми, которые не имеют с «Мирандой» ничего общего. Это ведь завершающая вечеринка в честь моего фильма! Я не вижу причины, по которой оба моих бывших мужа должны быть приглашены, за исключением того, что девчонка, которая пилит ногти, пока мы с Тадом разговариваем о делах, решила, что будет классненько собрать всех любимых знаменитостей в одном месте! Эдисоны тоже будут, грубиян Фредди и Пенелопа, эта его капризная женушка.

Знаете, она ведь не всегда была такой. Когда мы впервые встретились, она была Пенни Катарейн и горела ослепительно ярко, как зажжённый фитиль. Она была технарём, достаточно хорошим, чтобы получить работу, обойдя целую гору парней. Она всегда производила такое впечатление, словно ненароком отбилась от конференции безумных учёных и ей отчаянно хочется туда вернуться. Она руководила звуком в моей первой большой студийной говорящей картине, до того, как речь в кино стала эквивалентом пердёжа во

время званого ужина. Благодаря Пенни мой голос зазвучал, словно хрустальный фонтан. Но, полагаю, когда ты замужем за форменной свиньёй, от души остаются одни лохмотья. Я позабочусь о том, чтобы на борту «Ахелоиды» она отдохнула и развлеклась. Я заставлю миссис Эдисон танцевать, даже если мне для этого придётся подложить ей шутихи в туфли.

Я как-то оказалась с Пенелопой один на один во время подписания договора между студиями «Каприкорн» и «Плантагенет». Нельзя назвать случившееся «слиянием», ведь «Плантагенет» захватила — со взводом солдат, тремя бипланами и одним, пусть даже очень старым и прихотливым, китайским танком — натурную съёмочную площадку «Каприкорн», чтобы вызволить двух ведущих актёров и стопку бобин с плёнкой из сейфа. Так или иначе, эти парни были всего лишь предлогом, прикрытием для мистера Пи, который должен был выглядеть пострадавшей стороной. Настоящей целью «Плантагенет» было вынудить «Кап» «продать» права на их знаменитых персонажей, Марвина Мангуста, Арахнида и Вики Ва-Вум, за меньшую сумму, чем стоят мои чулки. Я получила пулю в плечо из-за мультяшного грызуна. Но так уж всё устроено на безумной ста-

рушке Луне. На мне всё заживает как на собаке.

Тот вечер выдался веселее, чем можно было бы ожидать: розовые бумажные фонарики, статисты в костюмах Марвина и Вики, раздающие автографы, много шампанского и саксофонов. Помню, Пенелопа была в синем. Мы потрепались о старых добрых днях, и у неё опять сделалось такое лицо, словно она покинула своих товарищей — безумных учёных лишь ради обеда и ей уже пора возвращаться к ним.

Я взяла её за руку.

— Милая, он тебя бьёт?

Миссис Эдисон уставилась на меня в сильнейшем изумлении.

— Нет! Господи, что за вопрос.

— Тогда в чём дело? У тебя вечно такой вид, словно ты хочешь лечь и слиться с полом.

Я не ждала ответа. Я была уверена, что она уйдёт прочь с высоко поднятой головой и больше никогда со мной не заговорит. Но вместо этого Пенелопа пожала плечами и прошептала:

— Он не разрешает мне работать.

Людям кажется, что и Перси злой медведь, но на самом деле он не так уж плох. Случаются мужья куда хуже моего. Как бы там ни было, я часто думала о том, что на самом деле голова у Перси

устроена правильно. В итоге, запоминается только то, что попало в конечную версию киноленты. Это люди будут видеть всегда, а не твои глупые, неточные воспоминания и неуклюжую погоню за счастьем. Сила окончательного монтажа заключается в том, чего ты хочешь, — и, если ты можешь всё сделать чуть лучше, чуть ярче, чуть симметричнее и самую малость загадочней, что ж, почему бы не поступить именно так? Ну и что если мне пришлось пару раз повторить кое-какие утра Рождества, чтобы свет на моё лицо падал красивее или Севви изобразила чуть больше радости при виде тех шерстяных носков? Я видела фильм: те рождественские сцены были восхитительны. Нынче я их вспоминаю лишь такими, какими они были, когда Перси показал нам отснятый материал. Помнить только лучшую версию себя — не самый худший жизненный выбор.

Но должна признаться, что меня тревожил ребёнок, который мог не моргнув глазом три или четыре раза изобразить рождественский восторг.

И всё-таки я его любила. Он никогда не возражал, если я по неделе не снимала пижаму и не расчёсывала волосы. Для мужчины это хорошее качество. Может, лучшее из всех, на какие жен-

щина может надеяться, принимая во внимание обстоятельства. И, ей-богу, он любит этого ребёнка. Вы знали, что можно влюбиться в то, как мужчина любит кого-то другого? Звучит заковыристо, но это правда. Любовь требует так много усилий! Надо очень-очень рано вставать, чтобы любить кого-то как положено.

Думаю, собственной дочери у меня уже не будет. Я не ношусь с этой идеей. Она была в списке дел, но вы же знаете, как оно бывает с этими списками. Они делаются всё длиннее и длиннее, и последние пункты с тем же успехом можно выбить на собственной могильной плите.

Помой посуду.

Забери платье из химчистки.

Подпиши контракт.

Исчезни.

Срань господня, забыла: заведи детей.

Держим курс на этот печальный могильный камень. Кроме того, сейчас мне не до брака. Сперва Перси, потом бедняга Найджел Лапайн — ну что за катастрофа! Напомни мне, мой милый, верный дневник, больше никогда не выходить замуж за того, кто занимается любовью в носках. И наплевать, что его набитые дешёвым фарсом киношки заставляют меня смеяться! Дорогой

дневник, стой на своём! Найджел сказал, что мне надо перестать сниматься и родить детей, а я ему сказала, чтобы выметался из моего дома и родил кино, в котором смысла будет больше, чем в ударе по яйцам, и мне ничуточки не жаль. У комиков отсутствует чувство юмора.

Таддеус, конечно, просил меня выйти за него. В тот самый день, когда сообщил, что «Миранде» дали зелёный свет. Он так делает всякий раз, когда предлагает мне новую картину с мадам Мортимер: величественно вплывает в мою гостиную с ролью в одной руке и кольцом — в другой. Я всегда беру роль, но оставляю кольцо. Ради всех святых и хранителей благодати! Кому-то покажется, что только режиссёры могут любить такую, как я. Сказала негодяю, чтоб не нёс чепуху. Он ведь не всерьёз. Он меня даже не целовал, и не поцелует. Тад — лунный дядюшка, исповедник каждой старлетки, но не её любовник. Может, однажды я возьму и скажу «да». От такого он поседеет! Но тогда мне придётся идти до конца, а нынче полбочки шпината вызывает у меня больше тёплых чувств, чем муж.

Если на то пошло, хватит с меня мужчин, всё, точка. Полагаю, это делает меня безупречной парой для Таддеуса. Может, потому он всё зовёт

и зовёт меня замуж. Знает, что я не стану выволакивать скелеты из его шкафов, а он — из моих. Мы оба в компании друг друга ощущаем себя в безопасности. В конце концов, у каждого должен быть свой секрет, чтобы с ним носиться.

Может, я приглашу Севви на наш маленький круиз. Это пойдёт на пользу моему бедному ягнёночку. Быть подростком всегда тяжело, как для самого подростка, так и для окружающих, но она всё никак не может уловить ритм. Я пыталась ей сказать, что идти по стопам отца не обязательно. В мире полным-полно всего, и для большей части этого «всего» не нужно становиться таким же претенциозным шизофреником, как наша братия. Бедная моя зайка просто пылает от амбиций, но ей не к чему их применить. Я не думаю, что Патентованная Система Пеллам для Преодоления Преград Пубертата пригодится в этой ситуации.

1. Перестань разговаривать с родителями
2. Сбеги со своей планеты
3. Снимай одежду как можно чаще, но только декламируя Шекспира (и чтоб платили по тарифу)
4. Купи кота

5. Пей молоко

6. Подстереги свою судьбу в переулке и лупи её, пока не даст желаемое

Понятно? Какая польза моей девочке от всей этой чепухи? Не думаю, что я её приглашу. Довольно трудно расти, не видя вокруг себя взрослых, которые всё время ведут себя как дураки или чудовища. И довольно трудно быть дураком или чудовищем без рахитичного ребёнка, от которого у тебя забот полон рот.

Ага! Легка на помине, и очень хочет обнимашек.

16 января 1930 г., два часа утра… или три?

Комната Бабочки на борту «Ахелоиды», Море Спокойствия

Ну же, Мэри, протрезвей! Если ты всё не запишешь, то не запомнишь, а если ты не запомнишь, кому-то сойдёт с рук убийство, и ты даже не узнаешь, кому именно. Это ведь была всего лишь капля джина, детка. Шлёпни себя пару раз как следует и удерживай судно на курсе, мать твою.

Таддеус Пригарей мёртв!

Прости меня Боже, но я думаю, что его убил

Перси.

«СКОЛЬКО МИЛЬ ДО ВАВИЛОНА?»: ЭПИЗОД 1

Дата выхода в эфир: 24 марта 1914 г.
Ведущий: **Генри Р. Чоудхари**
Веспертина Гиперия: **Вайолет Эль-Хашем** ***Тибальт Гайян:*** **Ален Мбенгу** ***Невидимый Гусар:*** **Закария фон Лейпольд** ***Доктор Груэл:*** **Бенедикт Сол**
Приглашённая звезда: **Водсворт Шевченко в роли Марона-Мародёра**

ВЕДУЩИЙ: Добрый вечер, слушатели, если там, где вы находитесь, и впрямь вечер. «Би-Би-Си Радио» с гордостью представляет вам воскресную вечернюю постановку, которую вы не скоро забудете. Мы будем встречаться с вами раз в неделю в семь часов вечера, ради бесшабашных историй об отчаянной храбрости и волнения, от которого захватывает дух. Отправимся в путешествие

назад во времени, к ранним дням межпланетной экспансии. Присоединимся к отважным мужчинам и женщинам эпохи первопоселенцев, исследующим Венеру, где ещё не ступала нога человека! Подсаживайтесь ближе, налейте себе чашечку чего-нибудь вкусного и откиньтесь на спинку кресла в ожидании первого захватывающего эпизода самой новой в Солнечной системе истории о приключениях, романтике и интригах — «Сколько миль до Вавилона?»

«Вавилон» является результатом совместного производства Всепланетной беспроводной вещательной сети Юнайтед/Юниверсал (Нью-Йорк, Шанхай, Титон) и «Би-Би-Си Радио», запись осуществлена в студии «Атлас», Лондон.

Сегодняшний вечерний выпуск вам представляет косметическая марка «Яблоки Идунн» — производитель отличного мыла, масла для волос, кольдкрема, помады и тональных средств, приготовленных с любовью, на основе секретной комбинации смягчающих растительных компонентов, экзотических ароматов и серой амбры из лучших венерианских источников. Дополнительную рекламную поддержку оказывают глубоководные кооперативные владения «Притхви», семейное предприятие; «Брэнстон Пикл»,

кофе «Керикейон Премиум», меркурианской обжарки, прямо к вашему столу; Ост-Индская торговая компания; и корпорация «Эдисон Телерадио».

[Заставка со зловещим завыванием ветра, которое эхом разносится в пространстве. Переход в электронный фоновой шум, сигналы № 445, 23, 71 и 101.]

ТИБАЛЬТ: О, Веспертина, сердце моего сердца! Когда ты откроешь дверь этой верной ракеты, которая так долго была нашим домом и очагом, мы узрим поверхность девственного мира! Кто знает, что обнаружим мы на берегах водной Венеры? Какие чудеса, какие опасности?

ВЕСПЕРТИНА: Это будут наши чудеса, любовь моя, наши опасности! Из древа нашей любви соорудим мы новый дом!

[Дверной скрип № 6, шаги № 11 и 12.]

ВЕСПЕРТИНА: [реплика в сторону] Когда взглянула я на тот новый мир, во всех отношениях великолепный и ужасный во всех отношениях, увидела я тигра и звёзды, что падали с его полосатого языка. Взглянула я и узрела истинного своего новобрачного — но не станет ли он заодно и погибелью моей?

ТИБАЛЬТ: Перед нами простирается море, крас-

ное, как сад, полный роз. Но что за странные очертания на горизонте? Мы отправимся осматривать их завтра! О, как красиво деревья какао устремляются в розовое небо! Я построю тебе дом из этих отличных досок. Какие роскошные фиолетовые плоды на каждой ветке! Мы никогда не будем голодать, моя дорогая!

ДОКТОР ГРУЭЛ: Но, возможно, вы СГОРИТЕ!

ВЕСПЕРТИНА: О нет! Кто вы такой, господин в маске?

ДОКТОР ГРУЭЛ: Я Доктор Груэл, и Венера принадлежит мне! Я Заклинатель Китов! Я управляю их фантастической мощью и езжу на их спинах, как на пиратских галеонах! Я не позволю, чтобы на этой райской планете обитал другой человек, кроме меня и моих приспешников!

ТИБАЛЬТ: Предупреждаю вас, Доктор Груэл, я сильный мужчина — сам не обделён мощью! И я всего лишь первый. Множество кораблей прибудет следом великой серебряной волной!

ДОКТОР ГРУЭЛ: И я со своими бандито их всех УНИЧТОЖУ! А-ХА-ХА-ХА-ХА!

ГОЛОС ЕГО ХОЗЯИНА[73]

Расшифровка отчётного интервью Эразмо Сент-Джона, состоявшегося в 1946 г.;

собственность «Оксблад Филмз», все права защищены. Дня просмотра требуется разрешение службы безопасности.

ЦИТЕРА БРАСС: Готовы начать заново?

ЭРАЗМО: Не понимаю, зачем вы спрашиваете, если уже включили запись. Очевидно же, что мы начали, нравится мне это или нет. Вы что, по учебнику работаете?

ЦИТЕРА: Вообще-то, да.

ЭРАЗМО: Хотелось бы заглянуть в этот учебник.

ЦИТЕРА: Может, после того, как закончим. Сеанс

---

[73] Примечания: 73

Отсылка к наименованию исторически известной в звукозаписывающей индустрии торговой марки «His Master's Voice», на которой изображена собака, слушающая граммофон.

номер два, день первый. Давайте немного отмотаем назад. Как бы вы описали общее настроение той первой ночью в базовом лагере в Адонисе? До того как вы отправились в сам посёлок. Первое декабря 1944 года.

ЭРАЗМО: Я хочу кое-что спросить. Вы когда-нибудь работали над кинофильмом?

ЦИТЕРА: [короткий смех] Я же начальник службы безопасности самой крупной киностудии на Луне.

ЭРАЗМО: Я в курсе. Но в киносъёмках вы когда-нибудь участвовали? Как секретарь кинорежиссёра, девочка на побегушках, монтажница, костюмерша или даже, чёрт побери, актриса? Речь о том, чтобы на самом деле быть частью съёмочной группы, не просто подписывать чеки, держать на расстоянии всякий сброд и провоцировать тактические забастовки на площадках «Плантагенета».

ЦИТЕРА: По правде говоря, было дело.

ЭРАЗМО: Да?

ЦИТЕРА: «Каменный крест». 1919 год.

ЭРАЗМО: Мне нравится этот фильм.

ЦИТЕРА: Я была одной из горничных королевы Матильды. Меня можно увидеть лишь в одном кадре, на заднем плане.

ЭРАЗМО: Вот не зря мне ваше лицо показалось знакомым.

ЦИТЕРА: Не говорите ерунды. Вы никак не можете меня помнить.

ЭРАЗМО: Цит, любовь моя, у меня работа такая — замечать в киноленте мельчайшие детали. На вас был дурацкий головной убор с двумя заострёнными «рогами», как у антилопы. Вы посреди сцены порвали вуаль, но не вышли из роли, что весьма восхитительно.

Я веду к тому, что если вы принимали участие в работе над фильмом, то вам известно, на что похожа ночь перед началом натурных съёмок. Всё пропитано энергией, как будто вокруг носятся шары, из которых выходит воздух. Всем надо поспать, но никто не хочет заснуть первым. Мы просто хотели насладиться тем чудесным моментом до начала всего, потому что в тот момент мы все верили, что кино безупречно. Нам всего-то и требовалось пойти и взять его. Никто ещё не испортил кадр, не потратил плёнку впустую и не захихикал посреди реплики.

Итак, какое было настроение? Чем мы занимались? Мы самым натуральным образом сидели вокруг натурального костра и травили байки. Арло опять попытался рассказать анекдот, [пауза]

Вы его знали?

ЦИТЕРА: Знала.

ЭРАЗМО: Вам когда-нибудь доводилось слышать, чтобы он рассказал анекдот целиком, до самого конца?

ЦИТЕРА: [тихонько смеётся] Однажды. Но то был очень короткий анекдот.

ЭРАЗМО: Расскажите.

ЦИТЕРА: Это было на корпоративном пикнике на берегу Моря Ясности. Мы играли в крикет против «Плантагенет» — тактическими забастовками, как вы довольно прямолинейно выразились, дело не ограничивается. Мы с Арло оба были безнадёжны. Кто-то мог бы подумать, что австралиец в этой игре окажется успешнее меня. У сенека никогда не было своей команды и не будет. Но на фоне Арло я выглядела асом. Потерпев поражение, мы лежали на траве, и он, повернувшись ко мне, сказал: «Ну так вот, две рыбы плавают в аквариуме, и одна, повернувшись к другой, спрашивает: „Слушай, а ты умеешь водить эту штуковину?“» Кажется, я даже аплодировала ему.

ЭРАЗМО: Рад за него. Короче говоря, он продолжал рассказывать ту шутку про маму-змею и детку-змею, но безуспешно. Погода была спо-

койная; никаких грозовых туч. Мы ели сэндвичи с беконом и острой горчицей и сосиски, поджаренные над костром. Айлин Новалис, наш гид, расспрашивала Марианну про её детство на Меркурии. Айлин там никогда не была, что меня потрясло. Меркурий же в двух шагах! Так что Марианна рассказала ей всё.

«Я родилась в Нефертуме, маленьком городке недалеко от Трисмегиста, в Тропике Близнецов, зоне умеренного климата между горячей и холодной сторонами планеты. Мои родители выращивали драконов. Почти все в Нефертуме занимались тем же».

«Я всю жизнь мечтал увидеть одного вблизи», — сказал наш помощник гафера, Сантьяго. Вообще-то, насколько я могу припомнить, Сантьяго Чжан всю жизнь мечтал обо всём, что только можно было себе вообразить. Вы пробовали настоящую верблюжатину? Он аж подскочит и скажет вам, что всю жизнь о таком мечтал. Провели корабль по всей длине Восточного Экспресса? Господи боже, это ведь чёртова мечта всей жизни Игги — запустить ракету по ледяному пути, как бильярдный шар.

Марианна сказала: «Сходил бы ты хоть раз в треклятый зоопарк, Игги». Все засмеялись. Она

рассказала нам, как они выглядят, эти меркурианские чудища. Комодские вараны, скрещенные с зебрами, скрещенными с выдрами, с характером несговорчивого дедули-алкоголика. Когда-нибудь видали такого?

ЦИТЕРА: У меня гасиенда на Меркурии. Их мясо под беарнским соусом просто восхитительно.

ЭРАЗМО: Ну разве вы не прелесть? [звуки глотания, стакан с водой резко ставят на стол] Но держу пари, вы никогда не ездили верхом на драконе. А Мари ездила, в детстве. Вообще-то так не делается, но она заставила родителей спасти от бойни одного дракончика, чтобы он стал её питомцем. Ездила на нём по ранчо и звала его Санчо Пансой. Приучила себя петь, прильнув к спине Санчо Пансы, и поскольку она пела детские песенки с драконом, это отражалось в словах. «Ты дракончик мой, дракон, запрягу тебя в фургон, и над миром мы взлетим с Санчо Пансою моим…»

У Мари был такой приятный голос. Но девушки, которые могут петь тенором, не нарасхват, когда дело доходит до работы. Для неё нужны сопрано или бюст. Так что она устроилась в корпорацию «Эдисон». Изучила техническую часть, чтобы помогать другим людям петь.

«Что случилось с Санчо Пансой?» — спросила у

неё Кристабель.

«То же самое, что с половиной из них случилось в двадцатых, — сказала Мари, и мы поняли, что её душа из-за этого по-прежнему немного болит. — Кто же знал, что драконы болеют коклюшем?»

Потом Кристабель рассказала про облачный сёрфинг на Титане в дни её юности. Облака на Титане иногда становятся такими густыми, что можно спрыгнуть с глайдера и прокатиться по ним до самой поверхности. Крисси не видела голубого неба, пока ей не исполнилось тринадцать! Она по-прежнему всё время носит солнечные очки. Её глаза слишком уязвимы перед солнечным светом, который не прошёл через рассеивающие облака. Даже венерианские сумерки для неё были чересчур. Думаю, ей нравится кино, потому что в нём всё опять становится серебристым и мягким, как было дома. Она сказала: «Когда ты окутан облаками со всех сторон, кажется, что мама укладывает тебя в самую большую и самую мягкую постель в целом мире».

ЦИТЕРА: А как бы вы описали мистера Варелу той ночью? Он выглядел счастливым? Рассеянным? Общался с остальными?

ЭРАЗМО: Ну да. Наверное.

ЦИТЕРА: Вы припоминаете что-нибудь особен-

ное, случившееся до… [шорох бумаг] четверти второго утра? Ведь тогда всё и началось, не так ли?

ЭРАЗМО: Что вы должны понять про Макса, так это то, что он техник с душой ведущего актёра. Он Генрих V, но его Англия — электричество. Если бы Айлин спросила его о детстве, он бы развлекал нас часами — и мы были бы полностью поглощены, ибо он был чудесным, обладал истинным магнетизмом. Но его надо было просить, иначе он сидел себе в дурном настроении. Он ведь вырос на Земле, знаете ли. Только он один из всей нашей компании.

ЦИТЕРА: Я тоже выросла на Земле.

ЭРАЗМО: Ну, тогда у вас двоих нашлось бы много общих тем для разговора. Можете ему передать, что, если мы снова встретимся, я его утоплю в канаве.

ЦИТЕРА: Почему?

ЭРАЗМО: Вы спросили, общался ли Макс с нами. Общался, на свой лад. Они с Горацием и Кристабель чесали языком про линзы. Он обнимал Мари, пока она пела про Санчо Пансу, и попытался исподтишка подсказать Арло ударную реплику — но старина Ковингтон не желал ничьей помощи. И… ещё он повздорил с доктором

Нантакарн. Но оба были нетрезвыми.

ЦИТЕРА: О чём они спорили?

ЭРАЗМО: Об анатомии мальцовых китов. Макс всё твердил, что они не более чем скопище шаров, просто мешки с жидкостью, скорее растения, чем любые известные нам виды животных. Ретта была категорически против. У неё была теория, что они на самом деле относятся к китовым, что если одного вскрыть — боже мой, чем? Бульдозером? — если одного вскрыть, то увидишь почти то же самое, что и внутри горбатого кита, только намного, намного больше. Она публиковала статьи, так что можете себе представить, как её понесло после толики того мерзкого мохового джина, когда какой-то киношник принялся доказывать, что мальцовые киты — в сущности, домашние растения. Макс насмешливо так ухмыльнулся и заявил, дескать, может быть, ей здесь повезёт и она станет первой, кто и впрямь вскроет кита. Ретта в ответ глотнула из своей фляжки, подмигнула Сантьяго и сказала: «Это мечта всей моей жизни».

ЦИТЕРА: Варела той ночью ругался с Северин?

ЭРАЗМО: Нет, той ночью нет.

ЦИТЕРА: И звуки начались… примерно в 00:45. Правильно?

ЭРАЗМО: [очень тихо, умоляющим тоном] Я не хочу говорить про звуки.

ЦИТЕРА: Боюсь, вам придётся. Они важный фактор во всём этом.

ЭРАЗМО: Может, мне стоит перепрыгнуть к финалу — это же не роман какой-нибудь, мне не надо нагнетать атмосферу.

ЦИТЕРА: [шорох бумаг] «…около полуночи мы заперли припасы в ящиках на случай, если местная фауна унюхает крошки, и отправились спать. Я точно не знаю, сколько времени прошло — может, полчаса? Сорок пять минут? Как-то так. Через тридцать-сорок пять минут я что-то услышал. Звук был очень, очень тихий. Какое-то… царапанье, как будто кто-то тёр друг о друга два куска мешковины. Мой брат Франко вышел наружу, проверить». Это Конрад Салландар, ответственный за питание, [опять шорох] «Я отправилась в постель раньше всех, чтобы изучить карты и просто… отдохнуть от них всех. Творческие люди на самом деле не беседуют. Они просто ждут своей очереди, чтобы рассказать историю. Это изумительно, однако я интроверт. Я не готова к такому уровню взаимодействия с людьми. Думаю, я выключила свет примерно в 23:30 по земному времени. Так что я почти спала,

когда услышала это. Звук был негромкий… на тот момент. Просто тихий такой. Как будто кто-то дышит. Кто-то со слабым бронхитом. Помню, я взглянула на часы, так что могу с уверенностью сказать, что услышала это в 00:43». Это Айлин Новалис. Мне продолжать?

ЭРАЗМО: Нет. Господи Иисусе, умоляю, хватит.

ЦИТЕРА: Вы той ночью что-то слышали?

ЭРАЗМО: Да.

ЦИТЕРА: А Северин?

ЭРАЗМО: Мы все слышали. Не знаю, в котором часу началась эта хрень. Я высунул голову из палатки и начал хихикать. Не смог с этим справиться; меня пробивает на хи-хи, когда я нервничаю. Из других палаток тоже высунулись головы, и это было похоже на ярмарочную игру, в которой надо успеть стукнуть по башке крысу, выглядывающую из норы. Увидев, что я смеюсь, они тоже начали хихикать, и вскоре мы уже катались по песку. Мы не испугались. На забавных планетах случается услышать что-то забавное. Во тьме, посреди болота.

ЦИТЕРА: Когда вы взяли себя в руки, звук прекратился?

ЭРАЗМО: Нет.

ЦИТЕРА: А вам он что напомнил?

ЭРАЗМО: Шум радио, застрявшего между станций. Он был диффузный, шёл отовсюду. Но всё-таки оставался очень, очень далёким. Надо было шикнуть на всех, чтобы его расслышать. Марианна проверила свои микрофоны, но они были отключены и упакованы, всё тип-топ. Так что мы отправились обратно по койкам и выкинули случившееся из головы.

ЦИТЕРА: А утром?

ЭРАЗМО: Встали в 06:00. Тосты, сосиски, венерианский кофе и никаких проблем в целом мире, и ни звука с небес, не считая тех безумных чёрных птиц, которые поют на мандаринском.

ЦИТЕРА: И это у нас второе декабря, первый день настоящих съёмок. День, когда Северин вступила в контакт с мальчиком.

ЭРАЗМО: С Анхисом.

ЦИТЕРА: Вы же знаете, это не его имя.

ЭРАЗМО: Оно его вот уже год. Достаточно долгий срок, чтобы прилипло.

ЦИТЕРА: Вы хотите узнать, как его зовут на самом деле?

ЭРАЗМО: [изумлённое фырканье] Вообще-то, да. Хочу.

ЦИТЕРА: Туран Кефус.

ЭРАЗМО: [долгая пауза] Имя «Анхис» ему нра-

вится.

ЦИТЕРА: Расскажите мне о ваших первых впечатлениях о нём.

ЭРАЗМО: Я ведь уже рассказывал… Мы провели почти всё утро, устанавливая камеры и осветительное оборудование. Мы с Горацием определили зону покрытия. Оборудование Мари начало капризничать из-за влажности — она здорово отстала от графика. Мы все были заняты… потому что стоило один раз на него взглянуть, и ты уже не мог остановиться.

ЦИТЕРА: Он ходил кругами?

ЭРАЗМО: Вы видели запись. Но в реальной жизни это было… это было просто ужасно. Бедный мальчик. Прошло столько лет, но он всё ещё выглядел ребёнком. Как на тех фотографиях, собранных нами, где Адонис изображался до… события. До катастрофы. Это была по-настоящему необъяснимая вещь. Северин всё твердила, что его кто-то подкармливает. Но я не знаю. Время от времени он как будто… мигал. Исчезал на мгновение, словно где-то закрывались шторки объектива. А потом возвращался так быстро, что ты говорил себе — ерунда, это ведь ты сам моргнул, кретин. Пока мы не посмотрели отснятый материал.

Меня накрыло. Затошнило. Я почувствовал себя так, словно бежал со всех ног и врезался прямо в кирпичную стену. Мы пересекли космос, чтобы его увидеть, и он был в точности такой, как в байках. В точности, как на фотографиях. Не было никакой новой информации. Все преувеличивают, все приукрашивают. Но Анхис был такой странный, что превзойти это оказалось невозможно.

ЦИТЕРА: В котором часу Северин вошла с ним в контакт?

ЭРАЗМО: Думаю, примерно в 13:00. Свет был безупречный; свет на Венере всегда безупречный. Макс считал, ей не надо к нему прикасаться. Он сказал: «Сперва просто попытайся поговорить. Мы же никуда не спешим». И доктор Нантакарн что-то сказала про жертв травмы и о том, что их реакцию на человеческое прикосновение невозможно предсказать. Я, по правде говоря, не слушал. Ринни совершенно точно собиралась обнять этого пацана, спорить было бессмысленно. Ринни не очень-то любила, когда её саму обнимали, но отлично умела обнимать других. Ей нравилось запускать процесс как таковой. Когда она была моложе, то говорила, что с помощью обнимашек можно исправить всё, если подгадать

правильный момент и делать это умеючи. А она своё дело знала. Знала назубок.

Позже она уточнила это заявление: «почти всё».

Но она и впрямь попыталась сперва поговорить с ним. Не помню, что она сказала. Какую-то общую утешительную дребедень. Она умела утешать того, кто в этом нуждался. Нуждался в ней. Непросто, если у вас был плохой день, вы потеряли часы или что-то в этом духе. Для маленьких трагедий у неё жалости было в обрез. Но если вас угораздило повстречаться с большой, Ринни спешила на помощь со своими поцелуями. [прочищает горло] Ну так вот. Она сказала какую-то милую ерунду, приступила к обнимашкам, и тут ад разверзся.

ЦИТЕРА: Какой конкретно ад?

ЭРАЗМО: Чёртов пацан завопил как резаный. Я на миг подумал, что сейчас он опять мигнёт и ускользнёт от Северин, но она удержала его на месте. Она его держала, пока он вопил, трясся и впивался в неё ногтями. Как та девушка из сказки. Которая держала Там Лина, пока все злые фейри не промаршировали мимо. Как её звали?

ЦИТЕРА: Дженет.

ЭРАЗМО: [скрипит стул] Быстро же вы. В других

обстоятельствах я бы счёл вас интересной персоной, Цит. Дженет. Она его держала, как Дженет, и в это же самое время звук начался опять, но он взревел — совсем не как накануне ночью. Он был громким, как оркестр марширующих музыкантов. И на этот раз абсолютно механическим. Шум машин и голоса. Мы сперва их не расслышали. Мы и близко не разбирали слов в той мешанине атмосферных помех — скачущая, щёлкающая, скрежещущая обратная связь, закольцованная сама на себя, с перекорёженным сверху донизу тембром. Но где-то там, среди всего этого, мы слышали… голоса. Мы все были здорово потрясены — это была та разновидность потрясения, когда ты чувствуешь восторг, прилив жизненных сил и такое дьявольское любопытство, что готов землю рыть в поисках ответа.

ЦИТЕРА: Мы можем уделить несколько секунд руке мальчика?

ЭРАЗМО: [громкий вздох] Столько времени прошло, а я всё ещё не знаю, что и говорить про его руку. Она была отвратительна, вот что я скажу. Я не разглядел её как следует, не сразу. Он продолжал орать, запрокинув голову. Глаза у него были совершенно безумные. Я однажды видел, как лошадь испугалась фейерверка. Когда гаучо

её наконец-то догнали, она лежала в луже собственного пота, от паники утратив способность стоять на четырёх ногах. И её глаза, её бедные глаза — в точности как у Анхиса, — так и вертелись в орбитах.

Анхис протянул руку — ту самую руку — к Северин, как будто собираясь её ударить, но она не отпрянула. Я ею так гордился. Сам бы дёрнулся от такого. Я мог думать лишь об одном: «У него рот на ладони». Но это был не рот. Позже он позволил нам осматривать эту штуку сколько угодно. В перчатках и масках, заметьте. Мы не тыкали туда перстами. У него на ладони была дыра, которая не зарастала, или не могла зарасти, или не должна была зарастать, и из неё торчали жуткие извивающиеся ошмётки плоти, похожие на маленькие щупальца, но очень тонкие. Шелковистые. Влажные. Зеленовато-бронзовые. И живые: они двигались сами по себе, тянулись из него. Северин твердила ему, что это пустяки и всё будет лучше не придумаешь. Подарила ему своё самое совершенное Лицо № 124: «Любящая мать». Вместо того чтобы её ударить, он коснулся её щеки своей изувеченной рукой. Это был такой нежный жест, такой… взрослый. И когда он к ней прикоснулся, всё стихло. Он перестал кричать, ат-

мосферные помехи прекратились, и он позволил Северин взять себя на руки. Она унесла его прочь от Мемориала, после чего Маргарета провела осмотр, пока Ринни баюкала его на коленях.

Три следующих дня Анхис спал в нашей палатке. Мы пытались разговорить его, но он молчал. Просто цеплялся за Рин, словно она заменила ему то, вокруг чего следовало ходить кругами. Мы сидели у костра и пели мальчишке все песни, какие только могли вспомнить. Максимо взял его на прогулку и тарахтел без остановки, надеясь, что он, как и положено примату, начнёт подражать большим обезьянам.

ЦИТЕРА: Если можно, вернёмся чуточку назад: какие шаги вы предприняли, чтобы отыскать источник атмосферных помех? Доктор Нантакарн не предположила, что вы все страдаете галлюцинациями? Похоже, вы не отказывали себе в наркотиках и алкоголе…

ЭРАЗМО: О, я вас умоляю. Не надо вот этой снисходительности. Ретта тоже слышала те звуки. Как и Айлин, а ведь ни та ни другая не приняли ни капли каких-нибудь даже самых слабых… веществ. Мы сделали то, что можно было от нас ожидать — разбери-ка это звуковое оборудование, сынок! Влезь в эти эдисоновы потроха. Но всё

было в порядке. Марианна всё время повторяла: «Отлично, отлично».

ЦИТЕРА: Остаток ночи прошёл без инцидентов?

ЭРАЗМО: В разумной степени. Мы решили не давить на Анхиса. Он спал как мёртвый. За завтраком на следующее утро…

ЦИТЕРА: То есть третьего декабря?

ЭРАЗМО: Конечно. Какая разница? За завтраком я предложил ему яйца — он тогда ещё не ел твёрдую пишу, но я всё равно на всякий случай приготовил ему порцию. Макс сводил его на прогулку по пляжу чуть раньше, и мальчик казался почти весёлым. Я предложил ему яичницу, он открыл рот — и оттуда полились атмосферные помехи, но сквозь помехи мы услышали кое-что ещё.

Марианна. Она кричала.

Это было всего лишь совпадение; он не создавал звук. Тот шёл отовсюду — с неба, от Кадеша, — но Анхис открыл рот как раз в такой момент, чтобы всё выглядело так, будто он ключ ко всему. Крик Марианны был ясным как солнечный свет, и мы знали, что это именно её голос. Мари психанула. Вы должны понять, она бы не стала проходить унизительную процедуру сертификации для

работы с эдисоновским оборудованием, если бы не обладала абсолютным слухом и не любила микшер, который носила на поясе, словно ребёнка. Она заорала в унисон с самой собой, зажав уши ладонями, вопя громче второго голоса среди помех, который мы ещё не опознали — он был исковерканным, искажённым и сопровождался большим количеством аудиоблевотины. С того момента он не замолкал.

Понимаете, мы тогда не поняли, что он говорил. После всего мы с Кристабель проиграли запись Марианны в студии «Моллюска» и очистили её. Лишь тогда мы услышали настоящие слова.

ЦИТЕРА: И какими они были?

ЭРАЗМО: «Теперь власть чар моих пропала, а силы собственной мне мало»[74].

Билли Шекспир, дорогая моя. «Буря». Но тогда мы слышали только рёв. Рёв и мерзкий, пронзительный визг. Это больше не останавливалось. Никто не мог спать из-за невидимого хаоса помех, слушая ошмётки голосов, долетающие ниоткуда. Мари это просто поглотило без остатка. Она провела утро, колотя по вискам, чтобы всё стихло. Стонала, раскачивалась взад-вперёд, прижимая

---

[74] Примечания: 74
Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

микшер к груди.

ЦИТЕРА: Альфрик ударила мальчика, верно?

ЭРАЗМО: Это не имеет совершенно никакого отношения к делу. Да, она дала ему пощёчину в день, когда я предложил ему тарелку яичницы, и он включил нам адский громкоговоритель. Когда всё выглядело так, словно звук исходит из него, она попыталась его заткнуть.

ЦИТЕРА: Это был единственный случай, когда она вступила в физический контакт с ним?

ЭРАЗМО: Я не знаю. Может, нет. Наверное.

ЦИТЕРА: Варела сказал, что ночью второго декабря он поссорился с Северин.

ЭРАЗМО: Думаю, ночью второго декабря поссорились все со всеми.

ЦИТЕРА: Вы знаете, о чём они спорили?

ЭРАЗМО: Она сказала, это пустяк. У них с Варелой что-то было в молодости — ну, в совсем ранней юности. И потому они не могли просто поругаться из-за того, какой желатиновый светофильтр использовать, всё всегда шло по сценарию «фильтр неправильный, и ты разбил(а) мне сердце миллион лет назад». Я обычно отключался от их ругани. Но с Мари по-прежнему всё было очень плохо, и атмосферные помехи то прирастали, то утихали, как волны, накатывая на

нас снова и снова, и не прекращались, никак не прекращались. Макс беспокоился из-за Северин. Может, в этом всё дело.

ЦИТЕРА: До применения силы дошло?

ЭРАЗМО: Она бы мне рассказала. Я бы припечатал его физиономией к дереву так, чтобы он остался жить на Венере. И ей нравилось его лицо.

Мы все были на грани. Ночевали в том городе-призраке, посреди разрушенных домов, руин и горя, помехи пилили нам уши каждую минуту каждого часа, и солнце не восходило и не заходило, и этот бедный беспомощный пацан с чудовищем в руке… К четырём утра я хотел выбраться из собственной кожи и вернуться в море беспозвоночных. Я бы с восторгом что-нибудь ударил. Что угодно.

Вы хотите знать, насколько всё было плохо? Словами этого не передать. Той ночью, после восьми или девяти часов шоу ужасов, разыгравшегося вокруг нас, Северин свернулась клубочком рядом со мной и положила мои руки поверх своего тела. Она пряталась внутри меня. И знаете, что она сказала?

ЦИТЕРА: Что?

ЭРАЗМО: Мисс Северин Ламартин Анк сказала:

«Малыш, мне так страшно».

ДИТЕРА: Что вы ей ответили?

ЭРАЗМО: Что я должен был сказать, по-вашему? Сказал, что обычно говорят. Сказал, что люблю её прямо в челюсть. Что это просто какие-то неполадки в оборудовании Мари: «Ты же знаешь, какой капризной бывает вся эта эдисонова хрень, не переживай, спи, я с тобой. Я никуда не уйду, любовь моя». Мы спели Анхису «Помолимся у реки»[75]. Мы с Рин всегда красиво пели вместе. Мы ему спели, и он уставился на нас, и его глаза больше не казались глазами до смерти перепуганной лошади.

Той ночью я проснулся поздно. Рин и малец ещё спали. Похрапывали и посапывали. Я надел штаны и вышел к колодцу — полагаю, в тех условиях это было что-то вроде гостиничного вестибюля, не так ли? Если бы в Адонисе осталась гостиница. Я знал, что найду там Горация. Я неспешно подошёл к нему. Атмосферные помехи шипели как безумные. Я изобразил, что держу бокал со сладкой «розовой леди» и поднимаю его, словно собираясь сказать тост в честь моего кузена. Но он не пошевелился. Он глядел прямо в колодец.

---

[75] Примечания: 75

«Помолимся у реки» («Down to the River to Pray») — американская народная песня.

«Эй, приятель, — сказал я. — Ты у нас теперь сомнамбула?»

Ничего. Я схватил его за плечо — чуть грубо, но эта чушь меня встревожила. Я заорал, перекрикивая помехи: «Гораций, проснись!»

Он проснулся. Повернулся ко мне с улыбкой. Он был так похож на моего отца. Я увидел шрам от дротика, который бросил в него так много лет назад. А потом он прыгнул в колодец.

[долгая пауза. Скрежет ногтей по столешнице.] Было очень глубоко. Я слышал, как он упал.

ЦИТЕРА: У Горация Сент-Джона до того уже проявлялись суицидальные наклонности? У вас есть предположения, почему он покончил с собой?

ЭРАЗМО: [сбивчивое дыхание] Прекратите. Мне не нравится, что вы называете его полным именем. Он был просто Гораций. Я его любил. Гораций был на шестнадцать месяцев старше меня, наши отцы были братьями. Мама Горация продавала шляпы в Городе Кузнечика. Гораций никому не позволял называть его Асом[76], и Господь свидетель, я пробовал. Гораций любил печь. Такого, как он, трудно заподозрить в подобном увлечении, но он готовил праздничные торты,

---

[76] Примечания: 76

Непереводимая игра слов, основанная на созвучии английского имени Horace и слова «ace» (ас).

которые выглядели, как рай в глазури. Если выстроить в ряд всех людей, с которыми я когда-то встречался, он был бы последним из тех, кого я назвал бы способными на самоубийство.

ЦИТЕРА: А когда остальные узнали?

ЭРАЗМО: [тихий плач] Они узнали не сразу. Потому что Марианна проснулась с одним из этих… ртов на ладони, которой она ударила мальчика, и начала кричать, и это был тот самый крик, который мы слышали сквозь помехи несколько часов назад. Так что я орал во всё горло, что Гораций мёртв, и у меня чуть глаза на лоб не вылезли, но они всё поняли лишь через некоторое время.

ЦИТЕРА: Я понимаю, это трудно. Но я должна спросить ради страховки — какова была реакция мистера Ковингтона на случившееся?

ЭРАЗМО: Арло? О, он сказал, что съёмки закончены и мы возвращаемся на станцию Белый Пион, как только упакуют оборудование.

ОХ УЖ ЭТИ СКАНДАЛЬНЫЕ ЗВЁЗДЫ!

***«Все по местам!»*, 4 мая 1924 г.**

Колонка № 431: Человек-на-луне

Приветствую и свидетельствую своё почтение, кошечки и котята, дорогие и дражайшие, галактические яблоки моего всевидящего глаза! Что у меня в карманах для вас на этой неделе? Немного секса, немного декаданса, шепотка недозволенного «к-делу-не-относится», толика юношеского озорства? А КАК ЖЕ.

В прошлую субботу ваш покорный слуга обзавёлся приглашением на то, что безусловно запомнят как вечеринку столетия или, по крайней мере, недели: торжество в честь завершения новейшей ленты Перси Анка «Похищение Прозерпины»! Не спрашивайте, чего мне стоило завладеть этим приглашением (естественно, серебряная гравировка на чёрной бумаге — наш дружище Анк деталей не упускает!), ибо я никогда об этом не расскажу.

Я ваши глаза и уши на Луне — я всё вижу и слышу! И что же я услышал и увидел в субботу?

Ну, вы уже знаете, верные мои читатели, что мистер Персиваль Анк получил категорический отказ от американцев, когда попытался проскочить в захолустье Солнечной системы, чтобы снять свою готическую чепуховину в декорациях настоящих руин Прозерпины. Люди так забавно относятся к трагедиям! И что же сделал наш Король Серебряного Экрана? Он построил Плутон на Луне. Совершенно верно, весь этот совершенно секретный шум и гам посреди Эндимионовых равнин за Городом Кузнечика, все эти грузовики, выезжающие из ворот «Вираго», всё ворчание и рычание, которое раздавалось в офисах «Оксблад» и «Плантагенет»? Всё это было ради того, чтобы состряпать свой собственный Плутон. О, его уже не будет ко времени, когда вы это прочитаете — целлулоид, знаете ли, хрупкая вещь, — но он станет жить вечно на киноэкранах начиная с осени. Камера пожирает мир: обводит его своим взглядом и всё подряд засасывает в Страну Синематографа.

Но в субботу, о, в субботу — мы все танцевали чарльстон на утопающих в ночи берегах Плутона! Мы пили гранатовый дым из витражных бокалов

и втискивались в бумажные наряды бизонов, раскиданные по парусиновым ледникам, как праздничные шляпы. Весь вечер нам играл Мики Халл собственной персоной, со своим оркестром из двадцати музыкантов. Мисс Мэри Пеллам, к 9 часам вечера, наполовину выскользнув из платья, сорвала овации, исполнив «На Венере дождей не бывает». Мики Х. выдал «Я оставил своё сердце на Галимеде», и, поверьте мне, в зале не осталось человека с сухими глазами.

Но я забегаю вперёд.

Наш хозяин соорудил из павильона лабиринт — задники и декорации расставили так, что гости вечеринки самым натуральным образом заблудились, погрузившись в спутанный мир марки «Анк» — «Патентованный растворимый Плутон — просто добавь камеры!» Внутренние стены — все с нарисованными окнами и настоящими занавесками, канделябрами и каминными досками, за которыми прятались рычаги, открывающие выходы к потайным лестницам, — стояли под углом в девяносто градусов к просторным пейзажам мёрзлой плутоновской тундры: скачут дикие бизоны с серебряными хвостами, над головой висит огромный и мрачный Харон, покрытый таким количеством блёсток,

что их бы хватило, по моим предположениям, на весь остров Мадагаскар. Руины Прозерпины убрали, чтобы освободить место для декораций города во всей его безудержной высоте. Никто не мог отыскать дорогу; мы натыкались друг на друга и хихикали, как дети на пижамной вечеринке. По всем углам лабиринта были натыканы запасы выпивки и деликатесов — обычно перевёрнутые и рассыпанные к тому моменту, когда я их обнаруживал. Но все дороги вели к Анку, и извилистые, кружные пути в конце концов закончились у величественной главной сцены, где циклопический ледяной дракон — марионетка Толмаджа Брейса — обвернулся вокруг оркестра Мики Халла. Перед сценой простирался бальный зал с полом цвета крови. От красного у меня решительно заболели глаза, после нежных серебристого, чёрного, серого и белого.

И кого же я увидел на танцевальной площадке, если не мускулистого «золотого мальчика» студии «Ка-прикорн» — Тада Иригарея, который подкатывал к Мэри П., текущей миссис Анк! Не то чтобы парню сопутствовал успех. А это у нас кто? Старина Вадси милуется с Ричардом Бореалем возле сотканного из света и тени вампирского пристанища, ты смотри-ка! Quel scandale… точ-

нее, был бы скандал, не расскажи я вам об этом ещё несколько месяцев назад. Наши ведущие актриса и актёр, мисс Аннабелль Огэст и мистер Хартфорд Крейн, грандиозно поцеловались на публике, но в бар отправились по отдельности, тыльной стороной ладони вытирая рот. Птички напели, что эти двое детишек не выносят друг друга, и Анни ищет способ удрать к «Каприкорн» под крылышко к Таду — но кто же отпустит в свободный полёт такую голубку? Чую, близится стычка, так что задрайте все люки и придерживайте шляпы.

Руководил приёмом сам Перси в лихом зелёном костюме, столь непривычном для монохромной путаницы, что царит во владениях «Вираго»! И не думаю, что мне померещились косые взгляды, которые он бросал на милую балерину, знакомую нам по кордебалетам Города Кузнечика. Я в таких вещах не ошибаюсь.

Что меня больше встревожило, так это маленькая — всего-то десять лет — Северин Анк, которая шныряла по лабиринту проворнее любого из нас, исчезала за декорациями и притаскивала оттуда водку и каллистянский бурбон, словно маленькая злая фея, негодница, незаконная дочь Пака. К полуночи её нашли свернувшейся клубочком на

массивной морде марионетки, ледяного дракона, который сыграл в фильме столь заметную роль; пальчики она запустила в жестяные усы, ножки в чулках спрятала под нижней юбкой, а в кулаке сжимала хрустальный распылитель с эф-юном. Она не первый ребёнок, который отправился этой дорогой на нашем Острове Удовольствий, плывущем в небесах, но у меня всё равно защемило сердце.

Когда суматоха улеглась и закончились запасы конфетти, бедняжка резко проснулась и обнаружила, что осталась одна, если не считать меня и нескольких официантов, которые наводили порядок. Она забралась повыше на голову этого покрытого блёстками монстра, встала на цыпочки, окружённая ярмарочной версией Плутона, руинами, гостиной и ледниками, и начала жалобно кричать: «Папа! Папа!»

И на миг — держу пари, единственный миг за всё время съёмок «Прозерпины» — я ощутил, что стою на настоящем Плутоне; прямо там, в конце всего, в ужасном холоде и пустоте очень настоящего и очень мёртвого города, от которого остался только призрачный голос, который кричит в ночь одно и то же слово, опять и опять, но никто ему не отвечает.

Элджернон Б.,
главный редактор

~~«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»~~
«ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»: УБИЙСТВО ГОНЗАГО

25 февраля 1962 г.
Половина четвёртого утра, Сетебос-холл

Рука моя дрожит, когда я пытаюсь записать всё, что приключилось со мною этой ночью. Лампа угасает, отбрасывая похожие на кляксы тени на костяшки моих пальцев, моё перо, мои страницы. В этом доме слышатся звуки… звуки, которые я едва ли возьмусь описывать. Я мог бы назвать их «завываниями», но нет в этом одиноком слове ничего достаточно кровавого и примитивного, способного вобрать в себя то, что терзает мой слух. Возможно, знай я нужное слово на санскрите, древнем прародителе всех языков, оно бы подошло.

Теперь я понимаю: то, что случилось в моём присутствии в тронном зале Короля Плутона, случается каждую ночь — это представление, которое повторяется, словно заевшая пластинка, словно церковный колокол. Устроили его не ради моего блага; я был там случаен. Оно не изменяется; Король держит при себе деревянный молоток, изукрашенный лентами, словно майское дерево, и этой страшной колотушкой наказывает любую импровизацию или отклонение проворно и жестоко. Я собственными глазами видел, как на девушку, которая по ошибке спела слово «мучение», обрушились удары молотка, пока она не исправилась, плача: «Учение, учение, я хотела сказать — учение!»

Хватит, хватит. Анхис, хватит. Должно существовать некое успокоение в описании событий, иначе зачем люди рассказывают друг другу истории? Чтобы исцелить, чтобы смягчить, вот единственная цель изречённого слова.

Мы с Цитерой этим вечером были почётными гостями на ужине. Мы не предполагали, что случится нечто непристойное — по крайней мере, более непристойное, чем заурядный вторник на этой отвратительной планете. Нарядились мы соответствующим образом, в чёрные костюмы,

которые не располагали к легкомысленным занятиям. Даже я сумел напустить на себя вид профессиональный, беспристрастный и важный, возможно, с лёгким намёком на способность внушать страх. Я льщу себе, воображая, что способен выдать такую комбинацию в редких случаях. Цитера взяла меня за руку без обычного неприязненного вздоха — неизменного, но почти различимого лишь для того, кто провёл с нею три месяца в одной каюте. Вздох этот выражает несогласие с моими действиями и мягкое отвращение. Но сегодня она его сдержала, так что, вероятно, я выглядел весьма прилично. Я накрыл её руку своей и прошептал:

— Цитера, не теряй бдительность вблизи Варелы. Кого бы он ни изображал из себя здесь, он… плохой человек. — Я даже самому себе показался испуганным ребёнком. Я именно таким и был в последний раз, когда мне случилось оказаться запертым в одной комнате с осветителем из съёмочной группы Северин Анк. Я боялся всего, но его — особенно, его пристального взгляда, его жутких огней в чёрных ящиках, которые он собрал вокруг себя, словно выстроив из них стены тюрьмы.

— Ты в своих заметках ничего о нём не расска-

зал, — ответила она, приостановившись у дверей наших совмещённых покоев. — Пренебрег какими-то сведениями, утаив их от меня?

Я закрыл глаза. Из-под гнёта долгих лет пьянства и кое-чего похуже выплыли образы и достигли поверхности: столовая «Моллюска», люди плачут, мужчины и женщины кричат, доктор с жёлтыми руками, пистолет, который никому не принадлежит… дым — стигийский, ненормальный дым с ужасным привкусом — но это был дым без огня… так много света, так много света! А потом мужские кулаки — кулаки Максимо — бьют меня снова и снова, его ботинок с хрустом опускается на мою уродливую руку…

Я зашатался. Цитера помогла мне устоять на ногах, в её глазах под золотой маской отразилась неподдельная тревога. Какое чудо. Выходит, она всё же волновалась за меня.

— На Венере я не запомнил о нём ничего, за исключением запаха — он уделял личной гигиене больше внимания, чем остальные. Даже от Северин по утрам неприятно попахивало, а вот Варела… он всегда источал аромат мыла. Но… на корабле, по пути домой. Он меня избил; велел помалкивать. Никому не говорить, если сумею. И показал мне воздушный шлюз. Спросил, нравится

ли. Каждый день спрашивал. Я сбежал от него…

Но на Венере было кое-что ещё. На фотографиях, в документах, в моей собственной памяти оно плясало у самого края пропасти, к которой мой мозг не смел приблизиться.

Компаньонка протянула мне стакан её собственного бренди — каллистянского, которое она, должно быть, прятала от меня на корабле; я почувствовал, как возвращаются силы. Возможно, вся сила, которой я когда-то обладал, происходила из бутылки, из распылителя, из шприца. Без них я одинок.

— Ты уже не ребёнок, Анхис. Он не может тебе навредить. А мне и подавно. Могу тебя заверить, я одним взглядом осаживала мужчин куда более отважных, чем какая-то пропитанная алкоголем театральная крыса.

Как добра была она со мной в тот раз. Понятия не имею, что на неё нашло. Возможно, она плохо себя чувствовала. Если бы мы только знали.

Появились Боцман и Мореход, опять безумно молчаливые и в своих безумных масках, и отвели нас в столовую. Там уже был накрыт длинный чёрный стол, ломился от чудесных яств, земных яств: зажаренные до блестящей корочки индюшки и гуси, тарелки зелёных овощей, украшенных

сладкими орехами и маслом, хлеб, источающий пар, шампанское, холодный вишнёвый суп, пироги с тыквой — всё настолько безупречное, словно приготовленное какой-нибудь почтенной дамой из Сент-Луиса в её скромной кухне. Весельчаки уже сидели за столом, разговаривали, смеялись, даже пели, словно их ничто в целом мире не тревожило. Мы заняли свои места за дальним концом банкетного стола. За противоположным концом сидел Максимо Варела, великий осветитель, Безумный Король Плутона. Его костюм не сильно отличался от наших — но лицо скрывала всё та же неприятная, зловещая маска, изображающая Северин.

Мы ели, но еда не насыщала. Индюшка, гусиная подлива, брокколи и брюссельская капуста на вкус казались одинаковыми, и аромат их не был сильней, чем аромат цветов инфанты: сладкий, сложный, но едва ли сравнимый с ароматом ноги ягнёнка, каким я его помнил. Никто с нами не разговаривал; они вели себя так, словно мы были совершенно невидимы, тянулись мимо нас за добавкой, пинали под столом наши голени. Я искал взглядом глаза Варелы, чтобы сравнить их с глазами человека в моих воспоминаниях — того, кто прижал моё плечо одним ботинком, в то

время как каблуком другого давил мою кисть. Но видел я лишь пластиковое лицо Северин Анк, невыразительное и сбивающее с толку.

Затем вся компания проследовала в тёмный зал, примыкающий к обеденному. В их глазах шевелился неподдельный страх. Нас до мозга костей встревожило, насколько голым выглядело помещение — голые стены, ни звука, ни света, и ничего, заслуживающего охраны. Гиену человеческого сердца выпустили на свободу в комнатах этого дворца. Я предложил Цитере руку, но она отказалась.

— Меня не твой комфорт заботит, — пробормотал я, и она одарила меня тем сердитым взглядом, который я хорошо изучил на борту корабля.

Ну ладно. Ощущая дискомфорт, мы вошли в эту комнату без света, широкую и достаточно длинную для того, чтобы сквозняки и эхо играли здесь роли жутких, невидимых хозяев. Я ощущал движения тел, слышал шелест ткани, мягкие удары предметов, но ничто не имело имени или формы; ничто ещё не было собой. Наконец забрезжил свет, как будто пришла заря: он был едва заметным, если не считать некий красноватый оттенок, проступивший вокруг. Потрясённый, я услышал шум океанского прибоя. Обозначились

резкие тени — тени из мелового периода, с широкими папоротниковыми ветвями и стволами, спутанные кустарники, шипы и колючие лозы. Я почувствовал, как на голову упала капля дождя. Ощутил запахи озона, мха, недавно прошедшего шторма. Зелёные огни словно потерянные изумруды испятнали чёрные глубины потолка. Наметились силуэты разбитых кораблей, разрушенных дворцов, изувеченных тел. Полился свет, по цвету напоминавший тела утопленников, по-змеиному скользнул навстречу Королю, который ступил в мир, созданный его силами.

Он сделал шаг. Ещё один. И повернулся. Стал ходить по кругу, маленькому кругу, снова и снова. На нём больше не было маски с лицом Северин. Теперь его череп скрывал гротескный Зелёный Человек, с гривой из спутанных водорослей, цветов апельсина и кусками коры какао; к висячим лозам были привязаны рыбьи кости. Король всё кружился и кружился, опустив голову, прижимая руку к обнажённой груди. «Нет, нет, нет», — шептал я, тряся головой, пытаясь отступить, выбраться из этого места до того, как место увидит меня, но стена тел меня поймала, удержала. Король кружился. Тяжёлые листья на его маске подрагивали от настоящего ветра, кото-

рый подул из ниоткуда и завертелся, трогая мои перчатки, словно зная — зная! — что прячется под ними.

Я заплакал. Мне не стыдно. Любой бы заплакал на моём месте.

Король остановился так внезапно, словно ему воткнули нож в глаз. Он повернул ко мне голову, но тело его осталось недвижным. Глаза маски были пустыми дырами, проделанными в зелени. Два длинных побега свисали почти до талии. Они оканчивались сферами цвета меди, в которых плескалось какое-то жуткое бесцветное вино — и разве я не знал, какое? Как я мог не знать? Я вцепился в Цитеру Брасс.

— Вытащи меня отсюда, — прошипел я. — Мне нельзя здесь находиться. Это жестоко. Защити меня. Делай свою работу.

— Возьми себя в руки, — прошипела она в ответ.

Король заговорил:

— Ни одна история не может по-настоящему начаться, пока автор её не исповедался. И потому я хочу возложить своё признание на алтарь рассказа. Услышите ли вы меня? Сделаете ли так, как я прошу?

Я не ответил ему — я не мог.

— Сделай это! — взревел Король Плутона. Он внезапно рванулся ко мне, словно лев к раненой жертве; его ноги и руки были изрисованы, покрыты мазками краски, чёрными и белыми, резкими, жуткими. Краска вязкими, жирными слезами капала с его бицепсов, бедер.

— Сделай это, — снова закричал он и упал, словно подогнулись колени. Его маска со спутанными ветвями папоротников молила меня пустыми глазницами. Как же выглядело лицо Варелы? Я должен был его помнить; должен был помнить Макса, человека с лампами; должен был помнить его так живо, как любой ребёнок помнит любимого героя какой-нибудь увлекательной истории, услышанной на заре юности. Но ничего не было. Мой разум сопротивлялся. Я тряхнул головой, вскинул руки, сглотнул собравшуюся желчь. Я весь состоял из желчи, из неё одной. Я не понимал, чего он от меня хочет!

— Сделай это, — прошептал Король Плутона. — Прости меня. Прости. Я её убил. Прости меня.

Я уставился на жалкое подобие человека перед собой. Неужели всё так легко? Так просто и банально, так… старомодно, как обычное убийство? Он её любил, а она его не любила; или она его уволила, и он не вынес позора; или они поссо-

рились, и он не рассчитал силу? Я попытался представить себе, как он душит Северин, вышибает ей мозги на плоских камнях, где мои родители раскладывали бельё для сушки до того, как их вырвали из этого мира. Может быть… может, я видел, как это случилось, и потому мой разум отказывается вспоминать те чудовищные дни на берегах Кадеша.

— Никогда! — прошипел я. — Никогда я тебя не прошу.

Но он лишь рассмеялся: высокий, визгливый, пронзительный, булькающий смех раскатился в пустоте жуткого склепа.

Максимо Варела щёлкнул пальцами. В центре помещения возник походный костёр с беспокойно моргающими углями. Заиграли барабаны, а вслед за ними и дудки — громкие, похожие на уханье сов. Восемь фигур плясали вокруг костра, нагих, разрисованных, в масках: серебристый мужчина в маске с клювом, с широкими линзами объектива над глазами, напоминающими бандитскую морду енота; мужчина и женщина, разрисованные под пламя и лес, её маска была циферблатом часов, его — обожжёнными остатками водолазного шлема;

двое мужчин в нарядах, сплетённых из бесцен-

ных стеблей пшеницы; женщина-циклоп, чей единственный глаз был чёрной ямой; мужчина цвета индиго с лицом быка и шрамом в виде звезды на щеке и отмеченный мелом ребёнок, сжимающий одной рукой другую, в простой арлекинской белой маске с двумя чёрными сердечками там, где полагалось быть ямочкам на щеках, с отверстием для рта в виде сердца. Я сжал собственную руку — рефлекторно, инстинктивно. Под перчаткой ощутил рельеф шрамов; тягучую плоть; скрытую рану, из которой сочилась жидкость; мягкие, извилистые копошения Святые на небесах, почему сейчас? Оно не шевелилось уже много лет.

Ребёнок вертелся среди танцующих взрослых, тянулся к ним, чтобы они его коснулись, прижали к себе, утешили. Они не обращали внимания. Женщины обнимались; мужчина с глазами-камерами поднял миску молока и лил его на себя, на остальных — они слизывали молоко с кожи друг друга, глотали, плясали под его струями, словно под бледным дождём. Капли сливок собирались у них на ключицах, на груди, на плоских животах. Ребёнок угрюмо обсасывал пальцы, присев у костра. Потом женщина, разрисованная как лес, вскрикнула и исчезла среди теней.

«Нет, нет, нет!»

Мужчина с лицом быка начал задыхаться. Он схватился за горло. Его лицо стало опухать; рвота полетела с губ, и была она не жидкостью, но потоком света, пузырящегося, пенящегося, алого света. Чьи-то когти терзали лохмотья моей памяти. Какие-то крючки, острые осколки. «Ох, Просперо, ты ничего там не найдёшь. Моя память — бесплодная земля». Циклоп неестественно задёргался, его руки и ноги изогнулись под уродливыми углами, и появилось лезвие, которое вонзилось в центр его чудовищного глаза.

На сцене возник Король Плутона. Он привёл женщину, выкрашенную в красный цвет. Нет — не выкрашенную в красный, но с ног до головы в крови. На ней была маска Северин, но теперь фарфоровое лицо было испорчено брызгами артериальной крови. Алая и чёрная кровь испятнала её обнажённую грудь, собралась в ложбинке на пояснице, стеклась и наполовину высохла над ключицами, превратила живот в алое царство. Это была не Северин. Это была не она! Это тело, такое вульгарное и выставленное напоказ, не было телом, о котором я мечтал. И всё же я отвернулся, как будто она была ею, могла быть. Король передавал её от танцора к танцору; она

была нежна с каждым, даже — наконец-то — с бледным ребёнком. Его она подняла, закружила. Он рассмеялся, и она швырнула его на землю. Я рванулся вперёд, сам того не ожидая, как дурак. «С ним всё в порядке, конечно в порядке. Это всего лишь представление, затеянная фиглярами чепуховина, чтобы скоротать время на проклятой богом планете; только вот не надо с ним так грубо — он же маленький; он хороший мальчик». Смех мальчишки превратился в плач.

Барабаны и дудки ускорились, как и звуки моря: стали жёстче, торопливее, утратили ритм. Серебряный мужчина, прямой как нож, поднял окровавленную Северин на руки и совокупился с нею; кровь текла по её ногам, смешиваясь с молоком — откуда столько крови? Откуда она появляется? Мне показалось, сердце моё вот-вот остановится. Цитера смотрела спокойно, заинтересованно, не отворачиваясь ни на миг. Музыка стонала, скрипела, спешила по дёргающейся, спазматической тропе куда-то, не знаю куда; серебряный мужчина направил свои линзы на влажное, красное тело любовницы, словно мог выпить её всю через эти чёрные рты. Она подскакивала в его руках и теперь уже кричала. Остальные извивались, танцуя, ссутулились так,

что их руки касались земли, и пальцы искривились наподобие крючков и когтей.

Безумный Король Плутона не танцевал. Он оторвал зелёный побег от своей маски и бросил в огонь, где тот превратился в огромную книгу, насаженную на вертел, и языки пламени лизали её корешок, словно жарящуюся тушу. Он начал читать её пламенеющие страницы, и голос его звучал гулко, перекрывая грохот невидимых волн:

— Возьми её и пощади нас, возьми её и пощади нас, Ты, что шла над бездною ещё до того, как тьме понадобился Бог. Возьми её и пощади нас. Как давным-давно дочь Агамемнона призвали к кораблям, застрявшим в Авлиде из-за безветрия, так дочь Персиваля отдала себя, чтобы мы могли жить. Дитя Агамемнона было наделено красотой утренней звезды. Возьми её и пощади нас. Властители людей сказали, что она выйдет замуж за величайшего из них, и дева охотно подготовилась к мягкому ложу, украшенному цветами, ложу новобрачной. Возьми её и пощади нас. Но ложе было не ложем, и гирлянды на нём были не из цветов. Возьми её и пощади нас. Дочь Агамемнона легла на каменный алтарь, обвязанная грубыми верёвками, и жрец перерезал ей горло,

чтобы усмирить рассерженную Луну. Возьми её и пощади нас. И из её кровоточащего тела вырвались ветра, запели, так что все корабли без исключения отыскали свою судьбу. Возьми её и пощади нас, возьми её и пощади нас. Пошли нас домой, а её — в преисподнюю.

Просперо за волосы сдёрнул Северин с её серебряного скакуна. На миг, вкрадчивый, упругий миг, он затанцевал вместе с нею. Это был официальный танец, вальс, и её запрокинутое лицо тянулось к его лицу. Он коснулся её щеки — щеки её маски, щеки под маской. А потом яростно швырнул её на озарённые зелёным светом камни, расплескав кровь, молоко и болотную грязь. У меня на глазах оставшиеся танцоры содрогнулись, завыли и превратились в четырёх красных тигров и детёныша: без масок, но с полосками — это были настоящие тигры, голодные тигры.

Окружённые барабанным боем и молоком, они опустили головы и сожрали её. Я слышал, как треснули её кости, я увидел костный мозг внутри, я узрел её застывший, мучительно разинутый рот, я увидал, как Король Плутона пил её кровь, и я лицезрел, как та женщина умерла с ликом Северин, прицепленным к черепу.

Но после мига её красной смерти я ничего не

помню, ибо как раз тогда я потерял сознание.

25 февраля 1962 г. Час мне неведом

Я видел её. Я видел её здесь, на Плутоне, в этом проклятом городе Просперо-Варелы, живую, здоровую, смеющуюся.

Она пришла ко мне в спальню цвета охры — как я туда попал и кто меня принёс, не ведаю. Я проснулся в ночи, взволнованный, дрожащий, воспоминание о том, как ключица той бедной девушки треснула в пасти тигра, обдавало мой мозг кровью. Я прижал ладонь ко рту, сдерживая не то крики, не то тошноту, и я по-прежнему не могу сказать, что из этого могло бы одержать верх. Но в тот момент бесцветная дверь в мою комнату открылась, и кто-то проскользнул внутрь, прокрался — пусть и не очень умело — сквозь тени. Её запах наполнил комнату, её пот, её масло для волос, её дыхание. Северин, Северин, все её кусочки, какие только моя попрошайка-память сумела собрать и соединить. Она забралась в постель рядом со мною, её кожа была холодна, запредельно холодна, светилась синим и выглядела обескровленной. Во тьме на ней не было маски. Её чёрные волосы, чуть всклокоченные и вьющиеся, обрамляли лицо в форме сердечка, и

это лицо склонилось надо мною, как в тот первый миг убогой жизни, которую я теперь вёл.

— Придвинься ближе, дурачок, — прошептала она. — Я замерзаю.

А потом я уже сжимал её в объятиях. Она была обнажена. Её длинные, вытянутые космосом кости, её маленькая грудь прижималась к моей груди, её лёгкое дыхание касалось моей шеи. Это сон, да; это должен был быть сон. Непостижимое сновидение. Но она была такой ощутимой, такой живой.

— Ты по мне скучал?

Её голос был голосом из фильма, из фонографа — он даже потрескивал, как потрескивает фонограф. Помехи лились из её рта.

— Всю жизнь только и делаю, что скучаю по тебе, — ответил я. Я таков, каков есть, и сам я — по сути ответ. Я должен говорить правду. Я способен на любой грех, кроме лжесвидетельства.

— Ну разве это не мило? — Она рассмеялась, и смех её подскакивал, как игла над поцарапанной пластинкой. Я погладил её волосы, чувствуя пальцами каждую прядь.

— Что с тобой случилось? Просто скажи мне, скажи, чтобы я перестал гадать.

— Я прямо здесь, дорогой. Вот и всё, что имеет

значение. Я здесь.

— Это не всё, что имеет значение. Всё имеет значение. Ты исчезла прямо у меня на глазах.

Северин приподняла свою безупречную чёрную бровь.

— В самом деле? Обычно девушки так не поступают. — Она игриво стукнула меня по руке. — А сказал, что ничего не помнишь.

Я не помнил. Не помнил — до того момента, когда её заледеневшие губы почти коснулись моих — то утро на Венере, джунгли и расплавленное сияние воды вокруг неё, а потом сквозь неё, а потом — сквозь пустоту над прибрежной полосой, идущей до самых бурунов.

Она взяла моё лицо в ладони.

— Эй, ну что ты. Расслабься. Теперь всё хорошо. Теперь всё отлично. Я в порядке. Тебе не надо из-за этого терзаться. Ты хороший мальчик. Ты всегда был хорошим мальчиком. Тебя все любили просто так, с самого начала. Как маленького щенка. — Она выглядела такой серьёзной и печальной, её большие глубокие глаза были полны теней. — Просто закрой глаза, Анхис. Закрой глаза и послушай, что я скажу. Все живы. Все живы и счастливы, и я сняла тот фильм, о котором мечтала. Он просто безупречен. Его будут показывать

в киношколах ещё миллион лет, настолько он хорош. Настолько я хороша, и ты тоже. Мы все. Есть такая вещь, как благодать. Я должна сказать тебе это. Есть такая вещь, как благодать. Все живы. Марианна и Гораций, Арло и Эразмо, Макс и Айлин, ты и я. То, что я повторила трижды, становится правдой.

Холодные руки Северин переместились по моему телу в тайный мир простыней цвета охры и неописуемой плутоновской ночи. Она ласкала меня, сжимала меня, её движения были полными желания и сведущими. Её дыхание ускорилось. Оно пахло какаовыми папоротниками моего посёлка. Адониса.

— Там, где я сейчас, не так плохо, — прошептала она, направляя меня в себя, в ледяной дворец своего тела. — Оттуда так далеко видно. Так далеко. Я люблю тебя, Анхис. Люблю тебя. Ты меня нашёл, и я тебя люблю. Я не могла остаться мёртвой, когда меня ждёт такой зритель, как ты. Аплодируй мне, дорогой; аплодируй так, словно занавес опускается. Сильнее, сильнее, ещё сильнее…

Когда я ворвался в неё, Северин запрокинула голову и рассмеялась, а потом обрушилась на моё горло как гильотина. Её маленькие зубы пронзили мою кожу, и она принялась пить моё тело так

же жадно, как я когда-то пил её образ.

Я проснулся в одиночестве. Но по-прежнему ощущаю её запах на своих руках.

26 февраля 1962 г. Семь часов вечера. Сетебос-холл

— Так это и есть твой ответ? — со вздохом спросила сидевшая рядом Цитера, держа чашку говяжьего бульона с большим раздражением, чем некоторые женщины держат мокрое бельё. — Убийство? Варела был у нас кем… безумцем? Впрочем, он определённо им и является. Но всегда ли так было? В конце концов, в тот раз его никто не обвинил, а почему бы не повесить на него такое? Насколько всё было бы проще для всех, окажись это всё массовой резнёй. Исчезновение вызывает намного больше вопросов, чем резня.

— Он признался! — Я закашлялся и зарылся поглубже в свою постель больного, в свою сырую пещеру из жёстких от пота одеял. Мне с трудом удавалось поднимать голову. Я коснулся рукой шеи: аккуратно забинтована. «Но там была рана». Кто со мной нянчился? В моей голове что-то неприлично колотилось. Во рту я ощущал лишь застарелый привкус инфанты и желчь.

— Соберись, — сказала она, и я искренне верю,

что в её голосе были мягкие, просительные нотки. Я так долго постигал искусство гадания по её интонациям, что могу предсказывать будущее по малейшему изменению. — Стань детективом, которого мы разыскали на самом Уране. С достаточным количеством этих проклятых цветов в организме я признАюсь, что застрелила Томаса Бекета из бластера. Он скоро придёт, чтобы с тобой повидаться. Может, будет злорадствовать, что заставил тебя хлопнуться в обморок, точно девица в брачную ночь, может, опять будет рыдать у тебя на груди; так или иначе, ты должен взять себя в руки и действовать сообразно работе, которую надо сделать.

— Как и ты, — резко ответил я. — Ты должна защищать меня от таких нападений, от такого… разрушительного воздействия. Ата девушка! Господи, та танцовщица! Её-то он убил, независимо от того, что сделал или не сделал на Венере…

— Да что ты говоришь? Я там была. Я видела то же, что и ты. Я видела больше, поскольку не завопила и не упала без чувств, как шокированная старушка. И, похоже, слушала я тоже получше кое-кого. Он рассказал нам историю Ифигении. Но Ифигения в конечном итоге не умирает, как тебе известно. Её в последний момент заменили

на лань и унесли в храм в другой стороне мира. Там она нашла постоянную работу и жила себе спокойно, пока в один день не объявились её брат с товарищем, связанные и обритые для жертвоприношения, на ступенях дома тех дальних, чуждых богов — а тут она, как ни в чём не бывало, складывает миски, чтобы собрать их кровь. Честное слово, тебе бы стоило побольше читать. Люди всегда лгут, Анхис. Они врут как дышат, не соблюдая приличий и не сдерживаясь. Они любят ложь.

— Даже ты?

— О, в особенности я. Боже мой, я ведь работаю в киноиндустрии. Принимая во внимание, что ты никогда не услышишь правды ни из чьего рта, надо прислушиваться ко лжи — особенной лжи, которую они решат сказать. Просперо — Максимо — мог бы состряпать эту маленькую пантомиму вокруг любой истории по своему вкусу. Суд Париса, вот хороший эпизод, связанный с Венерой. Пенфей и вакханки, Инанна и Эришкигаль, что угодно. Но он выбрал ту историю, в которой девушка только кажется мёртвой. В которой есть трюк. В тот момент, когда кажется, что её распилят пополам и никто её не спасёт, в чёрном ящике открывается фальшивое дно, и

она отправляется в другое, безопасное место.

— Ты в этом деле лучше меня. — Я прищурился, пытаясь сдержать боль, от которой раскалывалась голова. Я не пил с приземления и не ел ничего, кроме инфанты.

— Это точно.

— Почему они просто не поручили это дело тебе?

Цитера Брасс одним яростным рывком сдёрнула с меня одеяла.

— Потому что меня там не было, ты, плаксивый идиот. А теперь будь детективом, чёрт бы тебя побрал, и в кои-то веки отработай своё жалованье.

Но невзирая на всю суровость и презрение, что собирались в уголках рта, как слюна, Цитера помогла мне встать и искупала меня в холодной плутоновской воде. Она уже приготовила костюм — и, надо заметить, правильный костюм. Я бы оделся чересчур официально. Я бы выглядел так, словно ждал его. Я так и не освоил тайный код мужских нарядов; моих познаний хватает лишь на то, чтобы знать, что пиджак всегда что-то говорит, а туфли и брюки — шепчут, но что именно, мне неведомо. Цитера выбрала приглушённый, розовато-серый костюм с шейным платком цвета сливы, который она повязала

свободно, небрежно, с безгранично искусной безыскусностью. Она напомадила мне волосы и побрила подбородок — мои руки слишком сильно дрожали, чтобы справиться с этим самостоятельно. Побрила не очень гладко, но и не плохо. Она действовала бесцеремонно, однако я видел, что она расслабилась — ей было известно, как делать такие вещи, а когда занимаешься известным делом, то испытываешь облегчение. Может, она уже бывала замужем? Мне вдруг стало интересно. Я увидел, что это занятие подействовало на неё, словно настойка опия. Лицо её смягчилось, когда она разгладила лацканы моего пиджака; плечи расправились, когда она коснулась длинной бритвы. Может, она этими вещами занималась для своей начальницы на Уране, выбирала туфли, сообщавшие ставку Меланхолии в постоянной игре в карты, в которую всё время играют люди вроде неё. Когда Дитера закончила, я выглядел как человек, у которого есть дела поважнее тех, коими он занимается прямо сейчас; как человек, который уделил вам совсем чуточку времени, сэр, и не зарывайтесь.

И со временем она красиво подгадала, закрепив маску на моём лице и сославшись на необходимость вымыть чашу для бритья как раз в тот

момент, когда Просперо, Король Плутона — или Максимо Варела, осветитель Северин Анк — вошёл в мою охряную спальню и уселся рядом со мною с фамильярностью брата. На нём была простая моретта, чёрная и испещрённая серебряными звёздочками. Моя маска-Totentanz пахла сандаловым деревом, кремами и маслами Дитеры Брасс.

Хоть она и вышла из комнаты, не было никаких сомнений, что ей всё слышно.

— Анхис, мальчик мой, как ты, всё ли в порядке? Может, приказать, чтобы тебе что-нибудь принесли? Ты накормлен, напоен? Ты упал как подкошенный — мне следовало бы знать, что это для тебя окажется чересчур. До чего же я невнимателен, невнимателен и бестолков! — Просперо ударил себя кулаком в висок, и маска чуть сдвинулась, обнажив малую часть его настоящего лица, которое я так и не смог восстановить в своих воспоминаниях.

— Я в порядке. Да, правда в порядке — пожалуйста, не тревожьтесь. Только вот… что это было?

«Будь детективом, — подумал я. — Вопросы. Всегда дело в вопросах. Разыщи правильный, как оптометрист, подбирающий линзы. Теперь ты ясно видишь? А теперь? А сейчас?»

— Я хочу сказать, никто ведь на самом деле не превратился в тигра и не съел Северин Анк? У искусства есть свои пределы.

— Ты единственный, кто способен меня понять, Анхис, — раздалось в ответ. Он поскрёб щёку под усеянной звёздами маской. — Ты там был — ты всё видел. Ты знаешь моё сердце. Её сердце. Я тебя брал на прогулки по берегу утром, помнишь? Каждое утро с того первого дня, когда мы тебя повстречали. Я читал наизусть всё, что только мог припомнить, просто чтобы ты опять слушал человеческую речь и вспомнил, как говорить самому. Гомер, Марло, Кольридж, Чосер, немного По, немного братьев Гримм. Я даже одолел большую часть «Бури» за день до того, как она… за день до того, что случилось. Я этим гордился. Я давал тебе немного шоколада из наших припасов после каждой прогулки, чтобы ты связал воедино слова и сладость. Не сработало, но мне это казалось важным. Скажи, что ты помнишь. Скажи, что это было не зря.

Я призадумался. Может, сказать ему: «Конечно. Конечно, я помню: „В стране Ксанад благословенной дворец построил Кубла Хан“»[77]. Да,

[77] Примечания: 77

Цитата из стихотворения С. Т. Кольриджа «Кубла Хан, или Видение во сне» (пер. К. Бальмонта).

разумеется. Твой голос вернул меня в страну человеческой речи на колеснице, запряжённой Чосером и Шекспиром. Ты спас меня. Каркнул Кубла: «Никогда». Это было бы в каком-то смысле добрым жестом, и он выглядел более изнурённым, чем я в свои худшие дни. А товарищеское чувство могло бы подтолкнуть его к тому, чтобы рассказать мне больше, чем он рассказал бы в ином случае. Но я не смог так поступить. «Он убил её. Передо мной её убийца». Я чувствовал, что его вина соскальзывает с него, словно масло.

Внутри меня всколыхнулось старое навязчивое желание сказать правду — такое неудобное, такое пагубное для моего занятия.

— Я ничего этого не помню, Максимо.

Он дёрнулся, заслышав своё настоящее имя.

— Я не помню ничего до того момента, как она схватила меня в Адонисе, а после… одни осколки. Мгновения. Больше ничего. Мои «воспоминания» — если понимать их как серию событий, которые происходят упорядоченно, в которых есть некое уважение к причинно-следственной связи и которые разворачиваются более-менее в реальном времени, — начинаются только на Марсе. В доме Эразмо в Маунт-Пэнлай. Всё, что было до того, госпиталь на Луне, гасиенда на Мер-

курии, оно… словно в тумане. Сцены выпадают. Я помню лицо Северин. Её голос. Я помню её смех. Я помню, как Марианна кричала. Я помню запах какао и красное море. Почему бы тебе не рассказать мне, что случилось? Вот зачем я здесь.

Варела недоверчиво изучал моё лицо. Наши маски были обращены друг к другу, ничего не открывая. Умный ход. Похоже, на Плутоне придумали кое-что важное и нужное. Теперь, когда у меня есть маска, я точно не захочу её снимать, здесь или где-то ещё.

Наконец он вздохнул.

— Я не имею дела с неприукрашенными истинами. Украшения — вот что имеет смысл. Вот что делает их правдивыми. Дай мне достаточно света, и я сделаю что угодно. Заставлю тебя поверить во что угодно. В призраков, фей, вампиров — просто скажи, чего тебе надо, и я сделаю это реальным. Просто скажи, чего ты хочешь, и я устрою так, что оно как будто случится.

Он вцепился в мою руку. Ногти у него были длинные.

— Ты понятия не имеешь, на что я способен. Я заставил тебя поверить в это место. В смерть и тигров. Я заставил целую планету поверить, что я их король. Оглянись вокруг: это остров лотофагов,

и я самый голодный из них.

— А как быть с мёртвой девушкой? Там ведь была настоящая девушка, которую убили тигры?

В голосе Варелы проскользнули едва слышимые нотки веселья.

— Магу не положено раскрывать все свои секреты.

Он вскочил, крутанулся вокруг одной из толстых колонн кровати и хлопнул ладонью по стене. Комната как будто задрожала от силы его эмоций.

— Что-то должно быть настоящим, знаешь ли. Нечто настоящее должно закрепить магию. Смерть — самая настоящая из всех вещей, какие только существуют. Смерть скрепляет всё прочее. Ты поверишь во что угодно, если поверишь в смерть. Как только кто-то истечёт кровью у тебя на глазах, что ж, всё может случиться. Ты на краю сиденья. Напряжение, напряжение — всё внутри тебя как будто становится на дыбы. Я по части смертей настоящий ас. Всегда им был. — Варела стукнул ладонью по двери, и она треснула, взметнулись облачка пыли. — Хочешь знать, как я встретил Северин? Я работал в цирке её матери. То есть Люмен Мольнар, последней матери. Я был магом. Престидижитатором. Фокусы с ножами,

разрезанные пополам девушки, исчезновения. Я любил свою работу. Я отправился на Сатурн с Люмен и всей труппой — даже с обезьянами. И, господи боже, нас полюбили на Сатурне. Мы собирали полные залы в каждом грошовом театре Энума-Элиш — их даже не заботило, какое представление мы даём, они просто очень изголодались по зрелищам, очень-очень. Знаешь, люди готовы поступиться хлебом ради хорошего зрелища. Да чего уж там, на поверку они готовы отдать даже последние крохи! А поступив так, думают, что сделка была хорошая. Этот голод идёт глубже и ощущается острей, чем нужда в хлебе. И тут мы такие приплыли, словно гуси в подливе. Они нас вылакали. Облизывали пальцы досуха и стучали по столу, чтобы принесли добавку. — Он сорвал один из оранжевых гобеленов со стены. Ткань поддалась легко, словно гофрированная бумага, и плавно опустилась на пол. — В половине случаев было видно, что кролика я прячу в штанах, но это никогда не имело значения. У меня было больше сатурнянок, чем у тебя чашек чая, мальчик мой, и ещё больше выстроились в очередь, которая заворачивала за угол дома, ибо я слишком устал, чтобы уделить внимание всем. В Элиш Северин отдали бы ключи от города,

если бы у них таковые были. Всё, что только ей хотелось — любой доступ, любой транспорт, что угодно. Потому что она привезла цирк, и это было лучше золота. На внешних мирах от скуки можно самым натуральным образом сдохнуть.

Я ничего особенного собой не представлял до Сатурна. Обычный поставщик дешёвых фокусов. Но я учился. Я познавал науку фонарей. Обман зрения, мальчик мой, обман зрения. В творении всё лишь обман зрения — единственная разница между адом и раем заключается в том, кто зажигает свет, кто владеет выключателем, кто знает режиссёрские указания. — Варела повернулся и растоптал камин, ночной столик, милый маленький секретер, на котором я сделал свои предыдущие записи. Они рассыпались, словно стена сухой кладки, словно пепел, не больше похожие на красное дерево, металл и лак, чем на них смахивала моя собственная плоть. — Пару раз Северин выходила на сцену со мной, была моей девушкой в ящике. Она глядела на меня с доверием, безграничным, как обещание. Ты себе и представить не можешь. Ты считаешь её своей, потому что она позволила тебе сыграть беспризорника в какой-то убогой сцене класса «Б», но она не твоя — ты даже не узнал её по-настоящему;

для тебя она просто лицо. Я видел это лицо под своими ладонями в ящике, похожем на гроб; я видел, что она целиком и полностью уверена, что я никогда не причиню ей вреда, что я всегда буду её защищать. И я видел, как это лицо скрылось под водолазным шлемом с тем же выражением, изгиб губ и прищур глаз ничуточки не отличались. Но доверилась она не мне, не Эразмо, не Амандине или Марианне или любому из тех, кто оберегал её на любой из посещённой нами планет. Нет, она доверилась… Венере. Кадешу. Своей грёбаной исключительности. И погляди, что случилось.

Я отодвинулся в угол комнаты, ближе к занавешенной двери в ванную, где пряталась Цитера. Я понятия не имел, как выбраться, как разминуться с его яростью, как попасть в какое-нибудь более безопасное место. Я сумел прошептать:

— Но что же случилось? Что случилось на самом деле?

— Ничего! Ничего! Она была ничем, и ничего случилось. Ничего случается. Ничего — только это и случается всякий раз. Ты глядишь на это место и видишь дворец: слонов, грифонов, чертово колесо, свет, свет повсюду. Ты глядишь на девушку в маске, она кричит, и ты думаешь, что она умерла. Я говорю тебе, что это остров лото-

фагов, и ты даже не задумываешься о том, чтобы перестать жрать лотос. — Варела перевернул тарелку с инфантой, чьи лепестки уже начали заворачиваться и коричневеть. — Тебе всё кажется таким простым. Ты и она, и больше ничего. Я в твоей истории статист. Ну так вот, мальчишка, ты сам — статист в моей истории. Ты жертва надувательства, выбирающая карты из краплёной колоды, которую сдал я. Суть фокусов в том, что играть надо честно. Надо показать зрителям всё, что собираешься сделать, прежде чем начать. Надо сказать в лицо, что ты собираешься им солгать. Показать свои инструменты — поглядите, как они сияют! Показать девушку — смотрите, какая она невинная и милая в своём наряде с блёстками! Показать ножи. Заявить: «Я разрежу её пополам, а вы будете аплодировать». А потом надо сдержать слово. Если ты хоть немного хорош в своём деле, потрясение будет сильней, потому что они знали, что будет, — но никто и никогда не верит человеку на сцене!

Варела повернулся и ударом кулака пробил стену из эбенового дерева — она треснула, как сахарная корочка на французском заварном креме.

— Но ты поверил ей. Поверил! Ты смотришь на её милое личико на экране, видишь эмоции

и румянец, слышишь сбивчивое повествование о жизни богатой девочки и думаешь, что у её ног, за пределами кадра, нет сценария, в котором каждый дюйм её жизни переписан, и каждая порция исправлений втиснута в текст на разноцветных листах, чтобы не запутаться. Так-так, мы сегодня на красных страницах, где Северин — бунтарка и защитница истины? Или на синих, где она тридцать минут плачет, тоскуя по своим матерям? Или на зелёных, где леди, которая ни в чём никогда не нуждалась, жалуется на то, как много кто-то должен заплатить, чтобы она выступила перед камерой? В конечном итоге каждый снятый ею фильм превращался в радугу. А ты думаешь, что всё реально, что Венера чем-то отличалась. Что сердце этой девочки не было чёртовым пустым павильоном, а её душа не была халтурным сценарием, в котором половину страниц вырвали и пустили в свободное плавание по Солнечной системе. Что с ней случилось? То же самое, что происходит с любым плохим сценарием: слишком много людей за него берутся, пытаясь исправить, пока он не исчезает — превращается в ничто; это не фокус, не неожиданный финал, просто девушка истекает кровью в ящике. В этом нет ничего артистичного. В это артистичность не

впихнёшь, как ни старайся. Она просто мёртвая девушка.

— Это не ответ. Ты её убил? Скажи мне!

Он успокоился, оценивая развалины комнаты, разорванный картон и разбитые цветные лампы, гобелены из гофрированной бумаги. Я знал, что он прав, что он показывает мне суть своего фокуса, но инфанта так меня одурманила, что даже среди груды мусора, в которую превратилась охряная спальня, всё, что я видел, по-прежнему было залито светом, роскошью, послеобразом богатства, архитектурными призраками.

— Слушай, мальчик, — и смотри! Узри мою красивую ассистентку, привязанную к колесу! Уязвимую, нежную, полностью в моей власти! Видишь, как свет играет на её расшитом драгоценными камнями корсаже, порождая вспышки звёздного сияния? Мы приземлились на Венере без осложнений. Переезд от международной станции к Адонису занял две недели. У тебя на глазах я собираюсь вонзить пять ножей в её безупречное тело! Ты видишь, ножи острые; я тебя не обманываю — я собственный палец режу их кончиками: раз, два, три, четыре, пять!

Мы прибыли на место и разбили лагерь. Мы нашли тебя в первый же день разведки. У меня

были измерители света, а у неё был Джордж, но она в тот день не собиралась ничего снимать. Ты был чрезвычайно анемичным и обезвоженным. Мы тебя накормили и помыли, и Северин занялась тобой, словно домашним питомцем. Итак, колесо начинает вращаться! Её блёстки сверкают! Её крики возбуждают! Первый нож — ах, прямое попадание в левое плечо! Гляди, как у неё течёт кровь!

Той ночью впервые появились ангелы. Серафимы, ты понимаешь? Не ангелы в рюшах, с пышными розовыми крыльями и нимбами вроде обручальных колец. У этих были колёса, исполненные очей[78], и голоса, похожие на шумы из бездны. Мы, бедные дурни! Мы думали, это оборудование, обратная связь. Вся эта дорогая звуковая хрень, которая никому не нужна, но Северин всё равно на ней настояла. Марианна была единственной, кто мог принудить эти машины к повиновению, но даже она была в этом деле новичком; ей раньше никогда не доводилось работать с таким крутым оборудованием. Мы думали, что вой, гул и жуткая, жуткая вибрация — это проблема Марианны. Не обращайте

---

[78] Примечания: 78
См., например: Иезекииль 10:9–12.

внимания, не обращайте внимания, просто ступайте спать. — Он прикрыл лицо руками, но отнял их миг спустя, и маска едва скрывала яростное возбуждение в его дрожащем теле. — Следи за полётом второго ножа: он воткнётся в правое плечо, параллельно первому — как художественно! Как умело!

Но ангелы снова пришли утром. Это не была обратная связь. Голоса серафимов звучат в той же тональности, что и наши желания. Когда их слова вошли в меня, я ощутил раковую опухоль в своей душе и, в то же самое время, тело моё расцвело, обретая красоту. Гул. Голоса. Сперва тихие, словно ты в комнате, полной людей, и все постоянно говорят, но ты не можешь разобрать слова, лишь океан звука. Прибой, то сильный, то слабый. Третий нож, дамы и господа, удар в левое бедро! О, ей было больно, все это поняли! Кровь течёт по внутренней стороне её красивой ножки. Только поглядите, как она капает на сцену.

На четвёртый день они нас разбудили посреди ночи. 2:14 утра, если верить моим часам. Марианна пела. Пела, кричала. Кричала, пела. Она была такая красивая; у неё такое сделалось лицо, когда она услышала ангелов, поющих её голосом. Как я её любил! Это не прекращалось. Никто не мог

заснуть. Но мне это нравилось. Я бежал сквозь океанский прибой, пытаясь подобраться ближе — если бы я только мог подобраться ближе! Если бы я мог подобраться ближе, я бы увидел их лица, их глаза и их колёса. Кое-где на отснятом материале слышно, как они шепчут среди деревьев. Вот и всё присутствие Бога, которое может услышать эдисоновский микрофон. Они хотели, чтобы мы ушли, но Северин не слушала. Я и её любил за это. Прямо перед её носом происходило то, чего она не могла объяснить. Нечто настоящее. Нечто, превосходящее её. В моих запасах нет наркотика, который мог бы с этим соперничать. Но говорили об этом только мы вдвоём. И она была убеждена, твёрдо убеждена, что всё каким-то образом связано с мальцовыми китами, потому что не видела серафимов, как видел я. Она не понимала их песен, песен, похожих на радуги, стрелы и смерть. Она лишь глядела на море, на тех рыб, на те огромные, тупые острова, похожие на иссушенные мозги, плавающие в крови. Она глядела. Просто глядела. Как будто её поставили на паузу. Ага! Четвёртый нож, столь же настоящий, как все прочие, в правое бедро, как в масло, друзья мои! Ну же, ахайте! Сжимайте свои жемчуга! Видите её мучительно разинутый рот — он

такой же настоящий, как вы и я! Кровь ей к лицу — эти капли, они как драгоценности, как нити рубинов. Нет ничего более изысканного!

Мы поссорились в ночь перед тем, как они с Эразмо ушли вдвоём. К тому моменту Марианна была ранена, и я хотел вызвать транспорт со станции Белый Пион. Я хотел позаботиться о моей Мари. Но ещё сильнее я хотел, чтобы они ушли, просто ушли, чтобы я остался наедине с голосами. Чтобы я смог наконец-то их послушать и по-настоящему услышать, в тишине. Никто из них не мог заткнуться. Они не могли открыться звуку. Голоса к тому моменту сделались оглушительными — они не давали думать, не давали пошевелиться. Их глаголы на вкус были как жизнь. Серафимы касались нас, касались меня. Они всё время говорили, словно карнавальные зазывалы, рекламирующие известную вселенную. Мы с Северин постоянно ругались — на Сатурне мы были любовниками, а с человеком, с которым ты трахался, всегда обращаешься намного хуже, чем с тем, с которым не довелось. Она вопила: «Я должна узнать, я должна. Забирай Мари и убирайся, если хочешь; ты мне не нужен». Я ударил её — она ударила меня в ответ. Такое у нас иногда случалось. Но я её толкнул. Я

её толкнул, и она упала.

Ты бы никогда не понял. Оставь меня одного с колёсами, и очами, и небесами, и твоими жалкими вопросами. Только не спускай глаз с пятого ножа — пронзающего сердце, такого же истинного и острого, как любовь. Останови колесо, будь любезен. А теперь помоги ей спуститься, и не задень блёстки. Звезда ножей — безупречно, раз уж я сам так говорю. Итак, я взмахиваю рукой, волшебной палочкой, колышется занавес из света — абракадабра! Она в полном порядке! Покрутись перед зрителями, милая, покажи им, что на тебе ни царапины. Она в порядке. В порядке. Видите? Она в порядке.

А потом Безумный Король Плутона опустил лицо к взломанному полу своего разрушенного дворца и заплакал так, словно узнал, что больше никогда не увидит солнце.

«КАЛЛИОПА — БЕЗЗАБОТНЫЙ КИТ»

(социальная реклама)

СОБСТВЕННОСТЬ БИ-БИ-СИ ЛУНА, RKO И СТУДИИ «КАПРИКОРН»
ПЕРВЫЙ ЭФИР: 28 ФЕВРАЛЯ 1930 Г.
ЗАКАДРОВАЯ ОЗВУЧКА: ВАЙОЛЕТ ЭЛЬ-ХАШЕМ И АЛЕН МБЕНГУ

[КАЛЛИОПА БЕЗЗАБОТНЫЙ КИТ танцует на экране. Она весёлый анимированный персонаж, состоящий из энергичных линий и цветов, внушающих безопасность: стилизованный кит, помесь косатки и белуги, чуть-чуть похожая на маленького весёлого горбача. Палитра её цветов включает бирюзовый, лазурный и тёмно-синий, глаза у неё небесно-голубые, обрамлённые длинными ресницами и пурпурными тенями. Би-Би-Си выложила кругленькую сумму корпора-

ции «Эдисон» ради цветной анимации.

КАЛЛИОПА прыгает на своём клоунском хвосте в поле подсолнухов и пурпурных бегоний. Из её дыхала постоянно бьет фонтан здорового и питательного мальцового молока.]

КАЛЛИОПА

ПРИВЕТ, РЕБЯТА! Я Каллиопа — Беззаботный Кит! Я здесь для того, чтобы всем вам, растущим мальчикам и девочкам, напомнить: ПЕЙТЕ МОЛОКО!

[Из-за левой границы кадра появляется МАРВИН МАНГУСТ (любезно предоставлен студией «Каприкорн»). На голове у него лихая шляпа.]

КАЛЛИОПА

Привет, Марвин! Чем собираешься заняться?

МАРВИН

Ничем особенным, Кэлли! Всего лишь отдубасить трусливого Крайки Кобру своими кулаками, быстрыми как молния! И я бы не замыслил такое, если бы не пил большой стакан мальцового молока на завтрак! В нём есть всё, что мне нужно

для силы!

КАЛЛИОПА

Так точно! А вот я слышала, что некоторые родители не разрешают своим деткам пить мальцовое молоко. Они думают, во мне полным-полно токсинов и мутировавших белковых цепей. Это ранит мои чувства! [Из её глаз капают огромные слёзы, на поверхности которых отражается радуга.] Эти злые мамочки говорят, из-за меня дети получаются какие-то странные! Но я хороший кит. Я просто хочу, чтобы все были счастливы и здоровы! [Она продолжает плакать. Подсолнухи и бегонии увядают.]

МАРВИН

Но, Каллиопа, если дети не будут пить молоко, разве они смогут испытать удивительные космические приключения, как я?

КАЛЛИОПА

В том-то и дело, Марвин! Они пропустят всё самое интересное! Ненавижу смотреть на то, как дети не могут веселиться со своими друзьями!

А ты?

МАРВИН

Ещё бы!

КАЛЛИОПА

Вот почему я всех прошу вступить в мой Клуб Друзей Каллиопы! Просто попроси маму и папу, чтобы они прислали на Би-Би-Си конверт с обратным адресом и маркой и чеки за мальцовое молоко, купленное в течение года, и я пришлю тебе значок, книжку-раскраску, суперсекретное венерианское кольцо для расшифровки кодов и эту крутую шляпу, которая всем покажет, что ты один из Друзей Каллиопы, моих особенных друзей! [Цветы оживают. Каллиопа делает кувырок в воздухе и приземляется в синий океан. Марвин салютует ей с плота. На нём пиратская треуголка, повязка на глазу и значок «Друг Каллиопы».]

МАРВИН

А если твои родители любят «Сколько миль до Вавилона?», просто скажи, чтобы вложили в конверт письмо, в котором будет указано имя

их любимого персонажа, и мы добавим крутого плюшевого мальцового кита и фото с автографами актёров!

КАЛЛИОПА

Божечки мои! Придумать не могу причины, по которой не стоило бы становиться моим другом! И ведь друзья присматривают друг за другом, правда, Марвин?

МАРВИН

Правда! Так давай пойдём и разберёмся с этой старой злобной коброй вместе!

КАЛЛИОПА

Конечно! [Она кувыркается через плот МАРВИНА, на ее плавниках блестит солнце. Звучит основная музыкальная тема, кадр застывает и постепенно расплывается.]

Часть третья:
ЗЕЛЁНЫЕ СТРАНИЦЫ

Отец, ты часто
Мне начинал рассказ о том, кто я,
Но, смолкнув, оставлял меня в сомненье,
Сказав: «Стой… нет еще!»[79]

Миранда из «Бури» Уильяма Шекспира

Режиссёр за свою жизнь снимает всего лишь один фильм. Потом он его ломает и собирает заново.

Жан Ренуар

---

[79] Примечания: 79
Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

«СИЯЮЩАЯ КОЛЕСНИЦА, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ ВЛЕКОМАЯ»

(«Оксблад филмз», реж. Северин Анк)

СЗ НАТ. АДОНИС, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПАРК — ДЕНЬ 13 ПОСЛЕ ПРИЗЕМЛЕНИЯ, СУМЕРКИ 23:24 [30 НОЯБРЯ 1944 Г.]

[НАТ. Развалины посёлка Адонис на берегу Моря Кадеш. Ночь. Мемориал Ныряльщиков — подсвеченная сзади громадина, пупырчатая и чёрная. Ветер мотает звуковое и световое оборудование; фонари неистово раскачиваются, озаряя потёки затвердевшей белой жидкости, которыми покрыто всё вокруг. За двадцать восемь месяцев никто не разобрал завалы и не вывез мусор. Лучи прожекторов освещают череду предметов на краткий миг, словно поспешно их целуя, а потом те снова погружаются во тьму: дверь с абсурдным количеством замков — куда

б***о***льшим, чем кому-то могло бы понадобиться. Смятый сетчатый щиток водолазного шлема. Изувеченная голова карусельной лошадки. Лоскут белой ткани, смятый, как бумага, — может, парашют? Парусина? Разбитая амфора. Куски крыши. Осколки стекла. Обмякшее лицо ребёнка, погружённого в кататонию. Лица САНТЬЯГО ЧЖАНА и ГОРАЦИЯ СЕНТ-ДЖОНА, сражающихся с кабелями и направленным микрофоном, который из-за порывов ветра постоянно оказывается в кадре. МАРИАННА АЛЬФРИК повернулась к ним спиной, но её переносное звуковое оборудование исправно вертится. Она прижимает ладони к лицу. Ногти обкусаны до крови. Микрофон записывает только ветер, превращая звуковое кино, которое так любит СЕВЕРИН, в немое.

СЕВЕРИН поспешно хватает ребёнка за руку. Он начинает беззвучно кричать, и ЭРАЗМО и МАКСИМО ВАРЕЛА грубо удерживают его на месте, их мышцы напрягаются от колоссального усилия, которое как будто бы требуется для того, чтобы не дать этому одинокому, маленькому, щуплому как птенец ребёнку продолжить своё движение по кругу. Мальчик прижимает руку к худой груди, как будто это что-то ценное. Его единственная ценность. Глаза у него огромные,

как у пациента после электрошока, зрачки расширены, всё тело напряжено и вытянуто. Голова движется туда-сюда: нет, нет, нет. Разобраться трудно — плёнка повреждена, уровни яркости уничтожены, пятна переэкспонирования расцветили отснятый материал, словно брызги молока, — но похоже, что он произносит слово, которое можно прочитать по губам: «Пожалуйста». Буря сжирает его голос, если он таковым и обладает.

Торчащие во все стороны волосы СЕВЕРИН и время от времени её подбородок то появляются, то исчезают из кадра, пока она сражается с ребёнком. Она переворачивает его ладонь, резко, чтобы показать на камеру, что там обнаружила: маленькие отростки, растущие из кожи, не то щупальца, не то папоротниковые побеги, ищущие, дрожащие, влажные от молока. Камера дёргается и дрожит; рука мальчика вибрирует всё быстрее и быстрее. **ПЛЁНКА ПОВРЕЖДЕНА ОТСНЯТЫЙ МАТЕРИАЛ ПЕРЕЭКСПОНИРОВАН ПРОПУСТИТЬ ПОВРЕЖДЁННЫЙ УЧАСТОК ПРОПУСК ПРОПУСК ПРОПУСК]**

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ, ~~«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»~~ ~~«ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»~~ «СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»

(Студия «Транкилити», 1960, реж. Персиваль Анк)

Аудиозапись сделана для сведения Винченцей Мако

ПЕРСИВАЛЬ АНК: Нет, нет, ты ошибаешься, Винче. Дерьмово получается. Всё как-то не складывается. Он слишком неприятный, слишком слабый. Ему невозможно сопереживать. И это проклятие у него как будто кол в заднице. Сюжет провисает! Готические истории, если за ними не уследишь, расползаются во все стороны, как пролитое вино. Ни один писатель не должен даже близко подходить к Острову Лотофагов —

там и застрять недолго. Если уж Одиссей не мог оттуда выбраться, у нашего мальчика надежды нет. Все нужные кусочки имеются, но в середине проклятой истории вдруг вылезает финал. Ненавижу такое. Мне хочется удрать из собственной киноленты. Это полное безобразие.

И я просто… я просто не могу так поступить. Не могу дать ей ледяного дракона и вампира, шлёпнуть по попе и отправить в детскую. Мне нужно что-то реальное, чтобы за него ухватиться. Её нет. Если бы мне хватило истории о том, как её убил чокнутый фокусник на американском фронтире, я бы сочинил всё в голове и не стал заморачиваться со сценарием. Нет. Нет. Моя история не может быть такой. Наша история — не может.

МАКО: Но её история такой тоже не может быть. Вся суть загадочного исчезновения в том, что оно загадочное. Не существует ответа, который в достаточной степени удовлетворил бы публику. Нет ни материала для документалки, ни скандала, который мог бы выплыть наружу.

АНК: Наплевать. Я уже снял «Похищение Прозерпины». Хватит с меня. Господи Иисусе, я был молод, когда закончил съёмки «Прозерпины». Нельзя использовать язык собственной юности, рассказывая про свою дочь. Ничего не получится.

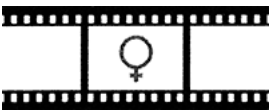
Может, нам надо вернуться к нуару. Или к чему-то ещё. Или бросить всё к чёртовой матери. Мы ещё ни разу так долго не мучились, Винче. Мы же с тобой король и королева быстрых проектов. Почему я не могу рассказать простую историю? Она родилась, жила, желала, умерла. Да, умерла. Я готов признать такую возможность. Я могу снять её смерть, если эта концовка будет правильной. Я что угодно сделаю ради правильной концовки. Я подготовил съёмочную площадку для её начала, так что могу придумать декорации и для её конца.

[долгая пауза]

МАКО: Тогда пусть эта история будет тем, чем всегда была. Тем, чем должна быть. Историей про ребёнка. Не про неё. Не про нас. Но про него. Нечто ужасное произошло с маленьким мальчиком в красивом месте и продолжало происходить, пока с небес не пришла женщина, чтобы его спасти. Спустилась величественно и плавно, словно Изида с огромной охапкой роз в руках. Это волшебная сказка. Детская история. Не смешная или дурацкая, но такая, в которой есть кровь, смерть и ужасы, потому что они и в сказках бывают. Мальчика проглотил кит. Маленького Пиноккио. Маленького Калибана. У нас есть всё, что надо.

И знаешь, в сказках девы никогда не умирают по-настоящему. Они просто спят.

«~~ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ~~» «~~ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ~~» «СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»: КРАЙ МОЛОКА И ЖАЖДЫ



Однажды, совсем не так уж давно, жил-был мальчик, чьи желания никогда не сбывались. Мальчик появился на свет в Краю молока и жажды, и ему не довелось узнать другой страны. Край молока и жажды сделал его таким, каким он был, и мальчик любил его, как некоторые дети любят плюшевую игрушку с потёртым хвостом.

В Краю молока и жажды всё всегда влажное. Куда ни ступишь, везде найдётся по меньшей мере речка; или роскошное золотисто-синее болото; или нежно-зелёная чмокающая трясина; или блестящее благостное озеро; или глубокий, спокойный пруд; или ароматный, переливчатый рукав речной дельты; или одно из многочисленных морей, которые все красны, как вожделение. Мальчик вырос в маленьком посёлке на бере-

гу одного из этих морей: самого большого, под названием Кадеш. Он играл на пляже, собирал раковины моллюсков-трубачей (то есть на самом деле не раковины, но, скорее, грубые, дымчатые кристаллы, внутри которых жили изысканные, изящные, игривые существа) и плавник (то есть на самом деле не плавник, но окаменелые кости коварных, колоссальных, косматых тварей, которые некогда обитали в Краю молока и жажды, прежде чем время проснулось с больной головой и принялось наводить порядок) и прислушивался к странным визгливым песням тюленей (то есть на самом деле не тюленей, но двурогих морских копытных, полосатых, словно карамельные трости, с усами длинными, как бивни, и пушистыми, как отцовские бакенбарды). И он глядел на море, мимо мысов, поросших хаотичными, густыми и влажными джунглями, пахнущими солью, корицей и какао, мимо огней на лодках в гавани, мимо розовых волноломов и густого тумана — туда, где вдалеке виднелись длинные и тёмные очертания существ, которые дрейфовали над глубинами Кадеша как острова, как места, куда можно было отправиться и на которые можно было забраться, изучить, полежать там на спине и, глядя в небо, помечтать о звёздах, которых было так много.

Но они на самом деле не были островами, и ни один ребёнок, родившийся в Краю молока и жажды, никогда их таковыми и не считал. Ибо в море под названием Кадеш жили мальцовые киты, настолько загадочные, насколько и волшебные. Мальцовые киты ни разу не произнесли ни слова, не вышли из воды, не пели, как тюлени, которые не были на самом деле тюленями, не сбрасывали свои раковины, как моллюски, которые не были на самом деле моллюсками, и не раскидывали небрежно собственные кости, как плавник, который на самом деле не был плавником. И с того времени, когда наш мальчик был таким маленьким, что не знал, в чём заключается ложь, он хранил один секрет, одно тайное, исключительное желание, такое тайное, что он ни разу не произнёс его вслух: увидеть лик мальцового кита.

Надо сказать, в течение долгого времени мальчик не знал, что обладает даром желаний, которые никогда не сбываются. Он считал, что ничем не отличается от любого другого мальчика или девочки в Адонисе. Адонис — так назывался посёлок, где он жил с начала мира, которое, в его случае, случилось третьего июля, когда его мать родила на свет дитя в какаовой хижине из трёх

комнат, пока муж и повитуха держали её за руки и говорили, что всё идёт очень и очень хорошо. Мать назвала его Анхисом, в честь возлюбленного Венеры в одной очень старой истории.

Анхис родился утром, что в Краю молока и жажды означает то же самое, как если сказать, что он родился весной, ибо на той чудесной планете день длится год. Миру нужно столько же времени, чтобы обойти вокруг солнца по своей то тусклой, то яркой золотой тропе, сколько всему Краю молока и жажды — чтобы повернуться вокруг своей оси, хотя Венера умудряется проделать и то и другое за две трети того времени, которое требуется Земле, старой лентяйке. Это означает, что утро продолжается столько же, сколько и весна, и длится оно целую вечность; пока яркое, зеркально-блестящее, влажное лето не приносит день; который всё тянется и тянется, и переходит в резкие, ветреные осенние сумерки, и нет им конца — пока зима не приносит ночь, долгую и полную тайн, словно память.

Третье июля был мягким годом. Утром часто шли дожди, а днём какао (то есть на самом деле не какао, но сумрачно-тёмное, сухое и с-ума-сойти-какое-высокое дерево, приносящее плоды, которые на самом деле не финики, и орехи, ко-

торые на самом деле не кешью) дало обильный урожай, коровы (то есть на самом деле не коровы, но пламенно-красные, пожирающие папоротник громадины с четырьмя сердцами, вкусным мясом и в разумной степени ровным нравом) жевали жвачку и нагуливали жир, а ныряльщики собрали множество амфор с мальцовым молоком, которые были такими полными, что едва не лопались. Когда наступила бледно-розовая меланхоличная вечерняя осень, дети собрали так много какаовых орехов и яиц казуаров (то есть на самом деле не казуаров, но сварливых, синезелёных, сытыми не бывающих и нелетающих ящероптиц с чёрными отметинами на груди, похожими на отпечатки человеческих ладоней), что был объявлен Фестиваль ореховых пирогов, который с той поры проводили каждые осенние сумерки. Даже бесконечная зимняя ночь выдалась не такой холодной, чтобы что-то замёрзло, но и не такой тёплой, чтобы растения, коим холод требовался для процветания, не смогли как следует выспаться в темноте.

Фестиваль ореховых пирогов наш мальчик любил больше всего на свете — после своих родителей, Мальцовых китов и гонок за казуарами, которые длились до тех пор, пока ящероптицы не

начинали негодующе вопить и повторять, что он «Хулиган! Хулиган!» на мандаринском наречии, которое птицы выучили попугайским образом после появления в Краю молока и жажды первых людей — те были, как нетрудно догадаться, китайцами. (Твари упрямо отказывались выучить какой-нибудь другой язык из тех, коими все с удовольствием пользуются, вроде английского и турецкого, родных языков Анхиса — но, по крайней мере, можно было позавидовать тому, что маленькие дети сносно болтали на мандарине, пусть и с резким казуарским акцентом.)

В завершение Фестиваля ореховых пирогов каждый житель Адониса выбирал собственное блестящее, разрисованное яйцо и большой коричневый какаовый орех, всё ещё в скорлупе, из огромной медной корзины в центре города. Надо сказать, что один из орехов был на самом деле не орехом, а пустой скорлупой, в которой пряталось милое колечко того же веса, что и орех. Тот, кому доставалась эта скорлупа, должен был загадать желание, которое обязательно сбывалось, и ещё он забирал домой вкусный пирог и бочку чёрного пива. В год, когда Анхису исполнилось шесть, он выбрал скорлупу с кольцом и, держа медное колечко (слишком большое даже для самого

толстого из его пальцев) так, чтобы все видели, весьма торжественно пожелал, чтобы родители его всегда любили и жили вечно — на самом деле, это два желания, но жители посёлка притворились, будто ничего не заметили, ибо просить о подобном было весьма мило.

Анхис ещё не знал, что его желания не могли исполниться, что любое из них, будучи высказанным, металось среди звёзд, будто гулкое эхо, не находя там пристанища. И поскольку «вечность» — это очень, очень долго, он открыл своё проклятие лишь через много лет после того Фестиваля, когда солёно-сладкий ветер с моря был так полон тюленьих песен и хороших предзнаменований.

И до той поры он продолжал желать.

Следующим, что пожелал Анхис, было стать в точности таким же, как все прочие дети в Краю молока и жажды. Многие дети этого хотят — не выделяться, не быть чужаками, чтобы их не бросали в одиночестве, когда все уходят домой, к розовым окошкам, объятиям и полным тарелкам. Анхис этого желал, потому что другие мальчишки в классе дразнили его — он был темнокожим и рисовал мальцовых китов на полях в книгах, так что их изящные отростки извивались вдоль пара-

графов, выписывая сложные узоры, похожие на маленькие лабиринты; раздутые газовые пузыри, в которых содержалось исключительно важное мальцовое молоко, свисали по углам страниц, где шла речь про обустройство Края молока и жажды Четырьмя Государствами-Основателями. Но едва желание сорвалось с губ Анхиса, оно начало воплощаться в виде своей противоположности.

Он раньше всех одноклассников вырос и сидел за своей партой, неудобно согнувшись, как морковка, поспешившая созреть. И ещё он постепенно делался очень красивым — с высокими и широкими скулами, задумчивыми тёмными глазами, с блестящими волосами, которые ложились аккуратно, как бы он ни старался их взлохматить и растрепать. Вскоре родители остальных детей заговорили о том, что он покинет Край молока и жажды ради какого-нибудь другого, более цивилизованного и космополитного, не такого захолустного места — например, Страны видящих и тех, кого видят, или Края неистовых ранчеро, или даже Родины (которая на самом деле вовсе не была родиной никому из знакомых Анхиса — на самом-то деле, большинство пекарей, ныряльщиков, упаковщиков и молочников, с которыми он здоровался каждый день, никогда

не видели места под названием «Родина», того плодородного, далёкого и чужеродного мира, где родились их деды и прадеды). Мальчик с его лицом уж точно должен был стать знаменитостью, если бы жил там, где люди ценят более утончённые вещи, чем молоко и жажда. Но Анхис хотел остаться в Адонисе, на берегах Кадеша, навсегда, стать ныряльщиком, как мать и отец, и однажды привести своих собственных детей на Фестиваль ореховых пирогов.

Однако Анхису не везло ни с крупными желаниями, ни с мелкими. Пожелав на Рождество собственный водолазный шлем, он получил велосипед с гудком и ужасную экзему, которая означала, что он не окунёт даже бедный шелушащийся палец в красные воды Кадеша до конца венерианской ночи. Когда одноклассница, которая собирала чёрные волосы в хвостик и так сильно любила казуаров, что почти не разговаривала по-английски, подхватила скарлатину (то есть на самом деле не скарлатину, но грозный, губительный, гемморагический вирус, время от времени поражающий нежных детей в Краю молока и жажды), Анхис неистово желал, чтобы она поправилась. Он немного её любил за мягкий голос и густые волосы, но девочка быстро

скончалась в одиночной палате на станции Белый Пион — большом электрическом городе, где жили все доктора. Анхис дни напролёт плакал на своей постели из коры какао, и к красным стропилам улетало его желание умереть вместе с подругой, отправиться с нею на небо, где сотня казуаров и сотня мальцовых китов поют в унисон на безупречном мандаринском наречии.

Но он не умер.

Анхис что-то заподозрил. Он не стал никому ничего говорить, чтобы его не сочли чокнутым. Он рисовал мальцовых китов и напряжённо размышлял, рисуя. Вот что у Анхиса получалось, когда он создавал портрет кита:

По меркам начинающих натуралистов, это был неплохой набросок. И, в общем, точный. Анхис всегда рисовал верхнюю половину кита одинаково, изображая то, что видел всю свою жизнь. Но он понятия не имел, как выглядит нижняя половина. Ему ни разу не разрешили нырнуть вместе с мамой или папой, как бы сильно он этого ни желал. И к тому же ныряльщики сами не знали,

как на самом деле выглядит мальцовый кит. Эти существа были слишком большими, чтобы охватить их взглядом. Всё равно что гадать, как выглядит Южная Америка, увидев лишь одно кафе в Буэнос-Айресе. Но Анхис гадал. Он много раз пытался нарисовать кита, который выглядел бы правильно, однако ни один из рисунков не казался ему таковым. То у него получался аэростат в юбке из травы, то фасоль пинто, из которой росли макаронины. Подобное он считал глупым, дурацким. Но мальцовые киты не были ни глупыми, ни дурацкими. Анхис это знал. Он знал, хотя не имел причин знать о китах хоть что-нибудь. Даже люди, которые действительно что-то знали об огромных, красивых животных, живущих в прекрасном алом море, никак не могли прийти к общему мнению относительно этих существ, хотя Анхис почти не сомневался в том, что они и впрямь живые существа, а не «здоровенные куски мяса с кровью», как называл их мистер Прикнис, или «брюссельская капуста-переросток», как настаивала мисс Бао.

Наконец Анхис решил попробовать кое-что новенькое. Он положил перед собой лист новой, чистой бумаги — лучший из всех, какие смог разыскать, поскольку в нём лишь кое-где про-

глядывали кусочки какаовых семян. Заточил карандаш ножом и убедился, что рядом сытный завтрак и стакан апельсинового сока (то есть на самом деле не апельсинового сока, но тусклого, тягучего и терпкого сока растения с плодами оранжевого цвета, но размером с докторский саквояж и покрытыми снаружи сиреневой шерстью) на случай, если его одолеет жажда. Сидя за своим столом, лицом к пляжу и пенному Кадешу, он сказал очень чётко, обращаясь к прибою: «Хочу, чтобы у меня никогда не получилось нарисовать, как на самом деле выглядит мальцовый кит, и чтобы я всякий раз только портил бумагу, взявшись за это дело».

Анхис коснулся карандашом бумаги, и нарисовалось вот что:

После этого Анхис спрятал карандаш и бумагу под половицы и вытаскивал своё изображение нижней половины мальцового кита, лишь когда

все отправлялись спать. Он ни разу не спросил маму или папу, считают ли они его рисунок правильным. Ему это не требовалось.

И день за днём, выполнив домашние поручения и прочитав все параграфы, требуемые для завтрашнего урока, Анхис отправлялся на берег недалеко от дома. Он уже не собирал раковины брюхоногих, которые на самом деле не были брюхоногими, или плАвник, который на самом деле не был плАвником. Он не пытался петь в унисон с полосатыми тюленями, которые не были на самом деле тюленями. Он лишь смотрел на Мальцовых китов. В уме он продолжал их рисовать, снова и снова, и под красной водой их бесконечные руки заключали его в объятия любви.

Мальчик, чьи желания не могли исполниться, был хорошим ребёнком, и в его груди билось доброе сердце. Даже открыв, как желать противоположность того, что требовалось, он не злоупотреблял этой привилегией. Если слишком заиграться, игрушка сломается. Анхис ни разу не ломал игрушки, даже когда был таким ма-

леньким, что считал свою набивную плюшевую черепаху настоящей. Он тратил свои желания аккуратно, как скряга тратит монеты.

Он пожелал, чтобы у родителей, когда они ныряют за мальцовым молоком, улов был отвратительный — и голос его дрожал, ибо заранее зная, что всё будет хорошо, он испытывал боль от того, что приходилось желать семье неудачи. Подслушав, как его отец плачет в ночи от того, что всегда хотел семерых детей — ведь сам он был одним из семерых, и у его матери и бабушки было по шесть братьев и сестёр, — Анхис взглянул на ярко-красные осенние волны и пожелал, чтобы у его матери больше никогда не было детей, чтобы он навсегда остался единственным ребёнком и чтобы у него никогда не появилось три брата и три сестры, ведь это чересчур, любой согласится. И, наконец, он пожелал, мучаясь угрызениями совести, чтобы все дети в школе его ненавидели, обзывали и били, чтобы чурались даже его вида и никогда не брали его с собой, отправляясь после школы на рыбалку. Он всю ночь после этого дрожал от страха, что заклинание сработает, но также от страха, что не сработает; его тошнило от убеждённости в том, что уж на этот раз он точно зашёл слишком далеко, пожелал чего-то слиш-

ком ценного, слишком невозможного, слишком роскошного, чтобы магия с ним справилась.

И амфоры в доме Анхиса переполнились мальцовым молоком.

И мать Анхиса располнела, забеременев двойней.

И дети, знакомые Анхиса, хлопали его по плечу; и смеялись над его робкими шутками; и называли «Мальцовым Доктором», потому что он знал о мальцовых китах больше, чем учитель; и, божечки мои, Доктор ловил больше форелей (то есть на самом деле не форелей, а чахлых, чутких, чешуйчатых рыб с плавниками винного цвета и тремя выпученными глазами, один из которых был фальшивым глазом-фонарём, зажигавшимся по ночам, чтобы обманом завлечь криля-который-не-криль прямо в широко распахнутые пасти этих существ), чем все остальные!

Мальцовый Доктор вдруг почувствовал себя счастливым ребёнком. И таким вот осчастливленным он дорос до восьми лет в Краю молока и жажды, больше не желая противоположного тому, чего на самом деле хотелось, ибо у него было всё, о чём только можно мечтать.

«КОРОЛЕВА ГОЛОДА С ФОБОСА»

(«Оксблад Филмз», 1938 г., реж. Северин Анк)

(СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ: ЗАПИСЬ 4, СТОРОНА 2, НАЧАЛО 0:09)

СЗ НАТ. ЛОКАЦИЯ № 6 МАРС/ФОБОС — ПЛОЩАДЬ КАЛЛИСТИ, ДЕНЬ 49. ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ [5 АПРЕЛЯ 1936 Г.]

[НАТ. База на площади Каллисти; Фобос, большая из двух лун Марса. Камера неустойчиво качается; толпа разъярённых мужчин и женщин несётся по площади, палками и дубинами разбивает окна общественного распределительного центра, таможни, кафе и складов. Они ищут еду — воспевают еду, кричат о еде, хнычут о ней. Но в распределительном центре пусто. В кафе пусто. Они вот уже несколько недель как закрылись, и на складах остались всего лишь ценники с последних поставок хлеба и мальцового молока.

Жители Фобоса разграбили бы целый город, если бы в нём было что грабить.

Фобос — маленький мирок, почва в нём бедная, и почти нет ничего примечательного, чтобы привлекать туристов или инвесторов. Это промышленное поселение, перевалочный пункт между шахтами пояса астероидов и рынками Земли. Почти вся еда должна откуда-то привозиться: с самого Марса, с Земли, из плодородной Внутренней системы. Близлежащий Деймос мало чем может помочь — он зеленее, с более мягким климатом, но его население всё ещё балансирует на грани нестабильности и не очень-то понимает, на какую сторону ему надо. Два месяца назад объединившиеся рабочие во главе с Аркадием Лю и Эллори Лайфордом начали бастовать, требуя все те вещи, в которых нуждаются рабочие и которые начальство удерживает: зарплаты, укороченные контракты, больше врачей, больше еды, больше надёжности. Ответ оказался простым: все продовольственные поставки на Фобос прекратились. Через год имя «Аркадий Лю» будет знать почти каждый иномирник.

СЕВЕРИН АНК бежит вместе с разъярённой толпой, возглавляемой Лю, выискивая место, чтобы остановиться и заговорить. Она ныряет в дверь

фабрики «Глубоководных владений Притхви» и приседает на корточки в тени. Она тяжело дышит, её щёки зарумянились. Она ничего не ела два дня. За последние двадцать четыре часа она выпила одну чашку воды. Она прячется — её оборудование кое-чего стоит, как и её одежда. Она приехала сюда, чтобы снять нечто совершенно иное: целый год отпусков, каждый на другой луне. Не проект, а конфетка, и за счёт этого контракта с «Оксблад» можно будет оплатить юпитерианский проект, который она уже сочиняет в голове.

Это Пасха на Фобосе. За яйцо можно расплатиться жизнью.

Впервые у ног СЕВЕРИН нет сценария. Она смотрит в камеру; сперва чуть-чуть заикается, шепчет, пытается вспомнить, что написала для этой сцены накануне вечером.]

СЕВЕРИН

К-к-кому… [Она сглатывает, начинает заново.] Кому принадлежит Фобос? Китай заселил его, Прекрасная Британия владеет двумя третями земли. Ост-Индская торговая компания — его мать и хозяйка. Но на самом деле ни одно государство не владеет сердцем Фобоса.

Это знакомая история: прежде чем брат и сестра

Верныгора дали нам возможность отправиться к звёздам, колониальные державы и их самые невоспитанные корпоративные детки от души попировали на Земле и были готовы к тому, чтобы поубивать друг друга за столом ради ещё одного куска кровавой добычи. Чтобы доказать, что они способны разом засунуть в пасть целый мир. А дальше что? Мы по-прежнему сидим за тем же столом, застыли на месте, словно портрет собравшейся за ужином компании за миг до того, как она рассеялась ради более увлекательных занятий. Что бы случилось с Европой, если бы те голодные империи не отвлеклись на сотню новых миров? Что бы осталось от Лиги Ирокезов, если бы половина Американского Эксперимента не утратила интерес к Луизиане в тот момент, когда мимо скользящей походкой прошла Венера? Почему на дверях в невозделанный и бурный космос по-прежнему написано «Англия», «Россия», «Франция», «Германия», «Китай»? Девяносто лет прошло, а мы всё никак не можем освободиться от того каннибальского званого ужина, приглашения на который послали ещё до нашего рождения.

[СЕВЕРИН пытается перевести дух. В её глазах стоит ужас. Румянец сошёл с её щёк. Её руки

трясутся.]

Я… я не помню, что собиралась сказать. У меня ведь был сценарий. Я не помню. [Где-то за кадром раздаётся жуткий грохот; СЕВЕРИН инстинктивно падает на землю, прижимается как можно ниже. Но не перестаёт говорить.] Я родилась на Луне, но я не лунница. Я называю себя англичанкой, но единственная на то причина — лев на моём паспорте. Я никогда не была б Лондоне. Моя нога ступала по Земле всего два раза. Я не знаю и мне наплевать, что происходит там, внизу, — но Земля по-прежнему владеет мною. Земля владеет всеми нами. А когда мы пытаемся убежать в сад, всего на миг, просто чтобы поглядеть на что-нибудь помимо всё тех же гостиниц, кухонь и коридоров, построенных нашими обидчивыми родителями, — теперь мы знаем, что происходит. Фобос знает. Они уморят нас голодом. Они сожгут нас. Они выпустят нам всю кровь.

[Рядом со зданием происходит взрыв; летят осколки стекла, повреждая лицо и руки СЕВЕРИН; её с силой бросает на массивную стальную установку по переработке минералов «Глубоководных владений Притхви». Она оседает на пол. Пытается подняться, но левая рука не выдерживает веса. Она не поднимает голову, но

слова слышны чётко. Из её рта на цемент капает кровь.]

Страны, породившие нас, так и не избавились от желания пожрать всё и вся. Они так и не перестали развешивать гирлянды для вечеринки, которую запланировали, не перестали на ощупь искать своё предназначение, чтобы прицепить ему хвост[80]. Во времена, что были до звёзд, они собирались начать войну из-за того, кому достанется этот хвост. Сегодня я не могу избавиться от ощущения, что их война по-прежнему надвигается. До неё больше времени, чем прошло бы, останься мы в своих уютных кроватках, прикованных к Земле. Может, намного больше. И всё будет намного хуже. Но существует сценарий, и всё произойдёт согласно ему.

[На фабрику врываются люди и принимаются разбивать оборудование ломами, крушить его голыми руками, фонарными столбами, которые тащат вшестером. Они не замечают камеру или СЕВЕРИН; они топчут её, ботинками ступая по щеке, плечу, спине. Она издаёт жалобный крик, прежде чем потерять сознание.]

---

[80] Примечания: 80

Намёк на детскую игру «прицепи хвост ослу», во время которой игрок с завязанными глазами должен правильно прикрепить игрушечный хвост к изображению осла.

АРКАДИЙ ЛЮ

Может, они уморят нас голодом, но мы заставим их подавиться собственным богатством!

СЕВЕРИН

Эразмо, помоги. Вот дрянь. Мне так больно.

ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА

[ПЕРСИВАЛЬ АНК снимает свою дочь играющей на склоне Пика Ампера. Вокруг неё растут синие альпийские кассии, скрюченные и как будто обрубленные, покрытые колючими полупрозрачными иголками. Относительное тепло долин для них предпочтительней. Высота превращает бесконечные леса Луны в сборище горбатых, злобных, исковерканных существ. Под ножками СЕВЕРИН АНК хрустит тонкий снежный покров. Она одета так, как должен выглядеть, по мнению её отца, покоритель горных вершин: ледерхозе, чулки, туфли с пряжками, рубашка с оборками. Её длинные волосы заплетены в две толстые косички и украшены лентами. СЕВЕРИН пытается увлечь отца игрой в прятки, но хотя он с радостью её ищет, сам прятаться не хочет. Он может что-то упустить. Наконец дитя сдаётся.]

СЕВЕРИН

Папочка, ты должен гоняться за мной! Ты что, совсем не знаешь правил?

ПЕРСИВАЛЬ

О, я побегу за тобой, Ринни. Я побегу, куда бы ты ни удрала. А когда догоню, съем всю без остатка, как большой серый волк!

[Вопли и смех. СЕВЕРИН убегает и прячется за кассией, ствол которой выглядит так, будто его заколдовала злая волшебница. Северин выглядывает опять, стряхивая с волос иголки.]

СЕВЕРИН

Но когда ты меня догонишь и съешь, после этого ты должен спрятаться, а я буду тебя искать! Вот так и надо играть, глупый! А когда я тебя найду, зарычу, как ТИГРИЦА, и испугаю тебя ДО СМЕРТИ.

ПЕРСИВАЛЬ

[Смеётся.] А вот и неправда! У меня есть камера, а тот, у кого камера, — король, и он сам сочиняет

правила.

СЕВЕРИН

[Выскакивает, хватая воздух. Картинка трясётся — ПЕРСИВАЛЬ резким движением поднимает. Клару повыше, чтобы дочь не достала.] Отдай! Отдай её мне! Я её хочу!

РУКОВОДСТВО ИНЖЕНЮ

16 января 1930 г., определённо три часа утра

Комната бабочки, на борту «Ахелоиды», Море Спокойствия

Делайте ставки, дамы и господа. На корабле убийца, и я намереваюсь вывести его или её на чистую воду.

Оркестр закончил играть, когда пробило полночь. Музыканты из профсоюза — просто жуткие зануды. Мы всей толпой, внушительной и с ног до головы в блёстках, ещё не отдышавшись, неверной походкой выбрались из бального зала на палубу «Ахелоиды». Ночь была тёплая; ветер дул к Титону, а не наоборот, так что вместо вони в воздухе ощущался острый аромат солёно-серебряной воды, веяло прибрежными сосновыми лесами, пролитым гренадином и сотней разновидностей

парфюма, от «Старья № 5» и «Шалимара» до того мускуса с оттенком недавнего интима, который не продаётся ни под какой маркой, но перепутать его с чем-то другим попросту невозможно. Никто даже не думал о том, чтобы отправиться в постель, и гулянка продолжалась снаружи, пока — это важно — стюарды заперли бальный зал, чтобы прибраться. Мы все повисли на релингах, словно ракушки в радужной мишуре, и всё было с миром в порядке, пока он ограничивался всего лишь красивой лодкой, плывущей сквозь прекрасную тьму. Потом начался старый танец: люди разделились по парам, и эти пары — а иногда тройки — принялись исчезать одна за другой, и на палубе стало спокойнее, просторнее, словно её окутал сон. Я была занята с Найджелом — о, знаю, это просто ужасно, вокруг столько роскошных представителей бомонда, а я села на лестнице и разговариваю с бывшим! Я впервые почувствовала себя на свои законные и полноценные сорок. Мне не хотелось забраться за дымовую трубу и приласкать там одну из милых девушек из контрактного отдела или даже попробовать наконец-то поймать в ловушку Вильгельмину Уайльдхарт. Я просто хотела поговорить с кем-то, кто видел меня сопливой и сильно простужен-

ной и всё равно считал, что я очень даже ничего. Найджел всегда был настоящим асом, когда я болела. Он плюхался возле кровати и изображал, будто мои тапочки разговаривают по-дельфиньи, пока я не начинала смеяться, пусть от этого мой кашель и усиливался.

Отклоняешься от темы! Ай-яй-яй, Мэри! И всё-таки я должна была отметить, что разговаривала с Найджелом на лестнице, поскольку это позволяет установить следующее:

1. Я ни разу не видела Перси или Тада между закрытием бального зала в полночь и двадцатью минутами второго.
2. Н. и я сидели на лестнице в кормовой части, которая примыкает к южной стене бального зала, вследствие чего…
3. Мы услышали выстрел сразу же и бросились к главному входу, который стюарды открыли быстро, однако…
4. Некоторое количество людей уже истоптало место преступления к тому моменту, когда я там появилась.

Было много криков, уроненных напитков и плача. Я бежала сломя голову; каблук на левой туфле отломался, но я продолжала ковылять, по-

ка не завернула на полной скорости за огромную резную дверь бального зала — Таду её привезли с Марса только в прошлом году. И я всё увидела. Я увидела всю эту уродливую сцену, словно площадку, подготовленную для съёмок. Бедняга Тад лежал лицом вниз на собственном полу из эбенового дерева, и кровь из него текла как безумная. Крови было намного больше, чем в кино. Когда в кино в кого-то стреляют, получается просто булавочный укол, ну честное слово, а потом появляется маленькая струйка красного. Человек оседает на пол, и всё кончено до следующего дубля. Но кровь Тада хлестала во все стороны. Люди в неё наступали. Иоланда Брун пыталась стереть пятна со своих зелёных шелковых босоножек.

Я сказала, что вечеринки в честь завершения съёмок не подчиняются законам природы. Всего лишь неделю назад я была от макушки до пяток Мадам Мортимер. И вот она загудела внутри меня, я ощутила её душу с перламутровой рукоятью и язвительное сердце. Не говоря ни слова, я подошла к одному из стюардов (который сделался почти таким же бледным, как мышьяк), сняла с его пояса ключ, закрыла и заперла эти величественные русские двери и в качестве последнего штриха сунула в ручки латунную вешалку для

шляп.

— Вы не могли бы уделить мне внимание? — Я «включила» свой самый громкий, самый властный голос, тот самый, который некогда в лондонском театре «Синий слон» бил задние ряды по физиономии. Я запретила себе плакать. «Оплачу тебя позже, малыш Тадди. Обещаю». — Спасибо. Боюсь, я пока что не могу позволить кому-то из вас уйти. Всё, что требуется для того, чтобы разобраться в этой жуткой истории, находится прямо здесь, на расстоянии вытянутой руки. Нельзя терять ни секунды, если мы хотим докопаться до истины.

Можно подумать, я всех их посадила в клетку и подвесила снаружи последний ростбиф из костреца в целой вселенной, так они себя вели. Позор. Но я стояла на своём, и стюарды ко мне присоединились — то ли потому, что знали, кто режет их хлеб, то ли потому, что согласились с необходимостью обеспечить безопасность места преступления до того, как кретины испоганят все улики. Понятия не имею, в чём было дело. Обратный путь в Город Кузнечика должен был занять день, и к тому времени от улик и следа не останется, чтобы предъявить полиции. Мне нужно было действовать быстро. Ради Таддеуса.

В тот момент ему не требовались мои слёзы, ему требовалась его героиня.

Я знала всех, кого заперла в бальном зале той ночью, кого-то лучше, кого-то хуже: Иоланда Брун, Хартфорд Крейн, Найджел Лапайн, Фредди и Пенелопа Эдисон, Персиваль Анк, Элджернон Богатырёв, Химура Макото, Данте де Вере и Мод Локсли. (С Макото, самым новым золотым мальчиком студии «Каприкорн», я только познакомилась той ночью, но мы уже решили, что на уик-энд поедем вместе стрелять фазанов.) Толком не знаю, что на меня нашло в тот момент, когда я стояла перед всеми этими людьми — людьми, которых знала почти всю свою жизнь, с которыми работала, спала, которых уважала, ненавидела, завидовала, с которыми мы от души наигрались в тяни-толкай, — но внезапно, при виде Иоланды, которая ныла и лила содовую на свою испачканную в крови туфлю, они все стали мне до смерти отвратительны. Я бы с радостью побросала всех в бокал и залила грейпфрутовым соком, и в сердце моём не мелькнула бы даже искра жалости. Не знаю, что на меня нашло — если не считать Максин Мортимер и её проклятое стремление разгадывать все головоломки.

— А ну заткнитесь, вы, хнычущие, разжирев-

шие, откормленные на убой телята, — зарычала я, и пусть это была реплика из «Страшного суда на Деймосе», я произнесла её лучше в 1930-м, чем это у меня когда-либо получалось в 1925-м. — Проявите хоть немного уважения! В сторону! Дайте мне место!

Они распластались вдоль стены, как школьники на танцах. Я осмотрела тело Таддеуса. Он по-прежнему был в смокинге. Пуля пробила спину и вошла прямо в сердце. Сигарета всё ещё дымилась в пальцах его правой руки. Левая была согнута в локте и находилась под грудью. У меня в голове вдруг возникла самая дурацкая мысль из всех возможных: «Он же так отлежит себе руку! У него будут мурашки, когда он проснётся». Я потянулась к нему, чтобы расправить тело. «Нет! — рявкнула внутри меня Максин Мортимер. — Не смей двигать этот труп, ты, сонная тетеря! Чем дальше отходишь от тела, тем сложнее увидеть правду». Я окинула бальный зал быстрым взглядом. Какая удача! Пистолет лежал под одним из банкетных столов. Его туда зашвырнули? Намеренно спрятали? Уронили в суматохе? Я послала Макото его забрать, поскольку только в нём и в Найджеле была уверена. Найджел рассказывал мне про воск для усов, когда раздался

выстрел, а Мак недавно вышел из ракеты. Он не знал никого из нас достаточно хорошо, чтобы его заботило, будем мы жить или умрём, и, кроме того, какой дурак захочет, чтобы его дебют получился таким радикальным?

«Перун» двадцать второго калибра, с рукояткой из грецкого ореха. Марсианский, подметила я, но это ничего не значило. Мы все бывали на Марсе. Там и заняться-то особенно нечем, кроме как стрелять по кенгуру.

Хартфорд поднял руку, словно первоклашка.

— Мэри, кто бы это ни сделал, он, скорее всего, сразу же сбежал. Зачем нам здесь торчать и смотреть, как ты играешь в детектива? Мы всё это видели, любовь моя. Давай будем разумны: собери поисковый отряд, прочеши корабль. Если мы так и будем сидеть взаперти, никому от этого лучше не станет.

— Хартфорд, если бы я считала, что в тебе столько же здравого смысла, сколько Господь вложил в желейную конфетку, я бы позволила тебе «прочёсывать корабль» сколько душе угодно. Умоляю, скажи, что ты собрался искать? Орудие убийства… — Я понюхала дуло «Перуна», чтобы избавиться от сомнений; действительно, из него недавно стреляли. — …перед нами. Тело тоже

здесь. Первые люди из тех, кто явился на место преступления — и, соответственно, те, кто ближе всего находился к бальному залу, когда застрелили бедолагу Тада, а значит, и те, кто больше всего смахивает на свидетелей, — все находятся тут. Когда стреляешь человеку в спину, не покрываешься кровью с головы до ног; нет ни крохи смысла в том, чтобы перерывать прачечную в поисках смокинга с пятнами. Так почему бы тебе не захлопнуть свой дорогой ротик и не позволить взрослым поговорить?

Он повиновался. Не стану врать, будто от этого меня не охватило приятное возбуждение. Жуткий охотник за сплетнями Элджернон Б. стоял рядом с Хартом, и вид у него был такой, словно он вот-вот должен был свести близкое знакомство с аневризмой. По лысой макушке сбегали, змеясь, струйки пота, от которых запотели очки. Он повесил голову. Но если вспотеть означало быть виновным, то это относилось ко всем. Пот от джина, пот от апоплексического удара, пот от говядины, пот от убийства — кто их различит? Я окинула взглядом их лица и подумала: «Я могу это сделать. Со всем, что я про них знаю, про Таддеуса, про дедукцию — по крайней мере, её кинематографическую разновидность — я могу

разобраться, что произошло».

— Я ухожу, — сообщил Фредди. Лицо у него стало красным, как стоп-сигнал. — Ты всего лишь отвратительная, вышедшая в тираж актрисулька с плоской задницей и триппером, и тебе меня не удержать.

— И меня! — воскликнул Данте де Вере. Они вдвоём ринулись на меня, как будто мне уже не доводилось раньше взглядом останавливать мужчин, которые хотели пустить мои почки на серёжки.

Я не дрогнула.

— Мистер Эдисон! — рявкнула я. — У вас с покойным был спор по поводу неоплаченного вознаграждения за использование звукозаписывающего оборудования во время съёмок «Миранды», не так ли?

Он отпрянул. Не думаю, что кто-то так орал на Франклина Эдисона с той поры, как он разбил свой трёхколёсный велосипед, врезавшись в качели. Впрочем, у меня ведь был двадцать второй калибр. Рык звучит куда энергичнее, если у тебя в руке марсианский пистолет.

— Не говори ерунды, Мэри. У меня со всеми споры из-за неоплаченного использования звукозаписывающего оборудования. Если бы я стал

убивать всех, кто мне должен, Луна через неделю превратилась бы в город призраков.

— А как насчёт тебя, Данте? Он уволил тебя со съёмок «Смерть приходит в начале». С той поры тебе предлагали только роли в духе «кушать подано».

— Мэри! Понятия не имел, что ты так обо мне думаешь… это очень грубо и очень подло. Я был с Мод, мы наблюдали за звёздами, прямо там, у ограждения правого борта. Мы услышали выстрел — нас совершенно не в чём винить. Я любил Тада, ты же знаешь. Он присматривал за моими собаками, когда я был на съёмках.

Тут у меня появилась идея. Я вцепилась в неё когтями, прежде чем она успела удрать.

— У меня вопрос. Если я решу, что вы ответили честно, позволю идти на все четыре стороны. Кто из нас любил Таддеуса Иригарея? Полагаю, это скажет нам больше, чем ответ на вопрос «кто его ненавидел». — Это было в духе Максин Мортимер, от первого слога до последнего. — Я любила, безусловно, — ответила я первой. И это была правда. Он десять лет постоянно давал мне работу и позволял приносить на площадку кота. Чёрт, он восемь раз предлагал мне выйти за него. Когда его бросил Ласло Барк, он жил у меня в

гостевой комнате месяц.

Никто другой не заговорил. Перси демонстративно рассматривал свои туфли. Мод и Данте с довольно-таки скучающим видом вместе курили у фортепиано. Наконец-то Мод затушила свою сигарету и сказала:

— Ну ладно, хорошо, — я любила его. Он не бросил меня после той маленькой поганой истории с «Оксблад». Чтоб ты знала, контракт на Мортимер должны были заключить со мной. Студия хотела меня. Но Тад хотел… Не знаю, наверное, он хотел блондинку. — Она поспешно продолжила, желая сгладить горькие ноты в голосе. — Но никаких обид! Ведь прошла уже целая вечность.

Рот Фредди пытался зажить отдельной жизнью. Он дёргался; он гримасничал. Он хотел сказать что-то, по поводу чего мозг предпочитал помалкивать. Фредди был пьян в стельку, качался из стороны в сторону, как будто величественный, огромный бальный зал был слишком мал для этого грубого, ужасного, слоноподобного мужчины.

— А как насчёт тебя, Пенни? — прошипел Фредди. Пенелопа Эдисон выглядела так, словно должна была вот-вот разойтись по швам. Она всё тёрла и тёрла свои руки, как будто боялась замёрзнуть до смерти. Она уставилась на своего

мужа — до чего ужасный был взгляд, полный мольбы и отчаяния. Беспомощные слёзы покатились по её щекам, и казалось, что они не остановятся. — Пенни? Язык проглотила? Кого ты любишь, Пен? Меня? Перси? А может, Элджернона? Или вот этот унылый мешок дерьма? — И он указал на труп Таддеуса Иригарея.

— Умоляю, Фредди, — прошептала она. Я в жизни не видела человека несчастней, чем плачущая Пенелопа Эдисон.

— Умоляешь — о чём? Я ничего не делал. Но если кто-то задал вопрос, то вежливость требует ответа. А вежливым быть важно, не так ли? Стоит мне хоть разочек перепутать пинты с квартами — всё, конец света; но ты можешь просто стоять себе и трястись, не отвечая на грёбаный вопрос?

— Фредди, прекрати. — Перси положил руку Эдисону на плечо, и тот, резко развернувшись, врезал ему прямо в глаз. Перси согнулся пополам, держась за лицо. — Фред! Я пытаюсь тебе помочь!

— Если кому и нужна помощь, то тебе! — прорычал Фредди в ответ. — После всего, что я всем вам дал! Без меня, без моей семьи, вы, говнюки, носились бы по сцене в аду, где вас бы не увидела

ни одна грёбаная душа! И что я получил взамен? Какова моя баснословная награда за то, что я сделал всё ваше омерзительное существование возможным? — Он в два прыжка оказался возле трупа и пнул Таддеуса в плечо, пинком перевернул его на спину и продолжил пинать. Бедная безвольная рука Тада упала на пол.

Все начали орать, хватать Эдисона и скрежетать зубами, но Максин Мортимер видела только левую руку Тада, ту самую, по поводу которой добросердечная бедняжка Мэри переживала, что она будет вся в мурашках. Он сжал пальцы в кулак. Что-то в них было зажато, в этих окровавленных пальцах. Никто другой этого не заметил. Они были слишком заняты, сражаясь с пьяным магнатом, чьи ноги разъезжались в луже крови хорошего человека.

— Этот мусор, этот дерьмотрах и членосос, трахался с моей женой! — вопил Фредди из-под груды навалившихся на него крупнейших звёзд Города Мишуры. — Вот кто его любил! Моя Пенни. Вот кто!

Голова Пенни дёрнулась из сторону в сторону, рот открылся — она не дышала. Она тяжело рухнула на пол и выдохнула:

— Я не… я не…

Ну конечно, нет. Пенелопа Эдисон совершенно точно этого не делала. Она не могла. Разве что после дождичка в четверг. Что это вообще за чертовщина?

— Господи, кто-нибудь, принесите ей бумажный пакет, — сказала Мод Локсли.

— Скажи им! — визжал Эдисон. Король Звука-и-Цвета орал с выпученными глазами, в луже остывшей крови. — Эта грёбаная шлюха обвела меня вокруг пальца, пока я был в Элише, на Всепланетной выставке! А когда я вернулся, ты опять была стройной и подтянутой, разве нет, сука? Иезавель[81], аферистка проклятая…

Всё шло так хорошо. Прямо как в кино. Прямо сейчас, в своей каюте, в тиши глубокой, скорбной ночи, я думаю, что всё шло хорошо, потому что… так и должно быть в кино. Я применила заклятие, и на миг, лишь на миг, у жизни появился сценарий. Детектив запирает двери, называет подозреваемых, и в конце концов кто-то признаётся. Вот как это работает. Это инстинкт. Фредди не мог ему сопротивляться. И Перси не мог. Не могли они сопротивляться желанию заползти внутрь сценария. Там безопасно. Удобно. Тепло.

---

[81] Примечания: 81

Иезавель — жена израильского царя Ахава; деспотичная, вероломная и кровожадная царица, прославившаяся своими бесчестными делами.

Сценарий приглядит за тобой.

Но Перси всё остановил.

— А ну-ка все остыли! — Персиваль Анк, со всеми своими пороками и добродетелями, может вопить громче любого из моих знакомых. «Тишина на площадке!» — Слушайте меня. Мэри, я ценю то, что ты делаешь, но в этом нет необходимости. Я расскажу тебе правду. Мы с Фредди выпили пару скотчей на палубе, беседуя о новой модели камер. Фред похлопал меня по спине, а когда повернулся, то увидел Пенни и Тада через окна бального зала. Таддеус поцеловал Пенни, и у Фредди потемнело в глазах. Нельзя мужчину винить за такое. Он выбил дверь плечом, набросился на Тада, началась драка, мы боролись — все мы, все четверо! Мы боролись, и пистолет сработал. Нажать на спусковой крючок мог любой из нас: я, Пенни, Фред — мы все в какой-то момент за него схватились. Но это был несчастный случай. И теперь нам надо решить вот что: сколько жизней этот ужасный несчастный случай уничтожит?

У меня в желудке образовалась жуткая пустота.

«Он лжёт».

Как Эм-Эм всегда говорила, цифры не сходятся.

Солнце может взойти утром синим, как Нептун, тающий лёд может превратиться в пламя, я могу стать чемпионкой мира по прыжкам в длину, но Таддеус Иригарей не целовал Пенелопу Эдисон. Этого не было. Меня хватает на обе стороны, но Тад был по-настоящему голубым. Я хотела об этом сказать, но не смогла. Не в той комнате. Не со всеми этими людьми, которым Таддеус не доверял достаточно, чтобы рассказать им правду при жизни. Не при Элджерноне-Бэ-Болване, который в уме уже писал колонку на следующую неделю. Даже трупу можно испортить жизнь. А репутацию трупа нельзя исправить. Так что я набрала в рот воды. Прости меня, Боже. Я не допущу, чтобы Таддеус вошёл в историю как просто ещё один мёртвый извращенец. Потому что так мы все кончаем, разумеется. Нет. Я позволю, чтобы его сердце превратилось в чью-то поучительную историю.

Или, может быть, я просто испугалась. Фредди, Перси, их всех. Я не справилась с собой. Я подумала: «Перси, малыш, ты хочешь всё отмотать назад и снять заново, чтобы запечатлеть пулю под лучшим углом? Убедиться, что тени правильно упадут на глаза Таддеуса в тот момент, когда свет в них погаснет? Или ты мог бросить ему в лицо

реплику получше? Или Пенни, или Фреду? И с чего бы тебе лгать ради них? С чего беспокоиться? Ты же на самом деле с Пенни не знаком. С Фредом вы общались с детства, да… но братские связи никогда не распространяются на жён. Так чем же Тад тебя обидел, Перси? Как он на самом деле заслужил эту пулю? Почему всё это происходит?»

— Чей это был пистолет? — спросила я.

— Что?

— Чей пистолет? Кто притащил оружие на вечеринку?

— Я, — признался Перси. «Ох, Перси, нет…» — Я показывал его Фреду. Хвастался, видимо. Мне не улыбается угодить в погреб «Плантагенет», Мэри. Я защищаю себя. У Мод пистолет в набедренной кобуре. Спроси её. Это не так уж и странно.

Потом Персиваль Анк сказал нам, что будет дальше. Это было его лучшее режиссёрское достижение, которое видели только тринадцать человек. У Таддеуса был сердечный приступ. Корабельному врачу можно заплатить; да и вообще, он едва закончил медицинскую школу. Мы всё вычистим, все мы вместе, и Таддеуса кремируют раньше, чем кто-то отличит белое от чёрного. У каждого из нас есть причина хранить эту тайну. Потому что мы соучастники, потому

что мы хотим, чтобы наш безвкусный журнальчик распространялся по всей Солнечной системе, потому что мы не хотим остаться без гроша после развода, потому что нам нужна роль, потому что наплевать, потому что мы любили Таддеуса Иригарея и не хотим, чтобы его запомнили как разлучника или чего похуже, потому что мы сможем вечно жить за счёт тех услуг, которые Анк и Эдисон будут нам оказывать.

А что же я? Буду ли я молчать? Я сказала, что да. Я пообещала. Щёки мои зарделись, когда я это пообещала. Я взяла свои серебреники — любая роль по моему желанию, и режиссёрское кресло в придачу. Впрочем, по правде говоря, я думаю, что мне, наверное, пришло время уйти на покой.

Не хочу писать о том, как оттирала эбеновый пол от крови металлической щёткой. Или как сожгла свои бизоньи меха в котельной. Но я вот что хочу записать: пока мы приводили Тада в порядок, я разжала его пальцы и вытащила из месива спёкшейся крови скомканный клочок бумаги. Я не стала его разглядывать, пока не добралась до своей каюты.

Это фотография. Маленькой девочки.

Все дети смахивают друг на друга, и пусть я не уверена, но мне кажется, что она до жути похожа

на Северин.

КАНЗАС

Расшифровка отчётного интервью Эразмо Сент-Джона, состоявшегося в 1946 г.; собственность «Оксблад Филмз», все права защищены. Для просмотра требуется разрешение службы безопасности.

ЦИТЕРА БРАСС: Сессия третья, день второй. Арло Ковингтон, сертифицированный бухгалтер, представитель «Оксблад», приказал вашей съёмочной группе покинуть Адонис. Почему вы его не послушались?

ЭРАЗМО: Мы послушались. Мы просто… отвлеклись. Послушайте, я знаю, вы считаете нас оравой бесполезных тунеядцев из театрального кружка, но мы, все до единого, профессионалы. Мы очень быстро разобрались в ситуации. Доктор Нантакарн подготовила мобильную реанимационную

палату ещё до того, как мы начали запланированные погружения. Ретта изолировала Анхиса и надела на него перчатки, чтобы он больше никого не смог заразить. Она занялась Мари, вырезала ту штуку из её ладони и забинтовала ещё до того, как Конрад и Франко убрали наш завтрак. Дала ей морфий от боли. Мари отключилась. Она спала в медицинской палатке, пока мы обсуждали, как быть с Горацием.

Венерианские колодцы с пресной водой глубоки. Чтобы пробиться сквозь слой солёной воды, надо копать и копать. У нас был направленный микрофон и маленький грузоподъёмный кран. Слишком мало. Макс сказал… он сказал, Гораций уже нашёл свою могилу. Можно было накрыть колодец, высечь сверху его имя. Это была бы красивая могила. Он пытался быть добрым. Доброта Максимо бывает омерзительной. Но я не смог так поступить. Я не мог просто взять и позволить Горацию гнить там внизу, чтобы его жевали какие-то слепые жуткие черви, или кто там живёт в подбрюшье Венеры. У меня слишком хорошее воображение. Я представил, как какой-то жуткий ночной угорь откладывает яйца в его глазницах… Я не мог оставить его там, во тьме. Он заслужил финальную сцену получше. Кроме того… он мог

оказаться жив. Что если он просто сломал ногу? Обе ноги? Что если он умирал, истекая кровью на дне?

Ну так вот, единственным другим вариантом были тросы ныряльщиков. У нас остались два костюма: один для ныряльщика и один для оператора, и много дыхательных шлангов. Мы могли опустить кого-то в колодец, в точности как опускали бы с гондолы в Кадеш. Я подумал, что это надо сделать мне. Вы поглядите на меня — я очевидный выбор. Я крупный мужчина, я сильный, я мог бы вынести Горация наверх без труда. Как пожарный. Я бы всех вынес.

Но Игги зарубил эту идею на корню. «Деревенские колодцы книзу сужаются. Ты можешь там застрять, и, знаешь ведь, нам надо будет опустить тебя и вытащить тебя и тело… и Горация… наверх. У нас нет альпинистского оборудования. Ни обуви с шипами, ни крюков. Шланг может лопнуть. Мы можем тебя уронить. Ты самый тяжёлый из нас, Раз. Спуститься должен самый лёгкий».

И все повернулись к Арло.

ЦИТЕРА: Фоновый шум прекратился, пока шёл этот разговор?

ЭРАЗМО: Нет. Может быть? Я не уверен. Его сила не была неизменной. Он то возрастал, то слабел,

потом снова делался мощнее. Но ритм в нём так и не появился. Если бы в нём был ритм, мы бы в конце концов перестали обращать внимание, как перестаёшь замечать шум дорожного движения поздно ночью в Титоне. Но он никогда не затихал полностью, он просто трещал и вопил, и выдавал те жуткие, неразборчивые всплески рёва.

ЦИТЕРА: И Ковингтон согласился спуститься в колодец за оператором?

ЭРАЗМО: За Горацием. Удивительное дело, но да. Все произвели одни и те же мысленные расчёты: мы не могли рисковать доктором, я бы ни за что не позволил Рин спуститься туда, Мари была в отключке, в Крисси почти шесть футов и она похожа на поджарую самку гепарда. В любом из нас веса было больше, чем в Арло. Спускаться должен был самый лёгкий. Вы его знали — худой, как жокей, и такой же невысокий. Но при этом жилистый. Наверное, спортом занимался — бухгалтеры обычно не бывают такими гибкими.

ЦИТЕРА: Вообще-то он занимался греблей. Был в команде «Оксблад». Каждое утро в четыре ворочал вёслами где-то в Море Дождей.

ЭРАЗМО: А-а. Понятно.

ЦИТЕРА: Вы сказали, он согласился на этот план? Вы его не принуждали?

ЭРАЗМО: Так сказали остальные? Что я на него надавил?

ЦИТЕРА: Я задала вопрос вам. Мне сложно в это поверить, мистер Сент-Джон, потому что Арло ненавидел замкнутые пространства. Он работал со счетами «Оксблад» на берегу озера в парке Усаги, чтобы не страдать в своём кабинете. И вот, по вашим словам, он с радостью согласился с планом, который подразумевал, что ему придётся прыгнуть в дыру в земле.

ЭРАЗМО: Не тратя ни секунды на споры. «Он ваша семья, — так Арло сказал. — Родных нельзя бросать в беде». Не знаю. Может, он когда-то потерял брата. Может, его мама бросила. Может, вы не так уж хорошо его знаете. Но так уж вышло, что в тот момент я ощутил к Арло Ковингтону безумную любовь. Он даже не стал канителиться. Облачился в костюм сразу же — нам пришлось затянуть его ремнями, чтобы подогнать по фигуре. Он и шлем надел, чтобы защитить голову, если вдруг упадёт. Мы соорудили перевязь для Горация из гамака и клейкой ленты, прикрепили к поясу Арло фонарь и привязали к его груди гордость и отраду Марианны. Если бы она не плавала в море морфия, сошла бы с ума. Отправить её деточку в большую чёрную дыру? Да ни в жизнь.

Понимаете, она привезла с собой новёхонький прототип эдисоновского беспроводного микрофона. Чтобы испытать его в полевых условиях с полной нагрузкой.

ЦИТЕРА: То есть это был микрофон модели «Эхо-I-Ультра»?

ЭРАЗМО: Совершенно верно. Марианна не позволяла никому даже прикасаться к этой штуке. Она должна была записывать всё, что делала с микрофоном, чтобы передать записи компании, когда мы вернёмся домой. Она всё время повторяла, что он стоит дороже «Моллюска», хоть это и кажется мне чепухой — он выглядел, как маленькая жестяная коробочка для ланчей. Он был нам нужен. Что если случится беда? Мы бы с радостью гуляли по Белому Пиону с зонтиками и песней в сердце, но если речь пошла о прогулке внутрь Венеры… мы не могли допустить, чтобы у Арло не было ни единого способа сказать нам, что что-то пошло не так. Мы прикрепили «Эхо» к его груди клейкой лентой и настроили полевое радио на семьдесят шесть мегагерц, его частоту. Я выкрутил звук до максимума и взмолился небесам, чтобы мы расслышали Арло сквозь белый шум.

ЦИТЕРА: В котором часу мистер Ковингтон начал спуск?

ЭРАЗМО: По-моему, примерно в 11:00. Стояла липкая жара; воздух как будто совсем не двигался. Мы помогли Арло доковылять до центра городка, где располагался колодец. Он стоял там, как герой комиксов, посреди руин, всех этих изуродованных, искалеченных домов, с водолазным шлемом под мышкой, словно Отважный Барракуда из того старого мультфильма «Каприкорн», «Арахнид против Семи морей». Он нам улыбнулся — и я знал, что его терзает ужас, так что ему наверняка было очень нелегко одарить нас этой улыбкой, похожей на вспышку сверхновой. Он просто пытался нам сказать, что всё будет хорошо.

«Эй, — сказал Арло. — Ну так вот, есть мама-ша-змея и маленькая змейка, и змейка говорит: „Мамусик, мы ядовитые?“ И мама отвечает: „Да, сладенькая моя, а почему ты спрашиваешь?“ И змейка такая: „Потому что я сейчас язык прикусила!“»

Не бог весть какая шутка. Но мы смеялись, как будто он был звездой Карнеги-холла.

ЦИТЕРА: Северин что-то из этого сняла?

ЭРАЗМО: [смеётся] Шутите? Конечно, сняла. Северин и Крисси установили две камеры, одну для наших лиц, а другую — для общего плана. Сцена вышла изумительная. Если бы всё сложи-

лось иначе, думаю, мы бы прямо сейчас уплетали закуски на фуршете перед вручением награды Академии, а не эти, откровенно говоря, ужасные печенья и эту гадость, маскирующуюся под чай. Даже после всего, в монтажной, мы с Крисси думали, что видим нечто иное. Осколки Адониса отбрасывают густые, резкие тени, колодец в центре кадра, Арло выдаёт свой фокус в духе Отважного Барракуды, дыхательные шланги и тросы для ныряния крепко обвязаны вокруг его груди, а потом идёт панорама, охватывающая Максимо, Сантьяго, Конрада, Франко и Северин. Все мы напряжённо наклонились к каменной стене колодца, как будто собрались играть с ним в перетягивание каната.

Арло протестировал микрофон «Эхо». Радио с треском включилось. «Добрый вечер, дамы и господа! Подсаживайтесь ближе, налейте себе чашечку чего-нибудь вкусного и откиньтесь на спинку кресла в ожидании очередного эпизода любимой в Солнечной системе истории о приключениях, романтике и интригах — „Сколько миль до того, как Арло расплющит свою тощую задницу о камни?“ Ладненько, я пошёл! Не забудьте загадать желание!»

Я отвернулся, когда он спрыгнул. Я уже один

раз такое видел.

Как только голос Арло на радиоволне со слова «желание» перешёл в вой, помехи грянули со всей силой, превратившись в обычное неразборчивое шипение, а потом из белого шума прорвался голос. На этот раз мы все отлично расслышали сказанное: «Где-то светит солнце, но здесь никак не закончится дождь…»

Это были голоса Марианны и Кристабель. Они пели «Милую я бросил под дождём» в точности так же, как это было в первую ночь в отеле «Вальдорф» на станции Белый Пион. Но звук шёл отовсюду, перепутанный и затянутый в узлы лентами помех, прямо с неба, из деревьев, из грязи и воды.

ЦИТЕРА: Как Оссина отреагировала на это?

ЭРАЗМО: Как и все мы: перепугалась до потери сознания. Но в наших руках была жизнь Арло — если бы мы утратили самообладание, он бы упал. Звук был такой громкий! Нам всем хотелось лишь прижать ладони к ушам. Мы чередовались, чтобы остальные всё же продолжали медленно выпускать трос. Арло выходил на связь примерно каждые десять метров. И между тем как его слабый голос раздавался из полевого радио, из моря белого шума начали выныривать другие

голоса, словно… словно клетки для омаров с чудовищами внутри.

«Десять метров! Ничего не вижу, кроме кирпичей. И весьма любопытной плесени».

И вслед за этим выплыл голос Макса: «Один Бог знает, что она может знать; мой ум подавлен, и не верят очи…»[82]

«Двадцать метров! Вы представляете себе, что чувствовали ребята, которым пришлось копать этот колодец? Ох, до чего же я люблю налоги, кредиторскую задолженность и центральное отопление». Потом голос Северин донёсся из сумерек: «Когда-то по ночам я любила смотреть на небо и мечтать о Солнечной системе».

«Пятьдесят с чем-то, всё в порядке! Я больше не буду говорить, сколько метров прошёл. Становится трудно понять. Я считал кирпичи, но теперь их нет, и, наверное, я всё равно запутался. Не то чтобы у меня была рулетка. Я просто буду говорить. Должно быть, уже не очень долго». Баритон Максимо, потрескивая и шипя, пропел: «Я сказал моей малышке, что на Венере не бывает дождей, я сказал моей малышке, что небо там розовое, как поцелуй…» — «Итак… как заставить

[82] Примечания: 82

Две цитаты из пьесы Шекспира «Макбет», принадлежащие соответственно придворной даме и врачу (пер. М. Лозинского).

пса прекратить рыть землю в саду? Отобрать у него лопату». Голос маленькой девочки обрушился на наши барабанные перепонки с небес: «Они все рассказывают историю мне…» — «Как зовётся четырёхсотфунтовая горилла? Сэр. Или как она сама захочет. Или это будет новый хит „Плантагенет Пикчерз“, я прав?[83] Как чудесно. Я могу просто притвориться, что вы все смеётесь. Намного легче, когда на тебя косо смотрит только грязь. О-о, тут улитка. Типа того. Она ядовито-розовая. И с ножками. Из этого, наверное, можно соорудить шутку. Как называется улитка с ножками?» — «Изыди, обманщик! Знай, с первым лучом зари я стану женой доктора Груэла!»

ЦИТЕРА: Даже по меркам Арло, это ужасная концовка для шутки.

ЭРАЗМО: Концовка была «Ползулюск». Тоже не блестяще. Нет, полевое радио начало терять связь с Арло, и другие трансляции как будто просачивались сквозь то, что он говорил. Семьдесят шесть мегагерц — всего лишь частота, причём популярная. Мы ничего на ней не ловили после

---

[83] Примечания: 83

Непереводимая шутка (и, возможно, отсылка к первым фильмам о Кинг Конге), основанная на жаргонном выражении «800-pound gorilla» («восьмисотфунтовая горилла»), которым обозначается человек или организация, неподконтрольные в своих действиях никакой другой инстанции.

того, как прибыли в Адонис, и не думали, что забитые частоты окажутся проблемой. Но микрофон «Эхо» повёл себя не очень-то хорошо после того, как Арло спустился ниже… ну, не знаю. Как я уже сказал, он перестал нам говорить о пройденном пути после пятидесяти метров. ЦИТЕРА: Не может такого быть, чтобы вы всё запомнили так хорошо.

ЭРАЗМО: Но я запомнил. Мы всё засняли и записали звук. Я всё прослушал где-то тысячу раз по пути домой. До того, как Макс отправился в свой маленький крестовый поход. Я всё помню так хорошо, словно читаю надпись вон на той стене.

Шланг закончился на ста восьмидесяти метрах, плюс-минус. Арло прокричал: «Не переживайте! Думаю, я могу спрыгнуть отсюда, если отсоединю шланг!» — «Знай же, что это не госпиталь, но мой корабль!» — «…заберусь обратно, привязав Горация; до дна тут совсем недалеко».

Мы все орали, чтобы он не отсоединялся, но он не мог нас слышать, я уверен, что не мог. Мы сами с трудом себя слышали. Мы услышали, как он спрыгнул, охнул и отряхнулся. Сказал: «Тут довольно сухо. Я думал, это колодец? Здесь лужи, и всё. Может, есть какой-то донный затвор? Но, Раз… Я не вижу Горация. Я буду искать! Тут столь-

ко места! Какие-то рисунки на стенах. Похоже на перья и решётки для игры в крестики-нолики, и, я не знаю, что-то вроде лошадей. Или раковины улиток. Прямо как в тех пещерах во Франции. Я почти не вижу потолок. В Адонисе был резервуар для воды? Если и нет, их песенка всё равно была спета. Здесь сухо как в склепе. Ни капли воды. Господи, это место просто длится и длится, прямо как Канзас…»

«Что такое Канзас?» — заорала Северин сквозь невыносимый шум. Отвратительные помехи выхватили это слово из радиотрансляции и швырнули по-над Кадешем, прямо в тусклые золотые облака. Оно взорвалось тихонько, словно фейерверк в соседнем городе.

«Канзас, Канзас, Канзас».

ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА

[Объектив прикрывает чёрная тряпка. Требование «отключить эту проклятую штуковину» было заявлено и проигнорировано, и всё же тряпка придаёт Кларе безобидный вид. По комнате движутся смутные тени. Виден силуэт сидящей шестнадцатилетней СЕВЕРИН, чьи волосы больше никогда не будут такими длинными.]

ПЕРСИВАЛЬ АНК

Это ради твоего же блага, мой бегемотик.

СЕВЕРИН

Не называй меня так. В этом доме стены покрыты ложью, а не обоями. Не надо приклеивать новый слой. Они не выдержат тяжести.

ПЕРСИВАЛЬ

Ада сказала, ты можешь пожить у неё, пока все не утихомирится. Мы уедем после Новогоднего парада. Если предпочитаешь квартиру в городе, наверное, можно что-нибудь устроить…

СЕВЕРИН

А как же Мэри?

ПЕРСИВАЛЬ

Мэри в этом году снимает собственный фильм.

СЕВЕРИН

[начинает плакать] Почему? Папа, я хочу остаться здесь. Это мой дом. Разве ты меня не любишь?

ПЕРСИВАЛЬ

Прямо сейчас я оказываю на твою жизнь разрушительное воздействие. И… ты на мою тоже. Я люблю тебя, но мы столкнулись со слишком серьёзными неприятностями.

СЕВЕРИН

О, неприятности всегда происходят. Вечно что-то случается. Находится причина, по которой я мешаю. Какой-то повод, чтобы держаться подальше от меня. Ну и что на этот раз?

ПЕРСИВАЛЬ

Люди… люди говорят, я кое-кого застрелил.

СЕВЕРИН

[СЕВЕРИН резко отстраняется.] Дядю Тада? [ПЕРСИВАЛЬ не отвечает.] Это правда?

ПЕРСИВАЛЬ

Ринни, всё очень сложно…

СЕВЕРИН

О господи.

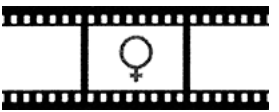
ПЕРСИВАЛЬ

[Тянется тс ней, его тень приближается тс её тени.] Дорогая, послушай.

СЕВЕРИН

Нет, не трогай меня. Позвони Аде. Я не задержусь в этом доме ни на секунду.

«~~ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ~~» «~~ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ~~» «СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»: ДОМ, ГЛАЗ И КИТ



Жил-был в Краю молока и жажды мальчик, который перехитрил своё предназначение. Знал он это или нет, но поступать таким образом опасно. Предназначение — это тебе не ноготь, который можно обрезать; оно всегда при тебе, мрачно ковыляет год за годом по твоим следам на двух деревянных ногах, с глиняной рукой, и ждёт, крадучись, вынюхивая шанс снова вернуться в игру.

Лишь один раз Анхис, которого все называли Мальцов ым Доктором, рассказал взрослому о том, что волновало его душу. Когда ему было восемь и он верил, что самые большие желания-которые-не-были-настоящими-желаниями остались в прошлом, маленький Мальцовый Доктор отправился навестить ведьму (которая на самом деле была не ведьмой, но раздражительной по-

жилой дамой, зарабатывавшей себе на жизнь в качестве претенциозной гадалки в Суде Париса, одном из самых больших городов в южной части Края молока и жажды, очень далеко от Адониса, где законы против ссор такие суровые, что даже лёгкая перепалка из-за счёта за ужин может стать поводом для изгнания). Ведьму звали Гесиод… впрочем, нет, на самом деле её звали не так. От рождения она была Башак Узун, но пыталась избавиться от этого имени с тех самых пор, как выросла достаточно, чтобы его произнести. Она перемерила много новых имён, прежде чем увидела имя «Гесиод» в красивой книге о древних эпохах Родины, места, где она никогда не бывала и не собиралась бывать. Имя показалось ей золотистым солнечным светом на коричневой, сухой земле, и она взяла его себе, как некоторые юные персоны берут какие-нибудь безделушки, стоит хозяину лавки отвернуться, — пусть даже это было мужское имя. Об этом она узнала гораздо позже, и к тому моменту ей было наплевать. Гесиод влюбилась в лихого ныряльщика и приехала из далёкого Суда Париса на ферму в Адонисе, который был в то время таким молодым, что даже не имел названия. Когда её муж умер в море — отросток мальцового кита коснулся его

легко, словно пальчик возлюбленной, — Гесиод взялась за старое, ибо предсказание будущего — это привычка, от которой непросто избавиться.

Анхис нанизал шесть форелей-не-форелей на толстую верёвку и принёс их с собой, чтобы заплатить за предсказание. Хижина Гесиод — с верандой, обдуваемой солёным ветром, с окнами из розового морского стекла — стояла на берегу Кадеша, и вид у неё был весьма самодовольный. Анхис постучал трижды, согласно традиции. Гесиод ему открыла; в её длинные седые волосы были вплетены кусочки скорлупы какаовых орехов и океанские маргаритки (то есть на самом деле не маргаритки, но синевато-серые, сиреневые, снулые анемоны, способные выжить шесть дней без воды). Мальцовый Доктор протянул ей свой дар — рыбу.

Гесиод без единого слова выковыряла рыбий глаз и съела. Наверное, он был вкусный, как и все глаза, ибо она пожала плечами и впустила Анхиса в дом, усадила его на стул из плавника-который-не-был-плавником и вытащила колоду карт. Она разложила карты на столе красивым веером, словно крупье в казино (а Гесиод успела поработать и крупье, когда была молодой). Ведьма-не-ведьма владела ещё и хрустальным

шаром, но никогда им не пользовалась, и он оброс безупречным покровом пыли. Он был ей нужен просто для шика, ведь людям нравится, чтобы у гадалки был хрустальный шар.

— Как тебя зовут? — угрюмо спросила Гесиод. Она не была угрюмой на самом деле, но людям нравятся ворчливые ведьмы. Дружелюбная ведьма не может ничегошеньки знать о том, как устроен мир.

— Мальцовый Доктор, — гордо ответил мальчик.

— Неправда, — фыркнула старуха.

Его маленькие плечи опустились.

— Я Анхис Кефус, мэм, — пробубнил он.

— Вот так-то, мальчик. Я всегда замечаю, если кто-то пытается обмануть своё имя, сдав его в утиль. Если твоё имя тебе не подходит, просто оставь его на обочине дороги для кого-то другого, кому оно больше понравится.

Ведьма-не-ведьма и мальчик-не-мальчик довольно долго сидели не разговаривая и не шевелясь. Анхис не знал, как ей объяснить свою жизнь. Когда он пытался всё облечь в слова, получалось глупо. Он поднаторел в том, чтобы разбираться в каких-нибудь вещах самому, ни о чём не спрашивая взрослых, и теперь ему было

трудно — и даже больно — поступать иным образом. Ему было восемь, и он считал этот срок достаточно долгим, чтобы привыкнуть к определённому образу жизни.

Гесиод закашлялась и достала сигарету (точнее, не сигарету, а самокрутку из обрывка газеты и смоляной, сильногорькой, солоноватой мальцовой ламинарии, которая была дороже пива, привезенного с Родины) из глубокой ложбины между грудями. Зажгла, и в комнате запахло сумахом, озоном, кофе и возможностями.

— Ты должен, знаешь ли, задать вопрос. — Она коротко рассмеялась. — Предсказание судьбы, при котором ты ничего не говоришь, стоит дороже рыбы.

Анхис вздохнул со всей тяжестью своих восьми лет.

— Мисс Гесиод, мне кажется, что я проклят. Может, дело и не в проклятии — может, я таким родился, как некоторые рождаются с русыми волосами, как-то так. Но у меня не русые волосы; у меня… это. По-моему, я этим обладаю с той поры, как был маленьким — ну, меньше, чем сейчас. Вот в чем суть проклятия, как я его понимаю, мэм: все, чего я желаю, не сбывается.

Прежде чем слова вылетели изо рта Мальцового

Доктора, они казались тяжелыми, клубящимися и важными, как Кадеш. Но с каждым словом, произнесенным перед Гесиод, он все сильней ненавидел то, как звучал его голос в этой дымной хижине, и еще сильней ненавидел слова, которые говорил. Слова были маленькими, и означали лишь то, что он сказал, а не то, что чувствовал, прежде чем произнес их. От досады он едва не заплакал.

— Ах ты глупая маленькая черепашка. Все дети так считают. Черт возьми, да я и сама иногда так считаю. — Ведьмы, даже те, которые на самом деле не ведьмы, любят сквернословить, и их клиентам это тоже нравится. Как правило, Гесиод старалась произносить не менее четырех ругательств за одну встречу.

Мальчик стиснул зубы.

— Нет, я не это имел в виду. У меня было много времени, чтобы всё проверить, и я проверил, тщательно, как люди из «Притхви» проверяют молоко на щёлочность. На мне действительно проклятие! Выслушайте меня, я принес вам рыбу!

Анхис успокоился, что было для него нелегко — и тогда, и потом.

— Пока что мне известно следующее: не имеет

значения, сильно я чего-то желаю или совсем несильно. Не имеет значения, важная это вещь или неважная. Я должен произнести желание вслух, или оно не идет в счет — если я о нем просто думаю, ничего не происходит, — но мне не надо говорить никаких особенных волшебных слов. Достаточно сказать «Хочу на ужин рисовые сосалки» или «Мне очень нужно…»

Но он не мог сказать вслух ничего из того, что хотел на самом деле, потому что очень боялся, что проклятие не поймет разницы между желанием и примером желания, которое он мог бы загадать, и рисовых сосалок, которые он действительно любил, на ужин можно уже не ждать. Он произнес следующие слова так быстро, как только мог, как будто, произнеся их с нормальной скоростью, мог всё испортить.

— И если я очень осторожен и желаю полную противоположность того, что хочу на самом деле, я получаю желаемое, и это, наверное, называется «лазейкой».

Гесиод задумчиво курила свою сигарету-несигарету.

— Насколько крупные желания тебе подвластны? Если ты пожелаешь, чтобы завтра взошло солнце, наступит конец света?

— Не знаю, я никогда не осмелюсь на такое!

— Пока не попробуешь, не узнаешь. — Карга пожала плечами.

— Я думаю… мне кажется, дело только в тех вещах, которые касаются меня. Или, по крайней мере, знакомых мне людей, — прибавил он поспешно, вспомнив девочку с чёрным хвостиком. — Это «локализованный феномен», — прошептал он, вспомнив фразу из одного учебника.

— Большие слова из уст маленького человечка. Если ты во всем разобрался, зачем тебе я? Есть у тебя вопрос или нету?

— Есть! Погодите! Да что ж такое…

Ситуация выходила из-под контроля, выскальзывала из-под ног, словно красный песок. Анхис сунул руку в карман рубашки и вытащил лист бумаги, на котором записал свой вопрос аккуратными, округлыми буквами, на случай, если запутается или расстроится.

— Что со мной произойдет? — прочитал он медленно, ровным голосом. — Будет ли так всегда? Лазейка настоящая? Что мне сделать, чтобы это прекратилось? — Он посмотрел на мясистые сиреневые цветы в волосах Гесиод, в её затуманенные катарактой глаза. — Со мной всё будет хорошо?

Гесиод относилась к картам для предсказаний в точности так же, как к картам в казино: у каждой было свое значение, которое менялось сообразно расположению на столе, и когда карта оказывалась рядом с другими картами, их совместное значение могло привести к выигрышу или проигрышу. Ей понадобился один вздох, чтобы сдать три карты из своей колоды.

Дом. Глаз. Кит.

На Доме была хижина, которая выглядела, как хижина Гесиод, только состояла целиком из замков: замки заменяли двери, окна, и крыша была покрыта замками вместо тростника. Дом стоял, весь в замках, под небом, полным звезд, и у некоторых звезд были лица, чьи глаза подозрительно глядели вниз. На карте под названием Глаз были изображены три пожилые дамы. У всех были белые волосы, которые достигали земли и походили на колонны. Одеты они были в серебро, и на глазах у них были повязки. У средней в протянутой руке лежало глазное яблоко с зеленой радужкой. НаКите был мальцовый кит, но не такой, каким рисовал китов Анхис. Он выглядел камнем, завернутым в траву, только вот травинки имели форму павлиньих перьев, и на них тоже были глаза.

Гесиод рыгнула. Рыгать ей нравилось почти так же, как сквернословить, но вот ее клиентам рыгание было не очень-то по душе.

— Провалиться мне в гребаный ад, пацан. — Она вздохнула. — Лишь из-за того, что все идет не так, как тебе хотелось бы, не стоит думать, будто ты проклят. По-твоему, я не хотела состариться с моим Искендером, родить ораву детишек и добыть достаточно молока, чтобы хватило на дом с центральным отоплением? Думаешь, я не хотела быть счастливой? Думаешь, каждая из тех стран, что здесь приземлились, не мечтала всё забрать себе и дать остальным пинка под зад? Мир состоит из желаний, Анки; каждый первый засранец всё время чего-то хочет, и собачья работа — говорить, кто получит свое желание, а кто нет, потому что все желания сталкиваются друг с другом тысячу раз в минуту, и рассортировать их можно только в аду, если вообще можно. Если бы ты пожелал, чтобы завтра взошло солнце, твое желание столкнулось бы с миллионом унылых недотёп, желающих, чтобы этого не случилось, и как бы всё ни обернулось на рассвете, нельзя сказать, кто добился своего. Но большей частью никто не добивается. Они желают добра, а получают горсть дерьма, и я знаю, что ты юный, но

ты достаточно взрослый, чтобы понять меня правильно. Если на тебе проклятие, малыш, то оно есть на всех нас. Не желаю слышать твои жалобы до того, как у тебя вырастет борода. Ты понятия не имеешь, как это трудно — терять свои мечты. Ты достаточно молод, чтобы считать, будто времени, событиям и желаниям присуща логика. Это мило, но я уже вышла из того возраста, когда принято умиляться.

Анхис даже глазом не моргнул.

— Что говорят карты? — спросил он с каменным лицом и горящими щеками.

Гесиод опять рыгнула.

— Они говорят, что ты никогда не получишь того, чего желаешь, и тебе придётся просто смириться с этим, как и всем остальным.

Снаружи, за сияющими малиновыми бурунами, тюлени-не-тюлени лаяли свои грубые песни, словно колокола, зовущие к обеду, и никогда больше Мальцовый Доктор не рассказывал взрослым о том, что знал.

По мере того как шли июльские годы, Анхис

становился старше — и всё сильней его охватывало желание увидеть лик мальцового кита. Дело было не в том, что такое ещё никому не удалось, но в том, что маленький Мальцовый Доктор был убеждён, что всякое существо с лицом должно быть живым, живым в том смысле, в каком был жив он сам, его родители, бригадир на фабрике «Притхви», и какао-танцоры на Фестивале ореховых пирогов, и политики в атласных костюмах на станции Белый Пион; в том смысле, в каком девочка с чёрным хвостиком живой больше не была. Лицо было тем, что хранило саму суть жизни. Оно было той частью, которая демонстрировала печаль и смех, гнев и досаду, а также изумление. Другие части ощущали всё это, но лицо не просто ощущало, но объявляло. Как выглядел изумлённый мальцовый кит? А печальный? А если рассказать анекдот, по-настоящему хороший анекдот, лучший анекдот в мире, и он рассмеётся? Анхис должен был узнать. В свои десять лет Анхис чувствовал, что если умрёт, так и не разгадав эту тайну, кости его черепа будут сведены в гримасе скорби. Любой, кто сотню лет спустя выкопает его останки, посмотрит на череп и скажет: «Этот человек скончался, так и не обретя лучшую часть своей души».

Но ему было всего лишь десять лет, и он ещё не обзавёлся собственным водолазным шлемом.

Когда Адонис начал готовиться к Фестивалю ореховых пирогов холодного, неурожайного года тринадцатого июля, случились одна за другой три вещи. Словно предрассветная дремота, следующая за сновидениями, каждая из них оканчивалась желанием, которое Мальцовый Доктор не собирался загадывать, и, словно утро, следующее за предрассветной дремотой, каждое желание обрисовало границы вокруг территорий его оставшейся жизни.

Старейшины посёлка Адонис, сблизив косматые головы и объединив крепко завязанные кошельки, запланировали на тот год кое-что особенное для Фестиваля ореховых пирогов, ибо это был десятый фестиваль, а также по той причине, что год оказался не столь благосклонным, как Третье-Июля: амфоры наполнились лишь на три четверти, коровы-не-коровы вели себя угрюмо и упрямились, и каждая вторая скорлупа какаового ореха была пустой. Нужно было всех подбодрить. Старейшины послали в Парвати — ещё один посёлок в Краю молока и жажды, расположенный глубоко в самых густых и красивых джунглях — за семью бочками сидра (то есть на самом деле

не сидра, но дурманного, душевного, дивного зелья цвета перьев фламинго, благодаря которому Парвати уже становился знаменитым, поскольку его варили из яблок, которые на самом деле были не яблоками, но свежими, светлыми, сахарными ягодами, и росли только в самых защищённых и тенистых лесах в Краю молока и жажды). Они послали в посёлок Дагомея на склоне горы Нейт, где произрастает дикая плюмерия (то есть на самом деле не плюмерия, но благоуханный, броский, благодатный цветок, окрашенный в цвет заката, который пахнет свежевыпеченным хлебом и бывает только женского рода), за двенадцатью взрослыми особями мотыльков самди, которые представляют собой мужской род того же вида, что и плюмерия-не-плюмерия. Каждое лето бутоны плюмерии-не-плюмерии раскрываются на склонах горы, и тысячи огромных блестящих чёрно-зелёных мотыльков-не-мотыльков вылетают из материнского лона в мир. Одним крылышком мотылька самди, как следует зажаренным на костре из травы, можно накормить двадцать человек, и останутся объедки для собак. И, наконец, старейшины Адониса послали на станцию Белый Пион за тремя драгоценными сокровищами, такими дорогими, что их нельзя было купить,

только взять в аренду по грабительским ценам, с трижды подписанными долговыми обязательствами, согласно которым всё надлежало вернуть в неиспорченном виде. Одно сокровище было белым, другое — серебристым, третье — чёрным. Одно — огромное, другое — жутко громкое, третье — на вид ничего особенного, но дороже первых двух вместе взятых.

Первым сокровищем, белым и громадным, был киноэкран.

Другим, серебристым и жутко громким, — кинопроектор.

Третьим, чёрным и неказистым на вид, оказался фильм в виде витков плёнки, спрятанных в плотно закрытые жестяные контейнеры, похожие на священные сосуды с пряностями, похороненные внутри пирамид на Родине.

Старейшины держали название фильма в секрете, чтобы все, кто не был старейшинами, могли с удовольствием узнать, в чём он заключается, в тот момент, когда сидр ударит им в голову и мир покажется весьма симпатичным. Они долго и рьяно спорили по поводу того, какой фильм заказать на станции Белый Пион — он должен был понравиться детям, но и не наскучить взрослым, он должен был оказаться не слишком печаль-

ным, но и не слишком весёлым, не слишком претенциозным, но и не слишком глупым. До этого только пять человек в Адонисе бывали в кино, и все — в юности, когда впервые прибыли на станцию Белый Пион, или сектор Айдзэн-Мё, или в Суд Париса, а кое-кто даже Дома. Адонис был слишком маленьким и занятым для подобных развлечений. Наконец они остановили свой выбор на фильме Персиваля Анка, чьё имя, как помнили старожилы, сверкало на козырьках над входом в синематографы Белого Пиона и Айдзэн-Мё. Фильм назывался «Девушка, которая рассмешила Судьбу», и в нём был осьминог.

Мальцовый Доктор вместе с мамой, которая опять была на сносях, отцом, маленькой сестрой и двойняшками трепетал от предвкушения. Анхис прочёсывал холмы вдоль и поперёк в поисках стручков какао, внутри которых дребезжали бы семена. Он тыкал острогой в воду возле пирса для купания, поймал четыре красивые рыбы и сам закоптил форель цвета тёмного вина. Он согнал казуаров с гнёзд, не обращая внимания на их вопли и шум, удрал от самки, которая орала ему вслед: «Цао ни найнай дэ, ни гэ ванбадань гоуцзачжун! Сыцзэй, ни гэй во гунь хуэйлай, во не сы ни гэ гуйсуньцзы!», и принёс домой столько яиц,

сколько поместилось в передник, сооружённый из нижней части школьной рубашки. Все другие дети внесли свой вклад, блуждая по тропинкам джунглей в осенних сумерках, хихикая в полутьме, гоняясь за дикими поросятами (то есть на самом деле не поросятами, но миниатюрными, тощими олешками чёрного цвета, с шестью ногами, длинными рылами, которые всё время что-то искали, и ещё более длинными зубами, а мясо у них было пряное на вкус). Анхис пытался их всех превзойти, прочёсывая пляж в поисках живых гребешков (которые на самом деле не гребешки, а на вкус как горьковатые манго), и мидий (которые на самом деле не мидии, но скользкие, серовато-жёлтые, сидящие-в-раковинах моллюски, чьё мясо не ядовито лишь на протяжении осени).

После целого дня выкапывания мидий-не-мидий и вытаскивания трубачей-не-трубачей из камней Анхис что-то увидел на пурпурном и розовато-лиловом песке. От этого он замер на месте. Перестал дышать. Он узнал эту штуку быстрее, чем узнавал собственное лицо в зеркале. Он когда-то давным-давно это нарисовал и в уме видел так ясно, словно то была фотография.

Перед ним лежал отросток мальцового кита.

Штуковина была цвета меди и длиной в три рыбацкие лодки. Она лежала на пляже, словно мёртвая змея, нарисованная в углу какой-нибудь старой карты. С неё ниспадали тонкие, длинные волоски и похожие на толстые лозы стебельки, и каждый волосок и стебелёк разветвлялся, как коралл или лист папоротника. Складки кожи, точно цветы и листья, серебристые и мшистые, как ярь-медянка, беспомощно хлопали в пенистой, спокойной воде. Огромный газовый пузырь, осушенный, сморщенный и пустой, медленно утопал во влажном песке. Анхису показалось, что он видит внутри мигающие тусклые огни, похожие на глаза, которые открывались глубоко под кожей пузыря, если это была на самом деле кожа. Ни одна из морских птиц (которые на самом деле не птицы) и ни один из суетливых крабов (которые на самом деле не крабы) не приближались к этой штуке.

Анхис долго пялился на отросток. Внутри вяло вспыхивали огни, ярко-зелёные и ослепительно-синие. Он был всё ещё тёплым. И всё ещё влажным. От него исходил запах, в котором перемешалась тысяча других запахов, так много, что он даже не мог рассортировать эту вонь на части и позже сказать, на что она была похожа. Тень

существа была густой и широкой.

— Привет, — сказал Мальцовый Доктор, и в тот момент он действительно не мог припомнить какое-нибудь другое имя, коим его могли бы называть за всю историю мира. — Приветик.

Отросток не ответил. Огни, если это были огни, не сделались ни ярче, ни тусклее. Морская вонь от существа не стала ни слабее, ни сильнее. Был ли мальцовый кит всё ещё жив? Он заболел? Ему больно? Мальчик никогда не слышал о том, чтобы отростки выкидывало на пляж. Отростки не отваливались, как щетинки из щётки. Ныряльщики, которые случайно их касались, возвращались домой в синяках, как будто боксировали с поездом. Или без рук. Или без глаз. Или исполосованные шрамами от ран, которых им никто не наносил. Или вообще не возвращались.

Мальцовый Доктор нерешительно протянул руку вперёд. Обнажённую руку — у него не было перчаток ныряльщика или сетчатого костюма, только розовые пальцы из плоти и крови. Его ладонь застыла над кожей огромного отростка. Он ничего не почувствовал, кроме тепла, которое поднималось над существом, как пар над чаем. Он убрал руку и понюхал; пахло Анхисом и больше ничем. Он снова попытался, чуть

сильнее приблизившись к этой медноцветной Мальцовой плоти. Ничего — и он приблизился ещё, чуть-чуть, от нетерпения напрягшись всем телом. Когда его пальцы наконец-то застыли на волосок от китового отростка, Мальцовый Доктор ахнул. Между его рукой и существом пробежало что-то вроде электрического разряда кислотно-ржавого цвета. Какая-то невидимая, вялая сила оттолкнула его. От этого в его разуме возникли цвета, цвета без названий. Всё его тело это почувствовало и выдало подряд все инстинктивные реакции, на какие только было способно: гусиная кожа, дрожь, пот, трепет в желудке, ускоренное сердцебиение, расширение зрачков до огромных чёрных дыр на его лице; волосы и кое-что ещё встали дыбом. Но это было не больно. Обе руки, оба глаза остались при нём. Никаких синяков или шрамов. Это было даже приятно, хотя и казалось чем-то запретным — вроде опускания пальцев в воск отцовских свечей.

«Может, это потому что он умирает. Может, это потому что у него больше нет кита».

Мальцовый Доктор закрыл глаза. Ему не хватало смелости, чтобы на самом деле коснуться существа. Так что он просто расслабил руку.

Она упала на плоть мальцового отростка с ти-

хим влажным «шмяк!».

Мальцовому Доктору показалось, что он плывёт в ржаво-кислом электрическом треске, посреди красок, не имеющих названия. Он почувствовал себя так, словно ни разу в жизни ему не было по-настоящему тепло, пусть даже Край молока и жажды — жаркое, влажное и душное место. Он рассмеялся и заплакал, всего понемногу. Он приветил это чувство, как привечают собаку. Он задрожал и зачесался, напрягся и задохнулся, и всё у него заныло. Но он бы не променял эту ноющую боль ни на одно облегчение, какое знал, и решил, что игра стоит свеч. Мальчик, который любил мальцовых китов, погладил отсечённую конечность любимого существа. Он ей что-то прошептал. И спустя долгое время маленький Мальцовый Доктор свернулся клубочком в медноватом изгибе отростка; укрылся тонкими, мягкими волосками; и заснул в умирающих объятиях. Последние отблески призрачных огней легли на его кожу, озарив его мечты.

— Я хочу, — прошептал он, отбывая к утёсам сновидений, — хочу, чтобы я никогда не увидел твоего лица, никогда не взглянул тебе в глаза, никогда не узнал тебя по-настоящему.

И каждую последовавшую ночь, пока китовый

побег гнил, он спал в его величественных опадающих витках и никому об этом не рассказывал. Гнилая плоть, опадающая и вздувающаяся, пахла для него, как материнские бисквиты из мальцового молока; и сигареты Гесиод; и макушки новорождённых двойняшек; и толстая, хорошая бумага, на которой столько всего нарисовали, что она почернела от края до края.

Когда на площади в центре посёлка объявили, что адонисцев всех возрастов приглашают принять участие в прослушивании для секретного фестивального проекта, который готовили старейшины, Анхис тщательно следил за тем, чтобы желать не слишком сильно. Он всем сообщил, что это глупость какая-то, и ему роль ничуточки не нужна. В назначенный час он явился, нацепив на лицо маску безразличия; и таким образом, когда учительница, ответственная за всё загадочное действо, выбрала его вместе с ещё тремя детьми, милой ныряльщицей с необычайно прямыми волосами и высоким, поджарым молочником, он не смог подавить потрясение. Мальцовый

Доктор бегал по кругу, его маленькое сердце не могло удержаться на месте, когда происходило столько всего.

И потому Мальцовый Доктор увидел фильм в числе первых. Они все прошли по пляжу несколько миль, пока не убедились, что никто из оставшихся в посёлке не увидит света. Потом, сгрудившись, они посмотрели «Девушку, которая рассмешила Судьбу», чтобы после разыграть сценки из неё на Фестивале. Это был третий фильм в цикле про Мистера Бергамота, и внезапно все дети-актёры оказались поглощены догадками о том, что могло произойти в других фильмах. Но Мальцовому Доктору на это было наплевать. Он смотрел, с застывшей гримасой изумления, как люди, которых на самом деле не было, двигались и танцевали, безмолвно, в серебре. Он шикнул на тюленей, когда они разлаялись, чтобы лучше услышать тишину — и лучше разглядеть лицо девушки, которая рассмешила Судьбу.

Девушку звали Ромашка, и хотя её играли две разные актрисы, мальчик, чьи желания никогда не исполнялись, увидел лишь одну. Маленькую Ромашку играла низенькая, угрюмая девочка с растрёпанными тёмными волосами и кислым выражением лица. Она всё время выглядела

несчастной, но когда танцевала или шла, её тело как будто вспоминало всю радость, о которой забыло лицо. Её в фильме было мало — Ромашка выросла, и место девочки заняла актриса постарше, поярче, поживее. В своей главной сцене маленькая Ромашка сделала платье из маков и бегала по полю пшеницы (Анхис понятия не имел, что такое пшеница — он решил, что это какой-то волосатый рис-переросток) с игрушечными волчьими ушами, приделанными к голове, пока не врезалась в высокую, строгую, красивую даму с короной на голове и в длинном чёрном платье, которое в достаточной степени демонстрировало округлость груди, чтобы Мальцовый Доктор покраснел до корней волос. Появилась карточка для титров с надписью: «Лучше бегите, ваше величество, а не то я вас съем!» Ромашка зарычала по-волчьи, демонстрируя маленькие, ровные зубы, и дама рассмеялась.

Остальное было про Ромашку постарше и про то, как Судьба помогла ей совершить фантастические вещи, потому что Ромашка её рассмешила, а это нелёгкое дело, с чем Анхис был согласен. Ромашка спаслась от мерзкого принца, который хотел на ней жениться, и отправилась в Подводное Шале, где подружилась с осьмино-

гом-джентльменом по имени Мистер Бергамот и морским коньком по имени Миссис Улун, и вместе они участвовали в необычайных приключениях, сражаясь с подводными лодками и морскими дьяволами, и в конце концов Ромашка превратилась в русалку, и ни за кого не вышла замуж, но всё равно стала Королевой Океана.

После фильма Анхис ни о чём другом не говорил, кроме девочки, которая надела волчьи уши и платье из маков. Остальные за это его дразнили и говорили, что Мальцовому Доктору с его симпатичной физиономией стоит отправиться искать её на Родине. Разве он не хочет с нею встретиться и проверить, научилась ли она улыбаться? Может, если он бросит монету в колодец и загадает желание…

— Нет! — вскричал Анхис посреди сумеречного пляжа, весьма испуганный. — Нет, я никогда и ни за что не хочу с ней встречаться, ни в коем случае! Надеюсь, я никогда не увижу её на самом деле, ни разу, ни на миг!

И он побежал обратно в Адонис, и сердце в его груди кричало.

В ночь Фестиваля ореховых пирогов Адонис наелся до икоты, напился сидра и насладился мотыльковыми стейками, жареными ореховыми пирогами, меренгами из мальцового молока и пирожками с поросячьим мясом и сладким заварным кремом из яиц казуаров. К моменту, когда установили проектор и экран натянули ровно, без единой морщины, и рядами расставили скамьи перед башней из водолазных шлемов, отмечавшей центр Адониса, весь посёлок уже стонал, похлопывал себя по животам и рассказывал старые шутки из Дома про цыплят и дороги, про лошадей с унылыми лицами, которые приходят в бар, пусть даже никто толком не знал, что такое «цыплёнок» или, если уж на то пошло, «лошадь». «Дорога — это что-то вроде реки, да? Или канала». В Краю молока и жажды больше воды, чем суши, и течение куда удобнее колес. Сама Гесиод была счастлива, как сборщик налогов, рыгала и орала и пела на турецком таким глубоким и красивым голосом, что даже те, кому английский был родным, прослезились.

И вот наконец воцарилась тишина. Иногда

без лишних слов понятно, что час представления настал. Заиграла скрипка — а потом альт, а затем большой щебечущий контрабас, за которым последовали цитра, балалайка и кото[84]. Присоединились кларнет и гобой. Над всем этим витал голос одинокой трубы. Снизу стонала туба с большим брюхом. Это был пёстрый оркестр из всех инструментов, какие нашлись в Адонисе. Они начали играть энергичный марш, который, как на станции Белый Пион заверили старейшин, был тем самым, какой оркестры в больших городах играли, когда в тамошних кинотеатрах состоялась премьера «Девушки, которая рассмешила Судьбу». (На самом деле было не так. На самом деле это был марш из титров совсем другого фильма, «Происшествия на Миранде», но только одному человеку в Адонисе предстояло об этом узнать.)

И когда появились карточки-титры с их симпатичными белыми надписями на чёрном фоне, Анхис и остальные начали читать их вслух, так что фильм вовсе не был немым.

«Лучше бегите, ваше величество, а не то я вас съем!»

---

[84] Примечания: 84

Кото — японский щипковый музыкальный инструмент.

«Я лучше выйду замуж за гриб!»

«О, как бы мне хотелось увидеть, как рыбы живут на дне морском!»

Анхис произносил реплики мистера Бергамота. Он говорил низким голосом, который, как ему казалось, подходил осьминогу — уродливому существу, в истинность существования которого не верилось. Один раз он произнёс реплику через миску воды, и всех это рассмешило. Когда они смеялись, он испытал приятную дрожь, словно купался в Кадеше. Когда мистер Бергамот танцевал на экране в своих блестящих гетрах, Анхис тоже немного потанцевал, и публика снова рассмеялась. Это было чудесно.

«Ты забавная рыбка».

«Выше нос, рыбка-ёжик. Просто набери воздуха, сделайся больше размером, чем твоя печаль — испугай её, пусть бежит прочь. Только так и можно жить в этом ужасном старом океане».

«Моя любовь к тебе больше, чем океан».

Но когда дошло до кульминационной сцены — той, где мистер Бергамот и миссис Улун и Ромашка уплывали через обломки затонувшего корабля, спасаясь бегством от злобного морского дьявола доктора Дарджилинга, и казалось, что им не на что надеяться, девочка с косичками,

которая должна была читать реплики Ромашки, заснула у ног игравшего на тубе.

Учительница сделала знак Анхису, чтобы он прочитал её слова, пусть это и было немного странно, поскольку он был мальчиком и должен был к тому же читать следующую реплику. Он попытался заговорить высоким и мягким голосом, как девочка, как, по его мнению, должна была говорить Ромашка.

«Я хочу, чтобы ночь закончилась и я снова увидела рассвет. Я хочу остаться здесь навсегда, с тобой, на морском дне».

Кровь отхлынула от лица Мальцового Доктора. Он прижал ладонь ко рту.

Где-то далеко от берега алый Кадеш содрогнулся.

Ночь закончилась в Краю молока и жажды. Но не в Адонисе. И не для Анхиса.

ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА АНКА

[Полутёмный экран. СЕВЕРИН АНК пробудилась от кошмара посреди ночи. Ей пять лет. Её отец сидит рядом на кровати, напоминающей огромную кованую беседку из колючих ветвей, на которой по причине лунной осени громоздятся вышитые лоскутные одеяла и бесконечное множество подушек. СЕВЕРИН в ней утопает; она маленький кораблик, дрейфующий в море постельного белья. ПЕРСИВАЛЬ АНК обнимает дочь длинными руками.]

ПЕРСИВАЛЬ

Не бойся, мой бегемотик. Сны иногда пугают, но они не могут причинить тебе вреда.

СЕВЕРИН

Могут! Ох, папа, могут. [Она начинает тихонько плакать.]

ПЕРСИВАЛЬ

Поведай папе, что тебе такого ужасного приснилось. Когда происходит что-то по-настоящему жуткое, такое жуткое, что ты не в силах это вынести, можно воспользоваться волшебным трюком. Расскажи эту жуткую историю от начала до конца, и когда доберёшься до финала, то, вполне возможно, поймёшь, что очень даже можешь всё вынести, и, вероятно, всё было не так плохо, как тебе показалось сперва.

СЕВЕРИН

Мне приснилось, что я выросла и оказалась совсем одна. Я была самой одинокой девочкой в целом мире.

ПЕРСИВАЛЬ

И это всё?

СЕВЕРИН

А разве этого мало? Я была в маленькой тёмной комнате, и куда бы ни пошла, брала эту комнату с собой, и никто не мог в неё войти, а я не могла выйти.

ПЕРСИВАЛЬ

Это очень короткая история. Не знаю, работает ли магия с такой короткой историей. Тебе стало лучше?

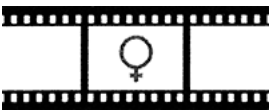
СЕВЕРИН

Нет. Мне уже никогда не будет лучше.

ПЕРСИВАЛЬ

Нет, любовь моя, будет. Солнце взойдёт и озарит ярчайшим светом страшных старых монстриков, которые резвятся в твоей бедной головушке, и всё опять сделается красивым, как радуга. Для этого солнце и предназначено.

«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ» «ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ» «СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»: ЧАЕПИТИЕ С МИСТЕРОМ БЕРГАМОТОМ



Есть истории очень старые и очень сильные: они пустились в странствия из Родины в Страну, видящих и тех, кого видят, в Край неистовых ранчеро, в Край пурпурной кукурузы и в Край молока и жажды. Истории эти путешествовали безбилетниками: прятались в кораблях с переселенцами, выходили подышать и размять мышцы только в случае крайней необходимости. А когда корабли приземлялись, истории, собрав всю силу, вырывались на свободу и мчались во все стороны, переодевались в местную одежду и плясали на сценах, носили цветы в волосах. Истории — они такие. Они любят беспорядок, в особенности если устраивают его сами.

Многие из этих историй связаны со сном. Это потому, что мы все боимся спать. Мы пронизаны

этим страхом до глубины души, до мозга костей. Пантера, медведь, кроманьонец находят спящего ребёнка. И вот мы рассказываем историю о девочке, которая уколола палец о навигационный прибор и заснула на сто лет. О девочке, которая съела яблоко, которое не было на самом деле яблоком, и погрузилась в глубокий сон, пока красивый бизнесмен с патентом на «Клин-Кроп»[85] не пришёл и не поцеловал её — тогда она проснулась. О мудром учёном, который отдал все свои записи просто так, и ассистент навеки погрузил его в сон внутри дерева.

С Анхисом, Мальцовым Доктором, всё вышло по-другому.

Он не уколол палец и не съел яблоко — ни настоящее яблоко, ни какое-то ещё. Он не отдал свои волшебные книги.

Просто сотня тонких, длинных, медно-золотых волосков запуталась в его собственных волосах, прилипла к коже, прицепилась к ботинкам. Просто пахло от него сумахом, озоном, кофе и возможностями; и маминым супом-пюре из мальцового молока; и сигаретами Гесиод; и макушками новорождённых двойняшек; и толстой,

---

[85] Примечания: 85

«Клин-Кроп» (Kleen-Krop) — разновидность гербицида.

хорошей бумагой, на которой рисовали снова и снова, пока она не почернела от края до края. Просто он не был голоден и не мечтал о мотыльковых стейках, или жареных ореховых пирогах, или поросячьих пирожках, или заварном креме из яиц казуаров, и набил желудок меренгами из мальцового молока, сыром из мальцового молока и абрикосами (то есть на самом деле не абрикосами, но красновато-чёрными, красивыми, карамельными фруктами, которые съёживаются, когда человеческая рука пытается их сорвать), и яблочным пудингом из мальцового молока, и бланманже, и китопудингом, и сабайоном, и китногом, и всякими другими яствами, в которых были сливки, молоко и сыр, всё из мальцового молока, жирного, пряного и бесцветного, которое добавляли не жалея. Он так наелся впервые за всю свою жизнь. Он ел, словно хотел заполнить свободное место даже внутри костей.

В историях-безбилетниках, вроде этой, решение часто оказывается простым. Слишком простым, чтобы о нём догадались раньше времени, и королевство успевает заснуть, и все прялки сжигают, и гномы сооружают стеклянный гроб, и волшебника хоронят в основании замка. «Ох. Ох. Я должен был догадаться. Если бы я только знал».

Мать знает, как пахнет её ребёнок. Даже когда она больна, даже когда она сошла с ума, даже когда она не видит собственной руки перед собой, она узнает своё дитя. Своё бедное, маленькое дитя — да что же приключилось с этим ребёнком? Он такой маленький, невероятно маленький — такой худой ребёнок не может быть здоровым. Что она может сделать, что же в её силах, чтобы он вырос? Чтобы стал сильным, чтобы стал правильным? Нет ничего важнее, чем дитя, настолько больное, что у него всего лишь четыре жалких, иссохших отростка, и желудочек такой малюсенький, что и глоток молока не поместится.

«О, телёночек, бычок, припади к нашей груди. Мы не заметили тебя. Это не твоя вина, бедный ягнёночек. Мы сами виноваты. Стой спокойно. Не ёрзай. Мы всё исправим. Мы поцелуем, поцелуем, поцелуем — и больше не будет болеть. Больше ничего не будет болеть».

Мальцовый Доктор не заснул на сто лет. Он заснул на десять. Но спал он не по-человечески.

Никто не подоткнул ему одеяло и не сказал: «Закрой глаза, мой дорогой, — не открывай, не подглядывай. Помолись. Считай овец, которые на самом деле не овцы. Тише. Спи». Сон его был сном мальцового кита. А во сне кит может двигаться, может вздрагивать. Сон кита не похож на наш, апатичный, глубокий, распластанный и смертеподобный сон приматов. Это даже и не сон на самом деле. Это острый, вертящийся кончик меча, который колет поверхность мира в сотне мест сотню раз (хотя на самом деле он своими прикосновениями вырезает воистину бесконечную, неосязаемую инталию[86]), но никогда не рассекает её насквозь.

На самом деле это не сон. И не молоко. И не кит.

Поместите плёнку в проектор. Прокрутите вперёд. Стоп. Прокрутите назад. Стоп. Прокрутите вперёд опять. Теперь вытащите и засуньте обратно поперек. По диагонали. Сложенной пополам. Сложенной втрое. Вчетверо. В двенадцать раз. В тысячу четыре раза. Поместите её перед источником света. Прокрутите вперёд. Стоп. Прокрутите назад.

---

[86] Примечания: 86

Инталия — разновидность резьбы по камню.

Вот как спит мальцовый кит. Это похоже на сон. А ещё — на прыжки. Это сон, смахивающий на пантеру.

Но мальцовым китам всегда, всегда снятся сны.

Вот что снилось Мальцовому Доктору у его прялки, в его стеклянном гробу, в корнях его дерева:

Киты путешествуют небольшими стадами. И Мальцовый Доктор путешествовал с ними. Море, по которому он плыл, было всех цветов. Он не чувствовал ни рук, ни ног, но знал, что они у него есть. Он плыл без усилий. Он ощущал себя большим. Мальцовый Доктор нырял и кружился в волнах, и каждая волна была таким же краем, как его собственный Край молока и жажды, но он не остановился, он не мог остановиться, чтобы их разглядеть.

Рядом с ним плыл кит, который на самом деле был не китом, но угрюмой девочкой с растрёпанными тёмными волосами и кислым выражением лица. Она была в платье из маков, и её тело было одновременно телом кита и телом ребёнка, как и его собственное. Она повернулась к нему в Море Всех Цветов и сказала:

«Лучше бегите, ваше величество, а не то я вас

съем».

Он поплыл быстрее рядом с нею. Быстрее, и ещё быстрее. Она была такой стремительной.

«Разыщи меня через два года», — бросила она через плечо и взмахнула плавниками, которые не были на самом деле плавниками.

«Но я тебя уже разыскал», — ответил он.

И тут оказалось, что она сидит на дне Моря Всех Цветов, расправив вокруг себя подол кружевного платьица, и оранжевые бутоны то раскрываются, то закрываются, словно кровавые целующие рты. Вода колыхала её волосы, и они веером разошлись вокруг её головы, словно корона из чёрных змей. Она нарисовала что-то на песчаном океанском дне палочкой. Вот что она нарисовала:

Она взглянула на него и спросила:

«Мы будем тут жить всегда?»

«Наверно».

Маленькая девочка вздохнула. Пузырьки по-

плыли из её рта.

«Есть тот, о ком я скучаю».

«Я много о ком скучаю», — сказал Мальцовый Доктор, окинув взглядом море.

Девочка кивнула.

«Ты знаешь, что это за место?»

«Здесь живут киты».

«Да», — сказала девочка, хоть он и не понял, рада ли она этому.

«Ромашка?»

«Меня зовут не так».

«А как тебя зовут?»

«Северин».

«Северин?»

«Да?»

«Мне кажется, мы больше не в Канзасе».

Северин вздрогнула. Посмотрела на него странно, как будто чего-то ожидая. Её голос сделался резче, взрослей.

«Почему ты это сказал?»

«Не знаю. Мне показалось, так надо».

«Ты это сказал, как будто что-то цитировал. Что такое Канзас? Это планета?»

Мальцовый Доктор вдруг растерялся. Он забыл, как надо плыть в Море Всех Цветов, и резко опустился на песок рядом с Северин.

«Ну, не знаю. Возможно. Звучит красиво».

«Может, это одно из других мест».

«Каких других мест?»

«Мистер Бергамот живёт повсюду».

«О чём ты говоришь?»

Она взмахом руки указала на мальцовых китов над их головами — киты были огромные, словно солнца, и плыли, плыли по кругу, вечно.

«Мистер Бергамот любит пить чай. За чаем он ест миры. И салат с яйцом».

«Я чувствую себя таким одиноким», — прошептал Мальцовый Доктор.

«Не стоит. Есть миллион миллионов миров, с которыми можно играть».

«Мне одиноко», — прошептал он опять, потому что не знал, что ещё сказать.

«Всё хорошо», — ответила Северин. Она положила маленькие ручки ему на плечи. Цвета моря-не-моря стали такими яркими, что Северин и Мальцовому Доктору пришлось закрыть глаза, которые на самом деле не были их глазами. Мальцовый Доктор вгляделся в волны-не-волны и увидел мальцового кита — тысячи китов, которые плыли сквозь буруны. Они взглянули на него в ответ как единое существо, их бесконечные лица-не-лица сияли, словно звёздные вспышки,

словно первый кадр безупречного фильма — невозможного фильма, законченного фильма.

«Всё хорошо, — сказала Северин. — Я здесь. Ты наконец-то пришёл домой».

Часть четвёртая: ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ

Сразу, как только тебя я, богиня, увидел глазами,

Понял я, кто ты, и понял, что ты мне неправду сказала.

Зевсом эгидодержавным, простершись, тебя заклинаю:

Не допусти, чтоб живой между смертных я жить оставался

Силы лишенным. Помилуй! Ведь силы навеки теряет

Тот человек, кто с бессмертной богинею ложе разделит![87]

Гомер. Гимн к Афродите

---

[87] Примечания: 87
Пер. В. В. Вересаева.

Фотография — это тайна, внутри которой есть другая тайна. Чем больше она вам говорит, тем меньше вы знаете.

Диана Арбус

Старушка в домике жила,
В холмах был домик тот.
И коль она не умерла,
Как прежде там живёт.

Матушка Гусыня

«СИЯЮЩАЯ КОЛЕСНИЦА, ВОРОБЬЯМИ ТВОИМИ ВЛЕКОМАЯ»

(«Оксблад Филмз», реж. Северин Анк)

С4 НАТ. АДОНИС, ЛУЖАЙКА В ЦЕНТРЕ ПОСЁЛКА — 16 ДЕНЬ ПОСЛЕ ПРИЗЕМЛЕНИЯ, СУМЕРКИ, 08:49 [3 ДЕКАБРЯ 1944 г.]

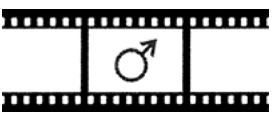
[НАТ. СЕВЕРИН АНК плывёт в тёмной воде, держа перед собой один из мальцовых фонарей ЭРАЗМО СЕНТ-ДЖОНА. ЭРАЗМО плывёт следом с её второй камерой в хрустальном контейнере. На плёнке множество пятен, местами прожжены несколько кадров подряд. СЕВЕРИН плывёт вверх, отстёгивая свинцовые грузила с мерцающей компенсирующей сети по мере подъёма. Защитная решётка её водолазного шлема слабо поблёскивает среди теней. Над нею медленно проступает брюхо мальцового кита. Оно невероятно массивное, во всё небо. СЕВЕРИН стремится

к нему, тянет пальцы, чтобы коснуться, всего раз, как будто желая убедиться, что такое существо действительно может быть настоящим.

Зрителям навеки суждено замечать это раньше СЕВЕРИН. Щель в боку огромного кита словно открывающаяся дверь. Документалистка тянется к этой щели и невольно оказывается между нею и камерой, отчего сцена выглядит по меньшей мере впечатляюще: внезапно маленькая фигура молодой женщины в центре кадра навеки застывает в позе изумления и стремления к непознанному — и глаз мальцового кита, такой огромный, что едва помещается на экране, открывается вокруг нее.]

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ
~~«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»~~
~~«ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»~~
~~«СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»~~
«И КОЛЬ ОНА НЕ УМЕРЛА, КАК ПРЕЖДЕ ТАМ ЖИВЁТ»

(Студия «Транкилити», 1961, реж. Персиваль Анк)



Аудиозапись сделана для сведения Винченцей Мако

ПЕРСИВАЛЬ АНК: Я не знаю, как всё закончить. Столько времени прошло, а я всё ещё не знаю. Я не могу изменить историю Рин. Но я думал… я думал, что уж ему-то смогу дать историю получше. Такую, в которой у него были все средства, чтобы отыскать своё предназначение, как положено героям. Такую, где его спасли. Но если кого-то

что-то и спасает, то лишь ответы, а у меня их нет. Я подготовил сцену для концовки, застелил кровать, зажёг свечи, а эта сука предпочла мёрзнуть на улице, лишь бы меня разозлить.

МАКО: Но ведь никто и не говорил, что это будет реальная концовка. Помнишь? Всё должно было получиться лучше, чем в реальном мире. В этом-то всё и дело. Именно такой дар мы хотели ей преподнести. Всё должно было иметь смысл. Всё должно было рифмоваться с началом неким неописуемым образом, какой никогда не встречается у концовок в реальной жизни. Мы и не собирались рассказывать истинную историю — всего лишь такую, которая окажется большей частью истинной. Концовка, которую мы запланировали, действительно элегантна, если следовать логике, и «элегантность» важнее «правдоподобия». Ну, право слово, это ведь всегда был наш девиз.

АНК: Эта задумка со сказкой изначально была обречена на провал. Она красивая, но подход к истории получается непрямым. Этим способом можно рассказать лишь об ощущениях. Но нельзя сказать что-то вроде: «Северин Анк умерла от удара током». И нельзя сказать, что не умерла. Язык совсем неправильный. У нас неясности и

так выше крыши; нам больше не надо. И, в конце концов, это не детская история. И не взрослая. Это не история Анхиса, Северин или кого-то ещё, это их общая история — и она о том, как они очутились в запертой комнате, понятия не имея, как из неё выбраться.

МАКО: А это мысль. Загадка запертой комнаты?

АНК: Хм. Может быть. Мы в самом начале сделали его детективом. Может, и закончить можно так же. Пусть немного подетективит. Но какая комната? Нам нужна камера, склеп или, быть может, корабль? Огромный особняк у нас уже был.

МАКО: Не надо так буквально. Венера — вот наша запертая комната.

АНК: Когда деваться некуда, кое-что тайное и впрямь становится явным.

МАКО: Пусть загадка останется, но сердитого и задумчивого нуарного героя мы уберём. Добавим толику старой доброй викторианской отваги. Массу кружев и кожи. Комнату, полную подозреваемых, блистательного гения со склонностью к театральным эффектам. И зачем цепляться за людей, которые на самом деле жили? Заполируем всё магией, сюрреалистичным блеском и лоском. Не слишком много — в глубине души все

ненавидят авангард. Но достаточно, чтобы уйти, громко хлопнув дверью.

АНК: Но, Винче… Я с таким уже сталкивался. Я слишком хорошо знаю эту песенку. Её мне спели на полной громкости. Не знаю, сумею ли я опять через это пройти, пусть даже сидя за печатной машинкой. Эта жуткая, отчаянная ночь, и Мэри смотрит на меня, словно я у неё на глазах превратился в гончую ада…

МАКО: Давай не будем сейчас об этом говорить. Всё давно закончилось.

АНК: Я должен был рассказать Северин. Секреты кажутся такими важными, пока не выясняется, что не с кем ими поделиться. Я бы в конце концов ей рассказал. Я бы нашёл правильный момент. Помню, однажды она спросила меня о концовках. Я сказал, что можно сочинить историю, в которой будут сплошные начала, но я не знал, возможна ли такая, в которой только концовки. Если она любила меня, то дала бы концовку, которую я смог бы использовать. Если она меня хоть немного любила… [долгая пауза] Я был ужасным отцом.

МАКО: Неправда. Ты был эксцентричным. Не ужасным.

АНК: Я бросил её. Это единственное караемое смертной казнью преступление, на которое

способны отцы. У матерей есть тысяча способов потерпеть неудачу. Работа отца заключается лишь в одном: нельзя бросать своего ребёнка. А что я сделал? Позволил ей носиться где попало и не позвал ужинать, когда зашло солнце.

МАКО: Перси… ты не обязан это заканчивать. Ты можешь просто остановиться. Северин бы не разочаровалась, если бы ты не закончил. Она бы поняла. Она ведь тоже оставила фильм недоделанным.

АНК: Ох, Винче, нет. Если я всё брошу… если я брошу этот фильм, он окажется в точности таким же, как она. Бедным, брошенным созданием без концовки. Если я так поступлю… она подумает, что я её не любил. Я не могу допустить, чтобы она так подумала. Я позволил ей поверить во много мерзостей обо мне, но только не в это. Вот как я её любил. Она это знает, признаёт. И я тебя уверяю, если она где-то сейчас существует, то ненавидит саму себя за то, что бросила «Сияющую колесницу» недоделанной.

МАКО: Выходит, «Загадка Розовой планеты»?

АНК: Если у тебя в заглавии «Загадка», ты обещаешь дать на неё ответ. Если ты собираешься выложить карты на стол, это должны быть хорошие карты. Ну и к тому же ты предлагаешь мне

нечто, ужасное само по себе. «Розовая планета». Ты уволена, Винче. И в этот раз я не шучу.

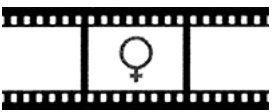
МАКО: У нас кое-какие ответы всё же имеются. А остальное… догадки. Мы выложим лучшие карты из всех, какие имеем. Может, это и не флеш-рояль, но хватит, чтобы сорвать куш. И кто знает? Может статься, наша версия окажется правильной. И не такое бывало.

АНК: [шепчет] Если я скажу, что она мертва, это станет правдой.

МАКО: Тогда не говори.

АНК: Хочу вернуться и начать заново. С первого кадра. Во время грозы. С серебристой корзины. На этот раз я всё сделаю правильно. Я могу лучше. Просто нужен ещё один дубль.

~~«ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ»~~
~~«ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ»~~
~~«СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА»~~
«И КОЛЬ ОНА НЕ УМЕРЛА, КАК ПРЕЖДЕ ТАМ ЖИВЁТ»:
ДЕЛО
О ПРОПАВШЕЙ ДОКУМЕНТАЛИСТКЕ



Начнём с самого широкого из всех панорамных планов и будем его сужать: итак, бесконечные огни в бесконечной тьме. Десять огней — оттенки золота, синевы, зелени, ультрафиолета и красноты. Один-единственный розово-оранжевый фонарик висит посреди широкого, бескрайнего ничто, где нет ни пола, ни потолка. Всякий раз, когда он поворачивается вокруг своей оси, проходит год. Ближе. Город на поверхности фонарика, огороженный каналами, похожими на бархатные верёвки. В городе единственное здание, похожее на замок, но не совсем, узкое, высокое, укра-

шенное мандариново-агатовыми колоннами, с горгульями, которые в лапах держат сердца, а во рту — пионы, с окнами, обращёнными к морю. Двери тихонько закрываются и защёлкиваются; все, кому надо, уже внутри.

Начнём с самой обезличенной перспективы, потом сузим апертуру: что видят горгульи, когда смотрят в окна?

Незадолго до ужина в каждой комнате отеля «Вальдорф — Белый Пион» начинают звенеть телефоны. Пока венерианские тени цвета примулы и подсолнуха вьются и золотятся, словно осенние листья, в каждой комнате отеля «Вальдорф — Белый Пион» чья-то рука снимает полированную латунную трубку после второго звонка. По всей Станции зажигаются огни, словно надвигается армия светлячков, и в каждой комнате отеля «Вальдорф — Белый Пион» из телефонной трубки льётся милый и мелодичный женский голос.

«Если вы соблаговолите собраться в Миртовом холле через четверть часа, мистер Сент-Джон организует вечернее представление. Будут поданы освежающие напитки».

Выверяем объектив: что видят окна, когда заглядывают в комнаты?

Платья достают из гардеробов; отпаривают смо-

кинги; поспешно отыскивают туфли и шляпы. Едва звенит колокольчик, оповещающий об ужине, из каждой комнаты в «Вальдорфе — Белый Пион» кто-то выходит — терзаясь сомнениями, о чем-то размышляя, поправляя сверкающее ожерелье или дрожа от нервного напряжения. Один за другим гости отеля занимают места на кушетках, в креслах, шезлонгах и на барных табуретах Миртового холла; бархат к вельвету и плюшу; платья и брюки вдавливают бледный как пепел цветущий мох в толстую обивку. Граммофон играет какую-то изысканную старую мелодию. Комнату наполняют негромкие разговоры, представления — многие гости до этого вечера не были знакомы. Руки теребят сигары, сигареты и распылители — многие гости наделены пороками, которые предпочитают не ждать подходящего момента. Духи, пот, тальк, страх — многие из гостей носят все четыре аромата сразу.

И опять выверяем объектив. Прочь обезличенную перспективу, разбейте её каблуком, как бокал на свадьбе. Что видят игроки?

Анхис Сент-Джон и Цитера Брасс плавной походкой входят в холл. Воздух взрывается от череды фотовспышек. На ней облегающее платье без бретелек, которое от вспышек отсвечивает

серебром. По краю трепещут бледно-розовые перья; узкий треугольник крашеной крокодиловой кожи взмывает к смелой розетке из аметистов и грозных крокодильих зубов в нижней точке выреза, обнажающего спину. На нём тёмный краснокоричневый смокинг, светло-серые брюки и рубашка такой белизны, словно ткань изготовили ангелы. Тёмнорозовый широкий галстук расцветает у горла, скреплённый единственной булавкой с миниатюрным тигровым глазом, а жёлтые как масло кожаные перчатки блестят в тусклом свете. Цитера сияет, её движения мягки, словно шимми в темноте. Анхис — пышущее румянцем воплощение здоровья, его тёмные волосы смазаны бриолином и густы, короткая бородка ему идёт, глаза его ярки, как солнечный блик на увеличительном стекле.

Анхис и Цитера подхватывают с барной стойки подносы с коктейлями и, улыбаясь, начинают их разносить.

— Добрый вечер! — восклицает Анхис, и его сильный, глубокий голос, голос ведущего актёра, эхом отражается от сырых стен, поросших мхом. — Добрый вечер, и добро пожаловать на мою маленькую вечеринку. Я так рад, что все вы смогли прийти! Знаю, кое-кому из вас пришлось

совершить долгое путешествие, но вы наконец-то дошли до финала! Это он и есть — добро пожаловать! Чувствуйте себя как дома! Расслабьтесь, закиньте ноги повыше и позвольте себе заслуженную выпивку!

Крупный план. Регулируем объектив. Ещё ближе. Ещё.

Что видит Анхис Сент-Джон?

— «Розовая леди» для тебя, папа, — говорит великий детектив и изящным движением протягивает фужер Эразмо Сент-Джону, человеку, который его вырастил, всё ещё сильному и широкоплечему, словно портрет Геракла. На яркой чёрной коже нет морщин, и она утратила бумажную тонкость последних дней на Марсе; он такой, каким был 17 ноября 1944 года: двадцативосьмилетний, влюблённый, не испытывающий недостатка ни в близости, ни в деньгах. — Настоящий джин, привезён из Лондона. И «буравчик» с давленой мятой и французской лавандой для тебя, мама… ну же, ну же, я настаиваю. Это моя вечеринка, и у меня есть право тебя баловать. — Он вкладывает хрустальный бокал в узкую руку Северин Анк, которая сидит, скрестив ноги, одетая в чёрное шёлковое вечернее платье, обшитое по краям вороньими перьями и с разрезом на бедре.

На плечи накинута лётная куртка; она курит сигару. Одна тёмная, подведённая карандашом бровь изумлённо приподнимается.

Эразмо наклоняется, чтобы поцеловать её. Она касается пальцем кончика его носа. Её кожа мигает и потрескивает там, где соприкасается с его кожей; она чёрно-белая, фильм во плоти.

— Спасибо, милый, — говорит Северин. — Право слово, не стоило.

Цитера падает на колени к лихому красавцу. Он целует её в щёку. Тридцать семь лет, самый расцвет, глаза обжигающе чёрные и скулы будто с картины Эль Греко — он выглядит в точности так же, как вечером накануне появления некоей серебристой корзины у его дверей. С ним делят кушетку две женщины. Цитера вручает им угощение.

— Тут у нас «Авиация» для Анка-старшего, «Беллини» для милой Мэри Пэ, а для Мадам — «Олд фешен», верно? В нём мадридские лимоны, Перси, честное слово; настоящие персики из Греческого государства в вашей шипучке, Мисс Пэ; гавайский сахар и цедра калифорнийского апельсина в вашем неимоверно крепком напитке, Максин.

Мэри Пеллам смеётся — смех её сладостен, как фонтан из ирисок, — и тыкается носом в ухо

Мадам Мортимер. У них одинаковые короткие русые волосы, тонкие как сладкая вата, но Мортимер явилась на вечеринку в лучшем чёрном дорожном костюме, в то время как Мэри, семнадцатилетняя и сладкая как клементин, одета в нечто короткое, золотое и флэпперски-легкомысленное, помада у неё на губах лавандового цвета, а ноги босые.

Анхис быстро скользит к длинной кушетке, пёстрой, как молочная корова, и покрытой мхом, похожим на изморось. Мох выпустил розовато-лиловые споры. Они пахнут тёплым ореховым пирогом.

— «Пина колада» с сочным клинышком ананаса из Квинсленда для моего уважаемого мистера Бергамота! «Змеиный укус» для Марвина Мангуста — спасибо, что прибыл так быстро, — и «Бренди Александр» — естественно, в чаше для пунша — для Каллиопы — Беззаботного Кита!

Мультяшный осьминог в гетрах и монокле обворачивает расписанное вручную ярко-зелёное щупальце вокруг ножки коктейльного бокала. Весёлый анимированный мангуст хватает свою пинту обеими проворными скрюченными лапами. Анхис ставит хрустальную чашу для пунша на столик для закусок, чтобы карикатурный кит

мог окунуть свою бирюзовую голову в выпивку. Каллиопа сидит как леди: подняв дружелюбную, огромную, ясноглазую голову; опустив длинный, безобидный дельфиний хвост. Из её дыхала безостановочно бьёт фонтан молока, приносящего здоровье, — он словно цветочек на шляпе.

— Эй, — говорит Марвин Мангуст, — разве ты не был марионеткой? Или мне на ум пришёл какой-то другой чувак?

— Я перешёл в анимацию после четвёртого фильма, — благосклонно отвечает мистер Бергамот. — Хотя на самом деле хотел быть режиссёром.

— Не надо профессиональных разговоров, — предупреждает Каллиопа, хлопая длинными ресницами на мальчиков.

— И мы не забыли о чтимых, любимых и чудесно нездоровых, — провозглашает Цитера. — Хорошо, что сегодня они с нами.

— Спят мёртвым сном, но всё же стали душой компании — мы ценим то, какой долгий путь вы преодолели, чтобы этим вечером присоединиться к нам! Не переживайте, пирог подадут после празднества! — Анхис опускается на одно колено перед мужчиной и женщиной, у которых тёмные волосы, очень похожие на его собственные; он

одет в летний костюм, она — в белое льняное чайное платье. Она сидит криво, набок; у неё сломан позвоночник. Он надел элегантную шляпу-котелок, чтобы спрятать разбитый череп. Пара сияет от радости и краснеет от того, что находится в центре внимания.

— Сперва, — говорит Анхис, и голос его переполнен чувствами, — бутылка бордо 1944 года для моих матери и отца. Надеюсь, вы не возражаете, что я назвал тех двоих мамой и папой. Семейные отношения иногда бывают очень запутанными. Но я знаю, откуда пришёл. Большей частью. А вот вино пришло из долины Луары. — Он прикладывает руку к щеке и громко шепчет: — Это во Франции.

Пейто и Эрзули Кефус целуют сына, гладят его лицо, восхищаются его ростом, его уверенностью, его отличным костюмом.

— Как хорошо ты выглядишь! Мой малыш совсем взрослый, — говорит Эрзули и вытирает глаза.

— Мы гордимся тобой, сын, — говорит Пейто с той особой грубоватостью, которая маскирует мужские слёзы.

Цитера Брасс выбирает на лакированном подносе узкий зелёный бокал с выпивкой.

— «Кузнечик» для моего дорогого, милого Арло, — нежным голосом объявляет она.

Мужчина в водолазном костюме — с квадратной челюстью, широкими плечами и в разбитых очках — улыбается так, словно только что удачно проинвестировал миллион долларов. По обеим сторонам улыбки из его рта льётся солоноватая вода с камешками и слизью. Он не может удержаться. Он так рад видеть её. Одна его ступня отсутствует, лодыжка оканчивается изжёванными окровавленными лохмотьями.

— Цит! Что привело такую милую девочку, как ты, в такое место? — Арло Ковингтон, сертифицированный бухгалтер, целует свою прежнюю начальницу в щёку.

Анхис движется к следующему в очереди.

— Макс! Ах ты старый сукин сын! Я уж было собрался отправляться за тобой на Плутон, но раздобыл твой номер. И за это тебе полагается… банановая «Маргарита»! Я прав? Старина Гораций, тебя-то и спрашивать не стоит, да? «Писко сауэр», друг мой. Перу — и никаких гвоздей.

Гораций Сент-Джон, чьи ноги перевязаны шёлковыми лентами, чтобы удержать раздробленные кости в каком-то подобии нормального положения, пожимает руку Анхиса. Одно из его

рёбер торчит из воскресного костюма, словно белый корсаж. Он подмигивает:

— Ты прямо как принц.

— Игги, ты выглядишь великолепно! Как насчёт крепкого «Сазерака»?

Сантьяго Чжан краснеет. Из его рта сильно течёт кровь, металлические штыри пронзают губы и отсечённый язык. Он радостно пожимает Анхису руку.

— Мечта всей моей жизни — перепробовать все известные коктейли. Это будет номер восемьдесят два!

Его губы оставляют на стекле бокала кровавый след, похожий на помаду.

— И последняя, но не менее важная: Мари, Марианна, абрикосовый «Зомби» для ми корасон, моей дорогой, моей сладкой, зеницы моего ока и птицы в моей руке — или ещё слишком рано для шуток про руку? Что ж, вы в курсе, меня никогда как следует не воспитывали, и потому не стоит ждать, что я буду разбираться в таких тонкостях.

Звукорежиссёр хмурится, но не может долго удерживать гримасу. Она ухмыляется как девчонка и машет ладонью с растопыренными пальцами. Плесень покрывает её руку до самого плеча, вгрызается в щёки. Выросты плоти, похо-

жие на рахисы папоротника[88], виднеются на ладони. Максимо отвешивает шутовской поклон и вытаскивает из уха Анхиса двухпенсовик, желая показать, что не обижен. Глаза его пусты, кожа пепельная, землистая, в каплях пота; плутоновская инфлюэнца — это вам не комар чихнул.

— Завершим всё это «Смертью после полудня»[89]для тебя, Анки, и неразбавленным бурбоном для меня. — Цитера завершает представление, крутанувшись вокруг своей оси, перья и чешуйки на её платье ловят свет люстры и отбрасывают его назад к раскрашенному потолку.

— Ты безнадёжна! — вопит Эразмо. Северин мерцает восторгом серебристого экрана. — Пусть миляга сделает тебе хоть «Дейзи»!

— Ни за что! — кричит Цитера Брасс.

Компания от души хохочет.

— Эге-гей, мистер Ворчливый Мишка, ты кое-кого забыл! — раздаётся над головами собравшихся гостей чей-то голос, похожий на звёздный свет в шоколадной глазури.

---

[88] Примечания: 88

Рахис папоротника — молодой, не развернувшийся лист папоротника, похожий на раковину улитки (народное название так и звучит — «улитка папоротника»).

[89] Примечания: 89

«*Смерть после полудня*» (Death in the Afternoon), или «*Хэмингуэй*», — коктейль из абсента и шампанского по рецепту Эрнеста Хэмингуэя.

— Не верьте в это ни на миг, мисс. — Анхис хватает с барной стойки последний бокал и проворно прыгает к опоздавшей. Она всегда знала, как сделать так, чтобы появление заметили. С головы до пят в бизоньих мехах и драконьей коже, молода как утренняя заря, с глубоким декольте и роскошной шевелюрой, марокканские черты одновременно строги и благожелательны, на губах блистательная, всецело американская улыбка. — «Сладкий лунный свет» для моего сладкого лунного луча, крем-де-виолет для моей сказочной Вайолет, королевы эфира.

Вайолет Эль-Хашем принимает должную хвалу и занимает своё место, втиснувшись между осьминогом и мангустом. Робко машет Каллиопе. Марвин уютно устраивается у неё на коленях и просит почесать брюшко.

Наступает тишина. Выжидающее, нервное молчание перемещается по комнате, точно горячая картофелина, которую передают из рук в руки. Максин Мортимер что-то шепчет на ухо Мэри. Перси корчит рожу дочери; она хихикает, прикрываясь рукой-кинопленкой.

Анхис залпом осушает свой напиток из абсента и шампанского и экстравагантным жестом простирает руки, словно желая обнять присут-

ствующих: всех и вся, свою жизнь, своё прошлое и своё будущее.

— Mesdames et messieurs, леди и джентльмены, мальчики и девочки, осьминоги и мангусты, киты и вендиго, неряхи и ретрограды! Мы здесь, чтобы расследовать ранний выход на пенсию некоей Северин Ламартин Анк. Не стану вам докучать перечислением фактов, которые вы и так знаете. У каждого из вас есть кусочек головоломки, и сегодня та ночь, когда мы их сложим и — если повезёт и все будут играть по правилам — ткнём пальцем в плохиша, скушаем по кусочку пирога, потанцуем и отправимся баиньки. Вы готовы? Все посетили уборную? Начнём?

Мэри Пеллам свистит, сунув в рот два пальца.

— Покажи класс, Сент-Джон!

Родители Анхиса с энтузиазмом хлопают. Их мёртвые ладони не производят ни звука.

— Мы тебя любим, милый! — одобрительно кричат они.

Марвин Мангуст спрыгивает с колен Вайолет, трижды вертится вокруг своей оси, кусает себя за хвост и вопит, не забыв про фирменную шепелявость:

— Я так взбудоражен! Я не знаю, что происходит, но это удивительно! Хочу ещё «Змеиный

укус»! Два «Змеиных укуса»! А сколько их у вас?!!

— Эй, ха-ха! — смеётся Вайолет и чешет его за нарисованным ухом. — Тебя озвучивает Ален Мбенгу, не так ли?

— Ну конечно! — Марвин надувает пушистую грудь.

Вайолет пожимает ему лапу.

— Боже мой, да ведь мы практически родня!

Цитера достаёт из-за барной стойки Миртового холла латунный гонг и лупит по нему молоточком.

— Всегда хотела это сделать, — признаётся она. — Хватит играть в ладушки и трепаться впустую! Глядим вперёд, рты закрыли!

Анхис начинает.

— Ну ладно! Насколько я могу судить, у этой загадки есть два возможных решения. Я их изложу, и мы проголосуем. Принято? Отлично. Итак, первое решение — самое лёгкое, из кладовой старины Оккама: я предполагаю, что Северин мертва.

— Ох, это не очень-то мило, — хмыкает Каллиопа — Беззаботный Кит. Она говорит голосом актрисы, которая её озвучивала, — и это сбивает с толку саму Вайолет Эль-Хашем, сидящую через одного мангуста. Обрамлённые длинными ресни-

цами глаза Каллиопы сужаются. — И я негодую по поводу намёков на мою причастность. Я не лезу в чужие дела; вам всем стоило бы поступать так же!

— В этом-то и проблема, верно, мисс Каллиопа? Мы занимались не своим делом. Фактически, мы — я имею в виду человечество — весьма наглым образом занялись вашими делами и заявили, что они принадлежат нам, и даже не извинились за то, что сделали без спроса, не так ли?

— Чертовски верно, — раздражённо отвечает мультяшный кит. — Как бы вам понравилось, если бы я пришла и начала отрывать по кусочку от ваших персон, пока вы пытаетесь вздремнуть, а потом стала бы делать мороженое из того, что сочится наружу?

— Какой ужас! — ахнул мистер Бергамот и прикрыл лицо щупальцами. — Очень надеюсь, что ни у кого из этих бандитов нет моего адреса!

— Уверена, мы все об этом очень сожалеем, — встревает Марианна Альфрик. Хлопья нефритовой плесени слетают с её губ. — Но ведь мы не знали! Никто из нас даже не родился, когда «Юэлао» приземлился на Венере. Это не даёт вам право разгуливать повсюду, уничтожая посёлки и засовывать части своей персоны в мою персо-

ну! — Марианна в качестве иллюстрации машет рукой, из которой торчат щупальца. Хор одобрительных голосов раздаётся со стороны мёртвых.

Каллиопа — Беззаботный Кит возмущённо фыркает.

— Сдаётся мне, по нашему поведению было совершенно очевидно, что мы не хотим, чтобы нас беспокоили. Разве вы бы потревожили яблоню, если бы ветви мгновенно вас испаряли? Я думаю, вы бы обходили её десятой дорогой! И не надо нас осуждать за то, что мы защищались! Спросите у неё! — Каллиопа тыкает нарисованным плавником в Вайолет Эль-Хашем.

— Не понимаю, каким образом я, по-вашему, связана со всем этим, — парирует радиозвезда.

— Ты была в числе первых грабителей, которые явились к нашему порогу.

— Что, простите? Мне было восемь лет!

— Ох, да ладно тебе. Мы знаем твой голос. Мы слышали его снова и снова в голове, он шипел и носился туда-сюда, словно раскалённый жир по бесконечной сковороде. «Когда взглянула я на тот новый мир, во всех отношениях великолепный и ужасный во всех отношениях, увидела я тигра и звёзды, что падали с его полосатого языка. Взглянула я и узрела истинного своего новобрачного!»

Я тебе не новобрачный, милочка, но тигром твоим стану, если придётся.

Вайолет Эль-Хашем смеётся долго и от души.

— Рыбка, любовь моя, это была всего лишь радиотрансляция! Когда моя нога впервые ступила на Венеру, рекламщик вручил мне сценарий, контракт, коктейль и дважды шлёпнул по попе.

— Могу я задать вопрос? — Арло Ковингтон поднимает руку, всё ещё в толстой водолазной перчатке. Грязь стекает из углов его рта, капая в прохладный зелёный напиток.

— Придержи вопрос на минуточку, Арло, — просит Анхис. — Боюсь, кое-кто из наших друзей сильно расстроился. Давайте вспомним, что мы тут все вместе застряли, хорошо? Мы ведь можем изобразить счастливую семейку в течение одного вечера, не так ли? Марианна? Вайолет?

— Ладно, — ворчат девушки.

— Каллиопа? Ты не могла бы показать нам того беззаботного кита, которого мы все знаем и любим?

— Ладно, — язвительно бросает кит.

Анхис хлопает в ладоши.

— А теперь, мама, старая ты проказница, иди сюда.

Северин Анк выбирается из объятий Эразмо

и одним прыжком оказывается возле барной стойки, где сооружает себе ещё один «буравчик».

— Ну хватит уже, мамулечка. Скажи нам правду.

— Мы ядовитые?! — хором восклицают Эразмо, Максимо, Марианна, Сантьяго и Арло, после чего начинают неудержимо хихикать.

Но вопрос Анхиса заключался не в этом.

— Ты мертва?

В целлулоидных глазах Северин мелькают лукавые искорки. Она касается носа серебристым пальцем.

— Я не хочу всё испортить. — Она ухмыляется. — После ланча надо подождать хотя бы час, прежде чем отправляться плавать, детишки!

Мадам Мортимер встаёт, в задумчивости поглаживая повязку на глазу.

— Единственная причина, по которой это дело всё ещё не оставили в покое, заключается в том, что твоё чертовски огромное глазное яблоко попало на плёнку, Каллиопа. Обычно смерть ведёт к появлению трупа; но существуют много исключений, и это легко можно отнести к одному из них. Профессия мальцового ныряльщика опасна даже в лучшие времена. Неосторожные распадаются на атомы, как шарик эф-юна в распылителе. Это

трагедия, но она случалась уже тысячу раз без вот такого вот «Sturm und Drang»[90] и бития себя в грудь. Если не учитывать ту короткую киноплёнку, дело-то простейшее.

Встревает Мэри Пеллам:

— А ещё проблема в том, что дружочек Макси растрынделся на всю вселенную, что убил её.

Анхис кивает.

— Да, я думаю, пора нам дёрнуть за эту ниточку — не так ли, дружище Просперо?

Максимо Варела не встаёт. Он салютует Анхису своей «Маргаритой».

— О, но ведь я её действительно убил, мальчик мой.

— Врунишка, — мурлычет Северин из-за барной стойки. Неторопливо направляется обратно к Эразмо, неся свежую «розовую леди». Устраивается на ручке его кресла. — О, какой же ты неисправимый лгун.

— Мы играем в ложь? — вздрогнув, спрашивает Марвин Мангуст. Его усы радостно топорщатся. — Я люблю эту игру! Я в ней настоящий ас! Выберите меня! Выберите меня! Я тоже убил Северин!

— Да кто же ты? — с раздражённым вздохом

---

[90] Примечания: 90
Буря и натиск (*нем.*).

спрашивает Пейто Кефус. — Как ты вообще связан с этой историей? Что ты тут делаешь?

Марвин Мангуст закрывает рот обеими лапами. Икает.

— Я не знаю! — нервно отвечает он. — Я попросил осьминога меня подвезти!

Покрытое чумной испариной лицо Макса обмякает.

— Я говорю правду. Рин, мне так жаль.

Северин закатывает глаза.

— Господи боже, Макс, ты чего?

— Я тебя ударил.

— Я тоже тебя ударила. Наш счёт меня устраивает.

Запавшие глаза Максимо наполняются слезами.

— Я тебя толкнул. Ты упала на камни.

— И обзавелась парой синяков на заднице. Тоже мне, проблема.

— Ты упала на Джорджа и разбила его.

— А вот тут ты меня подловил. Ваша честь, Максимо Варела хладнокровно убил Джорджа, кинезиграф-камеру. Я это видела собственными глазами. Уведите его!

— Крошка, тебе бы стоило его выслушать, — тихонько говорит Эразмо.

— Я действительно тебя убил, — шепчет Безумный Король Плутона. — Но я это сделал после того, как ты умерла. На борту «Моллюска». Эразмо и Кристабель смонтировали «Сияющую колесницу» в память о тебе. Чтобы попрощаться или чтобы ты осталась жить, я не знаю. У них на это ушли недели. Конрад и Франко приносили им еду в монтажную и оставляли у двери. Мы не видели ни их, ни мальчика несколько недель. Они как будто тоже исчезли. И всё это время у меня в голове продолжали звучать помехи. Те ужасные помехи, заполненные голосами, нашими голосами, пилили мой череп каждую минуту. Я всё ещё их слышу.

— Ты мне об этом не рассказал, — говорит Эразмо.

— Я мало что тебе рассказываю, Раз. Но это правда. Потом, за месяц до выхода на лунную орбиту, эта троица выбралась из своей кельи. Они попросили нас всех прийти в столовую, где будет показан фильм. Даже попкорн сделали. Попытались создать подобие маленького счастья. И мы посмотрели «Сияющую колесницу, воробьями твоими влекомую». Она была длиной в сто двадцать семь минут. Когда включился свет, все плакали. Обнимались, целовали друг друга

в лоб и в щёки. В фильмах и книгах всегда говорят: «Заклятие было снято». Так и получилось. Они скорбели. Но им было суждено продолжать жить.

Северин Анк наклоняется к своему главному осветителю. Её дыхание делается чаще.

— Он был хороший? Он был действительно хороший, Макс? Я справилась? Я сделала что-то… правильное? Скажи мне, что он был чудесным. Я должна знать, что он получился как надо.

И Персиваль Анк встаёт со своего места, чтобы обнять дочь.

— Моя умница, — говорит он и целует её в макушку. «Хорошо, когда ты создал человека, с которым можно скорбеть», — думает он, и Северин всё понимает, пусть мысль и не высказана вслух.

— Я всегда думал, ты вырастешь высокой. — Перси смеётся. Его голос смягчается. — Я всегда думал, что однажды мы всё исправим.

— Мы исправили, — говорит Северин. — Просто подожди немного.

— Он был красивый, — признаёт Макс. — Печальный, ужасный и чудовищный. Но красивый. Люди бы смотрели его, пока проектор не сломается. И вот тогда-то я и убил тебя.

— Ох, Макс… — вздыхает Марианна.

— Помехи пробрались в мою голову, и моя мёртвая, уничтоженная Марианна пробралась в моё сердце, и не было мне покоя ни на секунду, не было тишины ни на мгновение. Помехи как будто пронзали меня ужасными молниями, и молнии говорили твоим голосом. Повторяли снова и снова: «Они убили нереиду, которая была полна икры. Полна икры. Полна икры». Словно детский стишок. Как только началась «Сияющая колесница», Марианна принялась петь в моих костях одновременно с убийством нереиды. «Ты дракончик мой, дракон, запрягу тебя в фургон». Вы обе пели не в унисон. Полная дисгармония. Я хотел умереть. А когда всё закончилось и ты исчезла из кадра, как будто тебя вырезал халатный монтажёр, я услышал, как твой голос произнёс кое-что новенькое: «Мама — это та, кто уходит». И тогда я понял, как сделать так, чтобы белый шум прекратил сжигать меня изнутри. Так принцессы понимают разные штуки в сказках. Так мы всё понимаем во сне.

Максимо Варела не может продолжать. Он рыдает, и его серая кожа сочится угрызениями совести и лимфой. Эразмо доканчивает исповедь за него.

— Пока мы спали, он всё украл. Все плёнки, обрывки, вырезанные места, всё. Даже то, что нельзя было использовать. Он всё перетащил на смотровую палубу и разложил там в лучах солнца, чтобы передержать. Ты пытался остановить его, Анхис. Может, ты помнишь. Надеюсь, что нет. Я не знаю, как ты вообще понял, что произойдёт с плёнкой, оставленной на свету, но ты пытался её всю собрать своими маленькими ручками, как чёрные макаронины-спагетти. Ты прижимал всё к груди и шипел на него. А Макс… ну, он бил тебя, пока ты не выронил то, что держал. Он бил ребёнка кулаками. Наступил тебе на руку. Я его так и не простил. И не прощу. «Сияющая колесница» жарилась всю ночь. Повсюду стоял химический дым. Дым без огня. К тому моменту, когда мы поняли, что он натворил, спасти удалось лишь те четыре жалких отрывка.

— Я тебя убил, — настойчиво повторяет Максимо. — Это было всё, что у нас осталось от тебя, и я это сжёг. Я направил на фильм большой прожектор, и он сгорел, и я пустил этому ребёнку кровь, и мне было наплевать. Я убил твоё сердце. Но помехи тоже выгорели. Больше никакой икры нереиды. Никаких дракончиков. Никаких матерей, которые уходят. Мы все пришли сюда,

чтобы нам стало лучше. Но в мешке Волшебника не найдётся прощения для меня.

Варела моргает и трясёт головой, словно сам не понимает, почему произнёс последнюю фразу[91].

Северин тушит сигару о свою ладонь-киноплёнку. На ней появляется зияющая дыра, похожая на распахнутый рот.

— Ты прав, — говорит она. — Нет прощения. Ни сердца, ни отваги, ни мозгов ты не получишь, Макс. А ещё останешься без ужина. — Она погружается в глубокую задумчивость — этакий лихой Радамант[92] незадолго до вынесения приговора. — Ступай и сядь в углу. Это и будет твоим наказанием.

И он слушается. Король Плутона садится лицом к стене.

— Я никогда всерьёз не считал Варелу подозреваемым, — сообщает Анхис всей комнате.

— В Сетебос-холле ты говорил другое, — фыркает Цитера.

---

[91] Примечания: 91

Последняя фраза — отсылка к сцене награждения спутников Дороти в фильме «Волшебник из страны Оз» (1939).

[92] Примечания: 92

Радамант — герой древнегреческой мифологии, чьё имя стало нарицательным для обозначения строгого судьи.

— К этому моменту я значительно поумнел. Нет, улики подсказывают единственный вывод: злодейка среди нас — Каллиопа. Я обвиняю тебя, кит! Что скажешь?

Кит пытается сердито ворчать, но её нарисовали улыбающейся, чтобы дети её любили. Она улыбается и улыбается, и певучим словно рекламный джингл голосом выводит трель:

— Она воняла смертью, жизнью и миллионом глаз, которые никогда не спят! Не надо мне твоих самодовольных ухмылок примата, Анхис Сент-Джон! Это ведь ты дотронулся до нашей умирающей конечности и принял наши споры в своё маленькое, слишком маленькое тельце. Новая звезда зажглась в сонной сети китов. Она хотела жить, но ей не хватало силы. Мы почувствовали тебя внутри себя; мы думали, что ты наша часть, потерянная, умирающая. Мы пришли за тобой и уничтожили клетку, в которой ты чахнул. Лишь впоследствии мы поняли свою ошибку. Мы из-за неё очень сконфужены. Но твои родители должны были научить тебя держать руки при себе! Ты коснулся лица Северин в знак благодарности; Марианна ударила тебя, испугавшись, — и новые, едва заметные звёзды зажглись на краях наших сновидений. Мы не позволили себя обмануть во

второй раз. Мы их проигнорировали. Сказали, что знаем их фокусы. Но Северин подошла так близко, заявилась прямо ко мне в гостиную, и её вонь разбудила меня, как подгоревший бекон. Я велела ей убираться, и она исчезла. И мне не жаль! Она маленькая, а я большая. Она пила моё молоко без спроса. Вы не заставите меня извиняться!

— А как насчёт меня? — спрашивает Марианна Альфрик. — Я не подходила близко. У меня и шанса-то не было.

Каллиопа пожимает своими весёленькими нарисованными плечиками.

— Ты позволила той докторше вырезать нас из себя. Вы больше не могли жить раздельно. Когда умерло наше дитя, ты умерла. Похоже, оно успело изменить слишком много твоих жидкостей и тканей. Дети так голодны в первые часы жизни.

— Ваше дитя?! — ахает звукорежиссёр.

— А что это было, по-твоему? Болезнь? Рана? Вы хлещете наше молоко и думаете, что у нас не бывает молодняка?

— Ох! — восклицает мистер Бергамот. Анимированный осьминог соскальзывает с поросшей мхом софы и поднимается на кончики щупалец. — А можно мне взять слово? Я, знаете ли, весьма хорошо разбираюсь в морской биологии.

— Всенепременно. — Анхис элегантно уступает барную стойку Миртового холла.

— Дай помогу! — верещит Марвин Мангуст и резво спрыгивает с колен Вайолет.

Мангуст и осьминог прочищают горло. Быстренько разогреваются: «До ре ми фа соль ля си до! До си ля соль фа ми ре до!» Мистер Бергамот достаёт губную гармошку бог знает откуда, задаёт тон, извлекая из неё ноту «ля», и начинает отбивать присосками ритм квикстепа.

— «Жизненный цикл мальцового кита»! — в унисон поют мангуст и осьминог, отбивая чечётку на барной стойке.

— Кит-малец — не очень-то кит, — поёт мистер Бергамот в тональности соль-мажор.

— Он не жук! — вопит Марвин.

— И не кот!

— Не грибок и не москит!

Осьминог соединяет четыре щупальца в квадрат, в то время как остальные выписывают в воздухе «колёса». Внутри квадрата из присосок с щелчком включается свет, хоть в «Вальдорфе» нет кинопроектора. Начинается весёлое кино, и все глядят как зачарованные на экран, где Каллиопа танцует на хвосте, в то время как мистер Бергамот поёт свой куплет:

У большого кита-мальца ни начала нет, ни конца,

А чего есть сотня миллионов? Сплошь мозги да сердца!

С задорными хлопками появляются сотни миниатюрных Мальцовых китов, и все они втиснуты в большое тело Каллиопы. Марвин Мангуст подхватывает:

Они одеты так, что хоть сейчас на праздник,

Но знали б вы, каким растёт такой вот безобразник!

На вечно улыбающейся голове Каллиопы сбоку появляется красный бант, а вокруг шеи — нить жемчужин. Кто-то стучит — к ней пришли на свидание? Нет! Это маленький мальчик! Это, в общем-то, Анхис, нарисованный как маленький проказник в воскресном комиксе. Он держит извивающуюся массу молодых побегов папоротника и отростков, похожих на цветы. Каллиопа краснеет: «Это мне?» И тут мистер Бергамот и его ассистент-мангуст бьют неистовую чечётку, четыре раза тук-тук-тук и дважды полный набор хлоп-хлоп-хлоп, со скоростью миля в минуту.

А если ты, дружок, неважный математик,

Взгляни сию секунду на наш полезный график!

Выпрыгивают столбцы диаграммы, фонтанчики, вырывающиеся из дыхал двух миниатюрных Каллиоп. Над самым высоким надпись: «Насколько мальцовый кит важен для продолжения функционирования Мультивселенной». Над очень коротким, приземистым фонтанчиком, лишь самую малость больше восклицательного знака, написано: «Насколько ты важен для продолжения функционирования Мультивселенной». Раздаётся печальный свистящий звук, и киты опять уплывают. Марвин делает кульбит и выводит трель:

Просто подумай про длинную спицу!

Музыка переходит в скрежет и умолкает. Мистер Бергамот протестует:

— Спица! Вот ещё, глупость какая!

— Не такая уж глупость, как осьминог, играющий на губной гармошке, — возражает мангуст. По лестнице «Вальдорфа» прокатывается рим-

шот[93], раздавшийся из ниоткуда. Осьминог и мангуст, взявшись за руки, поют серенаду, которая разносится по всему холлу:

А теперь представь себе длинную спицу,

Что легко и изящно пронзает любую тряпицу!

Коль слой за слоем тканей друг на друга водрузить,

Без усилий и стараний сможет спица их пронзить!

Одна из Каллиоп спрыгивает с диаграммы. Её нос заостряется, превращаясь в серебряную булавку свирепого вида. Она ныряет с оси «X», и картинка меняется: теперь на ней кит, пронзающий пледы, одеяла и занавески, оставляющий после себя рябь на ткани.

Спица не даёт всем тканям расползаться,

И с этой спицей каждый хотел бы повстречаться!

Пространство между щупальцами мистера Бер-

---

[93] Примечания: 93
Римшот — удар в обод барабана.

гамота заполняется звёздами, мирами, ни один из которых ещё не видели ни живые, ни мёртвые, и эти миры перемешиваются, словно карты, словно квадраты на лоскутном одеяле, лежащие один поверх другого. И шумливый мультяшный кит продолжает свой нырок, пронзая их насквозь.

Шёлк, хлопок, лён и кружево — вселенных череда,

Бескрайний космос заполняют звёздные стада,

И ничего в просторах тех не будет, как привычно,

И можно встретить там людей весьма своеобычных.

Но как же спица, о которой в песенке поётся?

То кит-малец, и он не ждёт, пока дверь распахнётся.

Звёзды сходятся в изображение чирлидера с надписью «ВПЕРЁД, КИТЫ!» на мегафоне. Она подбрасывает туманности в воздух, как помпоны.

Так давайте все дружно китов подбодрим,

Важен каждый для нас — факт неоспо-

рим!

Без них шёлк гладкий ускользнёт, а лён помнётся,

Кто знает, вдруг наш мир возьмёт да пошатнётся?

Чирлидер хмурится и взрывается, превращаясь в сгусток мультипликационного дыма. Опять звучит свисток. Мистер Бергамот снова солирует, и изображение, которое он держит, меняется — теперь на нём Каллиопа с огромным термометром во рту и холодным компрессом на голове.

Но порою недуг настигает кита,

Хоть сильно его сердце и кожа толста.

Нам нельзя без китов, уж таков этикет.

Значит, будет малыш! Чтоб играть с ним в крокет.

Появляется китёнок в фейерверке блёсток. На нём кружевной чепчик, и плавником он трясёт погремушку. Каллиопа и её малыш замахиваются молоточками для крокета и двумя ударами отправляют Юпитер и Сатурн через одинаковые воротца.

Марвин Мангуст, любимец студии «Капри-

корн», допевает песню, пока щупальца Бергамота заполняются улыбающимися лицами:

О, жизнь великого кита крута до неприличия!

А вы, пожалуйста, простите нам косноязычие,

И когда опять ваш милый будет испарён мальцом,

Просто вспомните про спицу, ну и дело с концом.

Раздаются жидкие, конфузливые аплодисменты. Осьминог расслабляет конечности, плёнка пощёлкивает и заканчивается, и наши исполнители кланяются. Но Марвин не может удержаться и начинает заново, на полную мощность заводит репризу:

А коль от песенки твоя кружится голова,

Начни сначала, это просто — раз и два!

Та-дам! Кит-малец — не очень-то кит!

Он не жук! И не кот! Не грибок и не москит!

— Могу я задать вопрос? — Арло прерывает

выход мангуста на бис.

— Да, конечно. Мне очень жаль, — говорит Цитера, и она искренна.

— Я понимаю, что вышло с девочками. Но что вы сделали со мной и Горацием? Мы никогда не прикасались к пацану. Мы пили воду из бутылок. Мы вообще ничего не делали плохого.

Каллиопа — Беззаботный Кит краснеет — на её бирюзовом лице появляются два безупречных кружочка пурпурного цвета.

— Мы вас съели, — говорит она застенчиво.

ИЗ ЛИЧНОГО КИНОАРХИВА ПЕРСИВАЛЯ АЛЬФРЕДА

[МЭРИ ПЕЛЛАМ в чёрном гимнастическом купальнике и чулках — её ключицы и лопатки движутся под кожей изящно, словно лебединые кости, — наносит макияж, глядя в позолоченное зеркало. СЕВЕРИН АНК наблюдает за мачехой, глаза с расширенными тёмными зрачками подмечают каждый штрих подводки.]

СЕВЕРИН

Я не хочу, чтобы ты уходила.

[ПЕРСИВАЛЬ АНК устанавливает камеру, Клару, на туалетный столик, разрисованный синими лошадками. Он появляется в кадре и целует СЕВЕРИН в лоб, прежде чем присесть и усадить её себе на бедро.]

ПЕРСИВАЛЬ

Мама с папой должны поехать на репетицию. Она будет Изидой в «Золотом осле» — думаю, для девочки твоего возраста чуточку рискованное кино, однако ты сможешь его посмотреть, когда тебе будет… ну, допустим, восемь. Там есть осёл; он тебя рассмешит. Мама появится в конце и спасёт положение. Разве это не чудесно? У неё будет красивая высокая корона с гадюкой и охапки роз в руках, [пауза] Гадюка — ядовитая змея. Но очень священная.

СЕВЕРИН

Я не хочу, чтобы ты уходила!

МЭРИ

Можешь поехать с нами, если хочешь, дорогая. Ты от души повеселилась на репетиции «Великого ограбления поезда».

СЕВЕРИН

Я ела конфеты и каталась на поезде. Но там было темно. В этом…

ПЕРСИВАЛЬ

В павильоне звукозаписи, Ринни. [Его глаза блестят. Он прижимает большой палец к маленькому подбородку дочери.] Репетиция — это просто тренировка, мой драгоценный домовёнок. Мама должна тренироваться быть одновременно египтянкой и богиней, а делать две эти вещи разом очень трудно! Всё равно что одновременно потирать собственную макушку и похлопывать себя по животу. Павильона звукозаписи совсем не надо бояться, малыш. Просто представь себе, что Репетиция начинается с заглавной буквы. Репетиция — это как планета, куда мы с мамой отправляемся, вроде Земли или Марса. Это тёмная, прохладная планета, где много огней, людей, игрушек, поездов и конфет, и когда ты туда попадаешь, то становишься кем-то другим, и забавно разговариваешь, и немного танцуешь, и всё говоришь и делаешь трижды, потому что таков закон. У каждой планеты всегда есть свои забавные законы, верно?

СЕВЕРИН

Да. Ненавижу это.

ПЕРСИВАЛЬ

Ну так вот, на Репетиции закон такой: ты можешь плакать, только если папа так велит, или петь песенку, если папа так велит, а также падать и получать синяки и шишки, только если папа скажет, что это надо сделать весьма трагически, как было с Эвридикой, когда её укусил змей. Помнишь Эвридику?

СЕВЕРИН

Она дала мне поносить свою шляпу.

МЭРИ

И когда папа сказал «Снято!», Эвридика встала и пошла пить кофе, не так ли? [СЕВЕРИН неуверенно кивает.] С ней всё было в полном порядке! Ну что такое, мы сегодня всё время про змей разговариваем, да? Выше нос, котёнок! Нам пора в Египет!

ГРАЙИ

Расшифровка отчётного интервью Эразмо Сент-Джона, состоявшегося в 1946 г.; собственность «Оксблад Филмз», все права защищены. Дня просмотра требуется разрешение службы безопасности.

ЦИТЕРА БРАСС: Сессия четвёртая, день третий. Думаю, это последняя сессия. Что вы чувствуете по этому поводу, мистер Сент-Джон?

ЭРАЗМО: Вот и хорошо.

ЦИТЕРА: Мне понравилось с вами разговаривать. ЭРАЗМО: Тогда вы не в своём уме. В этом нет ничего, что способно понравиться. Всего лишь поедание пепла.

ЦИТЕРА: Кто проверил состояние Марианны после того, как связь с Арло прервалась?

ЭРАЗМО: Северин и я. Ринни заботилась обо

всех, кто ей это позволял.

ЦИТЕРА: И каким было состояние мисс Альфрик?

ЭРАЗМО: Она умерла. Превратилась в длинные, жилистые побеги папоротника, споры и грязь, и какие-то истлевшие штуки, похожие на листья. Она не сбежала. Штырь из её колена — памятка о том разе, когда она в последний раз попыталась прокатиться на Санчо Пансе, — лежал посреди мерзости. Крови не было. Просто… мерзость.

ЦИТЕРА: У вас есть какие-нибудь мысли по поводу вектора инфекции? Северин и Марианна обе касались Анхиса, но ни с ребёнком, ни с Анк не случилось таких катастрофических событий. Вообще-то, Северин была с ним в контакте гораздо чаще, чем Альфрик.

ЭРАЗМО: Откуда мне знать? Поговорите с Реттой.

ЦИТЕРА: Доктор Нантакарн. [шорох перекладываемых листов и папок с материалами дела] «Врачебное заключение состоит в том, что после передачи инфекция вошла в спящее состояние в субъекте из Адониса. Ни Альфрик, ни Анк не выглядели заразными — возможно, они бы таковыми стали через какое-то время. Я не могу высказывать каких-то уверенных предположе-

ний о том, почему Анк не продемонстрировала вредоносных последствий, не имея возможности взять анализ крови после контакта. Может, у неё был иммунитет. Может, симптомы развиваются с разной скоростью в зависимости от любого количества метаболических, экзогенных или генетических факторов. Может, она просто больше понравилась этой заразе».

ЭРАЗМО: Я не знаю. С Мари всё было в порядке, пока мы не вырезали из неё эту штуку. Ну, не в порядке, но если не считать тех отростков, у неё не было ни боли, ни лихорадки. Но я думаю… иногда я думаю, что оно её убило, потому что она ударила Анхиса. Оно защищалось. Отреагировало в страхе. Северин просто держала его, пока он спал. Оно её не боялось. Не знаю. У меня не было времени, чтобы подумать об этом с научной точки зрения.

ЦИТЕРА: Вы решили сняться с лагеря.

ЭРАЗМО: Да. Трое из нас были мертвы. Мы запаниковали. И мы по-прежнему были в рассинхроне с собственной звуковой дорожкой. Мы слышали, как Максиме читает мальчику Шекспира, через много часов после того, как он замолчал. С начала до конца и из конца в начало. Я привязывал гондолу во время ветра и

слышал, как Кристабель поёт «Милую я бросил под дождём» — сквозь густую завесу помех, в которых песня затерялась, как булавка на дне океана. Крисси начала царапать собственные руки ногтями. Сантьяго… ну, вы должны об этом знать. В ночь, когда исчезла Северин, он взял один из мачете, разрубил микрофон модели «Эхо-I-Ультра» на сотню кривых кусочков и начал их проглатывать один за другим. Конрад остановил Сантьяго, прежде чем тот прикончил свою миску ножей, но Ретте пришлось вскрыть его, как только мы вернулись в Белый Пион. Он был в шоковом состоянии, у него открылось желудочное кровотечение, зубы наполовину сточились, язык почти отрезало. Я больше никогда не слышал его голос. Он просто взял и выключился.

Мы закончили. Можно было просто отвезти мальчишку обратно в Белый Пион, взять ещё несколько интервью у тех, чей кузен кузена имел собаку, которая жила в Адонисе, и через шесть месяцев получился бы фильм. Можно было исцелиться. Всё прочее — отредактировать, исправить потом. Отснятого на месте материала хватало, чтобы всё выглядело так, будто мы провели там целую вечность. Будто мы выдержали испытание.

ЦИТЕРА: Почему, как вы думаете, Северин решила совершить то погружение? После всего, что случилось, после стольких потерь, почему она отправилась туда одна?

ЭРАЗМО: Она не была одна. Я был с нею. Я знаю, оператор всегда невидим, но, честное слово… Проявите хоть чуточку благодарности ко мне за то, что я существую. Рин решила отправиться к мальцовым китам, потому что мы уезжали.

[прочищает горло]

У меня было много времени. Просто… времени. Жизнь длинна. Со временем выдумываешь всякие теории, и ещё через какое-то время они становятся убеждениями. И моё убеждение состоит в том, что Северин отправилась на Венеру лишь ради того погружения. Она хотела увидеть мальцовых китов. Только и всего. Пацан, деревня, да, конечно. Но киты… они единственная необъяснимая вещь, которую мы обнаружили в семидесяти мирах. Она их хотела. Может, они хотели её. Никто не желал её отпускать, и все пытались… Когда она появилась в водолазном костюме, щеголяя подбитым глазом, это говорило о том, как сильно Максимо пытался её удержать. Но мне кажется, она всё решила на Нептуне той ночью, когда выключили свет. Она собиралась

прикоснуться к киту. Она хотела пролететь сквозь ночь и небеса, чтобы коснуться единственной магической вещи в целой вселенной и вцепиться в эту вещь не на жизнь, а на смерть.

Вы видели отрывок. Погружение, по сути, вещь простая. Выходишь на лодке в море и отправляешься вниз. Айлин управлялась со шлангами наверху. Что я помню, так это не тот момент в красной тьме, момент, когда она перешла из бытия в небытие. Я столько раз видел, как это происходит на плёнке, что собственными глазами как будто и не видел ничего. А вот что я помню, так это ночь накануне.

Мы лежали на койке, между нами Анхис, ну прямо как настоящая семья. Мы собирались взять его домой и вырастить — мы ещё об этом не говорили, но знали, что так будет. В точности как Рин знала, что собирается поглядеть на мальцовых китов. Она погладила его волосы, пока он спал, прижавшись к её груди, и сказала: «Была когда-то одна история. Греческая, а значит хорошая. О трёх сёстрах. Они вообще-то были сёстрами Горгон. Ты помнишь Медузу. Звали их Грайи. Иногда их рисуют красивыми, иногда — жуткими уродинами. У них длинные белые волосы, и они никогда не разлучаются. На троих у них один глаз

и один зуб. Пользуются по очереди. Одна сестра вытаскивает глаз из своей глазницы и засовывает другой. Я о них много думаю. Мне снились сны, когда я была маленькой и впервые о них прочитала. О, чуть не забыла! Персей напоролся на них и убил, когда отправился убивать Горгон. Так всегда происходит — стоит в Древней Греции появиться чему-нибудь интересному, какой-то засранец в волшебной шапке тут как тут, чтобы это убить. Мне снились про них сны. Про глаз. Во сне я ждала, чтобы отец отдал его мне. Я была слепа, замёрзла, и мне отчаянно хотелось с ним поиграть. А теперь… а теперь, когда я думаю об этом, мне кажется, мы все — как Грайи. Живём в мире объективов. Смотрим и смотрим. Делим один глаз на всех — огромный чёрный зрачок камеры. Мы ждём своей очереди, чтобы поглядеть, что увидел кто-то другой на экране. А потом передаём его дальше. Я всегда хотела лишь поиграть с ним. По-прежнему чувствую себя так, словно осталась в том сне, прыгаю и пытаюсь схватить глаз, но не могу дотянуться».

Она заснула, едва успев проговорить «не могу дотянуться». Я смотрел на неё. И я увидел… тоненькие бронзовые волокна на её щеке, крошечные побеги вдоль линии волос, которые

проступали на её лице словно золотые жилы.

И много месяцев спустя, коснувшись искалеченной руки Анхиса, я опять услышал, как она это говорит. «Один глаз». Потом она захихикала, как будто под кайфом, и сказала: «Ух ты, ух ты, ох» — и после ничего.

Этим и заканчивается история — ничем. Я не стукнул её по голове треногой и не спрятал тело, хотя об этом достаточно говорили, когда мы вернулись. Всегда подозревают бойфренда. Максимо не похоронил её в дельте. Я любил девушку, и она меня бросила. Не знаю, куда она отправилась. Хочу узнать. Хочу! Но я там был, и по-прежнему ничего не знаю.

Может, я не увижу конца этого представления. Может, просто проживу остаток жизни между бобинами с плёнкой. Может, Анхис во всём разберётся. Может, нет. Кто знает — может, смерть похожа на монтажную, где ты всё видишь таким, каким оно было задумано. Ярким, ясным и чистым. Никаких теней, если ты их не хочешь. Но всё закончилось так же, как началось, а я полагаю, что вы знаете эту историю Анка. Эти двое — любители симметрии. «Я бросил милую стоять поддождём, и она растаяла».

ЦИТЕРА: Это всё?

ЭРАЗМО: Возможно, нет. Я позвоню, если придёт в голову что-то ещё.

ЦИТЕРА: «Оксблад» заплатит за переезд куда угодно, Эразмо. И для вас всегда найдётся рабочее место, если решите вернуться домой.

ЭРАЗМО: Я вот думаю про Марс. Маунт-Пэнлай. Вы же знаете, я недалеко оттуда родился. Не намеревался появляться на свет где-то в другом месте, кроме Луны. До сих пор кажется странным, что я не справился. Мама с папой работали над «Ханом кенгуру» — и упс! Поздравляем, у вас маленький марсианин.

ЦИТЕРА: В Маунт-Пэнлай мило. Там растут изумительные манго.

ЭРАЗМО: Вы же позволите мне его забрать, верно? [Цитера ничего не говорит.] Он для вас ничего не стоит. Обычный пацан. Его всё это здорово искалечит. Ему нужен отец. Или, по крайней мере, кто-то, способный время от времени разворачивать его, когда он свернётся как крендель. Поверьте мне, он вам не нужен. Давайте я подарю ему детство.

ЦИТЕРА: Мы об этом подумаем. Можно… можно спросить? Вы носите обручальное кольцо, но не на той руке. Удовлетворите моё любопытство?

ЭРАЗМО: Она не хотела замуж. Это не значит,

что я не был её мужем.

ЦИТЕРА: [пауза] Можно я в последний раз угощу вас кофе перед уходом?

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ОТКРЫТКА, ОТПРАВЛЕННАЯ Ц. БРАСС, ДЛЯ ВРУЧЕНИЯ ЧЕРЕЗ «ОКСБЛАД ФИЛМЗ», ЙЕМАЙЯ, ДЕКАБРЬ 1952 Г.

Подлежит включению в рукопись мемуаров Эразмо Сент-Джона «Голос, которого нет», публикация запланирована на весну 1959 г. («Рэндом Хаус»)

Лицевая часть:

СНЕГ-СНЕЖОК!

СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА!

ПРИВЕТ С ВЕСЁЛОГО МАРСА!

На обороте:

Привет, Цит.

Короче говоря, он отправился искать свою судьбу, а я пью один в канун Рождества, и мне больше

некому написать.

Я не знаю, любил ли он меня когда-нибудь, и я не знаю, что означает эта штуковина в его руке. Он ни разу не дал мне понять, что испытывает от нее боль. Не знаю, сильно ли она изменилась; он начал носить перчатки, когда мы жили в Нью-Йорке (какой же это был бардак! Шесть месяцев мы орали друг на друга посреди стен из бурого песчаника — это воспоминание ни один из нас больше не отважится выволочь на свет из дальнего чулана), и уже никогда их не снимал. Не показывал мне руку, как мальчишки не показываются отцам голыми после определённого возраста.

Не то чтобы я был его отцом. Я хотел им стать. Очень хотел. Это было бы… что ж, нет смысла приукрашивать правду. Это было бы похоже на то, как если бы у нас с Рин был свой ребёнок. Это несправедливо, нельзя такими вещами нагружать мальчишку, который перенёс травму, но мы все помещаем на плечи наших детей какой-нибудь слишком тяжёлый груз.

Оно двигалось, пока он спал. Я это помню по дням до перчаток. Оно двигалось, пока он спал, как будто под водой. Как будто плыло по течению, покоряясь невидимому приливу. Я однажды

его коснулся. Он болел, сильно болел — он часто болел в то время. Ничто ему не шло на пользу до Марса. Он потянулся ко мне в лихорадке, а такое случалось довольно редко. Я крепко его обнял и взял за руки, и почувствовал, как оно шевелится, касаясь моей ладони, словно что-то ищет. Может, добычу, может, выход, а может оно не могло дышать из-за моей прижатой руки. Но маленькие щупальца коснулись моей кожи, и это был единственный раз, когда я услышал голос Северин Анк после того, как «Моллюск» приземлился на Луне. Я ему не сказал. Как можно такое рассказывать ребёнку?

Кристабель шесть или семь лет назад получила русское гражданство и приехала на нашу маленькую красную планету. Полагаю, ты это предвидела, не так ли? Она умеет играть на фаготе. Я вообще-то не думал, что кто-то всё ещё играет на фаготе. Это инструмент из книг и поэм, инструмент дедов, которые несут вахту на носу одиноких, залитых звёздным светом кораблей. Во тьме пустыни он звучит жалобно и с добротой.

Неприкрытая правда такова, что после всего, случившегося в Адонисе, я не смог бы полюбить того, кто там не побывал.

Может, я попробую написать книгу. Посмот-

рим. Писатель из меня не очень. Если текста больше, чем на карточке для титров, мне это уже кажется расточительством. Я большую часть жизни провёл согласно закону немых лент: «Показывай всё, поскольку мало что можешь сказать». Но думаю, попробовать можно.

В Маунт-Пэнлай почти темно. Мой дом расположен так, что я могу наблюдать за кенгуру на красных равнинах. Кто знал, что этим забавным существам так понравится на Марсе?

РУКОВОДСТВО ИНЖЕНЮ

12 октября 1947 г., одиннадцать часов вечера
Салон Пеллам, Город Кузнечика

Моя дорогая Северин,

Ты должна знать, что я всегда хотела тебе всё рассказать. Ты заслуживала знать правду. Я просто не была уверена, абсолютно уверена, а стоит ли раскачивать лодку, если в этом нет необходимости?

О, до чего ужасно такое говорить! Я похожа на бабушку, а она к сорока пяти обзавелась вставной челюстью. И к тому же это отвратительная игра слов[94]. Ты всегда шлёпала меня по руке за такие каламбуры в твоём присутствии. Но я

---

[94] Примечания: 94

Непереводимая игра слов, основанная на том, что идиома rock the boat, помимо традиционного значения «раскачивать лодку», может употребляться и с сексуальным подтекстом.

знаю, моя маленькая притворщица, что они тебе нравились.

Я поселилась не где-нибудь, а на Миранде. На самом деле, тут красиво. Совсем не похоже на мой старый фильм. Таддеус снимал Миранду на Европе ради освобождения от налогов, и отснятый материал всё ещё выглядит потрясающе, но в нем нет ничего похожего на нежные синие холмы, заснеженные крыши и ярко-красные цветочки размером с каплю крови, которые растут здесь повсюду.

У меня теперь есть лошадь! Она на самом деле не лошадь. Лошади на Миранде цветом точь-в-точь абсент, гривы у них белые, а лапы почти как у львов. Мою зовут Клементина. Я подумывала назвать её Северин, честное слово, но это ещё более громоздкое имя для лошади, чем для маленькой девочки, пусть даже у лошади зелёные львиные лапы. Я купила её у одной леди с Миранды, с которой хотела бы тебя познакомить. Она приходит довольно часто, помогает присматривать за Клементиной, и проводит здесь всё больше времени. Такое вот происшествие случилось со мной на Миранде. Забавно, но она очень похожа на Лариссу Клаф из «Человека, который свергнул Тритона». Помнишь его? Мортимер вызывали в

какую-то задницу вселенной, чтобы расследовать заказное убийство, или что-то вроде этого. И всё завертелось.

Я ужасно по тебе скучаю. Я скучала по тебе так или иначе половину жизни. Бремя мачехи, видимо. Очень надеюсь, что я была не слишком уж злой. Ох, Севви, девочка моя, тут бывают ночи, когда в небе столько лун, что кажется, они вот-вот посыплются на траву и подкатятся прямо к твоему порогу, и мне больше всего на свете хотелось бы показать тебе свой домик, угостить чашкой чая и спросить: «Дражайшее моё сердечко, как у тебя дела, на самом деле?» И ты бы поведала мне про свой следующий фильм, и про Эразмо, и про то, насколько старомодны мои дурацкие акварели, и задалась бы вопросом о том, зачем красить гостиную в бледно-зелёный? Я бы приготовила тебе сэндвичи в точности как в «Савое». Ты бы бросила Клементине сырой огузок; она их особенно любит.

А потом я всё вспоминаю, и это слишком ужасно, чтобы передать словами.

Я всегда хотела тебе всё рассказать. Я по-прежнему не уверена, но… долой сомнения.

Севви, твой отец никого не убивал. Я думала, что убил; все так думали, пусть и не говорили

вслух. Чокнутый, жуткий, тупой как медведь Фредди Эдисон застрелил моего Таддеуса, а Перси не дал ему всё выложить, вылив на себя ведро краски и погубив свою репутацию, потому что… ох, один Господь знает, почему Перси так любил Фредди. Более недостойный человек ещё не рождался в этом мире. Фредди так поступил, потому что думал, что Пенни, его жена, спит с Тадом. Это и близко не было правдой, разумеется. Я это знала, но не могла сказать, что знаю, и я не понимала, почему Перси изрекает ложь, стоит ему открыть рот, и потому я… я сбежала. Знаю, мне надо было быть смелее. Но я пришла к выводу, что запас смелости у человека ограничен, и если его израсходовать слишком быстро, то к моменту, когда смелость и впрямь понадобится, тебя хватит лишь на то, чтобы послать всё к чёртовой матери.

Я знаю, что Тад даже не прикасался к Пенни. Тад вообще никогда не прикасался к женскому полу. Когда мне было двадцать или двадцать один, я пришла к нему домой за какими-то сценариями. Я появилась немного раньше или немного позже, уже не помню, но хорошо помню, как пышно цвела форзиция Тадди в том году. Она обрамляла его крыльцо чистым золотом. Я направилась

прямо к дверям, потому что я грубое и бесстыдное создание, и увидела, как он целует Ласло Барка на прощание. Они так мило выглядели вместе, словно два воплощения лета. Мы все застыли точно антилопы, почуявшие гиену. Я увидела, что они решили мне довериться, а они увидели, что я обещаю хранить их тайну; и это всё без единого слова. Мы провели отличный день, играя в кункен[95] и жалуясь друг другу на всякие вещи — два моих любимых занятия.

Я не рассказала ни одной живой душе. Таддеус про меня тоже знал, разумеется. На доверие отвечают доверием. Но я всегда была игривой маленькой наядой; я перелетала от мужчин к женщинам и обратно, и мне никогда не казалось, что это странно, я считала себя везучей. Могу прятаться лучше некоторых. Даже если для этого придётся лететь на далёкую, холодную, чёрную луну. Если ты дважды была замужем, сплетен можно не бояться. И никто из нас не забыл о том, как Элджернон-Бэ-Болван погубил Вадси Шевченко просто ради забавы. Ради того, чтобы продавался его жалкий журнальчик. Он бы с восторгом нагадил на могилу Таддеуса, чтобы потом

---

[95] Примечания: 95
Кункен — карточная игра.

всякий, говорящий о его фильмах, обязательно прибавлял: «О, так вы не знали? Иригарей был всего лишь отвратительным шалунишкой! А вы слышали, как он умер? Как по мне, туда и дорога таким, как он. Они всегда плохо кончают». Нет. Я не могла допустить, чтобы такое случилось с другом, правду о котором мне открыла форзиция.

О, ненавижу всех и вся. Тьфу ты.

Но меня тревожит причина, по которой Перси солгал.

Кажется, я вычислила, что к чему. Максин бы меня пристыдила. Она бы закатила свой единственный глаз и отчитала меня. «Ну как можно было потратить на это столько времени!» Итак, хватит ходить вокруг да около!

Перси солгал, потому что в заднем кармане у него была припрятана куда более крупная ложь. Дорогая, я всем своим видавшим виды сердечком верю, что Пенелопа Эдисон — твоя мать.

Я нашла в руке Таддеуса фотографию малышки, которая была ужасно похожа на тебя. Я ведь достаточно хорошо помню, какой ты была в детстве. Так что возникает вопрос: откуда он её взял?

Я думаю, что Пенелопа больше не могла молчать. Она той ночью выпила примерно сто тысяч «буравчиков», и ей нужно было с кем-то по-

делиться. Таддеус выслушивал исповеди всех девушек, с которыми работал. Он слушал, словно курносый и рыжеволосый бог, который всё исправлял. Ласло Барк за это его любил — не думаю, что до Таддеуса кто-то выслушивал исповеди Ласло. Он был слишком хорошеньким, чтобы люди его на самом деле слушали. В общем, я думаю, что Пенни показывала Таду фотографию, облегчала душу, и Фредди увидел, как они разговаривают, сопоставил Тада в компании Пенни с несколькими другими фактами, которые собрал за годы, утратил ластик, заменявший ему мозги, и бабах! А факты таковы: Фредди отправился на Сатурн, на Всепланетную выставку в Энума-Элиш. Его не было дома около десяти месяцев. Достаточно долго. Может, она выглядела по-другому, когда он вернулся. Может, ощущала себя иначе. Может, перестала хотеть общего с ним ребёнка. Я не знаю. Но он точно начал её подозревать задолго до той ночи на «Ахелоиде».

Дело в том, что выставка в Энума-Элиш проходила в 1914 году. А ты родилась в октябре того года.

Вот и все улики, какие у меня есть. Знаю, это немного. Перси и Фредди выросли вместе. Не в том смысле, что они лупили друг друга игрушеч-

ными пожарными машинками и ели песок бок о бок, но в том, что они были двумя юношами, которые прибыли на Луну в одной и той же ракете, оба неистово амбициозные, двадцатилетние и алкавшие заполучить весь мир. Даже когда Фредди сгнил, как старый банан, Перси всё равно продолжал его любить. Та часть души, которая выключает любовь, у Перси сломана. О, я знаю, ты так не думаешь. Семь жён, как-никак. Но это мы его бросили, а не наоборот. Даже ты. И он продолжает любить всех, кого когда-то любил, я это знаю точно, как знаю цвет собственных глаз. Просто дело в том, что настоящий, живой человек не может блистать, как неснятое кино. Наверное, любовь к Пенелопе была занозой в его душе, ведь он предавал друга. И если бы Фредди узнал, это бы убило Перси. Возможно, в буквальном смысле, учитывая обстоятельства.

Прежде чем ты спросишь: я уверена, что Пенни любила тебя. Её просто заело как пластинку, она застряла в истории, у которой не было хорошего конца.

Долгое время я считала гадостью то, что Перси не сказал тебе правды. Тебе-то он мог признаться! Но секреты куда прочней, чем угрызения совести. Ты так решительно настроилась доверить каж-

дую деталь своей жизни микрофону и объективу камеры. Ты настаивала на том, чтобы говорить, когда всем нам хватало тишины. Правда, реальность, дерзкая честность, смешанные в высоком бокале, со льдом — вот какой ты была.

Он бы когда-нибудь тебе признался. Уверена, он собирался это сделать. Как сделала я. Может быть, всем нам просто надо было почаще разговаривать, как взрослые люди.

Вот и всё, что у меня есть, Севви. Я надеюсь, что это письмо каким-то образом тебя найдёт.

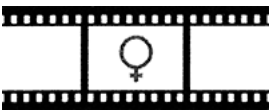
Клементина хочет отправиться на вечернюю прогулку. Луны восходят одна за другой, словно большие и бледные праздничные шары. Не говори никому, что я это сказала, но я тебя люблю и буду тосковать о тебе до самой смерти. Пусть ты не была моим ребёнком, но ты моя дочь, и за это стоит выпить, да не один раз.

Вернись домой, если сможешь.

Мэри

Из письма, обнаруженного в могиле Северин Анк

«СКОЛЬКО МИЛЬ ДО ВАВИЛОНА?»: ЭПИЗОД 974



Дата выхода в эфир: 2 сентября 1952 г.

Ведущий: **Генри Р. Чоудхари**

Веспертина Гиперия: **Вайолет Эль-Хашем (финальный эпизод)**

Тибальт Гайян: **Ален Мбенгу**

Невидимый Гусар: **Закария фон Лейпольд**

Доктор Груэл: **Бенедикт Сол**

Приглашённая звезда: **Мод Локсли в роли Глорианы, Королевы-Пантеры**

ВЕДУЩИЙ: Добрый вечер, слушатели, если там, где вы находитесь, и впрямь вечер. Подсаживайтесь ближе, налейте себе чашечку чего-нибудь вкусного и откиньтесь на спинку кресла в ожидании очередного эпизода любимой в Солнечной

системе истории о приключениях, романтике и интригах — «Сколько миль до Вавилона?» Празднуем наш тридцать третий год в эфире и в ваших сердцах! «Вавилон» является результатом совместного производства Всепланетной беспроводной вещательной сети Юнайтед/Юниверсал (Нью-Йорк, Шанхай, Титон) и «Би-Би-Си Радио», запись осуществлена в студии «Атлас», Лондон.

Сегодняшний выпуск вам представляют, как обычно, «Касталия — Фильтрация воды» — куда бы вы ни отправились, выпейте стакан воды со вкусом милого дома. Дополнительное рекламное сопровождение представляет компания «Аудумла» — приносим наше семейство качественных продуктов из мальцового молока на ваш стол, а вашу семью переносим к звёздам; ваши друзья из «Кока-Кола»; Ост-Индская торговая компания; а также корпорация «Эдисон Телерадио».

Ранее в «Сколько миль до Вавилона?»: наша героиня, Веспертина Гиперия, наконец-то сочеталась браком с возлюбленным Тибальтом в Чертогах Гипериона, ранее именовавшихся Зловещим Сералем доктора Груэла. Подружки невесты: два милых Мальцов ых кита. Букет невесты: звёзды.

ВЕСПЕРТИНА: О Тибальт, судьба моя, о которой

я так долго мечтала, испытаю ли я когда-нибудь счастье более сильное, чем сейчас, в твоих объятиях, когда вся Венера в безопасности и покое, и дитя наше спит здоровым сном в моём чреве?

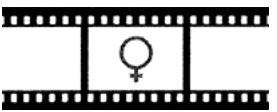
ТИБАЛЬТ: Знаю, что я не испытаю, судьбоносный мой фавн.

ВЕСПЕРТИНА: Но наше приключение не закончилось, верно? Ещё можно совершить много деяний и на многое осмелиться! Фонтан Памяти, Крепость Сорока Тысяч Желаний, Лагуна Драгуна! Вместе мы приведём каждое из этих мест в тёплые объятия Короны!

ТИБАЛЬТ: Ничто нас не остановит, даже смерть. Это наш дом навеки!

ВЕСПЕРТИНА: Сегодня ночью я усну в твоих объятиях, о чём мечтала столько лет. Ночной ветер залетит в наши окна и прошепчет сладостные обещания завтрашнего дня. Я усну, и мне приснится мир, который мы сотворили, когда наши взгляды впервые встретились, а руки впервые соприкоснулись. Прощай, Горе! Веспертина больше не твоя невеста!

«~~ТЁМНО-СИНИЙ ДЬЯВОЛ~~»
«~~ЧЕЛОВЕК В МАЛАХИТОВОЙ МАСКЕ~~»
«~~СОН МАЛЬЦОВОГО ДОКТОРА~~»
«И КОЛЬ ОНА НЕ УМЕРЛА, КАК ПРЕЖДЕ ТАМ ЖИВЁТ»: ДЕЛО О РАССКАЗЧИЦЕ, КОТОРАЯ ОПЯТЬ ВЕРНУЛАСЬ



Широкий угол. Установочный кадр. Медленный зум.

«Вальдорф — Белый Пион» сияет, как украшенный свечами торт. Ужин ждёт под серебряными куполами; всё готово, осталось лишь подать. Корзиночка с мятными конфетами загружена в кухонный подъёмник, её содержимое готово поцеловать каждую подушку аккуратной зелёной фольгой. Потолок разрисован, словно в странной часовне, и изображена на нём Венера, примиряющая троянцев с греками. Армии окружили болотце. Богиня баюкает одной рукой покрытое

синяками тело Париса, другой взывает о мире. Из раны у неё над сердцем течёт кровь, пропитавшая волосы. Это известная картина, хотя никто из ныне пользующихся благами отельного холла не смотрит вверх.

Длинный кадр охватывает лабиринты розово-кобальтового узора на роскошном ковре, блестящий рояль, вазы с пышными букетами цветов варуна и гардений, которые на самом деле не гардении. Шумная группа чужаков устроила настоящий переполох в Миртовом холле. Что за невоспитанность! Даже прохожие на утопающей в сумерках улице слышат этот шум и гам.

— Съели нас?! — кричит Арло Ковингтон, сертифицированный бухгалтер. Он бьёт кулаком по шлему водолазного костюма. Пейто и Эрзули Кефус испуганно отодвигаются; они помнят внезапный глухой удар, с которым их настигла смерть, и по-прежнему не выносят громких звуков. — Съели нас?!!

Каллиопа Беззаботный Кит держится молодцом. От подавленного возмущения и замешательства её нарисованный силуэт меняет цвет с бирюзового на чёрный, а потом — ультрамариновый.

— Прошу прощения, а как бы вы поступили,

если бы жареный цыплёнок влетел в окно кухни, улёгся на тарелку и сам себя разрезал вашими ножом и вилкой? Осмелюсь предположить, сэр, вы бы не устояли. — Она по-мультяшному краснеет, на китовых щеках опять появляются два пурпурных кружочка. — Вы вошли прямиком в меня, мистер Ковингтон. Что я, по-вашему, должна была делать?

Персиваль Анк гладит чёрные волосы дочери. Её киношная кожа мерцает и пропускает кадры. Они не стояли так близко друг к другу уже очень давно. Северин поджимает губы. Она с трудом может смотреть на съёмочную группу, которую потеряла. Она знает, что к чему, но её ещё не попросили признать это по-настоящему.

— А как же я? — Гораций Сент-Джон с огромным трудом встаёт, опираясь на изукрашенную драгоценными камнями трость. Его сломанные, перевязанные лентами ноги подгибаются. — Я не мог спать. Повинен в великом грехе бессонницы. Мой непростительный поступок состоит в том, что я вышел наружу, чтобы отлить, а не стал делать это в своей палатке.

Эразмо Сент-Джон кладёт широкую ладонь на спину кузена. Спина холодная; Эразмо это не беспокоит.

Каллиопа опускает голову.

— Ты был случайностью. Мы извиняемся — это всего лишь наше седьмое извинение за всю историю.

— О, перед Горацием извиняемся, а остальным — хренушки, вот как? — кричит Марианна Альфрик, и с её кожи слущиваются хлопья плесени, плавно летят во все стороны.

— Но что же со мной произошло? — молит Гораций. Его голос понижается до шёпота. — Я не помню, как умер.

— Что ты помнишь? — спрашивает Анхис.

— Вышел из палатки. Шёл через посёлок; дышал морским воздухом. Думал про оборудование для следующего дня. Продолжал идти — я решил, что в какой-то момент появится Раз, так что шёл медленно. Прошел мимо мемориала и увидел что-то за домами. За старой каруселью. Что-то зелёное. Вы же понимаете, на Венере зелени мало. Но там была зелень, и жёлтый солнечный свет, яркий как в полдень, и синяя вода. Это был пруд, окружённый высокой травой, голубыми колокольчиками и грибами, мягкими и влажными. Я опустил в воду руку и попробовал — она была свежая. Я подумал, что поплавать в несолёной воде будет здорово. И окунулся всего лишь на миг.

Мистер Бергамот с печальным видом отплясывает танцевальное па.

— Помни про спицу, — скорбно говорит он.

Каллиопа начинает объяснять.

— Мы удерживаем вместе бесчисленные миры. Когда один из нас умирает, края начинают истираться и расходиться. Миры истрёпываются, просачиваются друг в друга, улетают в ничто, выгорают. Когда мы уходим, остаётся дыра. Через такие дыры просачиваются другие места, оставляют отпечатки. Осколки тех мест застревают в наших остовах. Песни, которые никто раньше не слышал, фильмы, которые никто не видел, слова, незнакомые, как новые планеты. Другие голоса могут кричать из ниоткуда, осиротевшие голоса, отделившиеся от ртов, которые их породили. Голоса, которые начались в других версиях вас и затерялись внутри нас, и теперь они ищут путь домой. Ты увидел одно из таких мест. Если хочешь знать, это маленькое озеро за пределами Тонганокси, что в Канзасе. В этом месте нет ничего важного. В вашем мире его попросту не существует — ни Тонганокси, ни Канзаса, ни озера. Ты направился к нему. Однако твоё тело не вошло в заросли колокольчиков; оно разбилось на десять кусков о стены колодца на Венере. Но

приземлился ты прямо в яблочко, ибо к этому моменту размочалившийся край мира сам себя заштопал с тобой внутри. Ты больше не был на Венере. Ты утонул в Канзасе. Мы не существуем повсюду сразу. Мы всегда движемся. Наши части задерживаются, когда мы оставляем после себя след, подобный тропинке из хлебных крошек. Это как лестница. Какие-то наши куски остались в Адонисе после того, как мы разломали его на части в поисках своего детёныша. Арло вошёл в одну. Ты упал за край другой.

— Если позволите, — вмешивается мадам Максин Мортимер, снимая облегающий чёрный блейзер и бросая его на подлокотник абрикосовой тахты. — Эти маленькие междусобойчики проходят куда более гладко, когда мы позволяем логике главенствовать. Мы просто не можем допустить встречных обвинений до того, как полностью рассмотрим преступление и преступника. Мы должны разложить события на нашем рабочем столе, налить себе ещё стопочку шнапса и как следует их препарировать.

Анхис Сент-Джон проводит рукой в перчатке по волосам.

— Весьма согласен, мадам. Я ведь сказал, если припомните, что существует два возможных

решения. Ну что, по второму кругу?

— Можно я займусь баром, Анхис? — спрашивает Перси Анк. — Свои первые пенни я заработал барменом в Труро, до того, как сумел отложить денег на «Прыгающую корову»[96] и отправить свой зад на Луну.

— Что угодно для моего дедушки. — Анхис великодушно уступает. Цитера Брасс запрыгивает на барную стойку и усаживается там, болтая ногами как ребёнок. Среди усилившегося ворчания компания собирается возле бара.

Северин смеётся и протягивает бокал, чтобы его наполнили.

— Ты никогда мне не рассказывал, что мы корнуолльцы! И к тому же зайцы-безбилетники.

— Разве не в этом суть бегства с Земли? — мурлычет Перси, выпустив на волю корнуолльский акцент. Он так долго его прятал, что испытывает приятное ощущение, сбросив оковы. — Бросить себя, если ты себе не нравишься — а я не нравился. Создать нового человека там, где у старого коленки обтрепались. На том корабле я встретил Фредди. Он тоже убегал. Кажется, я забрался дальше, чем он. — Перси не может удержаться

---

[96] Примечания: 96

Отсылка к стишку из цикла «Сказок Матушки Гусыни», в котором корова запрыгнула на Луну (известному в русском переводе С. Маршака).

и, напоказ подбросив бутылку джина, ловит её у себя за спиной.

— Сделай ещё! — кричит Марвин Мангуст.

— Мы действительно корнуолльцы, мой бегемотик, — говорит Перси, наливая Мэри Пеллам и мадам Мортимер. — Хоть моя мать и была наполовину француженкой, а отец — наполовину идиотом. Твоя мать, разумеется, — он прочищает горло, — была из басков. Ну, наполовину. Её мать, кажется, была ливанкой. Вот такая она, карта твоей крови. — Он принимается быстро смешивать коктейли для Вайолет, Марианны, Арло, мистера Бергамота и Эразмо, действуя как опытный жонглёр. Легко переключается на голос, который Северин знала всю свою жизнь. — О, знаю, я не говорю как корнуоллец — забавно, до чего я в те времена был уверен, что мой голос чертовски важен. А потом пошёл и выбрал работу, во время которой надо помалкивать. Ох, славная была тишина! Вы знали, что теперь, когда Фредди умер, опять начали снимать звуковое кино? Это ненадолго. Ты, скорее всего, не в курсе, Ринни, но дядя Фредди два года назад взял да и застрелился. Его нашли на пляже. Ужасная история, но мне кажется, что я один сожалею. Мэри, ты не отнесёшь это Максу в угол? Спасибо, любовь моя.

Каллиопа получает свою чашу для пунша последней.

Анхис опять берёт слово.

— Теперь, когда антракт завершён, могу я попросить всех не терять головы? Знаю, у нас у всех в этом деле существенный личный интерес, но всё-таки давайте постараемся не говорить одновременно.

Мэри Пеллам залпом выпивает третий «Беллини».

— Я заметила в твоей теории дыру, мальчик, — говорит она.

— Ух ты, я тоже! — вопит Марвин Мангуст. Он подскакивает к Мэри, забирается по ней как по дереву, устраивается на макушке её золотоволосой головы, обвернув рыжий мультипликационный хвост вокруг её шеи. — Сначала ты, сначала ты!

— Излагай, Мэри, — говорит Анхис с улыбкой. Он хлопает ладонями и потирает их друг о друга.

Мэри отводит с лица шерсть Марвина и тыкает длинным пальцем в мальчика с Венеры.

— Ты не мальцовый кит.

— Отлично, дорогая! — восклицает мадам Мортимер.

— Я должен им быть? — Анхис многозначительно вскидывает бровь.

— Ну, это ведь очевидно, не так ли? Если эта фигулина на твоей ладони — маленький мальцовый кит, и всё случилось из-за того, что они искали своего малька, разве ты не должен быть чуточку больше похож на нашего мистера Кусто и малость меньше — на следующего ведущего актёра Перси? Без обид, Каллиопа.

— Да ну, что ты, никто не обижается, — отвечает Беззаботный Кит, сердито зыркнув.

— В чём состоит твоё возражение, Марвин? — интересуется Анхис.

— О, у меня его нет. — Мангуст хихикает. — Я просто хотел быть в вашей банде!

— Ты, в сущности, права, Мэри. Я не мальцовый кит. — Анхис начинает расхаживать по Миртовому холлу. На ходу ему лучше думается. — В самом деле, эта досадная деталь первой предупредила меня о том, что у нашей общей загадки имеется второе решение. Мне тридцать или сорок лет, в зависимости от того, считать ли время, которое я провёл в чистилище Адониса, и могу вас заверить, что не страдаю недугами или какими-то физиологическими отклонениями — помимо очевидных, к которым я вскоре подойду, — и лишь ожидаемыми психическими нарушениями, какие случаются с перенесшими травму

детьми, которые потеряли своих родителей, не считая тех, которые я сам себе причинил с помощью бутылки, распылителя или кинопроектора. Были времена, когда я желал всех этих вещей. Думаю, мне стало бы немного легче, превратись мои пальцы в газовые пузыри, наполненные молоком, зарасти мой рот вязкой плотью и обзаведись я дыхалом. В моей жизни появился бы смысл. Но правда совершенно иная. Вообще-то, в последние годы… — Тут Анхис снимает свою кожаную перчатку масляного цвета и демонстрирует открытую ладонь как кролика, вытащенного из шляпы. Собравшаяся компания громко ахает. Рука исцелилась. Ладонь пересекает грубый, некрасивый шрам, сморщенный, словно от пулевого ранения. Но это всё. Марианна глядит на собственные ладони, покрытые перистыми отростками, чьи кончики то сворачиваются, то разворачиваются. — Даже это последнее напоминание о том давнем утре, когда я нашёл умирающую конечность мальцового кита, такую несчастную, лежащей на пляже и… — Он умолкает, внезапно охрипнув. — Простите. Даже это напоминание исчезло. Как говорится, в чём прикол? Так я и пришёл ко второму выводу: я не мальцовый кит — но кое-кто в этой комнате им

точно является!

— Не смотрите на меня! — вскрикивает мистер Бергамот, от ужаса втягивая щупальца.

— Я просто озвучивала кита на радио! — Вайолет Эль-Хашем вскидывает руки.

— Ой, ну ладно — это я. — Северин Анк криво ухмыляется и кладёт одну руку на бедро.

— Привет, малышка, — говорит Каллиопа и машет ей синим плавником.

— Привет, мама. — Северин машет в ответ ладонью с растопыренными пальцами.

— Что с тобой случилось там, внизу? — с мольбой спрашивает Персиваль Анк. — Я должен узнать.

— Прошу тебя, Ринни. — Эразмо смотрит на неё снизу вверх, обиженный и растерянный, испытывающий боль, как от пули, засевшей в кости.

— Свет погас, — шепчет Северин. — Тьма на вкус была как молоко. Моё сердце превратилось в фотографию сердца.

— Я тебя не понимаю, дорогая, — говорит Эразмо.

Анхис садится за блестящий рояль в углу Миртового холла. Играет туш. Северин пересекает комнату. Стряхивает лётную куртку, приводит волосы в беспорядок. Забирается на крышку

чёрного рояля и плавным движением ложится поперёк. Одновременно с этим её мерцающая чёрно-белая кожа обретает цвет, платье становится переливающимся тёмно-зелёным, туфли — ярко-золотыми, а губы — краснее Марса.

— Как идёт ваша ночь, мисс С? — спрашивает Анхис, легко вживаясь в старую знакомую роль в салонном представлении, и пальцы его ласково беседуют с клавишами.

— О, неплохо, мистер А, — воркует Северин. — Я была немножко мертва, но очухалась.

— Рад слышать. У вас есть песня для всех этих одиноких сердец?

— Кое-что имеется. Называется «Блюз стержня квантовой стабильности». Хотите послушать?

— До смерти!

И Северин Анк начинает петь, глубоким голосом с хрипотцой, похожим на бурбон, который наливают в деревянную чашу.

Я встретила милого на дне морском,
Где не бывает солнца и тьма кругом.
Что мой милый,
О, что мой милый,
Делает со мной…

Северин перекатывается на спину, зелёные

блёстки пульсируют в лучах света.

Милый надел мне луну на палец,

Милый подал мне звёзды на блюде,

Папа говорил: хорошие девочки не колеблются,

Когда приходит милый,

О, когда приходит милый

И стучит в дверь.

— Я никогда такого не говорил, — ворчит Перси.

— Знаю, папа, это же песня, — шепчет Северин и прикладывает палец к красным губам. «Тсс».

Мой милый, он умирал без меня,

Его сердце было заперто, но я оказалась ключом.

Я сказала: мне пора.

Но милый сказал: нет.

О, нет, нет, нет.

Давай я покажу тебе, кем может стать хорошая девочка.

Северин грациозно соскальзывает с рояля и идёт через холл. Её зелёное платье снова делается чёрным, кожа — серебристой. Она садится на

колени Эразмо; запускает пальцы в его волосы. Тональность меняется, и Каллиопа начинает без слов выводить печальный контрапункт. Мистер Бергамот присоединяется.

Мы с милым плыли сквозь пенные волны,

И я всё вздыхала: как там мой малыш, что остался дома.

Как я могу бросить его, такого одинокого и грустного?

Кажется, хорошие девочки так не поступают.

Северин щёлкает пальцами. Прижимает костяшки снизу к подбородку Эразмо.

Но с моим милым не существует расставаний,

И если мне кто-то нужен, я легко могу его найти,

Так что, малыш, не надо терзаний:

Куда бы ты ни пошёл, мне с тобой по пути.

— Потому что я узловая точка, в которой соединяются все возможные реальности и нере-

альности, — чарующе мурлычет Северин. — Я существую в бесчисленном множестве форм по всей жидкой структуре пространства/времени, и ни собственная личность, ни причинно-следственная связь не имеют для меня никакого значения. — Она целует Эразмо, когда песня заканчивается. Слёзы текут по его щекам, скользят на подбородок, а оттуда — на её мерцающие пальцы-киноленты, где и сгорают. — Я тебя люблю прямо в челюсть.

Северин встаёт и кланяется. Марвин Мангуст бросает к её ногам гардении. Она протягивает руку отцу, тот берёт и прижимает к груди. Он всхлипывает, и плач его уродлив, но в этом нет ничего постыдного. Вообще-то во всём холле не осталось сухих глаз.

— Я в порядке, папа. Теперь всё в порядке.

Часть пятая:
КРАСНЫЕ СТРАНИЦЫ

Блеск колесницы, крыла воробьёв

Влекло через выси их слово твоё

Проворно реку небес рассекали

Крыла, перья их на ветру трепетали

Крыла воробьёв, колесницы сиянье

И скромная крыша ей пристанью станет

Моя, и сойдёт на неё королева

Вид мягок её и лицо безмятежно.

Сапфо. Гимн Афродите

В конечном итоге всё превращается в шутку.
Чарли Чаплин

ГЕРОЙ ДНЯ

13 июня 1971 г.

Послеобеденное солнце вежливо стучится в дверь Маунт-Пэнлай. На нём светло-оранжевое платье с красными пуговицами и золотым поясом.

Маунт-Пэнлай собирался стать крупным городом, но слегка сбился с пути. Свидетельства того, что его ждала более выдающаяся судьба, ещё можно увидеть: похожий на трезубец стеклянный отель, вздымающийся в центральном деловом районе; циклопические бронзовые статуи цилиней снаружи театра «Аньци Шэн», на навесе которого в этот день красуется: «Мистер Бергамот едет во Францию». Город расположен в китайском полушарии, питают его жизнерадостные каналы долины Мангала, не так уж далеко от огромного оранжевого конуса Никс Олимпи-

ка, славного вулкана размером с Болгарию, от которого никогда не бывает неприятно-стей[97]. Процветающие кенгуриные ранчо расположены тут и там в предместьях, и этим, в принципе, измеряется богатство в здешних краях — более привередливые люди просто не хотят жить так далеко от Гуань-Юй.

Или так близко к Энио, если уж на то пошло. До него всего пять километров по дороге.

Винченца Мако вежливо стучится в дверь большого и красивого дома. На ней, так уж совпало, такой же наряд, как и на солнце. Оранжевое, красные пуговицы, золотой пояс. Этот дом построил мужчина, которому нужно было место, где он попытался бы жить счастливо. Позади Винченцы торговцы манго и мороженым начали зазывать покупателей. Она немного нервничает. Она пришла с подарком: коробкой, в которой несколько бобин киноплёнки.

Анхис Сент-Джон открывает дверь. Настоящий Анхис Сент-Джон. Винче видела его лишь единожды, когда он был маленьким и не мог говорить.

---

[97] Примечания: 97

Никс Олимпика (лат. Nix Olimpica, в буквальном переводе — «Снега Олимпа») — название, под которым в XIX веке астрономам была известна марсианская гора Олимп, потухший вулкан, вторая по величине гора Солнечной системы.

Он вырос очень высоким, с буйной чёрной шевелюрой, в которой теперь видны седые пряди; вокруг глаз лёгкие морщины, нос крупный. Вообще-то он не отличается красотой — впрочем, у Винченцы завышенная планка из-за обилия красавцев на Луне, — но, по крайней мере, не лишён привлекательности.

— Винченца? — неуверенно спрашивает Анхис. Он человек, который не привык к компании, к встречам, к чужакам.

— Можешь звать меня Винче. Все так делают.

Анхис готовит для них ланч: стейк из кенгурятины, пышки и красное пиво. Они смотрят киноленту вместе в саду, где большая белая простыня заменяет проекционный экран. Анхис выращивает подсолнухи и луноцветы рядом друг с другом. Они растут наперегонки, выше забора, стремясь к небесам.

На карточке для титров написано: «Сияние».

Анхис молчит во время фильма. Изображения отражаются в его глазах, движутся в его радужках; тени и свет. Несколько раз он тихонько смеётся.

— Ну как тебе? — спрашивает Винче, когда всё заканчивается. Анхис выносит пирог с годжи и шоколадом и кофе на тарелках с нарисованными тропическими рыбками. Сверчки (которые на

самом деле не сверчки) жужжат и щебечут.

— Я не критик, — говорит Анхис, пожимая плечами.

— Да ладно. Он же про тебя. Ты должен иметь какое-то мнение.

— Ну… это ведь на самом деле не фильм, верно? Просто кусочки фильма.

Винче вздыхает. Накручивает волосы на руку, одним быстрым и отработанным движением сплетая их в тугой пучок.

— Перси не смог понять, как рассказать эту историю. Он так и не закончил — студия лишила его финансирования, и он просто… остановился. Конечно, на самом деле ни один фильм нельзя закончить, можно просто выключить камеру. Но пришло его время, чтобы уйти. Луна через какое-то время истощает твои силы. Интересно, ты догадаешься, куда он отправился, выйдя на пенсию?

— На станцию Белый Пион, — говорит Анхис, не промедлив ни секунды. — С Пенелопой Эдисон.

— Браво. Они живут в «Вальдорфе». Когда мы снимали там эпизоды с песнями и танцами, он сказал, что чувствует себя как дома. А после смерти Фредди она как-то незаметно вернулась ко всему, что было раньше. К Перси, к своей работе,

к самой себе.

— Вы ведь не будете выпускать его в прокат, верно? Сложное это дело.

— Нет студии — нет проката. Но он хотел, чтобы ты его увидел. Без зрителей фильм не существует. Если в кинотеатре показывают кино, которое никто не смотрит, звучит ли оно?

Анхис смотрит, как его луноцветы открываются один за другим, ночной ветер колышет их и заставляет распахивать лепестки, безупречные, белые, как проекционный экран.

— Вообще-то я действительно какое-то время был детективом. — Он встаёт, чтобы принести себе сигару, отрезает кончики, зажигает, снова садится. — На Каллисто. Хотя, думаю, вы это знаете. Я был тем и этим по чуть-чуть. Наверное, я всегда знал, что в конечном итоге окажусь здесь. Тут я был счастлив, с Эразмо. Тут я был в безопасности. Не думаю, что я часто это демонстрировал, но я был счастлив. Я позаботился о том, чтобы чертовски многое увидеть, прежде чем вернуться домой. Большую часть времени я был пьян и приложил все усилия к тому, чтобы на каждой планете получить по морде, но, так или иначе, свет я повидал. Я даже на Плутоне был, как в фильме показали. Вы хорошо изучили тему.

Винче улыбается и слегка пожимает плечами, словно говоря: «Спасибо, но ты понятия не имеешь, насколько хорошо».

— По правде говоря, Макс не так уж хорошо устроился, когда я его там разыскал. — Анхис Сент-Джон поворачивается к Винче, чтобы взглянуть ей прямо в глаза. Взгляд у него по-прежнему пронзительный. — Как вы узнали, что мальчишки называли меня Мальцовым Доктором? И про отросток на пляже?

— Ты помнишь маленькую девочку по имени Лада? Она была одного возраста с тобой.

Анхис трёт лоб. В уголках его глаз появляются слёзы.

— Простите. Я пытаюсь, просто…

— Не переживай. Господи, тридцать лет прошло, как-никак. Для тебя, э-э, даже больше. Семья Лады Чжао переехала в японский сектор примерно за шесть месяцев до последнего Фестиваля ореховых пирогов. Она вспоминала о тебе с большой теплотой. У неё есть фотография, на которой ты стоишь рядом с отростком. Она говорит, что просила тебя не трогать его.

— Её нет в фильме.

— Нам показалось чересчур очевидным, чтобы тебя предупреждал самый настоящий греческий

хор.

Анхис ложечкой размазывает мороженое по корочке своего пирога. Оно медленно тает. Он больше не носит перчатки. Его рука со шрамом загорела. Он ничего не говорит долгое время. Несколько койотов — на самом деле они не койоты, а этакие мохнатые стегозавры, у них два мозга и пластины на спинах — воют где-то на равнинах.

— Можно оставить киноплёнки?

— Конечно, можно.

— Я… мне нравится Анхис, которого вы сочинили. Он лучше меня. У него волевое лицо и миссия. И ему удалось встать рядом с Северин. Сыграть ей песню. То, как он говорил со всеми в конце… я бы так ни за что не смог. У меня с большими компаниями дело не ладится. Они меня пугают. Меня всё пугает. Кое-что я могу отпугнуть сам. В основном, кенгуру. — Он глядит на вечернее небо, очень синее и усеянное звёздами. — Я бы хотел, чтобы этого не случилось, Винче. Я бы хотел сделаться ныряльщиком. Я бы хотел заботиться о своих родителях в старости. Иногда я даже сожалею о том, что не переехал на Землю, чтобы не есть эту дрянь каждый день. — Он взмахом руки указывает на мороженое, сделанное из мальцового молока марки «Притхви Преми-

ум». — Но раз уж всё случилось, мне нравится ваша версия больше той, которая вышла у меня. Хочу сохранить этого Анхиса. Буду надевать его по воскресеньям. Он, в конце концов, нашёл ответы. Я их тоже приму, раз уж не смог отыскать собственные.

— У него их было два. Голосование мы так и не сняли. Какой ты выбираешь?

Анхис Сент-Джон доедает пирог. Со стороны дорожки, ведущей к дому, слышатся чьи-то мелодичные голоса.

— Да что тут выбирать? — говорит он. — Эразмо и Кристабель придут через минуту. Они всегда приносят джин. Хотите остаться на ужин?

Винче берёт его обеими руками за кисть со шрамом. Стискивает.

— Очень хочу.

ПРОЩАЙТЕ

Посмотрите на ваши руки. На свет на них. На свет, который суть маленький мальчик с запрокинутой головой, что ходит кругами по вашей ладони. На вашу линию жизни. На вашу линию сердца. На него.

Один из членов съёмочной группы бреется, глядя в зеркало, прибитое к какаовому дереву. В зеркале он видит мелькнувшую Северин и резко поворачивается, чтобы поймать её, поцеловать и испачкать её лицо в креме для бритья. Она смеётся и бьёт его по руке — он отстраняется, изображая карикатурные мучения. Это милая сцена. Вы её уже видели. Вы её ещё увидите. Вы держите в руках лучшее, что от неё осталось.

Не существует такой вещи, как концовка. Не существует ответов. Мы собираем те кусочки, какие можем, как одержимые складываем их то так, то этак, ищем картинку, которую нам суждено получать лишь по частям. И мы

цепляемся за эти части. Части, которые были ею. Части, которые были вами. Вашей грудной клеткой, вашими рёбрами, вашими коленями. Местом, куда вошло её последнее изображение и где оно осталось. Мы попытались закончить работу Персиваля — найти Грааль, задать правильный вопрос. Но в некоторых версиях легенды Персивалю придётся потерпеть поражение, а значит, та же участь ждёт и нас, ибо история о Граале — это история о поражении, и всегда ею была. Он не закончил свой фильм. Мы не смогли закончить за него. Нет никакой элегии, посвящённой Северин Анк, которую покажут в ближайшем кинотеатре.

Но есть реликварий.

То, что вы увидели в этой комнате, погружённой в тени, в этом тихом углу Всепланетной выставки, куда каждый камешек послал своих представителей, чтобы встать под знаменем и помахать, представляет собой тело Северин Анк. Все её кусочки, выложенные на всеобщее обозрение. Они не живут — мы не Виктор Франкенштейн и не желаем им становиться, — но с виду напоминают женщину, которую мы когда-то знали. Посмотрите на неё.

А теперь посмотрите на мою руку. Я её под-

ниму. И взгляните на ваши руки. Сколько из вас носят перчатки? Одна перчатка? Две? Всё больше и больше с каждым годом. Ибо космос не просто гладкая и тёмная субстанция, что перетекает меж нашей землёй и утренней звездой — звездой Люцифера, вечно бунтующей против небесного порядка. Он густой, он раздутый, его разорванные протеины так и носятся в черноте, словно пена — словно молоко, разлитое меж звёзд. И в этом квантовом молоке сколько пузырьков могут появиться и лопнуть; сколько неудачных вселенных, зачатых вечно спящими матерями, могут пышно разрастись и взорваться? Может, Венера — это якорь, где встречаются все формы волн в сияющем алом море, где молоко творения взбивается в пену, и мы по незнанию своему всё разграбили и с жадностью проглотили. Может быть, в каждой капле молока спрятан мир, высосанный из груди перламутрово-блестящего существа, похожего на кита. Может, в одном из этих миров Венера похожа не на богатую водоёмами сестру Эдема, а на далёкий ад из пара и камня, безжизненный, обожжённый. Может быть, вы выпили молоко этого мира — или оно досталось мне, и желудок мой его уничтожил. Может быть, пенка вероятностного молока,

что капает из рта младенца — это всё, что отделяет наш мир от других. Может быть, жители посёлка Адонис выпили так много первоначального молока, что уподобились великим матерям.

Во снах ко мне приходит море. Всегда — лишь море.

Может быть, мы все — лишь кусочки. Но мы соединяемся друг с другом, творя нечто, напоминающее пролог.

Ступайте на Выставку. На свет. Вдохните лунный воздух. Ешьте, пейте и будьте счастливы, ибо вы достигли конца — который на самом деле не конец.

«ВОЮЩИЙ» И «ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРА»

КИНОПЛЁНКА, СНЯТАЯ В ЭНИО, НА МАРСЕ

ИНТ. Кинотеатр. Сиденья излучают свечение — темно-красное, как сердце. Ангелочки с головами рыб обрамляют экран. СЕВЕРИН АНК сидит в одном из кресел, вся мокрая. Она выглядит сбитой с толку, расстроенной. Она дрожит, её зубы стучат. Она поворачивается, пытаясь увидеть, есть ли в театре ещё кто-то, но больше никого нет. Когда она снова садится прямо, на соседнем месте оказывается мистер Бергамот, зелёный мультяшный осьминог в гетрах и с моноклем.]

СЕВЕРИН

Дядя Толмадж?

МИСТЕР БЕРГАМОТ

Увы, нет. Но это мое самое любимое тело из всех, которые ты помнишь. Мне нравятся его от-

ростки. [МИСТЕР БЕРГАМОТ машет щупальцами.] Можно угостить тебя попкорном?

СЕВЕРИН

Кто ты такой?

БЕРГАМОТ

Тот, за кем ты пришла. Ты сунула чертовски огромную камеру мне прямо в лицо, помнишь?

СЕВЕРИН

Мне жаль.

БЕРГАМОТ

Врушка.

СЕВЕРИН

Мне жаль, что я причинила тебе боль.

БЕРГАМОТ

Нам и без того было больно. Хочешь кино посмотреть?

СЕВЕРИН

Ещё бы.

[На огромном экране начинается фильм. Камера ныряет со звездного неба к поверхности Плутона. Это не наш Плутон. На нём нет ни цветов, ни городов, ни светящегося, словно карусель, моста к Харону. Этот Плутон совсем маленький, без атмосферы, покрытый кратерами, похожими на волдыри. По голым камням идёт МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА. Волосы у неё белые, вместе с ними из кожи головы растут бронзовые водоросли. Кожа на вид как расцарапанный лёд. Она плачет. С подола её платья капает кровь.]

СЕВЕРИН

Кто она?

БЕРГАМОТ

Это я. Мой дебют на большом экране. Мальцовые киты живут во всех местах, которые были или будут существовать. В каждом месте, где есть жизнь, мы выглядим по-другому. Думай об этих местах как о съёмочных площадках, если

так проще. Огромных, бесконечных, замкнутых реальностях, где возможно что угодно, но действия, — совершённые в, скажем, «Атомных всадниках с Марса» или Вселенной 473-а, — не влияют ни на какой другой мир — допустим, Вселенную 322-цэ или «Девушку, которая рассмешила Судьбу». Сто миллионов съёмочных площадок — большая такая студия. Всё существование целиком.

На твоей площадке мы — мальцовые киты. Вариант, как выяснилось, не совсем удачный. Наше молоко не предназначалось для того, чтобы из него делали мороженое. Через шесть-семь поколений люди будут выглядеть очень интересно. Но мы не вмешиваемся. Мы не сопротивляемся ходу событий ни на одной из съёмочных площадок.

На другой площадке мы похожи на горы. Это безопаснее. Ещё в одной мы — несколько молотков в сарае одного конкретного плотника. Плотнику больше всего нравится сандаловое дерево. Он не знает, почему ни разу не воспользовался этими конкретными молотками. На площадке, которую ты видишь сейчас, мы выглядим как она.

СЕВЕРИН

Что с тобой случилось?

БЕРГАМОТ

Что со мной случилось, то случилось на совершенно другой съёмочной площадке. Там мы выглядим как красный цвет. Я тяжело за-болел. В этом никто не виноват. Никто ничего не сделал, чтобы это случилось, по крайней мере, не специально. Для нас причинно-следственная связь лишена смысла. Корова перевернула горшочек с клеем — может, это убило мальцового кита. Может, не убило, но убьёт через полтора миллиона лет с этого момента. Я начал кашлять. Мой кашель породил эхо, а оно — собственное эхо. Ты тоже болеешь — представь себе, что у меня корь. Я молод; те из нас, что посильнее, ее бы даже не заметили. Я убежал от своей болезни. В том месте я перестал бежать. Я так устал.

[МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА падает на каменистую почву плутоновской пустоши. Сцена изменяется. МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА падает на марсианскую землю. И этот Марс тоже отличается от нашего Марса. Кенгуру не купаются в лучах солнца на

горе Пэнлай, нет ни продавцов манго, ни лунноцветов. Ничего, кроме пыли и красного неба. Воздух ядовит. МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ползёт, впиваясь ногтями в камни. Её настигает медленная смерть. Она умирает с плачем и криками. К концу её рот полон красной пыли.]

БЕРГАМОТ

Там я умер.

СЕВЕРИН

[прищуривается] Это что, долина Мангала?

БЕРГАМОТ

Да. Но другая долина Мангала. В том месте, которое я тебе показываю, жить можно только на Земле.

[Камера демонстрирует Солнечную систему без электрических огней — светится только один мир. Тёмный Марс, Нептун, Венера, Луна, и все они на много, много миль дальше, чем известно нам. Никакого Восточного Экспресса, никакого Большого Центрального Вокзала, никаких ярких пушек, стреляющих во тьму. Все миры мёртвые

и пустые, без воздуха, океанов, рек и деревьев. СЕВЕРИН прижимает ладони ко рту.]

СЕВЕРИН

Ох… О Господи. Какое ужасное, одинокое место. Ни бизонов, ни Энки, плывущего в океане, ни цирков на Сатурне, ни кино на Луне. Как может мир быть таким? Как они могут в нём жить?

БЕРГАМОТ

Ты когда-нибудь видела кинофильм?

СЕВЕРИН

Издеваешься.

БЕРГАМОТ

Но ты ведь знаешь, как выглядит кинофильм?

СЕВЕРИН

Мы в загадки играем?

БЕРГАМОТ

Кинофильм — это лента. Длинная, длинная

лента, на которой тысячи картинок. Каждая чуть-чуть отличается от другой, и потому, когда просматриваешь картинки очень быстро, они как будто движутся. Но когда фильм идёт, тысячи картинок по-прежнему остаются на ленте. Они просто кажутся одной картиной. Существует миллион миллионов кадров, каждый из которых лишь чуть-чуть отличается от соседних, и мальцовые киты движутся сквозь эти кадры, как ожог от сигареты в углу экрана. Каждый кадр — это мир, это вселенная. В одних полным-полно пантер. В других все постоянно танцуют. Некоторые так печальны, что, сдаётся мне, поглядев на них, ты бы расплакалась и не могла остановиться, ибо они намного печальнее этого мира с его перенаселённой Землёй. Ты, Венера, твой возлюбленный, твой корабль, Луна и твой отец — всего лишь один кадр, и кадров этих куда больше, чем двадцать четыре в секунду.

В этом кадре всего один живой мир. И вот тут я умер. Иногда во время смерти мы производим много грязи. Части моего тела разнесло по всем возможным реальностям. Там чешуйка, тут воздушный пузырь, отросток на пляже возле посёлка под названием Адонис. На протяжении смерти меня сотрясали конвульсии. Заболев, я дрожал

в лихорадке, и моя лихорадка приключилась не только на этом Плутоне, но и на известном тебе, в городе под названием Прозерпина. Когда я умирал, я кричал от боли, и мой крик слышали не только на этом холодном Марсе, но и в городе под названием Энио. Когда мы болеем, то забываем о приличиях. Мне стыдно.

СЕВЕРИН

Если ты умер, как же мы разговариваем? Я мертва?

БЕРГАМОТ

Я бы предпочёл, чтобы ты не была мёртвой.

СЕВЕРИН

Речь о нас обоих, дружок.

БЕРГАМОТ

Этот осьминог, что сидит рядом с тобой, просто часть моего тела, вынесенная на берег, как и прочие. Он в конце концов растворится, как и остальные. Я бы хотел, чтобы ты смогла остаться навсегда с нами, здесь, на дне морском.

СЕВЕРИН

Но я не могу. Мне надо обратно. Есть люди, о которых я должна заботиться.

БЕРГАМОТ

Ты испарилась в момент контакта. Ты не можешь отправиться назад, только вперёд. «Назад» и «вперёд», в любом случае, бессмысленные слова. Но ты по-прежнему можешь заботиться о тех, кто тебе дорог, если хочешь.

Ты не понимаешь, что такое мальцовый кит. Ты никогда не видела мир так, как видим мы. Кое-где мы выглядим как камера. Как глаз, который делят между собой три женщины. Как история о том, как увидеть и быть увиденным.

[На экране парад изображений и сцен, накатывающих друг на друга, словно волны. ЭРАЗМО в маленькой комнате с эспрессо, на его лице — мука, гнев и изнеможение. МЭРИ ПЕЛЛАМ спит рядом с зелёным существом с львиными лапами. МЭРИ — ребёнок в Оксфорде. ПЕНЕЛОПА оставляет корзину на ступенях большого особняка. ПЕРСИ и ВИНЧЕ спорят из-за сценария,

плавая голышом в одном из лунных озёр. ПЕРСИ и ФРЕДДИ ссорятся; ФРЕДДИ убегает с пистолетом ПЕРСИ, стреляет в ТАДДЕУСА ИРИГАРЕЯ, плачет. МОД ЛОКСЛИ и ЭЛДЖЕРНОН Б. смывают кровь с пола. ЭРАЗМО и АНХИС едят печенье на Марсе, смеются. ЭРАЗМО и КРИСТАБЕЛЬ утром бегают трусцой вместе. МАРИАННА спит в морфиновом тумане. МАРИАННА поёт дракону САНЧО ПАНСЕ в лучах обжигающего солнца. СЕВЕРИН, очень маленькая, пытается понять, кто кому рассказывает историю. И много ещё сцен проносится мимо, целые миллионы. Войны, которые в одной вселенной происходят раньше, в другой случаются позже, но всё равно происходят. Огромные ракеты вместо аэропланов; битвы, растянувшиеся из-за транзитных окон и орбит, пока строй флотилий не разваливается на части, которые дрейфуют в ночи; больше и больше; человеческие тела стремятся дальше, за пределы Солнечной системы, наполняясь молоком и звёздным светом, пока из их пупков не прорастают молодые побеги папоротника, на которых раскрываются цветы; праправнуки играют с КЛАРОЙ, не понимая, чем она когда-то являлась; и так далее; пока СЕВЕРИН не начинает плакать; пока она не прячет лицо в ладонях.]

БЕРГАМОТ

Выше нос, рыбка-ёжик. Просто набери воздуха, сделайся больше размером, чем твоя печаль — испугай её, пусть бежит прочь. Только так и можно жить в этом ужасном старом океане.

[СЕВЕРИН поднимает голову. Она смеётся.]

БЕРГАМОТ

Почему ты смеёшься?

СЕВЕРИН

Я просто… Мне бы так хотелось, чтобы ты повстречался с моим отцом. Я бы хотела ему сказать, что дело и впрямь в ледяном драконе, как ни крути. [Она вытирает глаза.]

Ну ладно, мистер. Включай меня в это кино.

БЛАГОДАРНОСТИ

«Сияние» началось очень просто, с желания написать о том, каково это — расти дочерью создателя кинофильмов. Хотя мой отец в конечном итоге ушёл в рекламу, его страстное увлечение оказало глубочайшее влияние на моё детство. Но каким-то образом эта задумка по ходу дела отрастила щупальца и росла (росла и росла) на протяжении семи лет. За такое время даже самое маленькое существо наберёт множество долгов.

Я от всей души благодарю: Дмитрия, который попросил написать историю, действие которой происходит в мире водной Венеры; Нила Кларка, который опубликовал рассказ, который хотел вырасти большим и сильным с первой строчки; моего агента Говарда Морхайма и моего редактора Лиз Горински за то, что кормили роман шпинатом; Винтера и Файер Ташлин за часы, проведённые в моей гостиной и потраченные на проработку странных и непокорных путей, которыми могла бы развиваться история девятнадцатого века; и Кэт Говард за то, что подарила мне свежий взгляд. Я кланяюсь всем классикам

научной фантастики, которые вообразили миры нашей Солнечной системы, какими они не были, но могли бы быть — в особенности это касается Роджера Желязны.

Эта книга обязана Хиту Миллеру большим, чем можно признаваться в присутствии других людей. За перечитывания снова и снова, за выслушивание того, как я опять и опять твержу, что всё получается ужасно, за театральные консультации и структурные советы (я слыхала, что мамочка настоящий мастер в том, что касается структуры), за полуночные сэндвичи с фрикадельками и бесконечные запасы каталожных карточек ему выражается моя вечная благодарность. Я тебя люблю прямо в челюсть.

И, наконец, спасибо тебе, папа, за кино моей жизни.

* * *

Переводчик благодарит Аркадия Путилина за помощь в работе над эпиграфом к «Красным страницам».